

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2025, Том 5, № 8

Подписано к публикации: 21.07.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-8

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2025

Содержание

Ветлужских М.А. Теоретические аспекты формирования медиаобраза, типология и характерные признаки	5-10
Володина О.В. Лингвокультурные особенности современного шотландского детектива при переводе на русский язык	11-16
Горохов А.А. Использование иноязычной лексики в художественном стиле (на материале английского языка)	17-22
Давыдова К.В., Соболева Е.А. Трансляция прецедентных феноменов в переводе романа Дженнифер Иган «Время смеется последним»	23-30
Косоножкина Л.В., Герасимова Н.И. Универсальный характер эллиптических одночленных ответов в вопрос-ответных диалогических единствах в современных языках мира	31-37
Ши Линь Роль синтаксических средств в характеристике героев (на примере романа М.Л. Степновой «Сад»)	38-43
Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П. Лингвокогнитивный анализ терминологической системы международного воздушного права	44-50
Миретина М.С., Зарубина А.А. Языковые особенности неформального студенческого онлайн-дискурса (на материале итальянского и французского языков)	51-60
Смирнова В.В., Никитина О.Л., Жилина И.А. Сравнительно-сопоставительное изучение языковых лакун на примерах английских и русских глаголов	61-67
Ли Цзявэй Исследование стратегий ответа во взаимодействии «вопрос-ответ» в китайском дипломатическом дискурсе с точки зрения конверсационного анализа	68-77
Каракуц-Бородина Л.А., Салихова Э.А. Стратиграфия набоковского синтаксиса: о сущности одного стилистического приема Владимира Набокова	78-86
Сяо Жоу Сравнительное исследование синтаксических особенностей переводного и оригинального языков: на примере китайских и русских романов	87-97
Быданцева А.Н. Значимость английского языка для юристов в эпоху глобализации: от профессиональной коммуникации до карьерных возможностей	98-104
Куликова О.Ф. Образы птиц в произведениях Наринэ Абгарян	105-109
Ли Фэн Символика зоонимов «волк» и «медведь» в русском песенном жанре: лингвокультурологический аспект	110-113
Морозов Д.Л. Образ «водной девы» в творчестве Э. Мёрике: между мифом, психологией и социальной критикой	114-118

Пономарев П.А.

Особенности перевода произведений Джоан Роулинг на русский и французский язык (на примере книги «Гарри Поттер и кубок огня») 119-125

Суфэйнуэр Сайфудин

Особенности татарского языка в Китае и угроза его исчезновения 126-139

Токарчук И.Н.

К вопросу о разграничении наречий и частиц (на примере слова «буквально») 140-148

Уракова А.Д., Болотова Е.В.

Лексический аспект оппозиции «свет – тьма» в англоязычных газетных изданиях “The Times”, “The New York Times” 149-154

Вихрова К.А.

«Божий огонь»: религиозно-философские источники огненной образности в романах Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» и «Дорога» 155-160

Середенко В.М., Вьюнов А.С.

Подходы к определению понятия манипулятивного дискурса в современной лингвистике 161-166

Карелова О.В.

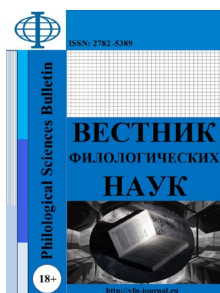
О поэтическом дискурсе произведений «северных поэтов» в период становления многостороннего мироустройства (на материале произведений русскоязычных и англоязычных поэтов-северян XX-XXI вв.) 167-174

Куликова О.Ф.

Портретные описания в романе «Симон» Наринэ Абгарян 175-179

Колмогорцева А.А.

Территориальный брендинг как фактор развития туризма в России: опыт продвижения регионов Алтая и Северного Кавказа 180-186

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.774:070

¹ Ветлужских М.А.

¹ Московский педагогический государственный университет

Теоретические аспекты формирования медиаобраза, типология и характерные признаки

Аннотация: в данной статье подробно рассматриваются теоретические основы формирования медиаобраза как одного из ключевых элементов в контексте современного информационного общества. Медиаобраз представляет собой сложное и многогранное явление, которое охватывает как традиционные, так и современные цифровые медиа-форматы. Эти форматы стали результатом значительных изменений, произошедших в коммуникационных процессах и технологиях, что, в свою очередь, влияет на восприятие информации в современном обществе. Статья выделяет основные теоретические подходы к детальному анализу медиаобраза, включая его социокультурные, психологические и философские аспекты. Важно отметить, что каждый из этих аспектов играет ключевую роль в осмыслении медиаобраза как явления. Особое внимание в работе уделяется типологии медиаобразов, где различные категории рассматриваются через призму их когнитивного воздействия на аудиторию, что позволяет глубже понять, каким образом медиаформаты формируют общественное мнение и восприятие действительности. В данном исследовании произведен обширный обзор существующих научно-теоретических положений, а также даны авторские выводы. В результате работы проведен анализ того, как медиаобразы влияют на формирование идентичности, общественных отношений и культурных изменений в современном мире.

Ключевые слова: медиаобраз, общество, массмедиа, типология, медиасфера, коммуникация

Для цитирования: Ветлужских М.А. Теоретические аспекты формирования медиаобраза, типология и характерные признаки // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Vetluzhskikh M.A.

¹ Moscow Pedagogical State University

Theoretical aspects of media image formation, typology and characteristic features

Abstract: this article examines in detail the theoretical foundations of the formation of a media image as one of the key elements in the context of the modern information society. The media image is a complex and multifaceted phenomenon that encompasses both traditional and modern digital media formats. These formats are the result of significant changes in communication processes and technologies, which, in turn, affects the perception of information in modern society. The article highlights the main theoretical approaches to the detailed analysis of the media image, including its socio-cultural, psychological and philosophical aspects. It is important to note that each of these aspects plays a key role in understanding the media image as a phenomenon. Special attention is paid to the typology of media images, where various categories are viewed through the prism of their cognitive impact on the audience, which allows for a deeper understanding of how media formats shape public opinion and perception of reality. This study provides an extensive review of existing scientific and theoretical provisions, as well as author's conclusions. As a result of the work, an analysis of how media images influence the formation of identity, social relations and cultural changes in the modern world is carried out.

Keywords: media image, society, mass media, typology, media sphere, communication

For citation: Vetluzhskikh M.A. Theoretical aspects of media image formation, typology and characteristic features. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 5 – 10.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

В современном информационном пространстве, характеризующемся стремительной цифровизацией, особую актуальность приобретает изучение феномена медиаобраза. С началом нового тысячелетия научное сообщество значительно активизировало исследовательскую деятельность в этом направлении, формируя многоаспектный дискурс о сущности и функциях медиаобраза. Концептуализация понятия "медиаобраз" происходит параллельно с трансформацией медиасреды и коммуникационных практик. Интересно отметить, что до XXI века данный феномен рассматривался преимущественно в контексте традиционных СМИ, однако цифровая революция существенно расширила границы его понимания.

Теоретическое осмысление медиаобраза становится фундаментальным компонентом в междисциплинарных исследованиях, объединяющих медиакоммуникации, журналистику, социологию и культурологию. Комплексный характер данного явления отражается в многообразии методологических подходов к его изучению, предлагаемых различными научными школами. Исследователи подчеркивают полисемантическую природу медиаобраза, их способность функционировать одновременно в нескольких измерениях социальной реальности. Данная особенность делает этот феномен центральным объектом изучения в контексте формирования информационного общества и новых моделей восприятия контента [9].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался теоретический и сравнительный анализ для изучения аспектов формирования медиаобраза, его типологии и характерных признаков. Комплексный синтез информационных данных является ключевым этапом исследования. Интегрируя разрозненные элементы медиаконтента, было оценено совокупное воздействие медиаобраза на когнитивные и эмоциональные аспекты восприятия аудитории. Также сравнительный анализ занимает особое место в методологической иерархии. Сопоставление медиаобраза из различных источников информации или временных периодов позволяет выявить эволюционные тенденции, идентифицировать значимые трансформации и прогнозировать дальнейшее развитие коммуникационных стратегий.

Результаты и обсуждения

Анализируя происхождение концепции «медиаобраз», важно отметить её комплексный характер, находящийся на пересечении теории медиа и семиотики. Избирательное толкование реальности, а не её механическое копирование, происходит в процессе формирования медиаобраза. По мнению Н.Л. Фишера, этот феномен представляет особую форму отражения действительности, которая передается через различные каналы массмедиа с применением разнообразных систем знаков. Фишер акцентирует внимание на том, что восприятие и качественные характеристики медиаобраза напрямую зависят от типа и вида медиа. В своем определении он включает средства создания медиаобраза как неотъемлемую часть его характеристики. Кроме того, информационная модель реальности трансформируется в зависимости от новых способов представления информации. В рамках избранной исследователем методологии, ментальный объект представляется частью информационной картины реальности, подчеркивая его познавательные и контекстуально-обусловленные аспекты [10].

Исследователь Н.Ю. Ланцевская развивает концепцию медиаобраза как комплексного механизма, функционирующего на различных уровнях восприятия. Она отходит от упрощенных трактовок, предлагая рассматривать медиаобраз через призму системного подхода. Важно подчеркнуть, что такой подход позволяет охватить всю полноту взаимосвязей внутри данного феномена. "медиаобраз должен транслировать культурные, природные, символические доминанты места и прочее" – это ключевое положение в концепции Ланцевской демонстрирует, что медиаобраз выступает не просто как отражение реальности, но как активный транслятор смыслов. В этом контексте особенно важна способность медиаобраза аккумулировать и передавать многослойную информацию о представляемом объекте. Многофункциональность медиаобраза проявляется в его способности одновременно выступать носителем идентичности, инструментом формирования общественного мнения и механизмом культурной трансляции. Данная трактовка существенно расширяет понимание роли медиаобраза в современных коммуникативных процессах и открывает новые перспективы для дальнейших исследований в этой области [5].

Кардинально пересматривая традиционные взгляды на международные отношения, концепция Е.Н. Богдана представляет иерархическую трехуровневую типологию. В основании этой структуры располагается наиболее личностно-ориентированный компонент – смысловой вид медиаобраза. Индивидуальное восприятие информации, уникальные эмоциональные отклики и персональные интерпретативные механизмы формируют этот фундаментальный уровень. Каждый последующий слой в типологии Богдана не просто надстраивается над предыдущим, но интегрирует и трансформирует его, создавая комплексную систему понимания международных отношений. Субъективность максимально проявляется именно на базовом уровне, где психологические особенности, мотивация и личный опыт индивида играют определяющую роль в формировании смыслового компонента. Более глубокий уровень – понятийный вид медиаобраза – характеризуется комплексной структурой взаимосвязанных суждений, ценностных систем и культурных парадигм. Символические конструкции, лежащие за явно выраженными психологическими реакциями, обеспечивают целостность и логическую последовательность воспринимаемого контента. Триаду завершает знаково-символический вид медиаобраза, который объединяет разрозненные компоненты в единое целое. Этот уровень синтезирует все текстовые, визуальные и звуковые символы, позволяя аудитории воспринимать медиаобраз как неделимое целое. В коммуникативном пространстве наблюдается синхронное взаимодействие всех трёх компонентов типологии медиаобраза, формирующих комплексную систему информационного восприятия. Стратегические подходы современных медиа целенаправленно интегрируют каждый уровень для оптимизации влияния на аудиторию, к которой обращено сообщение [1].

В современном информационном пространстве концепция медиаобраза вызывает множество дискуссий среди исследователей. Особый интерес представляет критический подход к данному феномену, предложенный в работах С.В. Григоряна, который существенно расширяет традиционное понимание медиарепрезентаций. Исследуя природу медийных конструктов, Григорян выделяет три фундаментальных измерения медиаобраза, формирующих его многогранную сущность. Прежде всего, ученый определяет манипулятивный потенциал медиаобраза как «инструмент трансформации событий», способный создавать у публики искаженные представления о действительности. Эта характеристика становится центральной в его критической концепции. Помимо манипулятивной функции, которую автор считает наиболее проблемной, Григорян рассматривает медиаобраз как «форму отражения реальной действительности», подчеркивая его репрезентативную природу. Однако в отличие от более оптимистичных трактовок, исследователь акцентирует внимание на разрыве между отражением и объективной реальностью. Завершает трехчастную модель понимание медиаобраза как «ключевого механизма формирования имиджа», что связывает данный феномен с более широкими социальными процессами конструирования общественного мнения и управления массовыми представлениями. Такой комплексный критический подход позволяет переосмыслить роль медиаобраза в современном информационном обществе, где границы между репрезентацией и манипуляцией становятся всё более размытыми, а влияние медиа на общественное сознание неуклонно возрастает [3].

В современной медиалингвистике все большее внимание уделяется механизмам взаимодействия между информационным полем и объективной действительностью. Исследования последних лет значительно расширили наше понимание медиаобраза. Научные исследования О.С. Рогалевой и Е.Г. Малышевой предлагают инновационный взгляд на природу медиаобраза, выделяя их уникальные характеристики, имеющие принципиальное значение для медиакommunikации. Референциальность как свойство медиаобраза, по мнению исследователей, позволяет создавать многоуровневые связи между семиотическими системами и реальностью. При этом медиадискурсивная детерминированность формирует контекстуальную обусловленность восприятия информации. Именно эти два ключевых аспекта, как подчеркивают Рогалева и Малышева, обеспечивают фундаментальное свойство медиаобраза функционировать в качестве медиаторов между реальностью и информационным пространством. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на процессы медиации и трансформации смыслов в современном коммуникативном пространстве. Дальнейшее изучение этих свойств открывает перспективы для разработки эффективных стратегий медиакommunikации и более глубокого понимания механизмов формирования общественного мнения в цифровую эпоху [6].

Исследователь Сезонов Т.В. выдвигает теорию, которая фокусируется на таких ключевых характеристиках как эмоциональная интенсивность, внутренняя противоречивость, недолговечность, гиперболизация и шаблонность. Эти особенности в совокупности создают эффективный механизм для манипулирования общественным мнением. Комплексное воздействие оказывается не только на поведение, но и на эмоциональное состояние получателей информации. Широкая публика часто принимает искусственно созданные образы без должного критического анализа, не замечая их расхождения с реальностью [8].

Методология детального анализа составляющих медиаобраза личности была разработана представителями российской научной школы. Как подчеркивает Д.Э. Горбаль, при изучении образа особое внимание уделяется как вербальным, так и невербальным элементам: особенностям речи, характерным жестам и конкретным действиям, получающим освещение в медиасфере. Для формирования полноценного медиаобраза исследователи считают необходимым учитывать противоречивую природу средств массовой информации. Только принимая во внимание разнонаправленные оценки и толкования, представленные в различных медиаисточниках, можно составить объективное представление о личности. В современном информационном поле публичные образы приобрели новую динамику. Цифровизация радикально переформатировала традиционные механизмы формирования медиаобраза, наделив их многомерностью и возможностью обратной связи. Зависимость характеристики личности от идеологической направленности конкретного СМИ стала очевидным феноменом – один и тот же человек может представляться совершенно по-разному в различных источниках. Современная публика вышла за рамки пассивного восприятия контента, активно включившись в процесс создания общественных имиджей через различные интернет-платформы, что вызывает необходимость пересмотра методологии исследований в этой области [2].

В своих исследованиях Драчева Ю.Н. развивает двойственную концепцию медиаобраза. Медиапространство не просто отражает, а трансформирует объективную реальность через множество призм – от редакционных установок до персональных убеждений создателей контента. Данная интерпретация рассматривает медиаобраз как живое явление в экосистеме создания и потребления информации. Ключевым аспектом этой теории становится разделение на два базовых компонента: генерацию информационного продукта и его последующее восприятие целевой аудиторией. Такой бинарный подход позволяет глубже понять динамическую природу медиаобраза в современном информационном пространстве. В своих исследованиях Драчева убедительно показывает влияние ценностных ориентиров и прагматических целей коммуникатора на формирование медиаобраза в процессе кодирования. Восприятие аудиторией представляет собой вторую, не менее важную грань этого феномена, где происходит комплексное декодирование информации и создание общих представлений о реальности. При создании медиаконтента неизбежна субъективная трансформация информационного потока, продиктованная как аксиологическими установками, так и практическими задачами создателей контента [4].

Согласно теории Драчевой, стереотипы формируются из представлений, включающих не только информационную составляющую, но и оценочный элемент, заложенный еще при первичном кодировании. В информационной среде медиаобраз функционирует не обособленно, а как часть комплексной структуры взаимосвязей с другими компонентами коммуникативного поля. Драчева подчеркивает тесную связь между медиаобразом и такими ключевыми элементами как «публицистический образ», «медiateкст», «медиакартина мира» и «стереотип», которые вместе образуют сложную систему в парадигме массовых коммуникаций. Исследование взаимоотношений медиаобраза с этими фундаментальными концептами занимает центральное место в данной теоретической модели [4].

На наш взгляд, современные исследования медийного воздействия на коллективное мышление получают новый импульс благодаря интеграции различных методологий. Углубленное понимание механизмов влияния масс-медиа на социальную когницию становится возможным при всестороннем анализе, что создает плодотворную почву для инновационных разработок в коммуникационных науках и лингвистическом изучении медиасферы.

Изучая трансформацию информации в медиапространстве, Р.Р. Хагеев совместно с С.А. Рюминым разработали теоретическую модель, объясняющую сущность медиаобраза. Они рассматривают его как особый информационный конструкт, представляющий собой «концентрированную, сжатую и зашифрованную версию реальности». Данный конструкт, по мнению исследователей, выполняет не только информативную функцию, но и способствует формированию единого смыслового поля между участниками коммуникации. Это происходит благодаря созданию схожих представлений о реальности у различных получателей информации. Особенно важно отметить, что ученые подчеркивают преднамеренный характер медиаобраза, его эмоциональную насыщенность и прагматическую направленность. Медиаобраз не является нейтральным отражением действительности, а представляет собой инструмент воздействия на массовое сознание. Таким образом, концепция, предложенная Хагеевым и Рюминым, позволяет глубже понять механизмы формирования социальных моделей поведения через медиасреду и открывает новые перспективы для исследования информационного влияния в современном обществе [7].

Выводы

Таким образом, медиаконтент, создаваемый для массовой аудитории, тщательно адаптируется под мировоззрение и запросы целевых групп. Разработчики стратегически формируют материалы, стремясь по-

высится их резонанс в общественном сознании. Коллективные ментальные образы не остаются неизменными – они эволюционируют в тесной связи с временным контекстом. Наблюдается четкая корреляция между трансформацией общественных представлений и социодинамикой, где медиасфера чутко реагирует на актуальные тенденции, отражая изменчивость общественных процессов. Визуальные, аудиальные и текстовые форматы становятся проводниками информации, которую мы называем медиаобразом. Эти образы проникают в нашу жизнь через множество каналов – от печатных страниц и киноэкранов до интернет-пространства, телевизионных программ и радиоволн. Их ключевая особенность – способность влиять на эмоциональный отклик людей, трансформировать понимание и менять восприятие действительности. В современной медиа-культуре медиаобразы занимают центральное положение, формируя не только общественные настроения, но и индивидуальное сознание, определяя жизненные стили каждого человека.

Список источников

1. Глушкова Т.С., Зайцева О.А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Журнал Омской гуманитарной академии. 2017. № 3 (29). С. 50 – 57.
2. Горбаль Д.Э. Современные подходы к феномену медиаобраза // Наука и образование сегодня. 2020. № 11 (58). С. 72 – 78.
3. Григорян С.В. Современный медиаобраз России на отечественном телевидении: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. М., 2016. 18 с.
4. Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2. С. 134 – 146.
5. Ланцевская Н.Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 101 – 103.
6. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Трансформация медиаобраза "Губернатор" в массово-информационном региональном дискурсе Омской области (2003-2019 гг.) // Политическая лингвистика. 2019. № 4. С. 96 – 104.
7. Рюмшин С.А., Хагуюв Р.Р. Феномен медиаобраза региона в современном конфликтологическом дискурсе (на примере Чеченской Республики) // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 1. С. 118 – 129.
8. Сезонов Т.В. Концептуализация медиаобраза IT-Girl в российском медиапространстве глянцевого журналов: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. М., 2015. 177 с.
9. Симакова С.И., Кваша Д.И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 1. С. 28 – 38.
10. Фишер Н.Л. Медиаобраз и изменения в языке на основе изменений путей передачи информации // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография. Вологда, 2022. С. 15 – 28.

References

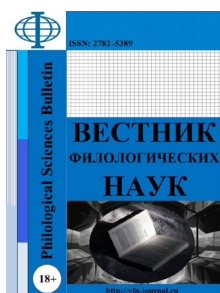
1. Glushkova T.S., Zaitseva O.A. Media image as a tool for creating a territorial image. Science of Man: Humanitarian Research. Journal of the Omsk Humanitarian Academy. 2017. No. 3 (29). P. 50 – 57.
2. Gorbal D.E. Modern approaches to the phenomenon of media image. Science and education today. 2020. No. 11 (58). P. 72 – 78.
3. Grigoryan S.V. Modern media image of Russia on domestic television: dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.9. M., 2016. 18 p.
4. Dracheva Yu.N. The concept of media image and its description in linguistic and non-linguistic aspects. Bulletin of Cherepovets State University. 2019. No. 2. P. 134 – 146.
5. Lantsevskaya N.Yu. Media image of the territory as a complex of place branding stereotypes. Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University. 2015. No. 4 (28). P. 101 – 103.
6. Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Transformation of the media image "Governor" in the mass information regional discourse of the Omsk region (2003-2019). Political linguistics. 2019. No. 4. P. 96 – 104.
7. Ryumshin S.A., Khaguyev R.R. The phenomenon of the media image of the region in modern conflictological discourse (on the example of the Chechen Republic). Communicology. 2023. Vol. 11. No. 1. P. 118 – 129.
8. Sezonov T.V. Conceptualization of the IT-Girl Media Image in the Russian Glossy Magazine Media Space: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.9. Moscow, 2015. 177 p.
9. Simakova S.I., Kvasha D.I. Media Image as One of the Components of Formation of the Media Aesthetic Code of a Region. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 28 – 38.

10. Fisher N.L. Media Image and Changes in Language Based on Changes in Information Transmission Paths. Media Image of a Region in Modern Mass Communication: Monograph. Vologda, 2022. P. 15 – 28.

Информация об авторах

Ветлужских М.А., *Московский педагогический государственный университет, vetluzhskihm@mail.ru*

© Ветлужских М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'276.3

¹ Володина О.В.

¹ Ростовский государственный экономический университет

Лингвокультурные особенности современного шотландского детектива при переводе на русский язык

Аннотация: статья посвящена исследованию лингвокультурных особенностей современного шотландского детектива и их передачи при переводе на русский язык. В центре внимания – произведения Йена Ранкина. Целью работы явилось выявление ключевых лингвокультурных маркеров шотландского детектива и анализ стратегий их перевода. Автор исследует основные трудности перевода национально маркированной лексики и отмечает, что применение определенных переводческих стратегий для сохранения национальной специфики шотландского детективного романа обусловлено отсутствием эквивалентов для шотландских реалий; необходимостью комментариев для объяснения контекста; важностью сохранения баланса между аутентичностью и понятностью.

Ключевые слова: шотландский детектив, Йен Ранкин, лингвокультурные реалии, переводческие стратегии, «тартан нуар»

Для цитирования: Володина О.В. Лингвокультурные особенности современного шотландского детектива при переводе на русский язык // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 11 – 16.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Volodina O.V.

¹ Rostov State University of Economics

Linguocultural features of modern Scottish detective stories in translation into Russian

Abstract: the article is devoted to the study of linguocultural features of modern Scottish detective stories and their translation into Russian. The focus is on the works of Ian Rankin. The aim of the work was to identify the key linguocultural markers of Scottish detective stories and analyze their translation strategies. The author examines the main difficulties in translating nationally marked vocabulary and notes that the use of certain translation strategies to preserve the national specificity of the Scottish detective novel is due to the lack of equivalents for Scottish realities; the need for comments to explain the context; the importance of maintaining a balance between authenticity and comprehensibility.

Keywords: Scottish detective story, Ian Rankin, linguocultural realities, translation strategies, "tartan noir"

For citation: Volodina O.V. Linguocultural features of modern Scottish detective stories in translation into Russian. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 11 – 16.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Художественные детективные произведения пользуются большой популярностью во всем мире. Одной из причин такой популярности является интерес людей к таинственным и загадочным событиям, которые всегда вызывали особый интерес общества. Этим объясняется необычайная популярность детективного жанра.

Детективные произведения характеризуются широкой тематикой и многочисленными жанровыми вариациями, которые представлены и национальными вариантами [4].

Шотландский детектив обладает особой культурной и литературной значимостью и занимает особое место в мировой литературе благодаря, в первую очередь, уникальному местному колориту. В Шотландии наиболее популярны романы, поднимающие болезненные социальные вопросы и обсуждающие самые проблемные ситуации, перенося и развивая их в воображаемом пространстве детективного жанра. Во всем мире большой популярностью пользуются романы таких шотландских писателей как Й. Ранкин и В. Макдермид.

Актуальность нашего исследования определяется популярностью в России произведений Й. Ранкина и других шотландских авторов, которые активно переводятся и издаются, что делает изучение их перевода практически значимым, а также необходимостью сохранения уникальности шотландских лингвокультурных особенностей при переводе. Кроме того, шотландский детективный жанр недостаточно изучен современными исследователями.

Цель статьи – рассмотреть жанрово-стилистические и лингвокультурные особенности шотландского детектива и выявить специфику их передачи при переводе с русского на английский язык.

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего исследования является комплексный подход, который объединяет ряд таких взаимодополняющих методов – сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический, переводческий и интерпретационный анализ. Совокупное применение этих методов позволяет наиболее полно и адекватно описать лингвокультурную специфику шотландского детективного произведения, выявить его жанровую и национально-культурную маркированность, а также проанализировать возможность сохранения и передачи лингвокультурных особенностей при переводе на русский язык.

Материалом исследования послужили повести шотландского писателя Й. Ранкина «Крестики-нолики» (Knots and Crosses), «В доме лжи» (In a House of Lies), «Стоя в чужой могиле» (Standing in Another Man's Grave), а также их переводы на русский язык, выполненные В.И. Коганом, Е.А. Тепляшиной, Г.А. Крыловым соответственно.

Результаты и обсуждения

Детектив является одним из наиболее распространенных жанров в мировой литературе и привлекает внимание исследователей из различных научных дисциплин, включая литературоведение, стилистику, культурологию, социологию и психологию. Детективная проза – это литературный жанр, в котором центральное место занимает раскрытие таинственного злодеяния, как правило, посредством логического анализа имеющихся данных [3].

В отечественной науке исследованиями детективного жанра занимались такие исследователи как Я. Маркулан, А. Вулис, Н.Н. Вольский, М.П. Тугушева, А. Адамов, Г. Анджапаридзе, Ю.М. Лотман, Б.В. Дубин, А.В. Кубасов, Ю.К. Щеглов, В.Б. Шкловский и другие. Их работы заложили основы изучения детектива как культурного и литературного феномена. В работах зарубежных авторов (Б. Райнов, Г. Кестхей, Дж. Кавелли, Д. Портер, Ч. Райкрофт, Ж. Грела, У. Руелманн и другие) прослеживается история детективного жанра, анализируется его морфология, проводится исследование типологических схождений в произведениях различных авторов – представителей детективного жанра.

Характерной чертой современного детектива, которая во многом обусловила его популярность и интенсивное развитие по всему миру, является так называемая «пластичная жанровая структура», которая позволяет авторам детективов отражать в произведениях о национальное самосознание, показывать реалии быта того или иного народа, национальные традиции, ритуалы, уклад жизни в городе, деревне. В отличие от других литературных форм, детектив «больше всего отражает время, так как национальная концептосфера в этом жанре лежит на поверхности, не затмеваясь для читательского восприятия ни нравоописанием, ни философскими рассуждениями» [1, с. 34].

Важным направлением при изучении произведений детективного жанра выступает социокультурный анализ. Исследователи, работающие в рамках данного направления (А.В. Кубасов, Е.Ю. Гениева) рассматривают детектив как отражение общественных процессов, социальных норм, ценностей, страхов и предрассудков уже конкретной определенной эпохи, уделяя внимание специфике национальной идентичности, политическому подтексту в работах детективного жанра. Детектив, как правило, укоренен в конкретном вре-

мени и месте, и его сюжетные ходы, характеры персонажей и тематика преступлений часто отражают доминирующие в обществе идеологии и проблемы [8].

Шотландский детектив занимает особое место в мировой литературе, сочетая классические традиции жанра с уникальным национальным колоритом. В отличие от английского или американского детектива, шотландская школа отличается «социальной остротой, мрачным реализмом и глубокой психологической проработкой персонажей» [6]. Такие авторы, как Йен Ранкин, Вэл Макдермид, Александр Макколл Смит, не только сформировали узнаваемый стиль, но и внесли значительный вклад в развитие детективного жанра в целом.

Начиная с 1970-х гг. появляются различные жанровые модификации шотландского детективного романа. Их появление и развитие обусловлено постоянно меняющимися общественными, социальными политическими условиями и необходимостью адаптироваться к новым тенденциям, запросам общества. Исследователи отмечают появление таких поджанров детективного романа как политический детектив, детектив-триллер, социальный детектив, фантастический детектив, уголовные истории, женский детектив, психологических детектив, ироничный детектив и т.д.

В 1980-х годах исследователи детективного жанра отмечают тот факт, что произведения детективного жанра характеризуются своей национальной спецификой, которая при сохранении классических формальных жанровых признаков расширяет возможности для оригинальности благодаря национальной и исторической среде [7].

К жанровым и стилистическим особенностям шотландского детектива исследователи относят, в первую очередь, национальный колорит произведений, который выделяет произведения шотландских авторов среди других мировых бестселлеров. Произведения характеризуются лингвистической спецификой. Так, авторы часто прибегают к использованию шотландского диалекта (Scots, Scottish English) и сленга (aye вместо yes, wee вместо small), местных и культурных реалий (например, "polis" вместо "police"), описанию местных традиций, топонимов (Oxford Bar, Royal Mile, High Street, North Bridge, the Mound). Й. Ранкина передавая шотландский колорит и атмосферу прибегает к использованию таких шотландских словечек как bahookie (buttocks), cauld (cold), cludgie (toilet), gowk (fool), slainte (thanks).

Постоянными темами в анализируемых романах Й. Ранкина являются темы алкоголя и одиночества, поэтому в тексте очень много сленга и разговорной лексики, которая связана с выпивкой и различными видами опьянения. Например, автор использует такие существительные, которые выражают различную степень опьянения, как blootered, bladdered и т.д., сленгизм sesh, означающий «ночь, проведенную за употреблением алкоголя», фразовый глагол to load up – «опокинуть бокал», названия спиртных напитков: whisky, Irn Bru, Scottish Ale, Glasgow Punch, Drambuie и другие.

Лингвокультурное пространство произведений Йена Ранкина насыщено культурно-специфическими элементами. Особое место среди представленной в анализируемых романах культурно-маркированной лексики занимают многочисленные топонимы, имена собственные, социально-политические и бытовые реалии, названия различного рода организаций, неологизмы, реалии современного массового искусства, общественных течений, социальных поведенческих и культурных феноменов. При переводе их на русский язык перед переводчиком встает сложная задача: сохранить национальный колорит, не нарушая при этом естественность восприятия текста русскоязычным читателем.

Значительная часть топонимов и антропонимов, которые использовал автор в анализируемых романах, переданы переводчиками при помощи приемов транскрибирования и транслитерации. Одним из важных преимуществ приемов транскрипции и транслитерации является краткость. Следует отметить, что транскрипция должна применяться с осторожностью. В некоторых случаях, передача колорита может оттеснить на второй план смысловое содержание реалии. Данные приемы переводчики анализируемых романов использовали при трансляции в текст перевода различных бытовых и полицейских реалий, имен собственных, топонимов, названий предметов одежды, должностей, мер длины и веса, денежных единиц и т.д., т.к. транскрибирование и транслитерация максимально позволяют сохранить национальный колорит и авторский стиль. Следует отметить, что при использовании данных приемов переводчик принимал во внимание степень знакомства реалии русскоязычному читателю, поскольку она не должна оставаться за пределами его понимания.

Значительная лексическая группа представлена в анализируемых произведениях типично шотландскими культурными маркерами, которые создают аутентичную атмосферу и отражают социальные проблемы страны. Среди таких маркеров – лексемы, отражающие алкогольную культуру Шотландии, например, название одного из сортов виски, напитка, который является признанным символом Шотландии, Glenmorangie транскрибировано и переводчик вводит лексическое добавление (стакан Гленморанджи).

Ряд реалий в анализируемых в работе романах отражает политическую ситуацию в Шотландии. Так, автор использует аббревиатуру SNP, которая обозначает Шотландскую национальную партию (Scottish National Party). Партия хорошо известна и в Шотландии, и в Великобритании, однако малознакома русскоязычной читательской аудитории, несмотря на то что в русском языке зафиксирована аббревиатура для названия данной политической партии (ШНП). Переводчик предпочел использовать прием генерализации и контекстуально передал данную политическую реалию в текст перевода как левоцентристы.

Вопрос независимости Шотландии остро обсуждался населением во все времена, начиная с момента заключения союза с Англией в 1707 году. Однако на политическом уровне отделение Шотландии стало открыто обсуждаться только с начала 1930-х годов, благодаря появлению Шотландской национальной партии, однако лишь в XXI веке был создан Парламент Шотландии, а 18 сентября 2014 года в Шотландии прошёл Референдум по вопросу о независимости. При переводе данной политической реалии (referendum) в тексте одного из романов переводчик использовал прием описательного перевода (референдум о независимости страны), т.к. именно такая переводческая стратегия позволила прояснить ситуацию и важность упоминаемого события для русскоязычного читателя.

Будучи шотландским автором, Йен Ранкин активно использует британскую систему мер в своих произведениях, что создает эффект аутентичности и подчеркивает локальный колорит. В переводах на русский язык эти единицы часто сохраняются или адаптируются с пояснениями.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ перевода культурно-маркированных лексических элементов в романах Йена Ранкина позволяет сделать вывод о том, что для их передачи с английского на русский язык используется ряд комплексных переводческих трансформаций с целью сохранения национального колорита и авторского стиля, обеспечивая при этом естественность восприятия текста русскоязычным читателем.

Для топонимов и антропонимов преимущественно используются такие переводческие трансформации как транскрипция и транслитерация, что позволяет сохранить аутентичность произведений при переводе. В ряде случаев при переводе названий пабов и достопримечательностей отмечен приме калькирования, иногда с дополнительными пояснениями переводчика.

Названия политических организаций и полицейских структур часто переводятся с помощью лексического добавления и описательного перевода, часто в сочетании с затекстовым переводческим комментарием. Система мер в большинстве случаев адаптируется к русскоязычным реалиям, но иногда сохраняется с пояснениями.

Основные трудности при переводе национально- и культурно-маркированной лексики связаны с необходимостью баланса между аутентичностью и понятностью для читательской аудитории перевода, отсутствием прямых эквивалентов для многих реалий, возможной потерей культурных коннотаций при адаптации.

Перевод культурно-маркированных элементов в романах Й. Ранкина требует от переводчика глубокого понимания как исходной, так и целевой культур, а также творческого подхода к поиску оптимальных решений в каждом конкретном случае. Удачный перевод таких элементов позволяет сохранить уникальную атмосферу шотландского детектива, делая его одновременно аутентичным и доступным для русскоязычного читателя.

Список источников

1. Залукаева Д.А. Особенности англоязычного детективного жанра в литературе // Детективный жанр в искусстве: социальный, психологический, литературный аспекты в прошлом и настоящем: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов / под общ. ред. Н.В. Киреевой. Воронеж: НАУКА-ЮРИПРЕСС, 2024. С. 57 – 61.
2. Меньщикова М.К., Королева О.А. Жанровые стратегии исторического романа и детектива // Филология: научные исследования. 2022. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-strategii-istoricheskogo-romana-i-detektiva-v-proizvedenii-abira-mukerdzhi-chelovek-s-bolshim-buduschim> (дата обращения: 21.03.2025).
3. Раджапова Р.Р. Теоретико-литературные аспекты изучения детективного жанра // Вестник науки. 2025. № 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-literaturnye-aspekty-izucheniya-detektivnogo-zhanra> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Романова Т.Н. «Шотландскость» и способы ее выражения в современном романе // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shotlandskost-i-sposoby-ee-vyrazheniya-v-sovremennom-romane> (дата обращения: 11.03.2025).

5. Романова Т.Н. Ономастическое пространство романа И. Рэнкина «Чёрная книга» // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2023. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomasticheskoe-prostranstvo-romana-i-renkina-chyornaya-kniga> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Романова Т.Н., Суворова Н.А. Национальная специфика шотландского романа // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-spetsifika-shotlandskogo-romana> (дата обращения: 15.03.2025).
7. Соина А.С. Английский шпионский роман XXI века: особенности и перспективы развития жанра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-shpionskiy-roman-xxi-veka-osobennosti-i-perspektivy-razvitiya-zhanra> (дата обращения: 21.03.2025).
8. Султангалиева Р., Сагмалиева Н. Детективный жанр и детективный дискурс в рассказах Ж. Шамуратовой // Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University Philological Series. 2024. № 3. С. 193 – 204.
9. Тонкопеева М.Д. Лингвокультурный типаж «Шотландец»: переводческий аспект (на материале произведений И. Рэнкина и их переводов на русский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74). С. 148 – 151.
10. Устинова Т.В. Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 115 – 126.
11. Фетисова Т.А. Детектив в пространстве культуры // Вестник культурологии. 2020. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detektiv-v-prostranstve-kultury> (дата обращения: 18.03.2025).
12. Шангараева Л.Ф., Павлова Е.М. Лексические особенности художественной прозы детективного жанра при переводе на русский язык (на материале книги А. Кристи «Смерть на Ниле») // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 61 – 64.

References

1. Zalukaeva D.A. Features of the English-language detective genre in literature. Detective genre in art: social, psychological, literary aspects in the past and present: materials of the All-Russian scientific and practical conference of students and graduate students / edited by N.V. Kireeva. Voronezh: SCIENCE-YURIPRESS, 2024. P. 57 – 61.
2. Menshchikova M.K., Koroleva O.A. Genre strategies of the historical novel and detective. Philology: scientific research. 2022. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-strategii-istoricheskogo-romana-i-detektiva-v-proizvedenii-abira-mukerdzhi-chelovek-s-bolshim-buduschim> (date of access: 21.03.2025).
3. Radzhapova R.R. Theoretical and literary aspects of the study of the detective genre. Bulletin of Science. 2025. No. 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-literaturnye-aspekty-izucheniya-detektivnogo-zhanra> (date of access: 11.03.2025).
4. Romanova T.N. "Scottishness" and the ways of its expression in the modern novel. Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and social sciences. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shotlandskost-i-sposoby-ee-vyrazheniya-v-sovremennom-romane> (date of access: 11.03.2025).
5. Romanova T.N. Onomastic space of I. Rankin's novel "The Black Book". Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages. 2023. No. 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onomasticheskoe-prostranstvo-romana-i-renkina-chyornaya-kniga> (date of access: 14.03.2025).
6. Romanova T.N., Suvorova N.A. National specificity of the Scottish novel. Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages. 2018. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-spetsifika-shotlandskogo-romana> (date of access: 15.03.2025).
7. Soina A.S. English spy novel of the 21st century: features and prospects for the development of the genre. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-shpionskiy-roman-xxi-veka-osobennosti-i-perspektivy-razvitiya-zhanra> (date of access: 21.03.2025).
8. Sultangalieva R., Sagmalieva N. Detective genre and detective discourse in the stories of Zh. Shamuratova. Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University Philological Series. 2024. No. 3. P. 193 – 204.
9. Tonkopeeva M.D. Linguocultural type "Scotsman": translation aspect (based on the works of I. Rankin and their translations into Russian). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 8 (74). P. 148 – 151.

10. Ustinova T.V. Idiomatic translation: general principles and translation solutions. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2024. No. 4. P. 115 – 126.
11. Fetisova T.A. Detective in the space of culture. Bulletin of cultural studies. 2020. No. 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detektiv-v-prostranstve-kultury> (date of access: 18.03.2025).
12. Shangaraeva L.F., Pavlova E.M. Lexical features of fiction of the detective genre when translated into Russian (based on the book by A. Christie "Death on the Nile"). Modern scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles from the XXXIX International scientific and practical conference. Penza, 2024. P. 61 – 64.

Информация об авторах

Володина О.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), sirotinetsov@mail.ru

© Володина О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.33

¹ Горохов А.А.

¹ Тобольская духовная семинария

Использование иноязычной лексики в художественном стиле (на материале английского языка)

Аннотация: в статье проанализировано использование иноязычной лексики в художественном стиле английского языка. Автор считает, что иноязычная лексика выполняет роль создания местного колорита, речевого портрета, стилизации под иноязычную речь, демонстрирует начитанность автора или персонажа, употребляется в рамках приема эвфемизации.

Исследование может быть полезно всем, кто интересуется проблемами функционирования иноязычной лексики, функциональных стилей речи, стилистических функций заимствований в художественном стиле английского языка.

Ключевые слова: иноязычная лексика, английский, языковые средства, художественный стиль

Для цитирования: Горохов А.А. Использование иноязычной лексики в художественном стиле (на материале английского языка) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 17 – 22.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Gorokhov A.A.

¹ Tobolsk Theological Seminary

The use of the foreign language lexis in the belles-lettres style of English

Abstract: the article analyzed the use of the foreign language lexis in the belles-lettres style of English. The author believes that foreign language lexis serves to create a local background, of a language portrait, a stylization of the foreign-language speech, demonstrates the author's or character's erudition, and is used as a euphemism.

This research can be useful for anyone interested in the functioning of the foreign language lexis, functional language styles, and the stylistic functions of the foreign language lexis in the belles-lettres style of English.

Keywords: foreign language lexis, English, language means, belles-lettres style

For citation: Gorokhov A.A. The use of the foreign language lexis in the belles-lettres style of English. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 17 – 22.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема наличия и функционирования лексических заимствований из других языков привлекает большое внимание части современного российского общества. Это вызвано вполне очевидной опасностью засорения родного языка. Тем не менее функционирование иноязычной лексики характерно не только для нашего времени, русского языка и культуры, но и для дру-

гих языков, включая английский. Как обоснованно отмечает И.Н. Геранина: «иноязычные вкрапления в основном сохраняют семантику языка – источника, что позволяет передать специфику страны или ситуации, о которой идет речь» [8, с. 40]. С точки зрения В.С. Норлусеняна, «статус того или иного иноязычного слова в языке зависит от его лексической, грамматической фонетической ассимилированности. При классификации по степени ассимилированности выделяются следующие основные типы: заимствования, экзотизмы, и иноязычные вкрапления» [18, с. 63]. Также возросший интерес к проблеме иноязычных заимствований связан с увеличившимися международными контактами, обилием ассимилированных заимствований и неассимилированных иноязычных вкраплений в разных языках.

Цель исследования заключается в результатах анализа стилистических функций иноязычной лексики в художественном стиле английского языка. Для достижения данной цели следует поставить и решить следующие задачи: 1) рассмотреть определения понятий «заимствования», «иноязычные вкрапления», «иноязычная лексика»; 2) проанализировать проблему классификации функциональных стилей речи; 3) изучить особенности появления иноязычных заимствований в художественном стиле речи; 4) выявить характерные черты стилистических функций иноязычной лексики в художественном стиле английского языка.

Кроме того, важно видеть не только отрицательную, но и положительную роль иноязычной лексики, выполняющей самые различные функции особенно в художественном стиле, который отличается большим слоем коннотативного лексического элемента и самым широким употреблением средств языковой выразительности.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования для анализа стилистических функций иноязычной лексики в художественном стиле английского языка использованы несколько отрывков из английского текста британской писательницы Джоанн Харрис «Шоколад» (2022), в которых содержатся французские и немецкие лексемы. Также материалом для исследования служат работы исследователей, рассмотревших проблему понятия «иноязычная лексика»: Ю.Г. Захаровой (2019), Л.П. Крысина (1968), А.А. Леонтьева (1966), Д.С. Лотте (1982), Е.В. Мариновой (2016), М.Г. Морозовски (2016), Е.А. Проценко (2002), О.В. Фельде (2016), А.А. Хромых (2016); проанализировавших классификацию функциональных стилей: И.В. Арнольд (2014), Л.С. Бархударова (2017), М.Н. Лапшиной (2013); изучивших особенности стилистических функций иноязычной лексики в художественном стиле английского языка: А.В. Агеевой (2013), С.И. Влахова и С.П. Флорина (2012), И.Р. Гальперина (2007, 2012, 2018), В.В. Елисеевой (2003).

В процессе исследования использованы метод анализа лингвистической литературы по проблеме наличия и функционирования иноязычной лексики в художественном стиле, описательный лингвистический метод, использующий приемы обобщения и систематизации иноязычных вкраплений в английском тексте.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что кроме определения «иноязычная лексика» в работах исследователей используются смежные термины, такие как «иноязычное вкрапление», «иноязычные термины» «заимствования», «экзотизм», «варваризм», «билингвизм», «окказиональное слово иноязычного происхождения», «внутритекстовое иноязычие», «макаронизм» и другие [9, 14, 23]. Так, автором очень близкого по смыслу определения «иноязычное вкрапление» является видный ученый А.А. Леонтьев [15, с. 60]. Терминологическое понятие «иноязычная лексика» было выдвинуто известным российским исследователем-лингвистом Л.П. Крысиным на материале русского языка [12, с. 84], обосновано в его диссертационном исследовании «Вопросы исторического изучения иноязычных заимствований в лексике русского языка советской эпохи» (1965) и монографии «Иноязычные слова в современном русском языке» (1968) и в настоящее время широко представлено в отечественной науке.

Вместе с тем даже в современных лингвистических исследованиях нет единой трактовки данного понятия. Так, Ю.Г. Захарова приводит более узкое понимание иноязычных лексем как «переданных иноязычной графикой беспереводных слов и выражений, которые используются в языке-реципиенте в начале своего существования в нем» [11, с. 73]. По мнению ученого, впоследствии иноязычные лексемы, как правило, переходят в разряд варваризмов.

По определению Е.А. Проценко, иноязычные лексемы – это «элементы, иносистемные по отношению к основному в рамках данного сообщения коду» [19, с. 8]. Согласно данным двум определениям, к иноязычной лексике следует относить только слова, написанные на другом языке, сохранившие оригинальную орфографию.

Есть и более широкое определение понятия «иноязычная лексика». Оно трактуется как лексемы либо словосочетания на чужом языке, которые или целиком, или какая-то их часть включены в иноязычный текст, а также сюда относятся заимствования, переданные средствами оригинальной графики [21, с. 187].

Согласно этому определению, в состав иноязычных элементов следует относить не только слова в иноязычном написании, но также фонетически и орфографически адаптированные лексемы в их родном написании. Такой же точки зрения придерживается М.П. Морозовская, которая утверждает, что неродные лексемы или предложения, но оформленные в родном звуковом, графическом или грамматическом оформлении, также относятся к иноязычным элементам. В пример она приводит предложение на русском языке: «Мы у вас холодненького выпьем, да машерочек или нет?» [17, с. 59]. Этим примером иллюстрируется возможность орфографической адаптации несмотря на то, что слово все же продолжает относиться к иноязычным вкраплениям и не является зафиксированным в родном языке.

Иноязычные элементы подвергаются разным классификациям, основывающимся на ряде критериев. Одним из критериев построения типологии иноязычной лексики является степень ее интернациональности или окказиональности. В данной типологии Л.П. Крысин выделяет две группы иноязычных единиц: 1) языковые единицы, которые имеют интернациональный характер и представляют собой элементы межъязыкового словесно-фразеологического фонда, а также 2) языковые единицы, которые имеют окказиональный характер, не являются интернациональными, их использование тесно связано с авторским замыслом [12]. Другим параметром классификации иноязычной лексики выступает генетический критерий. В этой типологии распределение иноязычных элементов на группы происходит, согласно происхождению иноязычных вкраплений. За основу этой классификации берутся язык-источник или, в отдельных случаях, язык-донор или язык-посредник [16, с. 117]. Согласно данной классификации, в англоязычном тексте иноязычная лексика может быть разделена на немецкие, французские, русские, испанские, греческие и другие вкрапления.

Как совершенно правильно отметил И.Р. Гальперин: «каждый язык можно рассматривать как некий код, в котором сигналы (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы и стилистические приемы) организуются в целях передачи соответствующей информации, доступной всем реципиентам, владеющим этим кодом. Такой общезыковой код, который представляет собой не что иное как, нормы литературного языка, разбивается на ряд субкодов – функциональные стили» [7, с. 30]. Далее следует остановиться на рассмотрении понятия стиля или функционального стиля. С точки зрения Ю.С. Степанова, под стилем следует понимать «обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов» [20, с. 494]. Вместе с тем классификация функциональных стилей до сих пор является одной из дискуссионных проблем в лингвистике. Так, И.Р. Гальперин предлагал выделить пять функциональных стилей: 1) стиль художественной литературы (the belles-lettres style), 2) публицистический стиль (publicistic style), газетный стиль (newspaper style), научная проза (scientific prose style), английские официальные документы (the style of official documents) [6, с. 28]. Наряду с этим Л.С. Бархударов выделил только три функциональных стиля: 1) стиль художественной литературы, 2) официально-научный стиль, 3) публицистический стиль [3, с. 109]. Классификация И.В. Арнольд насчитывает шесть функциональных стилей: 1) научный стиль, 2) разговорный стиль, 3) деловой стиль, 4) поэтический стиль, 5) ораторский стиль, 6) публицистический стиль [2, с. 169]. Кроме того, М.Н. Лапшина предложила расширить классификацию функциональных стилей до семи типов: 1) стиль художественной речи, 2) публицистический стиль, 3) стиль ораторской речи, 4) научно-технический стиль, 5) официально-деловой стиль, 6) газетный стиль, 7) свободно-разговорный стиль [13].

Причины использования иноязычной лексики в английском языке, а также их функции, зависят, прежде всего, от того, в каком функциональном стиле они используются. Довольно часто иноязычные вкрапления проявляются в англоязычной художественной литературе. Следовательно, необходимо рассмотреть возможные причины появления таких языковых единиц в художественном функциональном стиле. По мнению С. Влахова и С. Флорина, «иноязычная лексика вводится в художественный текст по причине особой интенции автора. Например, для придания тексту аутентичности, для создания иноязычной атмосферы, для формирования впечатления начитанности автора, для оттенка иронии, сарказма, комизма» [4, с. 263].

Исследователь И.Р. Гальперин считает, что наиболее частой причиной появления иноязычных лексем в художественной литературе является создание местного колорита [5, с. 73]. Другими словами, писатель использует иноязычные вкрапления, чтобы показать условия жизни в определенной стране или регионе, обрисовать традиции и обычаи иной культуры. Кроме того, по мысли И.Р. Гальперина также одной из причин использования иноязычной лексики в художественных текстах является создание прямого речевого портрета. Например, в романе Дж. Голсуорси «To Let» национальность одного из персонажей не просто появляется в авторском тексте, но также подчеркивается за счет неправильной речи этого персонажа и включения в нее иностранных слов. Например: «I tell him all my story; he so sympatisch» (J. Galsworthy «To Let») [5, с. 74].

Иноязычная лексика может быть введена в художественный текст с целью демонстрации языковой компетенции. В этом случае иноязычные элементы используются писателем для того, чтобы показать особый

тайный язык, известный только группе персонажей, либо очертить небольшой круг читателей определенной национальности [1, с. 9]. Эту функцию можно назвать конспирирующей.

Некоторые иноязычные элементы могут быть использованы в художественном тексте в рамках приема эвфемизации. В лингвистике эвфемизм – это «более деликатное обозначение явления или предмета, нежелательного для упоминания по морально-этическим причинам» [10, с. 12].

Вместе с тем иноязычные лексемы используются в художественной литературе в прямой речи персонажей для того, чтобы создать у читателя впечатление, что он читает текст на иностранном языке. Для того автор может ввести несколько иноязычных вкраплений, а затем продолжить на родном языке, подразумевая, что и дальнейшее высказывание также звучит на иностранном языке. Например: “Deutsche Soldaten – a little while ago, you received a sample of America strength...” (S. Heym “The Crusaders”) [5, с. 74].

Так, в романе британской писательницы Джоанн Харрис “Chocolat”, вышедшем в 1999 году повествуется о молодой женщине Вианн Роше, у которой имеется шестилетний ребенок – дочь Анук, переселившейся в маленький французский городок и открывшей магазин сладостей. Одной из основных лингвистических особенностей данного романа является наличие большого количества французских лексем, которые часто использованы с французской орфографией: “It is a more complex place than its geography at first suggests, the Rue Principale forking off into a hand-shaped branch of laterals – Rue des Poetes, Avenue des Francs Bourgeois, Ruelle des Freres de la Revolution” [22, с. 66]. В данном отрывке на полные включения указывает склонение названий улиц и проспектов городка, которые употреблены в тексте, согласно правилам французской, а не английской грамматики.

Однако в данном романе есть также примеры частичного включения иноязычных вкраплений. Такие лексемы подразумевают использование англоязычной орфографии или грамматических освоенностей при введении иноязычной лексики. Например, “Do not imagine, mon pere that I spent my day watching the bakery” [22, с. 38]. Во французском языке фраза “mon pere” имеет написание “mon père”. Следовательно, в данном случае писатель пренебрегает правилами французской грамматики при написании иноязычных лексем.

В целом, иноязычные лексемы выполняют многочисленные стилистические функции в художественном стиле. Прежде всего, отметим функцию создания местного колорита: “A dozen of my best huitres de Saint-Malo, those small flat pralines shaped to look like tightly closed oysters” [22, с. 106]. В произведении Джоанн Харрис, как уже отмечено выше, действие разворачивается в небольшом французском городке. Следовательно, разговорная лексика главных героинь, приехавших из англоязычной страны, включает в себя как английские слова, так и французские вкрапления. Так, в приведенном примере наблюдается использование французского слова “huitres” со значением «устрица».

Второй стилистической функцией иноязычной лексики в романе Джоанн Харрис является создание речевого портрета. Например, “Are we staying? Are we, Maman?” She tugs at my arm, insistently” [22, с. 14]. В словах шестилетней дочери Вианн Роше английского происхождения содержатся французские лексемы, в частности, “Maman (фр.) – мама”, что может указывать на билингвизм данного литературного героя.

Французские вкрапления в романе Джоанн Харрис также используется в функции стилизации под иноязычную речь. В качестве примера приведем, “You’re from the chocolaterie,” she said” [22, с. 70]. В реплике второстепенного персонажа содержится только одна французская лексема “chocolaterie (фр.) – кафе-шоколадница”. Данное слово является намеком читателю, что общение посетителя кафе с героиней, которая, вне сомнения, является носителем английского языка происходит на французском языке.

С точки зрения стилистики также интересен следующий пример: «Paris smells of baking bread and croissants; Marseille of bouillabaisse and grilled garlic. Berlin was Eisbrei with Sauerkraut and Kartoffelsalat» [22, с. 126]. Немецкие лексемы “Eisbrei (нем.) – ледяная каша”, “Sauerkraut (нем.) – квашеная капуста”, “Kartoffelsalat (нем.) – картофельный салат”, которые также использованы в романе Джоанн Харрис, выполняют функцию демонстрации начитанности автора осведомленности писателя и рассказчика в одном лице о кухне разных стран. Это происходит наряду с употреблением французских лексем “croissants (фр.) – круассан”, “bouillabaisse (фр.) – буйабес”. Как мы видим, на данном примере, цель включения иноязычной лексики состоит в показе языковых знаний писателя романа.

Выводы

Таким образом, термин иноязычная лексика, сформировавшийся в отечественной лингвистике во второй половине XX века, является наиболее широко распространенным. Наряду с этим термином широко употребляются в науке также такие термины как иноязычные вкрапления и иноязычные заимствования. К ней следует отнести лексемы, выражения, фразы, переданные с использованием иноязычной орфографии и полностью либо частично включенные в речевые произведения, написанные на другом языке. Виды ино-

язычной лексики выделены: 1) по генетическому критерию, например, немецкие, французские иноязычные заимствования в англоязычном тексте, 2) степени интернациональности, окказиональности слов, 3) способу включения в текст, например, полные или частичные иноязычные вкрапления.

Хотя классификация функциональных стилей в языке до сих пор является предметом лингвистических дискуссий, большинство исследователей выделяют the belles-lettres style – стиль художественной литературы / речи или поэтический стиль, который обладает особыми характеристиками. Согласно взглядам исследователей, иноязычная лексика включается в стиль английской художественной литературы/речи для создания иноязычной атмосферы (С.И. Влахов, С.П. Флорин), функциями формирования местного колорита, прямого речевого портрета, стилизации владения иностранной речью литературными персонажами (И.Р. Гальперин), демонстрации языковой компетенции (А.В. Агеева), в рамках приема эвфемизации (В.В. Елисеева).

Наглядным приемом служит использование французских и немецких вкраплений в романе британской писательницы Джоанн Харрис “Chocolat”, где стилистические функции использования французской лексики представлены: 1) функцией создания местного колорита, 2) функцией создания речевого портрета, 3) функцией стилизации под иноязычную речь, а употребление немецкой лексики обусловлено 4) функцией демонстрации начитанности автора или персонажа.

Список источников

1. Агеева А.В. Французские вкрапления в русской классической литературе: прагматический аспект // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 7 – 12.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2014. 384 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода: 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе: 5-е изд. М.: «Р. Валент», 2012. 406 с.
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств: 2-е изд., испр. М.: URSS, Либроком, 2012. 375 с.
6. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка = English Stylistics. М.: URSS, Либроком, 2018. 336 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
8. Геранина И.Н. К определению понятия «иноязычное вкрапление» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 4 (8). С. 38 – 40.
9. Добродомов И.П. Заимствование // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во Большая российская энциклопедия, 1998. С. 158 – 159.
10. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. СПб.: СПбГУ, 2003. 45 с.
11. Захарова Ю.Г. Иноязычные вкрапления в письмах И.С. Тургенева // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 73 – 79.
12. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 206 с.
13. Лапшина М.Н. Стилистика современного английского языка = English Stylistics. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 272 с.
14. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов // предисл. Т.Л. Канделаки, С.В. Гринева. М.: Наука, 1982. 149 с.
15. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966. Вып. 7. С. 60 – 67.
16. Маринова Е.В. Терминологические обозначения иноязычных слов разных типов и проблема классификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 117 – 120.
17. Морозовская М.П. Теоретические основы изучения иноязычных вкраплений в художественном тексте (на материале творчества Ф.М. Достоевского) // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международной научной конференции. Краснодар: Новация, 2016. С. 57 – 60.
18. Норлусеян В.С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 57. С. 63 – 66.
19. Проценко Е.А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2002. 230 с.
20. Степанов Ю.С. Стиль // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во Большая российская энциклопедия, 1998. С. 494 – 495.

21. Фельде О.В. Иноязычные вкрапления // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 187 – 188.
22. Харрис Д. Шоколад = Chocolat. Билингва / пер. с англ. И. Новоселецкой. М.: Эксмо, 2022. 752 с.
23. Хромых А.А. Макаронизмы как разновидность иноязычных вкраплений // Вестник магистратуры. 2016. № 9 (60). С. 19 – 21.

References

1. Ageeva A.V. French inclusions in Russian classical literature: pragmatic aspect. *Philology and Culture*. 2013. No. 4 (34). P. 7 – 12.
2. Arnold I.V. *Stylistics. Modern English: 4th ed., corrected. and additional.* Moscow: Flinta, 2014. 384 p.
3. Barkhudarov L.S. *Language and translation: Issues of general and specific translation theory: 5th ed.* Moscow: LENAND, 2017. 240 p.
4. Vlahov S.I., Florin S.P. *The untranslatable in translation: 5th ed.* Moscow: "R. Valent", 2012. 406 p.
5. Galperin I.R. *Essays on the Stylistics of the English Language: An Experience of Systematizing Expressive Means: 2nd ed., corrected.* Moscow: URSS, Librokom, 2012. 375 p.
6. Galperin I.R. *Stylistics of the English Language = English Stylistics.* Moscow: URSS, Librokom, 2018. 336 p.
7. Galperin I.R. *Text as an Object of Linguistic Research: 5th ed., stereotype.* Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.
8. Geranina I.N. On the Definition of the Concept of "Foreign-Language Insertion". *Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*. 2007. No. 4 (8). P. 38 – 40.
9. Dobrodomov I.P. *Borrowing. Linguistics. Large encyclopedic dictionary. Linguistic encyclopedic dictionary.* Ch. ed. V.N. Yartseva. M.: Scientific publishing house Great Russian Encyclopedia, 1998. P. 158 – 159.
10. Eliseeva V.V. *Lexicology of the English language.* St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2003. 45 p.
11. Zakharova Yu.G. Foreign language inclusions in the letters of I.S. Turgeneva. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019. No. 4 (426). P. 73 – 79.
12. Krysin L.P. *Foreign words in modern Russian.* M.: Nauka, 1968. 206 p.
13. Lapshina M.N. *Stylistics of Modern English = English Stylistics.* SPb.: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2013. 272 p.
14. Lotte D.S. *Issues of Borrowing and Streamlining Foreign-Language Terms and Term Elements.* Preface T.L. Kandelaki, S.V. Grineva. Moscow: Nauka, 1982. 149 p.
15. Leontiev A.A. Foreign-Language Insertions into Russian Speech. *Issues of Speech Culture*. Moscow: Nauka, 1966. Iss. 7. P. 60 – 67.
16. Marinova E.V. Terminological Designations of Foreign-Language Words of Different Types and the Problem of Classification. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2016. No. 4 (386). P. 117 – 120.
17. Morozovska M.P. Theoretical Foundations of the Study of Foreign-Language Insertions in a Fiction Text (Based on the Works of F.M. Dostoevsky). *Actual Problems of Philology: Proceedings of the II International Scientific Conference*. Krasnodar: Novation, 2016. P. 57 – 60.
18. Norlusenyan V.S. Foreign-Language Insertions: Current State of the Problem. *Bulletin of Novgorod State University*. 2010. No. 57. P. 63 – 66.
19. Protsenko E.A. Interlingual Recoding in the Works of F.M. Dostoevsky: Dis. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.19. Voronezh, 2002. 230 p.
20. Stepanov Yu.S. *Style. Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary. Linguistic Encyclopedic Dictionary.* Ed.-in-chief V.N. Yartseva. Moscow: Scientific Publishing House Great Russian Encyclopedia, 1998. P. 494 – 495.
21. Felde O.V. Foreign-language inclusions. Effective speech communication (basic competencies): dictionary-reference. Edited by A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: SFU, 2014. P. 187 – 188.
22. Harris D. *Chocolate = Chocolat. Bilingual.* Translated from English by I. Novoseletskaia. Moscow: Eksmo, 2022. 752 p.
23. Khromykh A.A. Macaronicisms as a type of foreign-language inclusions. *Bulletin of the Magistracy*. 2016. No. 9 (60). P. 19 – 21.

Информация об авторах

Горохов А.А., кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, кафедра библеистики и лингвистических дисциплин, Тобольская духовная семинария, г. Тобольск, warlaam_gorochow@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111'25

¹ Давыдова К.В., ¹ Соболева Е.А.

¹ Армавирский государственный педагогический университет

Трансляция прецедентных феноменов в переводе романа Дженнифер Иган «Время смеется последним»

Аннотация: данная статья посвящена анализу переводческих стратегий, использованных при передаче прецедентных феноменов в русском переводе романа Дженнифер Иган «Время смеется последним». Целью исследования является выявление основных приемов трансляции прецедентности, примененных переводчиком для адаптации культурно-значимых элементов текста к русскоязычной аудитории. В рамках достижения поставленной цели решались следующие задачи: классификация прецедентных феноменов, встречающихся в романе, по четырем категориям (прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации); выявление основных переводческих стратегий, использованных при передаче каждой категории прецедентных феноменов; оценка эффективности выбранных стратегий с точки зрения адекватности и приемлемости для целевой аудитории.

В ходе исследования были выявлены наиболее часто используемые стратегии, такие как транслитерация, калькирование, адаптация, описательный перевод, а также комбинированные подходы, сочетающие элементы различных стратегий. Особое внимание уделено случаям, когда переводчик отступает от буквальной передачи прецедентного феномена, заменяя его на аналог, более понятный русскоязычной аудитории.

Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания теории и практики перевода, при подготовке переводчиков художественной литературы, а также для проведения дальнейших исследований в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся проблемами перевода художественного текста, а также для широкого круга читателей, интересующихся творчеством Дженнифер Иган и вопросами межкультурного обмена.

Ключевые слова: прецедентные феномены, транслитерация, калькирование, адаптация, описательный перевод, комбинированные подходы

Для цитирования: Давыдова К.В., Соболева Е.А. Трансляция прецедентных феноменов в переводе романа Дженнифер Иган «Время смеется последним» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 23 – 30.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Davydova K.V., ¹ Soboleva E.A.

¹ Armavir State Pedagogical University

The rendition of precedent phenomena in the translation of Jennifer Egan's novel «A Visit from the Goon Squad»

Abstract: this article is devoted to the analysis of translation strategies used in the transfer of precedent phenomena in the Russian translation of Jennifer Egan's novel «A Visit from the Goon Squad». The aim of the study is to identify the main methods of translation of precedence used by the translator to adapt culturally significant elements of

the text to the Russian-speaking audience. To achieve this goal, the following objectives were addressed: classifying the precedent phenomena found in the novel into four categories (precedent names, precedent texts, precedent statements, and precedent situations); identifying the main translation strategies used in conveying each category of precedent phenomena; evaluating the effectiveness of the selected strategies in terms of adequacy and acceptability for the target audience.

The study identified the most frequently used strategies, such as transliteration, calquing, adaptation, descriptive translation, as well as combined approaches incorporating elements of various strategies. Particular attention is paid to instances where the translator deviates from the literal rendering of a precedent phenomenon, replacing it with an analogue more comprehensible to a Russian-speaking audience.

The results of the research can be used in the practice of teaching translation theory and practice, in the training of literary translators, as well as for conducting further research in the field of intercultural communication and linguoculturology. The article is of interest to researchers dealing with the problems of literary text translation, as well as to a wide range of readers interested in the work of Jennifer Egan and issues of intercultural exchange.

Keywords: *precedent phenomena, transliteration, calquing, adaptation, descriptive translation, combined approach*

For citation: Davydova K.V., Soboleva E.A. The rendition of precedent phenomena in the translation of Jennifer Egan's novel «A Visit from the Goon Squad». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 23 – 30.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

В современной филологии явление прецедентности в художественном тексте привлекает все больше внимания исследователей. Несомненно, каждый этнос обладает уникальным восприятием окружающей действительности и межличностных отношений, что закономерно обуславливает индивидуальность языковой картины мира каждого народа. Фундаментальным элементом когнитивной базы, формирующим эту уникальность, являются прецедентные феномены. Они образуют сложную и взаимосвязанную систему, аккумулирующую в себе знания, ценности и культурные смыслы, и, как следствие, отражают специфику конкретной лингвокультурной общности [4].

По определению Ю.Н. Караулова, прецедентный феномен представляет собой «текст, известный и понимаемый каждым представителем национально-культурного сообщества, обладающий высокой степенью значимости и оказывающий влияние на языковое сознание» [1]. Это определение акцентирует внимание на трех ключевых характеристиках: известности, значимости и влиянии. Однако, более современные подходы к определению понятия прецедентности расширяют это определение, включая не только тексты, но и события, личности, объекты, а также их символические репрезентации, обладающие аналогичными характеристиками.

В рамках теории прецедентности, значительный вклад в развитие которой внесли Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева, принято выделять четыре основные категории прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя [6].

Художественный текст, как сложная семиотическая система, является благоприятной средой для функционирования прецедентных феноменов. В художественном дискурсе они выступают ключевыми элементами интертекстуальности, обеспечивая диалог между различными текстами, эпохами и культурами.

В контексте межкультурной коммуникации, проблема перевода прецедентных феноменов приобретает особую актуальность. Это связано с тем, что каждый прецедентный феномен тесно связан с конкретной культурой, в которой он возник и функционирует, однако при переводе необходимо учитывать нормы и ожидания воспринимающей культурной среды [2]. Следовательно, переводчику необходимо адаптировать феномен, сохраняя его смысловую и культурную значимость, но делая его понятным и релевантным для новой аудитории. Для описания процессов, происходящих при переводе, часто используют термин «переводческие трансформации». В.Н. Комиссаров выделяет, в частности, лексические и грамматические трансформации, которые являются ключевыми инструментами адаптации текста. К основным типам лексических трансформаций относятся транскрибирование и транслитерация (для передачи формы и звучания) и калькирование (для сохранения структуры и значения). Среди наиболее распространенных грамматических изменений выделяются членение и объединение предложений, используемые для адаптации синтаксиса, а также грамматические замены, позволяющие сохранить смысл при изменении грамматических форм. Помимо этого, важную роль играют лексико-семантические замены, к основным видам которых относятся конкретизация, генерализация и

смысловое развитие значения исходной единицы, применяемые для уточнения, обобщения или адаптации смысла в новой культурной среде [3].

В конечном счете, выбор переводческой стратегии – это всегда компромисс, учитывающий тип прецедентного феномена, конкретную коммуникативную ситуацию и особенности целевой аудитории. Универсального решения здесь не существует, поэтому переводчику необходимо руководствоваться принципом функциональной эквивалентности. Успешный перевод – это результат сложного взаимодействия лингвистических, культурологических и прагматических факторов, требующий от переводчика высокого уровня профессионализма и глубокого понимания культурных реалий исходного и целевого языков [5].

Роман Дженнифер Иган «A Visit from the Goon Squad», опубликованный в 2010 году, представляет собой интересный пример произведения, сложно поддающегося однозначной жанровой классификации. Творческий почерк современной американской писательницы Дженнифер Иган определяет прием циклизации [7]. В своем творчестве, она стремится деконструировать традиционное понимание времени, отказываясь от линейного повествования и наделяя время исключительно субъективным характером. В романе «A Visit from the Goon Squad» время выступает не просто как хронологическая последовательность событий, а как главный, с которым неизбежно сталкиваются персонажи романа. Влияние времени может быть разрушительным для их стремлений и мечтаний, а борьба с ним представляется неотвратимой. Примечательно, что, по мнению самой Дженнифер Иган, «только музыка способна облегчить своего рода путешествия во времени, поэтому музыка стала столь важной частью книги» [10].

Язык романа характеризуется сложным переплетением стилистических приемов, среди которых особое место занимают метафоричность, интертекстуальность и ирония. Перевод романов Дженнифер Иган требует творческого подхода и готовности к компромиссам, чтобы найти баланс между сохранением аутентичности оригинала и обеспечением понятности и релевантности перевода для целевой аудитории.

Материалы и методы исследований

В качестве материала для исследования был выбран роман Дженнифер Иган «A Visit from the Goon Squad» и его русский перевод, выполненный Н. Калошиной и известный под названием «Время смеется последним». Для достижения поставленной цели использовались методы сопоставительного и интерпретативного анализа. Сопоставительный анализ позволил выявить основные переводческие приемы, а интерпретативный – оценить их эффективность. Анализ проводился с учетом четырех основных категорий прецедентности: прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации. Также был использован метод сплошной выборки для выявления всех случаев употребления прецедентных феноменов в романе.

Результаты и обсуждения

В рамках данной работы анализ переводческих стратегий, использованных при передаче прецедентных феноменов в романе «Время смеется последним», проводился по четырем ключевым категориям: прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации.

В качестве иллюстрации обратимся к следующему отрывку из романа Дженнифер Иган «Время смеется последним», где описывается неудачное свидание Саши:

Prewallet, Sasha had been in the grip of a dire evening: lame date (yet another) brooding behind dark bangs, sometimes glancing at the flat-screen TV, where a Jets game seemed to interest him more than Sasha's admittedly overhanded tales of Bennie Salazar, her old boss, who was famous for founding the Sow's Ear record label and who also (Sasha happened to know) sprinkled gold flakes into his coffee – as an aphrodisiac, she suspected – and sprayed pesticide in his armpits [9].

Парень скучал, поглядывал из-под свисающей челки на экран телевизора, игра «Нью-Йорк Джетс» определенно занимала его больше Сашиного рассказа – пусть слегка затянувшегося, но говорила-то она про Бенни Салазара, знаменитого основателя звукозаписывающей компании «Свиное ухо», который, между прочим (Саша знает, она у него работала), пьет кофе с золотыми хлопьями (для потенции, что ли?) и прыскается инсектицидами вместо дезодоранта [8].

В представленном примере название профессиональной команды по американскому футболу переводится на русский язык с помощью транслитерации. Уточнение «Нью-Йорк» делает название более понятным для русскоязычной аудитории. При переводе вымышленного имени, названия звукозаписывающей компании «Sow's Ear record label», переводчик использует сразу несколько стратегий для достижения оптимального результата. Название вымышленной компании представляет собой идиому, отсылающую к поговорке «You can't make a silk purse from a sow's ear», которая означает, что нельзя создать качественный продукт из плохих материалов. В связи с тем, что в русском языке нет аналогичной по смыслу поговорки, идиоматическая часть названия «Sow's Ear» (свиное ухо) переведена буквально. Добавление «звукозаписывающей»

вающая компания» предоставляет читателю информацию о том, чем именно является организация. Такой подход позволяет сохранить связь с оригинальным названием и одновременно передать его значение и коннотации. Использование кавычек подчёркивает условность названия.

При переводе следующего отрывка из романа Дженифер Иган переводчик Н. Калошина для обеспечения адекватного восприятия прецедентных имен использует прием конкретизации.

For as long as he'd known her, his wife had offset her sexy beauty with a pair of dorky glasses, sometimes leaning toward Dick Smart, other times Catwoman [9].

Ребекка, сколько он ее помнил, всегда носила нелепые массивные очки – будто в противовес собственной женственности и сексуальности. Оправы были разные: иногда как у героини старого шпионского фильма «Дик Сمارт 2.007», иногда как у бэтменовской Женщины-кошки [8].

В данном примере, при переводе прецедентного имени «Catwoman», переводчик использует стратегию конкретизации, добавляя определение «бэтменовской», чтобы устранить возможную смысловую неопределенность и однозначно установить принадлежность образа «Женщины-кошки» к вселенной, созданной вокруг персонажа Бэтмена. В случае с прецедентным именем «Dick Smart», Н. Калошина при переводе вводит пояснение «героини старого шпионского фильма» и дополнительную детерминацию «2.007», что, по-видимому, направлено на актуализацию в сознании российского зрителя ассоциаций с комедийным шпионским фильмом и акцентирование на устаревшей форме упоминаемых очков. Однако следует признать, что выбор названия «Дик Сمارт 2.007» представляется не вполне удачным и потенциально может ввести читателя в заблуждение.

При анализе перевода культурно-исторических реалий особое внимание уделяется прецедентным феноменам, несущим в себе значительную символическую нагрузку. Рассмотрим следующий отрывок из романа Дженифер Иган «Время смеется последним»:

But she hated the neighborhood at night without the World Trade Center, whose blazing freeways of light had always filled her with hope [9].

Но раньше тут стоял ВТЦ – по ночам он изливал на город потоки света, наполняя Сашино сердце надеждой, а теперь не было ни ВТЦ, ни света, ни надежды [8].

В данном отрывке присутствует прецедентный феномен – «World Trade Center».

В контексте трагических событий 11 сентября 2001 года это уже не просто архитектурное сооружение, а символ национальной утраты. Этот феномен обладает как культурной, так и исторической значимостью для целевой аудитории. В данном случае можно говорить о сочетании различных типов прецедентности: прецедентное имя и прецедентная ситуация. Переводчик не просто транслитерирует «World Trade Center», Н. Калошина использует аббревиатуру «ВТЦ», что является общепринятым сокращением в русскоязычной среде, а также добавляет экспликацию «раньше тут стоял ВТЦ». Это облегчает понимание для читателя, который может быть незнаком с оригинальным названием или его значимостью.

Перевод прецедентных ситуаций, отсылающих к известным произведениям культуры, требует обеспечения узнаваемости и понимания этих отсылок целевой аудиторией. Обратимся к следующему примеру из романа Дженифер Иган «Время смеется последним»:

Entering Lulu's bedroom, Dolly felt like Dorothy waking up in Oz: everything was in color. A pink shade encircled the overhead lamp. Pink gauzy fabric hung from the ceiling [9].

В комнате у Лулу Долли чувствовала себя как Дороти в стране Оз: всё кругом в одном цвете. Лампа с розовым абажуром. С потолка, задрапированного легкой розовой тканью, свисают нитки розовых бус [8].

В данном примере фраза «Dorothy waking up in Oz» представляет собой прецедентную ситуацию, отсылающую к известному произведению Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Н. Калошина, в данном случае, использует стратегию прямого перевода, опуская элемент, который и так подразумевается в контексте. Этот подход вполне оправдан, поскольку образ «Дороти в стране Оз» хорошо знаком русскоязычному читателю и не нуждается в дополнительных разъяснениях.

При переводе реалий, связанных с молодежными субкультурами, переводчику особенно важно учитывать культурный контекст и то, насколько хорошо целевая аудитория знакома с соответствующими символами и кодами. Рассмотрим следующий отрывок:

I'm afraid they'll wake up and be scared of us in our dog collars and safety pins and shredded T-shirts [9].

Черт, думаю, проснутся – перепугаются насмерть, мы же все в шипастых ошейниках, булавах и порванных футболках, какого нас вообще сюда понесло? [8].

Выражение «dog collars and safety pins and shredded T-shirts» в представленном примере является прецедентной ситуацией, описывающей типичный образ представителей панк-культуры, и в переводе звучит как «в шипастых ошейниках, булавах и порванных футболках». Для создания более яркого и конкретного об-

раза для русскоязычного читателя Н. Калошина использовала стратегию прямого перевода с добавлением конкретизирующего определения. Добавление прилагательного «шипастые» к «ошейникам» не только визуально обогащает образ, но и акцентирует агрессивный и протестный характер панк-эстетики. Как элемент гардероба и аксессуар, шипы традиционно ассоциируются с бунтом, неповиновением и стремлением к самовыражению через провокацию.

При переводе текстов, ориентированных на определенную культурную элиту, важно учитывать степень знакомства целевой аудитории с историческими и культурными прецедентами. Обратимся к следующему примеру:

La Doll had met with ruin on New Year's Eve two years ago, at a wildly anticipated party that was projected, by the cultural history-minded pundits she'd considered worth inviting, to rival Truman Capote's Black and White Ball [9].

Ла Долл кончилась два года назад, во время грандиозного новогоднего приема, которого ждал и о котором грезил весь Нью-Йорк. Корифеи истории культуры – из тех, кого она сочла нужным внести в список приглашенных, – предсказывали, что этот прием затмит легендарный «Черно-белый бал» Трумена Капоте [8].

В отрывке прецедентный феномен, представляет собой отсылку к знаменитому балу-маскараду, организованному Труменом Капоте в 1966 году. Это событие, безусловно, является одним из самых значимых в истории светской жизни Нью-Йорка. Данный феномен относится к типу прецедентных ситуаций, широко известных в определенном социокультурном контексте, в частности среди представителей интеллектуальной элиты и тех, кто интересуется историей культуры. Переводчик использует стратегию, сочетающую калькирование с элементами адаптации. Оригинальное название мероприятия – «Black and White Ball» – переводится как «Черно-белый бал». Данный подход позволяет сохранить узнаваемость прецедентного феномена для русскоязычной аудитории, знакомой с западной культурой. Однако стоит отметить, что степень знакомства с прецедентным феноменом может варьироваться среди различных групп читателей и может остаться непонятой или не вызвать ожидаемого эмоционального отклика. В связи с этим, в данном контексте, целесообразным было бы дополнить перевод кратким пояснением или сноской, разъясняющей значимость данного события.

При переводе прецедентных высказываний важно учитывать их роль в тексте. Если высказывание формирует образ персонажа или продвигает сюжет, переводчику лучше стремиться к максимальной точности. Для этого используют описательный перевод, адаптацию, подбирают эквиваленты или делают кальки. Если же высказывание тесно связано с конкретной культурой или языком, приходится прибегать к пояснениям или замене на более понятный аналог. Например:

Chris had grown up around rock groups, of course, but he was part of the postpiracy generation, for whom things like «copyright» and «creative ownership» didn't exist [9].

Он, конечно, вырос среди рок-групп, но все равно его поколение – это уже другие дети, привычные к пиратской продукции, для них слова «лейбл», «копирайт», «авторское право» – пустой звук [8].

В приведенном примере, в качестве прецедентного феномена выступает фраза «postpiracy generation». Это не просто словосочетание, а отсылка к эпохе, когда цифровой контент распространялся в обход всех правил. По сути, это прецедентное высказывание, отражающее важные изменения в медиакulturе и поведении потребителей. Как видим, переводчик использовал описательный перевод, чтобы раскрыть смысл этого высказывания. Такой подход, оправдан, поскольку позволяет читателю лучше понять социокультурные реалии, формирующие восприятие и коннотации оригинального текста.

Еще один интересный пример – отрывок, в котором описывается, что происходит с мышцами футболиста, который перестает играть.

At five-thirty, you were both loading up your cafeteria trays, you going heavy on the spinach because everyone says football muscle turns to Jell-O when you stop playing [9].

В половине шестого ваши подносы стояли рядом в кафе самообслуживания. Ты налегал на шпинат: говорят, когда человек перестает играть, футбольные мышцы быстро расплзаются как кисель [8].

Фраза «football muscle turns to Jell-O» представляет собой прецедентное высказывание, отсылающее к распространенному представлению об изменениях, происходящих с телом спортсмена после завершения его профессиональной карьеры. При переводе автор применяет адаптацию, заменяя оригинальное выражение на эквивалентное: «футбольные мышцы быстро расплзаются как кисель». Эта стратегия позволила сохранить ироничный оттенок авторского высказывания, в полной мере передав его смысл.

Передача прецедентных текстов требует от переводчика учета не только семантического содержания, но и стилистических особенностей исходного текста. Н. Калошина использовала различные стратегии, включая дословный перевод с комментариями, стратегию сохранения оригинального названия (без перевода) и адаптацию с учетом лингвистических и культурных различий. В некоторых случаях она отказывается от

полной передачи прецедентного текста, сознательно ограничивается лишь указанием на его существование, чтобы не перегружать текст лишней информацией и сохранить динамику повествования. Рассмотрим следующий пример:

A minute ago it was «Don't Let Me Down». Then it was Blondie's «Heart of Glass». Now it's Iggy Pop's «The Passenger»:

I am the passenger
And I ride and I ride
I ride through the city's backside
I see the stars come out of the sky [9].

Несколько минут назад было «Don't Let Me Down». Потом Blondie, «Heart of Glass». Сейчас «The Passenger» Игги Попа:

I am the passenger
And I ride and I ride
I ride through the city's backside
I see the stars come out of the sky [8].

В данном случае, прецедентные феномены представлены названиями популярных музыкальных композиций, а также отрывком из текста песни. В представленном переводе используется стратегия сохранения оригинального названия (без перевода). С одной стороны, это позволяет сохранить ритм и рифму песни, передать ее эстетическое измерение. С другой стороны, есть риск оттолкнуть тех читателей, которые не знакомы с этими композициями. Возможно, в этом случае рационально бы добавить краткое пояснение для тех читателей, которые не знакомы с этими песнями.

Создавая образы своих персонажей, автор использует не только описание внешности или поступков. В следующем примере для раскрытия личности и внутренних стремлений главной героини Дженнифер Иган прибегает к такому приему, как перечисление списка намеченных целей:

She would stop stealing from people and start caring again about the things that had once guided her: music; the network of friends she'd made when she first came to New York; a set of goals she'd scrawled on a big sheet of newsprint and taped to the walls of her early apartments:

Find a band to manage
Understand the news
Study Japanese
Practice the harp [9].

Она перестанет воровать и вернется ко всему тому, чем жила раньше, – к музыке, к друзьям, которых обрела в первые годы после переезда в Нью-Йорк, к спискам жизненных целей на сероватой бумаге, висевшим на стенах ее первых съемных квартир:

Стать менеджером группы
Разобраться в новостях
Выучить японский
Играть на арфе!!! [8].

В этом примере список целей, который героиня выписала на листе бумаги, можно рассматривать как индивидуально-авторский прецедентный феномен. Отдельные пункты списка, конечно, не несут какой-то особой культурно-исторической нагрузки, но вместе они создают уникальный портрет героини, показывают, к чему она стремится, что для неё важно. Что касается стратегии перевода, все пункты списка целей были переведены дословно, что позволило сохранить их аутентичность и избежать искажения авторского замысла.

Выводы

Фактический материал исследования позволил выделить следующие способы перевода прецедентных феноменов на русский язык: сноска, дословный перевод с комментариями, стратегия сохранения оригинального названия (без перевода), адаптация, описательный перевод, эквивалентные высказывания или кальки, калькирование с элементом адаптации. транслитерация, пояснения, дополнительная детерминация, конкретизация.

Анализ показывает, что частотность использования тех или иных способов перевода прецедентных феноменов не является строго детерминированной и во многом зависит от индивидуального выбора переводчика. Так, в работе Н. Калошиной преобладает транслитерация, составляющая 37% от общего числа. Высокая частотность этого способа обусловлена, в первую очередь, необходимостью сохранения формы, когда передача прецедентного феномена другим способом затруднительна. В результате переводчик стремится

перенести прецедентные феномены из оригинала в перевод без существенных изменений, не прибегая к подробному раскрытию их значения.

Пояснения в тексте или сноски, используемые в 9% случаев, применяются для описания прецедентных феноменов, требующих дополнительного разъяснения культурного или исторического контекста. При этом сноски встречаются реже, чем пояснения, встроенные в текст.

Сохранение оригинального названия без перевода (11%) чаще всего применяется к названиям музыкальных произведений.

Описательный перевод (8%), заключающийся в раскрытии значения прецедентного феномена в тексте перевода, позволяет адаптировать его для целевой аудитории, обеспечивая понимание его коннотаций и культурных аллюзий.

Калькирование (10%) – еще один распространенный прием, при котором структура и лексический состав прецедентного феномена переносятся в язык перевода с минимальными изменениями.

Стратегия адаптации (18%) применяется для передачи культурных реалий, которые сложно передать дословно и которые требуют замены на более близкие и понятные русскоязычной аудитории аналоги.

Конкретизация и дополнительная детерминация (4%) используются Н. Калошиной для уточнения и конкретизации смысла с целью избежать возможных неясностей.

Дословный перевод с комментариями (3%) используется переводчиком достаточно редко, поскольку он может нарушить стилистическую целостность текста.

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2002. 261 с.
2. Ковальчук Л.П., Какоулин С.Е. Особенности перевода прецедентных феноменов в американском политическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.10> (дата обращения: 01.03.2025).
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие: 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2014. 407 с.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. Лысякова А.А. Коммуникативно-функциональный подход к описанию переводческой стратегии // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 4. С. 42 – 51.
6. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. С. 17 – 23.
7. Соколова И.В., Шишкова И.А. Эклектика в современной американской литературе // Наука и школа. 2024. № 5. С. 47 – 59.
8. Иган Дж. Время смеется последним: роман / пер. с англ. Н. Калошина. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 432 с. URL: https://royallib.com/book/igan_dgennifer/vremya_smeetsya_poslednim.html (дата обращения: 01.03.2025).
9. Egan J.A Visit From the Goon Squad. Knopf, 2010. 288 p. URL: <https://www.bookfrom.net/jennifer-egan/page,2,43427> (дата обращения: 01.03.2025).
10. Heidi J., Egan J. The Author Interviews. 2010. URL: <https://bombmagazine.org/articles/jennifer-egan/> (дата обращения: 11.04.2025).

References

1. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality: 2nd ed., reprinted. M.: URSS, 2002. 261 p.
2. Kovalchuk L.P., Kakoulin S.E. Features of translation of precedent phenomena in American political discourse. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.10> (date of access: 01.03.2025).
3. Komissarov V.N. Modern translation studies: study guide: 2nd ed., corrected. M.: R. Valent, 2014. 407 p.
4. Krasnykh V.V. "Ours" among "strangers": myth or reality? Moscow: ITDGK "Gnosis", 2003. 375 p.
5. Lysyakova A.A. Communicative-functional approach to the description of translation strategy. Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy. 2022. No. 4. P. 42 – 51.
6. Nazarova R.Z., Zolotarev M.V. Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena. Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2015. P. 17 – 23.
7. Sokolova I.V., Shishkova I.A. Eclecticism in modern American literature. Science and School. 2024. No. 5. P. 47 – 59.

8. Egan J. Time Laughs Last: a novel. Trans. from English by N. Kaloshina. Moscow: AST: CORPUS, 2013. 432 p. URL: https://royallib.com/book/igan_dgennifer/vremya_smeetsya_poslednim.html (date of access: 01.03.2025).

9. Egan J.A Visit From the Goon Squad. Knopf, 2010. 288 p. URL: <https://www.bookfrom.net/jennifer-egan/page,2,43427> (date of access: 01.03.2025).

10. Heidi J., Egan J. The Author Interviews. 2010. URL: <https://bombmagazine.org/articles/jennifer-egan/> (date of access: 11.04.2025).

Информация об авторах

Давыдова К.В., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», kiradav69@mail.ru

Соболева Е.А., кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», el_al_soboleva@mail.ru

© Давыдова К.В., Соболева Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 8; 81-25

¹ Косоножкина Л.В., ² Герасимова Н.И.

¹ Доской государственный технический университет

² Ростовский государственный экономический университет

Универсальный характер эллиптических одночленных ответов в вопрос-ответных диалогических единствах в современных языках мира

Аннотация: в данной статье рассматривается одно из наиболее распространённых, универсальных явлений синтаксиса предложений. Авторы исследуют проблему эллипсиса, отражающую многие фундаментальные проблемы синтаксического уровня современных мировых языков. В статье авторы рассматривают только одночленную структуру эллиптических ответных предложений в диалогическом единстве, которая является, несмотря на фрагментарность, семантически достаточной и универсальной в разноструктурных мировых языках. Классификация данных языковых структур проводится в соответствии с морфологической выраженностью стержневого компонента. Исследуются субстантивные, прономинальные, адverbialные, адъективные одночленные структуры эллиптических ответных предложений в диалогическом единстве различных языков, а также выраженные словами «да», «нет».

Ключевые слова: эллипсис, эллиптические ответные предложения, вопросно-ответное диалогическое единство, экспрессивность, нулевой знак, синтаксическая универсалия

Для цитирования: Косоножкина Л.В., Герасимова Н.И. Универсальный характер эллиптических одночленных ответов в вопрос-ответных диалогических единствах в современных языках мира // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 31 – 37.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Kosonozhkina L.V., ² Gerasimova N.I.

¹ Don State Technical University

² Rostov State University of Economics

The universal character of elliptical one member answers in question-and-answer dialogical unities in modern languages of the world

Abstract: this article examines one of the most common, universal phenomena of sentence syntax. The authors explore the problem of ellipsis, reflecting many fundamental problems of the syntactic level of modern world languages. In the article, the authors consider only the one-member structure of elliptical response sentences in a dialogical unity, which, despite its fragmentation, is semantically sufficient and universal in the world's languages with different structures. The classification of these linguistic structures is carried out in accordance with the morphological character of the key component. The substantive, pronominal, adverbial, and adjectival one member structures of elliptical response sentences in the dialogical unities of various languages, as well as those expressed by the words "yes" and "no" are investigated.

Keywords: ellipsis, elliptical response sentences, question-and-answer dialogical unity, expressivity, zero sign, syntactic universality

For citation: Kosonozhkina L.V., Gerasimova N.I. The universal character of elliptical one member answers in question-and-answer dialogical unities in modern languages of the world. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 31 – 37.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность. Одним из наиболее существенных признаков любого разговорного языка современного мира является широкое использование эллиптических (укороченных, фрагментарных) предложений как в диалогах, так и в монологах. Эллиптические предложения считаются универсальной нормой во всех мировых языках: славянских, азиатских, германских, романских и др.

Целью данной работы является исследование универсального характера одночленных эллиптических предложений ответов на вопросительные предложения (далее ОЭП) различных неродственных мировых языках.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- выполнить анализ лингвистической литературы по проблеме эллипсиса и языковых универсалий;
- провести анализ рассматриваемых структур ОЭП в вопросо-ответных диалогических единствах (далее ВОДЕ);
- сделать анализ различных семантических функций ОЭП в вопросо-ответных диалогических единствах (ВОДЕ);
- выявить структурную и семантическую идентичность структур ОЭП в различных языках мира.

В этой статье изучаются эллиптические ответы на вопросительные предложения в вопросо-ответных диалогических единствах (ВОДЕ) в английском, русском, немецком, испанском, итальянском, ирландском, таджикском, татарском, французском, голландском, финском, шведском, белорусском, чешском, датском, португальском, румынском, словацком, хорватском, корейском, японском языках; описываются структурные и семантические стороны с учетом только их сходных черт.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили ОЭП в ВОДЕ в различных текстовых жанрах различных языков мира. Актуальность темы исследования статьи обусловлена определением статуса ОЭП и их универсальности в различных современных мировых языковых семьях.

ВОДЕ с эллиптическим ответным предложением представляют собой один из распространенных типов ВОДЕ, которые широко используются в английском и других языках мира.

Теоретическую основу статьи можно найти в высказываниях российских и зарубежных лингвистов, изучавших универсальные мировые языковые структуры, включая эллипсис (Дресслер В. 1971; Фидан Н. 2024; Гринберг Дж. 1978). Некоторые лингвисты исследуют преимущественно структурные и грамматические стороны этих универсальным языковым элементам (Воробьева Е.Н., Ларкина А.А., Цзиньсян Ли)

В лингвистике ученые исследуют эллиптическое предложение как специфическое явление речевого синтаксиса разных языков. Можно сказать, что каждая тенденция в лингвистике описывала эллипсис и его результаты, т.е. эллиптическое предложение со своей точки зрения. В работах по эллиптическим предложениям разных авторов, исследовавших их на материале разных языков мира, эллиптические ответные предложения. ОЭП не рассматривались как независимые грамматические структуры, потому что один или несколько членов предложения, соответствующих схеме стандартного простого двусоставного предложения, отсутствовали. (Супрун А.Г., Прохорова О.Н.). Также явление эллипсиса рассматривалось как тенденция экономики языковых знаков в мировой языковой системе, как нулевой языковой знак (Давыдова М.М. 2011, Цзиньсян Ли 2020, Ковзанович О.В. 2024). Текстовая лингвистика рассматривала ЕАС как синтаксические конструкции, которые получают свой собственный функциональный статус благодаря контексту и экстралингвистической поддержке. В соответствии с прагматическим подходом ОЭП выявляют свою зависимость от лингвистических и экстралингвистических контекстов при формировании своей семантики, без этой поддержки они просто не могут существовать (Фомичева М.П. 2020).

По мере того, как разные народы мира обращаются в своем общении к эллиптическим предложениям, эти лингвистические структуры стали представлять абсолютно универсальные единицы (Фидан, 2024). Изучение синтаксических универсалий связано прежде всего с именем Дж. Гринберга, который выделил ряд существенных свойств, связанных с порядком слов и В. Дресслером (Гринберг Дж., 1978; Дресслер В., 1971).

Универсалии определяются как «языковые свойства, общие для всех языков или большинства из них» (Николаева Т.М., 1990). ОЭП в ВОДЕ изучаются на материале совершенно разных мировых языковых групп (Тутаришева М.К., Тутаришева М.К., 2014). Также эллиптические предложения являются предметом интенсивного исследования в теории перевода (Кириллова А.В., 2009). Эллиптические универсалии выделяются на всех уровнях различных языков: фонетическом, лексическом и синтаксическом. На уровне фонетики в различных языках эллипсис проявляется в различных способах звуковых сокращений, на лексическом уровне – в пропуске слова или словосочетаний. На синтаксическом уровне – в появлении одночленных и двучленных эллиптических предложений (Глацек А., 1995). Также эллиптические предложения являются предметом интенсивного исследования в теории перевода (Кириллова А.В., 2009).

Методы исследования в настоящей статье основаны на исследованиях различных российских и зарубежных лингвистов по эллипсису. Исследуя эллиптические ответы в ВОДЕ, мы прибегли к таким методам лингвистического анализа, как сравнительно-контрастный анализ ОЭП в ВОДЕ в языках мира; анализ различных интерпретаций эллиптических ответных предложений со стороны их структурных, функциональных, прагматических особенностей. Мы пытаемся раскрыть универсальный характер эллиптических ответных предложений ОЭП в ВОДЕ в различных языковых семьях мира.

Практическая значимость статьи заключается в том, что данный материал может быть использован при изучении английского языка и различных языков по таким предметам, как теория и практика перевода с одного языка на другой; общее и сравнительное языкознание.

Результаты и обсуждения

Носители мировых языков широко используют ОЭП в ВОДЕ. Структурная и семантическая идентификация таких языковых структур определяется сходством человеческого мышления и менталитета людей, несмотря на различные мировые национальные особенности. С одной стороны, универсальный характер ОЭП в ВОДЕ представлен в их идентичной структуре, которая может быть одночленной, и, с другой стороны, в их идентичной семантике, которая определена предыдущим вопросом в ВОДЕ. Грамматическая структура ОЭП определяется морфологической выраженностью стержневого компонента. По характеру морфологической выраженности стержневого компонента они могут быть субстантивными, глагольными, адъективными, адвербиальными, местоименными, а также выраженными эллиптическими ответными предложениями «да», «нет».

Субстантивные одночленные ОЭП.

В разных языках мира субстантивные ОЭП на специальные вопросы, начинающиеся с вопросительных слов «кто», «что», «где», обладают разными семантическими функциями, такими как: а) выявление категории класса объектов (индивидов), или отдельного субъекта (персоны), явления природы или объективной реальности; б) определение категории класса объектов с локализирующей семантикой, в) определение категории класса объектов с временной семантикой, г) с семантической функцией уточнения. Например:

а) Sir Charles: Was schreibt er? Что он пишет?

Miss Wilcott: Bücher. – Книги (Немецкий).

б) 무슨 과일을 좋아해요? Какие фрукты любите?

바나나요. Бананы (Корейский).

Поскольку предметом этого типа вопросительных предложений является ссылка на личную или предметную идентификацию, ответы представлены EAS со стержневым компонентом, выраженным существительным.

с) Deeley: Où peut-il aller? Куда он может поехать?

Rate: En Chine. Ou en Sicile. В Китай. Или на Сицилию (Французский).

д) определение категории класса объектов с временной семантикой. Например:

Quanto tempo starai via? Как долго ты будешь отсутствовать?

– Due o tre settimane. Две-три недели (Итальянский).

е) ¿Tienes que volver a Nueva York mañana? Ты должен завтра вернуться в Нью-Йорк?

Sí, por la mañana. Да, утром (Испанский).

Качественно-оценочная семантическая функция субстантивного ОЭП в ВОДЕ формируется наличием прилагательных. Например:

ф) Lord Cottingley (hiljaa): Millainen tyyppi tämä kommunisti on, herra Fletherington? Что за человек этот коммунист, мистер Флезерингтон?

Fletherington: Ei lainkaan huono tyyppi, lordi Cottingley. Лорд Коттингли совсем неплохой парень (Финский).

g) どこに住んでいますか? Где вы живете?

– 東京です。В Токио (Японский).

Прономинальные одночленные ОЭП.

В языках современного мира одночленные прономинальные ОЭП в ВОДЕ характеризуются семантическими функциями идентификации человека или времени действия, например:

a) Lady Chiltern: Vem är det? Кто это?

Lord Goring: Du själv. Вы сами (Шведский).

b) Шумо табиӣ буданро тарчеҳ медихед? Вы предпочитаете быть естественным?

Баъзан. Иногда (Таджикский).

Адвербиальные одночленные ОЭП.

В разных языках мира одночленные adverbiальные эллиптические предложения имеют смысловые значения идентификации количества и качества, места и времени действия. Например:

a) Alvaro: Cá bhfuil sé stróicthe? Где она порвана?

Serafina (ag caoineadh): Síos ar chúl. На спине (Ирландский).

c) Ты хочешь побыть одна? Ненадолго (Русский).

d) Ничек ясадың? Как ты это сделал?

Кырык. Ник әйтте. Много. Ник сказал (Татарский).

f) Lord Goring: Heb je me gemist? Ты скучал по мне?

Anabel Chiltern: Vreselijk. Ужасно (Голландский).

Адъективные одночленные ОЭП.

В современных языках мира адъективные эллиптические ответы на предложения могут быть структурированы как вопросы и утверждения.

Одночленное адъективное ОЭП к специальному вопросу, начинающееся со слов вопроса «что», «как», содержит качественные характеристики лиц, действий. Их основная семантическая функция – оценочная или квалификационная. Например:

a) あのレストランはどう? Как насчет того ресторана?

– 高いよ! Дорогой! (Японский).

b) Як ты сябе адчуваеш? Как ты себя чувствуешь?

– Добра. Хорошо (Белорусский).

Часто эллиптические ответы на предложения обладают усилителями, усиливающими качественные характеристики субъекта или действия, которые выражаются в вопросительных предложениях (абсолютно, очень, немного, красиво и т.д.; наверняка, точно, скорее, гарантированно, определенно, точно, совершенно, наверное, видимо, очевидно, решительно и т.д.). Например:

a) Are you still tired after your nap? Ты все еще устала после дневного сна?

– Pretty much, he said. В значительной степени, – сказал он (Английский).

Адъективные ОЭП с квалификативной семантикой могут обладать не только положительной, но и отрицательной семантикой, например:

b) – Er hun din søster? I ligner slet ikke hinanden. Она твоя сестра? Вы совсем не похожи друг на друга.

– Ikke ret meget. Не очень (Датский).

Семантику адъективных ОЭП в ВОДЕ изучала Е.М. Вольф (1985). Эти эллиптические структуры представляют эмоционально-оценочный ответ на предыдущие вопросительные предложения.

Иногда ОЭП начинаются с союзов, которые служат демонстрацией структурно-семантического единства предложений в рамках ВОДЕ. Координация осуществляется соединительными союзами «и, или, но», выражающими идентифицирующие, разобщающие и противоречивые семантические отношения. Например:

Robert: Então Deus diz que você deve levantar o cerco de Orleans?

- Joan: E coroar o Delfim na Catedral de Reims (Португальский).

В различных языках мира многозначные союзы, когда они используются в ответе ОЭП, теряют свою двусмысленность. Обычно эллиптические предложения, начинающиеся с сочетания «но», выражают сомнение или несогласие с содержанием предшествующего предложения диалога.

A: Este extrem de bun. Это очень хорошо.

B: Dar lent. Но медленно. (Румынский).

ОЭП, выраженные «Да, Нет» и их модальными эквивалентами.

В современных мировых языках особую разновидность одночленных эллиптических предложений ответа представляют предложения «Да, Нет» и их модальные эквиваленты (конечно, действительно, наверное, наверняка, возможно, конечно, скорее, именно, естественно, действительно, без сомнений, гарантированно, совершенно, точно, несомненно, вряд ли и т.д.).

Лингвистическая природа этих эллиптических предложений интерпретируется по-разному. С одной стороны, на текстовом материале современного русского языка ОЭП в ВОДЕ «Да», «Нет» считаются заместителями предложений, которые служат информативными единицами, не являющимися предложениями. С другой стороны, в английском языке адъективные ОЭП «Yes», «No» относят к эллиптическим структурам, выполняющим свою предикативную функцию, которая заключается в выражении истинных или ложных понятий.

Д. Вундерлих, называя их маркерами согласия или несогласия, пишет: "Да, Нет не предназначались для выражения ответов. Это лишь одна из их возможных функций, при условии, что есть предыдущий вопрос, который ищет согласия или несогласия" (Д. Вундерлих, 1976).

Таким образом, в лингвистической литературе ОЭП «Да», «Нет» трактуются по-разному: как предложения и как не предложения. Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые считают «да», «нет» самостоятельными сокращёнными предложениями.

Эллиптические ответы «да, нет» на вопросительные предложения «да, нет» выполняют коммуникативно-семантическую функцию подтверждения или отрицания идеи общего вопросительного предложения.

Междометия, модальные слова при использовании в ОЭП «Да, нет» подчеркивают их основное содержание.

Takže pani Strattonová je vaša sesternica? Значит, миссис Стрэттон – ваша кузина?

– Áno, naozaj. Да, правда (Словацкий).

Если структура эллиптических предложений «Да, Нет» в языках мира расширяется разными детерминантами, происходит обогащение их смысловых значений дополнительными нюансами. Например:

Noşuna gitti mi? Вам это нравится? Да, очень понравилось, спасибо.

Evet, çok beğendim, teşekkür ederim (Турецкий).

ЭОП в ВОДЕ, выраженные модальными словами, шире в смысловом смысле, чем эллиптические слова-предложения ДА, НЕТ, благодаря тому, что они передают отношение оратора к заданному вопросу.

а) У шуни қила оладими? Может ли он это сделать?

– Албатта. Конечно (Узбекский).

Babbs: ... Est-ce que je suis apparenté à lui? Состою ли я с ним в родстве?

а) – Jack: Bien sûr que non, idiot. Конечно, нет, идиот (Французский).

Во всех языках мира ЭОП в ВОДЕ, выраженные модальными словами, характеризуются разнообразием семантики и передают следующие чувства:

а) уверенность (конечно, действительно, скорее, именно, и т.д.):

Eddie: Razgovaram s tobom povjerljivo, zar ne? Я говорю с тобой конфиденциально, не так ли?

Alfieri: Naravno. Конечно (Хорватский).

б) предположение, сомнение, неопределённость, колебания: возможно, возможно, очевидно, видимо и т.д.

Phoebe: ... Nezrušila jsi zasnoubení? Вы разорвали помолвку?

– Jean: Nevím. Pravděpodobně. Я не Знаю. Вероятно (Чешский).

Выводы

Подводя итоги нашим наблюдениям за ЭОП в ВОДЕ, можно сделать вывод о структурной и семантической идентичности структур ОЭП в различных языках мира. Этот факт превращает их в универсальную особенность многих мировых языков. Структура ЭОП в ВОДЕ может быть одночленной и определяться морфологической выраженностью основного компонента. Семантические функции ЭОП в ВОДЕ во всех языках отмечены одинаковыми большими многообразиями. Учитывая основную морфологическую выраженность стержневого компонента, они подразделяются на одночленные субстантивные, адвербиальные, адъективные, прономинальные эллиптические ответные предложения. Во всех языках мира данные сокращённые структуры обладают функцией идентификации предметов, вещей и явлений объективной реальности; их семантика одинакова: личностно определительная, локальная, временная, качественная и количественная, оценочная. Естественно, они одинаково используются для выражения как положительных, так и отрицательных, общих и частичных значений. Усилители часто используются в ЭОП в ВОДЕ современных языков, что делает их более выразительными. Особый тип ОЭП в ВОДЕ в языках мира представлен ОЭП, выраженные «Да, Нет» и их модальными эквивалентами. Эллиптические ответы предложения «да, нет» выполняют коммуникативно-семантическую функцию подтверждения или отрицания идеи общего вопро-

сительного предложения. Если эллиптические ответы «Да, Нет» заменяются их модальными эквивалентами, то в мировых языках они выражают совершенно разные дополнительные значения: либо уверенности, либо предположения, сомнения, неопределенности, колебаний и т.д.

ОЭП в ВОДЕ становится типичным языковой нормой, универсально используемой как в русском, так и в английском, немецком и японском, китайском, французском и других языках.

Перспективу дальнейшего исследования можно увидеть в изучении специфических особенностей ОЭП в ВОДЕК разных мировых языков. Это может стать темой будущих лингвистических исследований.

Список источников

1. Вольф Е.М. Оценка в диалоге // Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
2. Воробьева Е.Н. Теория эллиптических предложений в отечественной русистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9. С. 3020 – 3026.
3. Вундерлих Д. Теория речевых актов. Франкфурт-на-Майне, 1976. 286 с.
4. Давыдова М.М. Эллипсис, подразумеваемые и нулевые знаки // Университет XXI века: научное измерение: материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. С. 80 – 91.
5. Дресслер В.У. К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 94 – 103.
6. Глашек А. Значение сочетания существительных-модификаторов в английском языке. Интерпретационная модель и ее применение к многоточию и дополнению. Вроцлав: Wydaw. Uniwers. Ratislaviensis, 1995. 125 с.
7. Гринберг Дж. Языковые универсалии. Стэнфорд: Чарльз Фергюсон, СЮП, 1978. 186 с.
8. Кириллова А.В., Жебряткина И.Ю., Романов В.В., Чивилева В.В. Эллипсис: востребовано в СМИ (на примере новостей англоязычных телеканалов) // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 1. С. 37 – 45.
9. Ковзанович О.В. Эллипсис как средство языковой экономии в английском коммерческом дискурсе // Проблемы модернизации языкового образования: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2024. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/22610>.
10. Лысыкова А.И. Эллипсис как средство выражения японской языковой картины мира // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 459 – 461.
11. Фидан Назарли. Эллипсис как универсальное языковое явление // Бесконечный свет в науке. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ellipsis-kak-universalnoe-yazykovoe-yavlenie>.
12. Николаева Т.М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: ЛЭС, 1990. 683 с.
13. Супрун А.Г., Прохорова О.Н. Когнитивные установки процесса эллиптизации в английском языке (на материале новостных текстов медиа дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 194 – 197.
14. Тутаришева М.К. Сущность, роль и функции многоточия в языке (на материале разноструктурных языков). Майкоп, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-rol-i-funktsii-ellipsisa-v-yazyke-na-materiale-raznostrukturnyh-yazykov/viewer>.
15. Фомичева М.П., Буцурдзе Л.З. Эллипсис как эффективный инструмент экономии языковых средств в современной немецкой прессе // Филологический аспект. 2020. № 6 (62). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ellipsis-kak-effektivnyj-instrument-ekonomii-yazykovykh-sredstv-v-sovremennoj-nemetskoj-presse.html>.
16. Цзиньсян Ли. К вопросу об эллипсисе и нулевой анафоре в языке (на примере китайского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 6/2. С. 130 – 134.

References

1. Wolf E.M. Evaluation in Dialogue. Functional Semantics of Evaluation. Moscow: Nauka, 1985. 228 p.
2. Vorobyova E.N. Theory of Elliptic Sentences in Russian Studies: A Systematic Review. Philological Sciences. Theory and Practice Issues. 2023. Vol. 16. Iss. 9. P. 3020 – 3026.
3. Wunderlich D. Theory of Speech Acts. Frankfurt am Main, 1976. 286 p.
4. Davydova M.M. Ellipsis, Implied, and Zero Signs. University of the 21st Century: Scientific Measurement: Proceedings of the Scientific and Practical Conference of the Faculty of the Tolstoy State Pedagogical Univ. of Russia. Tula: Publishing House of the Tolstoy State Pedagogical Univ. of Russia. Tolstoy, 2011. P. 80 – 91.

5. Dressler V.U. On the Problem of Indo-European Elliptic Anaphora. *Issues of Linguistics*. 1971. No. 1. P. 94 – 103.
6. Glaszek A. The Meaning of Combinations of Nouns-Modifiers in English. An Interpretative Model and Its Application to Ellipsis and Complement. Wrocław: Wydaw. Uniw. Ratislaviencia, 1995. 125 p.
7. Greenberg J. *Language Universals*. Stanford: Charles Ferguson, SYUP, 1978. 186 p.
8. Kirillova A.V., Zhebratkina I.Yu., Romanov V.V., Chivileva V.V. Ellipsis: in demand in the media (based on the example of English-language TV channel news). *Bulletin of Philological Sciences*. 2023. Vol. 3. No. 1. P. 37 – 45.
9. Kovzanovich O.V. Ellipsis as a means of linguistic economy in English commercial discourse. Problems of modernization of language education: collected articles from the VII International scientific and practical conference. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2024. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/22610>.
10. Lysikova A.I. Ellipsis as a means of expressing the Japanese linguistic picture of the world. *Young scientist*. 2020. No. 24 (314). P. 459 – 461.
11. Fidan Nazarli. Ellipsis as a universal linguistic phenomenon. *Infinite light in science*. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ellipsis-kak-universalnoe-yazykovoe-yavlenie>.
12. Nikolaeva T.M. *Universals. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: LES, 1990. 683 p.
13. Suprun A.G., Prokhorova O.N. Cognitive attitudes of the ellipticalization process in the English language (based on news texts of media discourse). *Philological sciences. Theory and practice issues*. 2020. Vol. 13. Iss. 7. P. 194 – 197.
14. Tutarisheva M.K. The essence, role and functions of ellipsis in language (based on languages of different structures). Maykop, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-rol-i-funktsii-ellipsisa-v-yazyke-na-materiale-raznostrukturnyh-yazykov/viewer>.
15. Fomicheva M.P., Butsuradze L.Z. Ellipsis as an effective tool for saving linguistic means in the modern German press. Philological aspect. 2020. No. 6 (62). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ellipsis-kak-effektivnyj-instrument-ekonomii-yazykovykh-sredstv-v-sovremennoj-nemetskoj-presse.html>.
16. Jinxiang Li. On the issue of ellipsis and zero anaphora in language (on the example of the Chinese language). *Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2020. No. 6/2. P. 130 – 134.

Информация об авторах

Косоножкина Л.В., кандидат филологических наук, доцент, Доской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, lucu_kos@mail.ru

Герасимова Н.И., кандидат педагогических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, gueras@yandex.ru

© Косоножкина Л.В., Герасимова Н.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81-11

¹ Ши Линь

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Роль синтаксических средств в характеристике героев (на примере романа М.Л. Степновой «Сад»)

Аннотация: в данной статье были проанализированы основные синтаксические средства выразительности, используемые в романе М.Л. Степновой «Сад»: парцелляция, сегментация, повтор, анафора, эпифора, риторический вопрос, эллипсис. Наиболее частотными и яркими в создании речевой характеристики персонажей являются экспрессивно окрашенные повторы. Автор активно пользуется пространством диалогов как способом выражения внутреннего состояния персонажа, его личных качеств и поведенческих особенностей. Также подобная частотность использования вышеперечисленных синтаксических средств свидетельствует о тенденции информативной лаконичности в современном русском языке.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, современная проза, парцелляция, сегментация, повтор, анафора, эпифора, риторический вопрос, эллипсис

Для цитирования: Ши Линь. Роль синтаксических средств в характеристике героев (на примере романа М.Л. Степновой «Сад») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 38 – 43.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Shi Lin

¹ St. Petersburg State University

The role of syntactic means in characterization of characters (on the example of M.L. Stepnova's novel "The Garden")

Abstract: this article analyzed the main syntactic means of expression used in M.L. Stepnova's novel "The Garden": parcellation, segmentation, repetition, anaphora, epiphora, rhetorical question, ellipsis. The most frequent and striking are the expressively colored repetitions used in creating the speech characteristics of the characters. The author actively uses the space of dialogues as a basis for expressing the character's internal state, his personal qualities and behavioral characteristics. Also, the similar frequency of using the above syntactic tools indicates a tendency of informative conciseness in modern Russian.

Keywords: syntactic constructions, modern prose, parcellation, segmentation, repetition, anaphora, epiphora, rhetorical question, ellipsis

For citation: Shi Lin. The role of syntactic means in characterization of characters (on the example of M.L. Stepnova's novel "The Garden"). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 38 – 43.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тенденциями развития языка, получившими свое воплощение на страницах современной русской прозы, которые сосредоточены прежде всего на модернизации языковой формы, а именно – на активном использовании тех или иных синтаксических конструкций, играющих главным образом экспрессивную функцию в создании речевых портретов. Данное исследование позволяет выявить сходные черты их использования и составить целостную картину динамики использования синтаксических средств выразительности в современном русском языке.

Исследование синтаксических средств и их функционирования в художественном тексте в контексте современной лингвистики и литературоведения является важным аспектом для комплексного анализа отечественной прозы. Изучение синтаксиса художественного текста является актуальной задачей современной лингвистики и литературоведения. Понимание авторского использования синтаксических возможностей для характеристики персонажей, построения сюжета и создания эмоционального воздействия на читателя позволяет глубже проникнуть в художественную ткань произведения и оценить его эстетическую ценность.

Цель статьи – проанализировать основные черты языкового стиля писателя М.Л. Степновой на примере её романа «Сад», определить наиболее частотные синтаксические средства и исследовать их функцию в создании речевых портретов главных героев, раскрытии их внутренних переживаний и поведенческих особенностей. В частности, нас интересует, как синтаксическая организация текста способствует приближению речи персонажей к разговорному стилю, повышая яркость, пластичность и увлекательность повествования.

Для достижения вышеуказанной цели были отобраны и систематизированы использованные в романе М.Л. Степновой «Сад» синтаксические конструкции и обозначена их роль в создании речевых портретов главных героев; выявлены и описаны общие (универсальные) и специфические особенности использования тех или иных синтаксических конструкций в исследуемом романе.

Новизна данной работы заключается в лингвистическом анализе малоизученного с этой точки зрения романа «Сад» и исследовании синтаксических механизмов создания речевых портретов в нём.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании вузовских курсов по синтаксису в университете, а также учебных дисциплин, связанных со стилистикой, прагматикой и контекстным анализом текста. Помимо этого, данное исследование расширяет возможности практического осмысления теории экспрессивного синтаксиса в русском языке и представляет возможности для дальнейшего исследования его проявлений в устной речи.

В нашем исследовании мы рассмотрели определённые синтаксические средства: парцелляцию, сегментацию, повтор (и его разновидности – анафору и эпифору), риторические вопросы, эллипсис.

Материалы и методы исследований

Для того чтобы полностью изучить тему и достичь целей работы, автор использует следующие общенаучные методы: сплошная выборка, количественный анализ, качественный анализ, контекстуальный анализ, сравнительный метод, а также интерпретационный метод. Основным материалом исследования послужил текст романа М.Л. Степновой «Сад». Кроме того, были привлечены критические статьи и рецензии на данный роман (например, работы Г.Л. Юзефович и М.Л. Турбина), а также теоретические труды по лингвистике и стилистике художественного текста.

Результаты и обсуждения

В статье мы анализируем использование синтаксических выразительных средств в создании характеристики персонажей в романе М.Л. Степновой «Сад». Критик Г.Л. Юзефович отозвалась о нем так: «Стилистически изысканный, рукодельно-подробный и в то же время масштабный по замыслу роман – событие для сегодняшней русской словесности редкое и потому особенно радостное» [9]. Она высоко оценила литературное качество и сюжетное содержание романа, что демонстрирует уникальный талант автора, а также отражает важную ценность и исследовательскую значимость этого произведения. Писатель М.Л. Турбин тоже дал положительную оценку «Саду»: «Новый роман вмиг стал бестселлером. 2,0 И, надо признать, заслуженно» [7, с. 220].

Хорошо написанный роман невозможен без тонко прописанной характеристики характеров персонажей, а также без включения психологических и эмоциональных описаний в произведении, имеющих прямую связь с идейным содержанием произведения. Яркие персонажи, их внутренние переживания и сложность, многогранность речевого портрета часто делают историю более увлекательной, побуждая читателей задуматься и вступить в «диалог» с героем и автором. Когда читатели находят персонажей, которые похожи на них самих чувствами, переживаниями, идеями, они с большей вероятностью погружаются в историю и испытывают эмоциональную и идеологическую связь с персонажами. Таким образом, яркие характеристики образа персонажа часто являются одним из ключей к привлечению внимания читателей, а также важным средством для

изучения подтекста истории, знакомства с идейным уровнем текста и для углубления понимания природы изображённых человеческих отношений и общественной, социальной иерархии.

Характеристики этих персонажей часто передаются не только через речь автора, но и через их речевой портрет («набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определённых намерений и стратегий воздействия на слушающего» [5, с. 87]) представленный в диалоговом поле текста, и одним из способов передачи подобной информации является использование определённых синтаксических средств, которые успешно создают «живых» персонажей и новый уровень подтекста, где мы движемся по привычной нам схеме: от формы к содержанию. И, в конце концов, читатель получает истории-пазлы, где смысл находится в том числе и за синтаксическим знаком.

К изучаемым нами синтаксическим приёмам относятся парцелляция, сегментация, повтор, риторические вопросы, эллипсис и т.д. С помощью этих средств автор умело оформляет речевые портреты персонажей, изображает героев реалистичными, оставляет глубокое впечатление у читателей и в то же время делает язык текста более сжатым и точным. Особую роль синтаксического уровня отмечал и Р.Р. Чайковский: «Свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [8, с. 196]. Проблема изучения экспрессивного потенциала синтаксических средств языка относится к актуальным областям современной лингвистики, поскольку отражает современные тенденции развития языковой системы [3, с. 7]. Например, М.В. Баранчук в статье «Синтаксические средства выразительности романа Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» пытается объяснить, почему роман имел такой успех, и подчёркивает, что «Синтаксический строй языка произведения и синтаксические средства выразительности составляют ядро художественного текста» [2, с. 73].

Мы изучили самые частотные и яркие синтаксические фигуры, используемые М. Степновой.

1) Парцелляция – способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами [10, с. 369]. Отделение в тексте при помощи точки или восклицательного знака одного слова или нескольких последних слов концентрирует внимание читателя на них, играет экспрессивную функцию, нагружает обособленные точкой слова или словосочетания идейной важностью и ведёт к более глубокому пониманию интенций героя. Например:

«– Ты, слава богу, прекрасно образована.

– Нет, я хочу быть образована как надо. Хочу всё знать про лошадей. Не от конюхов. А... По-настоящему. Как разводить правильно. Про болезни. Всё» [6, с. 327].

Парцеллированная конструкция, используемая в диалоге между Тусей и Мейзелем, – «Хочу всё знать про лошадей. Не от конюхов» – показывает стремление Туси к знаниям и отход от традиционных представлений. Она демонстрирует в каждом отделенном слове чёткость и решительность своих намерений. Парцелляция демонстрирует твердость характера девушки, её вызов обществу того времени. В середине XIX вв. женщины были привязаны к стереотипным традиционным домашним обязанностям, но Туся открыто показывает более не скрываемое ею желание реализовать себя, получить высшее образование. Это указывает на её мужество и сильное стремление к самореализации.

2) Сегментированная конструкция – это вычленение из предложения любой части и представление её как самостоятельного высказывания. При этом в отчленённой части актуализируется вторая рема или компонент, расширяющий, поясняющий, уточняющий рему базовой структуры [4, с. 101].

В тексте М. Степновой явно прослеживается тенденция к сегментации глаголов.

Рассмотрим следующий пример: «Ты хоть понимаешь, что потеряла титул? Ты больше не княжна Борятинская. А ты хоть понимаешь, что мне на это плевать? И этому тоже научил меня ты. Суди людей не по сословию, не по достатку, не по намерениям или помыслам. А только по их поступкам. Истинная ценность человека – в том, как он поступает, а не как называется». Или ты думаешь, что без титула я стану другой? [6, с. 390].

Сегментированная цепочка в данном отрывке: «не княжна» сегментируется через указательное местоимение «это» и глагол «плевать» и снова местоимение «этому».

В феодальный период социальный статус и роль, занимаемое положение в сословной иерархии и богатство часто считались важными критериями оценки ценности человека. Из ответа Туси и её дальнейших реплик видно, что она критически относится к социальной несправедливости и предрассудкам, уделяет больше внимания личностным качествам и заслугам отдельно взятого человека, что показывает динамику изменений социального положения женщин, которые порывают с традиционными представлениями и имеют собственное независимое мышление. В её фразе «А ты хоть понимаешь, что мне на это плевать? И этому тоже научил меня ты» «плевать» – номинативный сегмент или тема, «этому» – базовая часть высказывания или рема. Использование сегментации помогает чётко обозначить речевую логику размышлений героев и выявить цен-

ностную ориентацию персонажа, объяснить и прояснить негативную точку зрения, высказанную героем, и выделить самую важную тему.

Парцелляция и сегментирование занимают 15% (76 предложений) и 17% (88 предложений) соответственно. В функциональном плане используется сегментация как средство концентрации внимания читателя на ключевых сюжетных моментах или на эмоциональной динамике речи персонажей.

3. Повторы (как ещё один часто встречающийся на страницах романа приём) усиливают силу и эмоциональную окраску языка, подчёркивая через повторное употребление семантически нагруженные и идейно центральные слова, фразы или предложения, позволяя читателю глубже понять психологическое и эмоциональное состояние персонажа.

Повтор – самый распространенный синтаксический прием, занимающий 40% (207 предложений) от общего числа использованных конструкций. Это говорит о том, что с помощью повтора авторы отражают некую фиксацию идеи, мысли или чувства, или проявление крайней эмоциональности, глубину внутренних переживаний себя.

«– У мужчин всегда есть шанс оправдаться. Смыть оскорбление кровью. Исправить делом. Мужчина может изменить мнение о себе. Доказать, что он стал другим.

– А женщина? А женщина – нет.

– Тогда я не хочу быть женщиной, Грива! Не хочу и не буду!?» [6, с. 221].

Из диалога мы видим недовольство Туси, неприятие ею социальных гендерных ролей, ущемляющих права женщин. Она отказывается ограничиваться традиционными женскими ролями и желает иметь те же права, что и мужчины. В этом примере повторение отрицательной частицы «не» три раза и дважды глагола «не хочу» показывает, что она отказывается принимать пассивную роль женщины в качестве атрибута мужчин и настаивает на том, что имеет право делать выбор. Такое отношение показывает её сильное стремление к личной автономии, сепарации и равенству.

Синтаксический повтор является одним из основных средств выражения в создании речевых портретов. К специфическим типам повторов в изученных нами романах также относятся следующие:

1. Анафора – повторение первого элемента, начальных частей в рядом стоящих предложениях. Например: «Бабы разом перекрестились. Борятинская сидела всё так же неподвижно, уронив опустевшие руки и глядя перед собой светлыми, совершенно сумасшедшими глазами.

– Грязь! – заорал вдруг Мейзель. – Почему тут такая грязь?! Почему нечем дышать?!» [6, с. 88].

В этом предложении двойной вопрос Мейзеля «почему» подчёркивает его гнев, вызванный беспокойством за жизнь женщины, таким образом это показывает, что он ответственный и заботящийся о своих пациентах человек.

2. Эпифора – повторение одних и тех же элементов в конце каждого параллельного ряда. Например:

«– Ты не можешь перестать браниться? – повторил он, и Туся кивнула устало, как очень взрослый человек, пытающийся притерпеться к собственному горю. Это просто слова. Ты можешь не говорить их.

Туся покачала головой, не соглашаясь.

– Не могу. Они сами.

– Нет, можешь. Это дурная привычка, вот и всё. С дурными привычками можно бороться. Должно бороться. Если ты разумный человек.

Знаешь, как отучаются от дурных привычек?» [6, с. 218].

Мейзель раскрыт здесь как явно принципиальный, рациональный и твердый в своих убеждениях и стремлениях человек. Его неоднократный акцент на слове «бороться» в конце предложения передаёт важное послание: преодоление вредных привычек является необходимым шагом на пути к принятию ответственности за свою жизнь и будущее и воспитанию в себе твёрдого характера. Он думает, что Туся – человек с потенциалом, но в настоящее время она просто упрямится в силу своего подросткового возраста, поэтому Мейзель пытается помочь Тусе избавиться от этой вредной привычки посредством назидательного и доброжелательного руководства и убеждения через использование ударного в данной фразе глагола «бороться». Его речевая характеристика показывает, что он может быть терпеливым, но в то же время решительным и стремительным человеком, который считает, что с помощью логики и рациональных объяснений Туся может понять и изменить своё поведение в лучшую сторону.

Анафора и эпифора предложения составляют 12% и 2% от общего количества повторов, что делает структуру романа более ясной, логичной и строгой, повышает убедительность высказываний персонажей.

4) Риторические вопросы как синтаксические конструкции представлены в форме вопросительных предложений, где ответы на них не требуются. Такая фигура синтаксиса призвана обозначить точку зрения героя,

привлечь внимание читателей, заставить сконцентрироваться на подтекстовом чувстве и эмоции героини. Например:

«– Он жених твоей сестры!

– Я ни разу в жизни не видела свою сестру! Её Лиза, кажется, зовут, да, маман?

Борятинская, всё это время сидевшая молча и совершенно неподвижно, наконец встала.

– Как же так? – спросила она. – Что же это? За что? А как же свадьба?» [6, с. 390].

Из содержания романа мы знаем, что мать Туси, княгиня Борятинская, усыновила девочку по имени Нюточка, которая является некровной сестрой Туси. Конфликт усугубляется между ними тогда, когда Туся хочет выйти замуж за жениха сестры. С помощью риторических вопросов можно отобразить пренебрежительное отношение Туси к Нюточке и тревожное состояние мамы. Она не признаёт Нюточку своей сестрой, в ее репликах отражается равнодушие по отношению к семье и семейным отношениям. Кажется, она больше сосредоточена на собственных интересах и желаниях, чем на чувствах других людей или правильности / неправомерности моральных понятиях. Но такое поведение на самом деле показывает ее смелость бросить вызов традиционным концепциям и социальным нормам, а также её твёрдость характера и воли.

Риторические вопросы занимают 10% (54 предложения) и используются для выражения внутренних конфликтов или мыслей персонажей.

5) Эллипсис – это пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации [1, с. 94]. Например:

«– Прости, что я ударил тебя тогда, за столом. Я не должен был. Никто вообще не должен. Бить людей недопустимо. Детей – особенно. Ты простишь?

Туся кивнула.

– Больше никто и никогда тебя не ударит – пока я жив. Никто и никогда.» [6, с. 219].

Благодаря контексту можно восстановить в этом диалоге опущенные слова «бить» («бить особенно недопустимо»), и «меня» («Ты простишь меня?»). Опущение этих частей позволяет избежать взаимной неловкости, а также показать искренность и решительность Мейзеля, который извиняется за прошлые ошибки, показывая конструктивную оценку своим действиям и выражая искреннюю любовь и заботу по отношению к Туси. Этот диалог еще раз доказывает, что Мейзель – ответственный человек, который умеет извиняться; он готов принять и исправить свои ошибки. Он сожалеет о своём поведении и даёт обещание не повторять подобных ошибок в будущем. Его стремление исправиться показывает, что он очень уважает и защищает Тусю.

Эллипсис занимает 18% (92 предложения) предложений, и его главная функция – упростить диалог, отразить быстроту, особую экспрессивность речи персонажей и усилить его подтекстовое течение.

Выводы

На основании проведенного анализа мы можем сделать следующий вывод: синтаксические средства, использованные М. Степновой в романе «Сад», выполняют прежде всего экспрессивную функцию. Они отображают вербальную сторону эмоций и внутренних переживаний героев. Повторы, риторические вопросы, эллипсисы и т.д. являются ключом к подтексту и идейному содержанию текста, а точнее – к раскрытию внутреннего мира персонажей (Туси и Мейзеля). Также мы можем отметить, что на примере художественного текста наблюдается тенденции актуализации в современном русском языке конкретных синтаксических средств (повтор, парцелляция, риторический вопрос) и общая тенденция сжатия текста с помощью эллипсиса и сегментации.

Приведенный выше анализ показывает, что синтаксические конструкции являются одним из важных средств для углубленного анализа характеристик персонажей литературных произведений. Исследовательская перспектива может стать источником информации и вдохновения для современного литературного творчества, а также предоставить богатый материал и примеры для преподавания лингвистики.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Баранчук М.В. Синтаксические средства выразительности романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 72 – 78.
3. Князева Н.В. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах // Филологический аспект. 2019. № 4 (48). С. 7 – 14.
4. Липская О.В. К вопросу о сущности и особенностях сегментированных конструкций (на материале современных газетных текстов на русском языке) // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. 2008. № 1 (29). С. 101 – 105.

5. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... док. филол. наук: 5.9.5. СПб., 1993. 449 с.
6. Степнова М.Л. Сад. М.: АСТ, 2022. 412 с.
7. Турбин М.Л. Почему кругом колокола звонят? // Знамя. 2021. № 1. С. 218 – 220.
8. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. 1971. Т. 64. С. 196 – 200.
9. Юзефович Г.Л. О романе «Сад» Марины Степновой. 2020. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/59083-galina-yuzefovich-o-romane-sad-mariny-stepnovoj?ysclid=lvuveg7aeh538266693> (дата обращения: 06.05.2024).
10. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 685 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms: 2nd ed., reprinted. Moscow: Editorial URSS, 2004. 571 p.
2. Baranchuk M.V. Syntactic means of expressiveness in G. Yakhina's novel "Zuleikha opens her eyes". Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2022. No. 1. P. 72 – 78.
3. Knyazeva N.V. On the issue of expressive syntactic means. Philological aspect. 2019. No. 4 (48). P. 7 – 14.
4. Lipskaya O.V. On the issue of the essence and features of segmented constructions (based on modern newspaper texts in Russian). Bulletin of the A.A. Kulyashov State University of Philology. 2008. No. 1 (29). P. 101 – 105.
5. Matveeva G.G. Hidden grammatical meanings and identification of the social face ("portrait") of the speaker: diss. ... doc. philological sciences: 5.9.5. SPb., 1993. 449 p.
6. Stepnova M.L. Garden. Moscow: AST, 2022. 412 p.
7. Turbin M.L. Why are the bells ringing all around? Znamya. 2021. No. 1. P. 218 – 220.
8. Tchaikovsky R.P. General linguistic category of expressiveness and expressiveness of syntax. Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Thorez. Issues of Romano-Germanic Philology. 1971. Vol. 64. P. 196 – 200.
9. Yuzefovich G.L. About the novel "The Garden" by Marina Stepnova. 2020. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/59083-galina-yuzefovich-o-romane-sad-mariny-stepnovoj?ysclid=lvuveg7aeh538266693> (date of access: 06.05.2024).
10. Yartseva V.N. Linguistic Encyclopedic Dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.

Информация об авторах

Ши Линь, Санкт-Петербургский государственный университет, linmi1930@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276.6+341.231.14

¹ Циленко Л.П., ² Закирова Е.С.,
² Медведева Е.П.

¹ Московский политехнический университет
² Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Лингвокогнитивный анализ терминологической системы международного воздушного права

Аннотация: настоящая статья посвящена лингвокогнитивному анализу терминологической системы, формирующейся в рамках международного правового воздушного регулирования. Исследуется структура и когнитивное содержание ключевых терминов, используемых в международных правовых актах, авиационных стандартах и технической документации. В работе подчеркивается необходимость выявления когнитивных моделей, лежащих в основе терминологической репрезентации понятий в авиационном праве.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, терминология, международное воздушное право, ИКАО, ЯСЦ, концептуализация, фрейм, перевод терминов

Для цитирования: Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П. Лингвокогнитивный анализ терминологической системы международного воздушного права // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 44 – 50.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Tsilenko L.P., ² Zakirova E.S.,
² Medvedeva E.P.

¹ Moscow Polytechnic University
² Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Linguo-cognitive analysis of the terminological system in international air law

Abstract: this article focuses on the linguo-cognitive analysis of the terminological system used in the regulation of international air law. It examines the structure and cognitive content of key terms found in international legal instruments, aviation standards, and technical documentation. The paper highlights the importance of understanding the cognitive models that underpin the terminological representation of concepts in aviation law.

Keywords: linguo-cognitive analysis, terminology, international air law, ICAO, LSP (Language for Specific Purposes), conceptualization, frame, term translation

For citation: Tsilenko L.P., Zakirova E.S., Medvedeva E.P. Linguo-cognitive analysis of the terminological system in international air law. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 44 – 50.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Международное воздушное регулирование является полем пересечения языка права и профессиональной коммуникации. Терминология, используемая в этих сферах, представляет собой не просто лексические единицы, а сложные когнитивные конструкции, формирующие правовую и профессиональную языковую картину мира. Исследование терминов с лингвокогнитивной точки зрения позволяет выявить, каким образом формируются и передаются значения в транснациональной правовой коммуникации.

Цель исследования. Определить когнитивные механизмы формирования, структурирования и функционирования терминов в дискурсах международного правового воздушного регулирования.

Задачи исследования

1. Проанализировать источники формирования авиационно-правовой терминологии.
2. Выявить основные когнитивные модели и фреймы, лежащие в основе терминов.
3. Оценить особенности перевода и когнитивные искажения терминов в многоязычном контексте.
4. Исследовать роль ЯСЦ в стандартизации терминологического аппарата.

Актуальность исследования. Международное воздушное регулирование функционирует в условиях многоязычия, что обуславливает высокую значимость точного и когнитивно обоснованного использования терминологии. Ошибки в интерпретации и переводе могут привести к юридическим коллизиям и угрозам безопасности полетов. Лингвокогнитивный подход позволяет глубже понять механизмы формирования и взаимодействия концептов в глобальной авиационной правовой среде.

Объект исследования – терминологическая система международного правового воздушного регулирования.

Предмет исследования – когнитивные и лингвистические особенности функционирования терминов в правовом авиационном дискурсе.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании использованы: метод когнитивного моделирования; фреймовый анализ терминов; сравнительно-сопоставительный анализ терминологической репрезентации; анализ специализированных текстов (правовые акты, стандарты, глоссарии).

К основным источникам терминологии международного воздушного регулирования относятся: Чикагская конвенция (1944); аннексы ИКАО (Annexes to the Convention on International Civil Aviation); руководства (Manuals) ИКАО и документы Single European Sky ATM (Air Traffic Management) Research (SESAR); глоссарии и словари терминов (например, ICAO Lexicon). В этих документах формируется не только словарный состав, но и концептуальные связи между терминами.

Результаты и обсуждения

Лингвокогнитивный подход в авиационном дискурсе рассматривает термин как результат концептуализации определенного фрагмента действительности в профессиональном сознании. Основная идея указанного подхода заключается в том, что язык отражает не только структуру языка, но и мышление авиатора, его восприятие действительности, профессиональное знание и опыт. Следовательно, язык рассматривается не как изолированная система, а как инструмент для концептуализации и вербализации авиационного опыта.

Концептуализация в контексте международного воздушного регулирования – это процесс формирования и структурирования понятий в сознании участников авиационного дискурса. Авиаторы (пилоты, диспетчеры, летно-технический персонал, инженеры и т.д.) осмысливают фрагмент реальности (например, «штопор», «глиссада», «перегрузка», «уход на второй круг» и т.д.) и создают ментальный образ или концепт, который затем может быть зафиксирован в языке в виде термина.

Термины, такие как "state sovereignty" – «государственный суверенитет», "aviation occurrence" – «авиационное происшествие» (или авиационное событие) представляют собой вершины когнитивных структур. Анализ показывает, что они образуют сети, организованные вокруг ключевых концептов: безопасность, ответственность, полномочия, контроль. Эти концепты проявляются в профессиональных дискурсах, отражающих процедуры, обязательства и взаимодействия между государствами и авиасубъектами.

Авиационный дискурс – это совокупность речевых практик, терминологии, жанров и коммуникативных стратегий, используемых в сфере авиации (рис. 1).

К основным характеристикам авиационного дискурса относятся: 1) специализированность – используется профессиональная лексика, термины, аббревиатуры, кодовые обозначения, жесткие стандарты и нормы общения (особенно в радиообмене между пилотами и диспетчерами), фразы и формулировки часто регламентированы международными и национальными авиационными организациями; 2) формализованность и стандартизация – для избегания недопонимания и ошибок многие виды авиационного дискурса

са имеют четкие стандарты (например, фразы ИКАО для радиосвязи), команды и сообщения должны быть краткими, понятными и однозначными; 3) функциональность – все коммуникации направлены на достижение конкретной цели, связанной с обеспечением безопасности полетов, технической исправности, координации действий; 4) многообразие форм – включает устную и письменную речь, техническую документацию, отчеты, инструкции, учебные материалы, новости и публичные обсуждения.

Рис. 1. Виды авиационного дискурса.

Fig. 1. Types of aviation discus.

Радиодискурс включает: диалоги между пилотами и авиадиспетчерами; использование специализированных кодов и стандартных; выражений (например, «Roger – Понял», «Wilco (Will comply) – Будет исполнено», «Mayday – Помогите»); характеризуется ясностью, краткостью, однозначностью.

Технический дискурс включает: руководства по эксплуатации самолётов, отчеты о техническом обслуживании; четкие инструкции и описания, важные для правильного выполнения процедур.

Образовательный дискурс включает: учебные материалы для подготовки пилотов, инженеров, диспетчеров; лекции, учебники, тренажёрные сценарии.

Следует согласиться с авторами о том, что: «Дополнительным вызовом, требующим внимания со стороны Российской Федерации, выступает проблема подготовки нового поколения специалистов, ориентированных на глобальный рынок труда. Это, в свою очередь, акцентирует значимость развития у выпускников профессиональных компетенций, связанных со знанием английского языка как инструмента международного научного и профессионального взаимодействия, а также как канала доступа к инновационным научным достижениям» [19, с. 220].

Медиа-дискурс включает: новости, интервью, статьи и выступления, касающиеся авиационной индустрии; часто адаптирован для широкой аудитории, с упрощённой лексикой.

Такая структурированная языковая среда отражает специфику профессионального мышления и способствует формированию единого понятийного поля в международной авиации, в которой участвуют представители авиационной отрасли.

Пример 1 из фрагмента действительности в ситуации «уход на второй круг»:

Самолёт начал посадку, но возникли условия, мешающие безопасной посадке (например, другая машина на ВПП (взлетно-посадочная полоса), сильный боковой ветер, ошибки в расчётах).

Концептуализация: эта ситуация воспринимается как оперативное решение, направленное на избежание риска при посадке. В сознании пилота это нормальная часть процедуры, а не аварийная ситуация.

Термин:

Английский: «go-around».

Русский: «уход на второй круг».

Этот термин включает в себя концепт действий: набор шагов по набору высоты, сообщению диспетчеру, переходу в режим ожидания или на повторный заход.

Пример 2 из фрагмента действительности в ситуации «V1 Speed»:

Этап разбега по взлётно-посадочной полосе, после которого пилот уже не имеет возможности безопасно прервать взлёт и обязан продолжить его, даже при возникновении неисправности.

Концептуализация: пилот понимает, что это точка невозврата при разбеге, включающая массу параметров: вес самолёта, длина полосы, ветер и т. д.

Термин: «V1» – специальное обозначение, фиксированное в процедурах. У пилота в голове – чёткое понимание: если до «V1» – торможу; после «V1» – взлетаю любой ценой.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что каждый авиационный термин является результатом осмысления конкретной профессиональной ситуации, который фиксирует в языке ментальный концепт, знакомый и понятный профессионалам. Более того, функционирует не просто как слово, а как носитель смысла, связанного с безопасностью, обязанностями, действиями и процедурами.

В ходе исследования выявлено, что терминологическая система базируется на таких когнитивных операциях, как категоризация, метафоризация, схематизация. Основные методы анализа включают когнитивное моделирование, семантическое картирование и анализ фреймовой структуры.

В языке для специальных целей в сфере международного воздушного права существуют чёткие категории: виды воздушных судов (гражданские, государственные), типы полётов (коммерческие, частные, транзитные), типы воздушного пространства (контролируемое, неконтролируемое). Эти категории позволяют структурировать юридическое поле и обеспечить универсальность регулирования.

Примеры терминов: *civil aircraft* – гражданское воздушное судно; *state aircraft* – государственное воздушное судно; *commercial flight* – коммерческий рейс (или коммерческий полёт); *overflight* – пролёт (над территорией); *controlled airspace* – контролируемое воздушное пространство.

За каждым термином стоит четко определённая категория, сформированная в сознании юристов и специалистов ИКАО (Международная организация гражданской авиации).

В авиационной практике часто используются метафоры, заимствованные из территориального, морского или имущественного права, чтобы описать воздушное пространство. Например, государства «владеют» своим воздушным пространством так же, как территорией – хотя оно невидимо и нематериально.

Пример терминов: *sovereignty over airspace* (суверенитет над воздушным пространством) – метафора из политико-правовой сферы; *freedoms of the air* (свобода воздуха) – метафоризация идей «свобода торговли», «свобода передвижения». Метафоры позволяют переносить юридические модели с одной области на другую.

Установлено, что схематизация в международной авиации – это процесс упрощения и структурирования информации в виде ментальных схем или моделей, которые помогают лучше ориентироваться в сложной системе. Юридические ситуации описываются через схемы действия, процедурные сценарии и логические взаимосвязи между субъектами и объектами. Формируются модели взаимодействия государств, авиакомпаний, диспетчерских служб, международных организаций.

Пример:

Схема "Права на пролёт" включает несколько уровней: уведомление, разрешение, соблюдение условий, ответственность. Схематизация лежит в основе классификации «пяти свобод воздуха» – каждая из них обозначает определённый тип взаимодействия между государствами и перевозчиками. В терминологии: *First Freedom of the Air*, *Second Freedom*, и т.д. – это термины-схемы, фиксирующие типовую ситуацию. Например, "*First Freedom of the Air*" – «Первая свобода воздуха» – это право авиакомпании одной страны пролетать над территорией другой страны без посадки.

Анализ фреймовой структуры терминов международного воздушного регулирования – это метод лингвокогнитивного исследования, направленный на выявление внутренней концептуальной организации терминов, используемых в международных авиационно-правовых документах. Это способ понять какие элементы реальности он описывает, какие роли в нём играют участники (например, пилот, диспетчер, авиакомпания). В каком типичном контексте этот термин используется, причинно-следственные связи (например, действие → следствие → юридическая ответственность) а также повышение точности терминологического стандарта.

Пример в ситуации «разрешение на выполнение действия» – "*clearance*". Перед взлётом, заходом на посадку или изменением курса пилот получает от диспетчера разрешение на выполнение действия. Концепт включает информацию об ответственности, маршруте, высоте и времени.

Участники: – Диспетчер (даёт разрешение) – Пилот (исполняет) – Авиакомпания (обеспечивает соблюдение процедур).

Контекст: используется в радиосвязи: "*Cleared for takeoff* – "Взлёт разрешён", "*Cleared to descend* – Сnižайтесь".

Связи: без "*clearance*" действие запрещено – Нарушение условий → юридическая ответственность

Когнитивное содержание: Право → Контроль → Ответственность

Таким образом, терминология в области международного воздушного регулирования – это не просто юридический язык, а результат когнитивной обработки реальности специалистами, что делает её точной, функциональной и универсальной в международной коммуникации.

В ходе исследования выявлены особенности переводимой терминологии и когнитивные искажения при переводе терминологии. Например, английский термин "liability" – «ответственность» может иметь разные юридические интерпретации в контексте гражданского, административного и уголовного права различных стран.

В юридическом и авиационном контексте:

legal liability – юридическая ответственность

civil liability – гражданская ответственность

third-party liability – ответственность перед третьими лицами

strict liability – объективная (безвиновная) ответственность

В контексте международных авиационных перевозок термин "liability" – «ответственность авиаперевозчика» перед пассажирами, грузоотправителями и третьими лицами за вред или ущерб.

Монреальская конвенция (1999 г.) унифицирует и уточняет границы и основания ответственности.

Статья 17 (о пассажирах): "The carrier is liable for damage sustained in case of death or bodily injury of a passenger..." – «Перевозчик несёт ответственность за вред, причинённый в случае смерти или телесного повреждения пассажира...».

Статья 21: "The carrier shall not be liable for damages exceeding 128,821 SDRs if the carrier proves that such damage was not due to its negligence..." – «Перевозчик не несёт ответственность за убытки, превышающие 128 821 СПЗ (специальных прав заимствования), если докажет, что ущерб возник не по его вине...».

В международном воздушном праве термин "liability" имеет не просто общее значение «ответственность», а указывает на конкретные юридические обязательства авиаперевозчика, включая: объёмы и условия возмещения ущерба, основание наступления ответственности (вина, безвиновная форма), порядок доказывания и освобождения от неё. Таким образом, перевод авиационно-правовой терминологии сопровождается рядом когнитивных и семантических трудностей, которые имеют различные юридические оттенки в разных правовых системах. Эти различия могут приводить к искажениям при интерпретации текста, особенно в условиях международного общения. Точное понимание и передача термина требует не только знания языка, но и учёта специфики международного права, контекста применения и связанных с ним правовых последствий. Унификация терминологии, как, например, в Монреальской конвенции, снижает риск недопонимания и способствует формированию когнитивной точности при переводе. Лингвокогнитивный анализ помогает выявить зоны несовпадения концептов и предложить пути терминологической гармонизации.

Результаты исследования позволили определить роль языка для специальных целей в когнитивной стандартизации. Когнитивная стандартизация – это процесс, при котором знания структурируются и упорядочиваются в сознании с помощью языка так, чтобы они: воспринимались одинаково разными специалистами, были передаваемы без искажений, соответствовали профессиональной картине мира.

Считаем, что язык в этом контексте выступает как инструмент стандартизации мышления, т.е. формирует унифицированные когнитивные схемы – единый способ представления и осмысления знаний в профессиональной сфере. Установлено, что язык для специальных целей выполняет функцию когнитивного фильтра: упорядочивает профессиональное знание и делает его доступным для междисциплинарной коммуникации. Это метафорическое выражение означает, что язык для специальных целей структурирует и кодирует профессиональные знания, делая их пригодными для: использования в реальной практике; передачи информации между специалистами; перевода на другие языки (в случае международной коммуникации); междисциплинарного взаимодействия.

В международной авиационной практике язык для специальных целей способствует формированию общего понятийного поля, устойчивых моделей описания ситуаций и однозначной интерпретации терминов.

Выводы

Исследование показало, что терминология международного воздушного права представляет собой сложную когнитивную систему, в которой юридические и технические знания интегрируются посредством специализированного подязыка. Лингвокогнитивный подход позволяет выявить глубинные механизмы концептуализации профессионального опыта, лежащие в основе терминов. Такие когнитивные процессы, как категоризация, метафоризация и схематизация, играют ключевую роль в структурировании понятийного пространства и обеспечении единообразия в профессиональной коммуникации.

Особое значение в этом процессе приобретает язык для специальных целей, который выполняет функцию когнитивного фильтра, стандартизируя знания и способствуя формированию общей интерпретационной базы в многоязычной среде. Исследование когнитивных основ терминологии позволяет не только повысить эф-

фективность международной правовой авиационной коммуникации, но и минимизировать риски, связанные с терминологическими и когнитивными искажениями в условиях многоязычного взаимодействия.

Список источников

1. Бондаренко Е.В. Лингвистическая характеристика терминов международного права // Вестник МГЛУ. 2018. № 4 (789). С. 123 – 130.
2. Коваль Т.И. Особенности юридического перевода: терминологический аспект // Юридическая лингвистика. 2020. № 2. С. 45 – 51.
3. Чурилов Ю.С. Международное воздушное право: учебник. М.: Проспект, 2020. 352 с.
4. Першин В., Макеева М., Циленко Л. Лингвопрофессиограмма инженера // Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 162 – 163.
5. Шевченко Л.И. Термины международного права и их перевод: учебное пособие. М.: РУДН, 2021. 148 с.
6. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Harlamenkov A.E., Tsilenko L.P. Video classification using CNN-LSTM architecture for Bengali sign language // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XXVIII международной научно-практической конференции. Bengaluru, 18-19 апреля 2022 года. Bengaluru: Pothi, 2022. 255 с.
7. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Tsilenko L.P. Development of image dataset using hand gesture recognition system for progression of sign language translator. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1294. P. 665 – 675. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-63322-6_56 (date of accessed: 02.03.2025).
8. Garner B.A. Black's Law Dictionary: 11th ed. St. Paul, MN: Thomson Reuters, 2019.
9. Cabré M.T. Terminology: Theory, Methods and Applications. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
10. Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
11. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics: 7th ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2021.
12. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 1994.
13. International Civil Aviation Organization (ICAO). Global Aviation Safety Plan 2023-2025. 2023. URL: https://www.icao.int/safety/GASP/Documents/10004_en.pdf psycholing-journal.com+1 Скайбери+1.
14. International Civil Aviation Organization (ICAO). ICAO Safety Report 2024. 2024. URL: https://www.icao.int/safety/Documents/ICAO_SR_2024.pdf.
15. ICAO. Annexes to the Convention on International Civil Aviation. Montreal: ICAO, 2022.
16. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
17. Šarčević S. Language and Law: Legal Linguistics and Translation Theory. Bern: Peter Lang, 2015.
18. SESAR Joint Undertaking. European ATM Master Plan. Brussels, 2015.
19. Tsilenko L., Ashrafi A., Mokhanachev V.S. Adapting Russian Higher Education to Global Trends: The Growing Importance of Data Mining and English Language. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-70285-3_17 (date of accessed: 02.03.2025).
20. Vienna Convention on the Law of Treaties. United Nations, 1969.
21. Wen S., Middleton M., Ping S., Chawla N.N., Wu G., Feest B.S. AdaptiveCoPilot: Design and Testing of a NeuroAdaptive LLM Cockpit Guidance System in both Novice and Expert Pilots. 2025.

References

1. Bondarenko E.V. Linguistic characteristics of international law terms. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2018. No. 4 (789). P. 123 – 130.
2. Koval T.I. Features of legal translation: terminological aspect. Legal linguistics. 2020. No. 2. P. 45 – 51.
3. Churilov Yu.S. International air law: textbook. Moscow: Prospect, 2020. 352 p.
4. Pershin V., Makeeva M., Tsilenko L. Lingvoprofessiogram of an engineer. Higher education in Russia. 2004. No. 5. P. 162 – 163.
5. Shevchenko L.I. Terms of international law and their translation: a tutorial. M.: RUDN, 2021. 148 p.
6. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Harlamenkov A.E., Tsilenko L.P. Video classification using CNN-LSTM architecture for Bengali sign language. Fundamental and applied sciences today: Proceedings of the XXVIII international scientific and practical conference. Bengaluru, April 18-19, 2022. Bengaluru: Pothi, 2022. 255 p.

7. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Tsilenko L.P. Development of image dataset using hand gesture recognition system for progression of sign language translator. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1294. P. 665 – 675. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-63322-6_56 (date of accessed: 02.03.2025).
8. Garner B.A. *Black's Law Dictionary*: 11th ed. St. Paul, MN: Thomson Reuters, 2019.
9. Cabré M.T. *Terminology: Theory, Methods and Applications*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
10. Cao D. *Translating Law*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
11. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*: 7th ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2021.
12. Halliday M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Arnold, 1994.
13. International Civil Aviation Organization (ICAO). *Global Aviation Safety Plan 2023-2025*. 2023. URL: https://www.icao.int/safety/GASP/Documents/10004_en.pdfpsycholing-journal.com+1Skybury+1.
14. International Civil Aviation Organization (ICAO). *ICAO Safety Report 2024*. 2024. URL: https://www.icao.int/safety/Documents/ICAO_SR_2024.pdf.
15. ICAO. *Annexes to the Convention on International Civil Aviation*. Montreal: ICAO, 2022.
16. Šarčević S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
17. Šarčević S. *Language and Law: Legal Linguistics and Translation Theory*. Bern: Peter Lang, 2015.
18. SESAR Joint Undertaking. *European ATM Master Plan*. Brussels, 2015.
19. Tsilenko L., Ashrafi A., Mokhanachev V.S. Adapting Russian Higher Education to Global Trends: The Growing Importance of Data Mining and English Language. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-70285-3_17 (date of accessed: 02.03.2025).
20. *Vienna Convention on the Law of Treaties*. United Nations, 1969.
21. Wen S., Middleton M., Ping S., Chawla N.N., Wu G., Feest B.S. *AdaptiveCoPilot: Design and Testing of a NeuroAdaptive LLM Cockpit Guidance System in both Novice and Expert Pilots*. 2025.

Информация об авторах

Циленко Л.П., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Московский политехнический университет, г. Москва, Tsilenko.LP@yandex.ru

Закирова Е.С., доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, zes.64@mail.ru

Медведева Е.П., педагог дополнительного образования, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, MedKetrin94@gmail.com

© Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.13

¹ Миретина М.С., ¹ Зарубина А.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые особенности неформального студенческого онлайн-дискурса (на материале итальянского и французского языков)

Аннотация: задачей данного исследования является анализ и выявление лингвостилистических особенностей неформального студенческого онлайн-дискурса на основе периодических публикаций обучающихся Италии и Франции в двух тематических интернет-сообществах за 2024 год. В начале работы приводится определение университетского дискурса, используемое в исследовании, а также общая теоретическая характеристика студенческого дискурса как особого типа дискурса в рамках университетской коммуникации. Перечислены примеры и краткое описание работ отечественных и зарубежных авторов, исследующих эту тему. Немногочисленность подобных работ подтверждает актуальность данного исследования. Студенчество рассматривается как феномен групповой языковой личности, в речи которой отражаются актуальные языковые тенденции. Проводится сравнительный анализ исследуемого эмпирического материала, а именно: разделение всех текстов на тематические группы; подробный количественный анализ выявленных лингвостилистических характеристик в сообществах обеих стран; выделение наиболее частотных маркеров данного типа дискурса; выявление специфических языковых характеристик, свойственных данным студенческим сообществам. Итоговым результатом лингвистического анализа текстовых публикаций двух аккаунтов является выявление конкретных лингвостилистических сходств и различий в студенческом онлайн-дискурсе данного типа, что позволило подтвердить его особенный статус в рамках университетского дискурса.

Ключевые слова: итальянский язык, французский язык, университетский дискурс, студенческий дискурс, интернет-коммуникация

Для цитирования: Миретина М.С., Зарубина А.А. Языковые особенности неформального студенческого онлайн-дискурса (на материале итальянского и французского языков) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 51 – 60.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Miretina M.S., ¹ Zarubina A.A.

¹ Saint-Petersburg State University

Linguistic features of informal student online discourse (a study based on Italian and French)

Abstract: the aim of this study is to analyze and identify the linguistic and stylistic features of informal student online discourse based on periodic publications by students from France and Italy within two thematic online communities during 2024. The paper begins by defining university discourse as used in the research, followed by a general theoretical characterization of student discourse as a distinct type of discourse within university communication. Examples and brief descriptions of domestic and international studies on the topic are presented, highlighting the scarcity of such research and thereby confirming the relevance of the present study. Students are considered as a phenomenon of group linguistic identity, whose speech reflects current language trends. A comparative

analysis of the empirical material is conducted, including the categorization of all texts into thematic groups; a detailed quantitative analysis of the identified linguistic and stylistic features in the communities of both countries; the identification of the most frequent markers of this discourse type; and the detection of specific linguistic characteristics unique to these student communities. The final result of the linguistic analysis of textual publications from the two accounts is the identification of concrete linguistic and stylistic similarities and differences in this type of student online discourse, which confirms its distinctive status within university discourse.

Keywords: *the Italian language, the French language, university discourse, student discourse, online communication*

For citation: Miretina M.S., Zarubina A.A. Linguistic features of informal student online discourse (a study based on Italian and French). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 51 – 60.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Современные образовательные учреждения Италии и Франции являются неотъемлемой частью жизни общества, являясь при этом совершенно уникальной формой дискурсивной практики. Общение разных участников коммуникации в рамках университета, его формы и способы взаимодействия такого рода можно отнести к понятию университетского дискурса.

Однако стоит отметить, что среди существующих лингвистических исследований в данной области под университетским дискурсом чаще всего понимается дискурс академический. Вместе с тем, можно утверждать, что это понятие гораздо шире и включает в себя разнообразные типы и модели устного и письменного общения как официального, так и неофициального порядка.

В настоящее время в лингвистике нет однозначного определения понятия «университетский дискурс», именно по причине его неоднородности. Согласно И.К. Кирилловой, в рамках лингвосомиотического подхода к исследованию, университетский дискурс – это конгломератный тип дискурса, который включает множество разновидностей: педагогический, научный, административный, ритуальный, спортивный, студенческий, бытовой [4]. Ряд других отечественных исследователей дополняет данное определение, расширяя его границы [1]. Л.А. Шкатова применяет прагматический подход и выделяет следующие ключевые характеристики: специфическая цель, обстоятельства общения, характеристики участников, тексты принадлежности к социальному институту и сложившиеся жанры [14, с. 402-404]. В.В. Максимов рассматривает университетский дискурс с позиций лингвокультурологического подхода, делая вывод о том, что «университетский дискурс возникает на пересечении открытого множества первичных дискурсов – научного, образовательного, административного, управленческого и пр.» [9, с. 199-203].

Важной особенностью современного университетского дискурса является его интернет-составляющая, включающая в себя разные компоненты: сайт университета и его контентное наполнение, официальные аккаунты учебного заведения в различных социальных сетях, реклама. Кроме того, общение учащихся в официальных студенческих интернет-сообществах, по нашему мнению, также относится к университетскому дискурсу, поскольку соответствует перечисленным выше характеристикам Л.А. Шкатовой: обладает специфической целью, конкретными обстоятельствами общения, соответствующей характеристикой участников, текстами с принадлежностью к социальному институту, сложившимися жанрами [14]. Именно взаимодействие академического и интернет-дискурса в рамках работы университета в эпоху развитой цифровизации является перспективным направлением дискурсивных исследований.

Таким образом, в настоящем исследовании будет использовано следующее толкование этого термина: университетский дискурс – это сложная лингвистическая модель особого типа, объединяющая различные формы общения в рамках университетской коммуникации (письменной, устной, вербальной и невербальной интернет-коммуникации) среди типовых участников (преподаватели, студенты, сотрудники университета и люди, косвенно связанные с ним), объединённых общим языком, национальной и корпоративной культурой [9].

Интернет- или онлайн-дискурс представляет собой одно из актуальных направлений современной лингвистики. Одна из частей университетского дискурса как сложной лингвистической модели особого типа с его уникальными характеристиками также относится к интернет-дискурсу, но его рамки, как правило, ограничены ввиду институциональной регламентированности внутренних и внешних коммуникаций университета как института образования. Значительный вклад в изучение этой проблемы внесли как отечественные, так и

зарубежные исследователи (Шкатова Л.А. [14], Ухова П.С. [12], Максимов В.В. [9], Кирилова И.К. [4], Кристал Д. [16], Биффи М. [15], Веллутино Д. [17] и др.).

Студенческий онлайн-дискурс, в свою очередь, составляет неотъемлемую часть любого университетского дискурса, но в отличие от него не является строго регламентированным, чаще всего соответствует нормам принятого в данном социуме нетикета и в целом обладает высокой степенью свободы творчества. Несмотря на достаточно широкую изученность различных аспектов университетского и академического дискурса, среди современных исследований недостаточно работ, в которых студенческий онлайн-дискурс рассматривался бы более детально, особенно в сравнительном аспекте на примере разных стран.

Анализ отечественных научных баз показал, что современные учёные в немногочисленных трудах описывают российский студенческий дискурс с различных позиций: в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах на примере граффити (Ларионова А.Ю.) [7]; в аксиологическом аспекте на материале результатов устных опросов студентов (Рус-Брюшнина И.В., Берецкая Е.А.) [10]; в междисциплинарной парадигме путём социологического исследования речевого портрета современного студента (Леорда С.В.) [8].

На материале французского языка можно выделить работы, посвящённые анализу научного дискурса в студенческих презентациях (Козаренко О.М.) [5], французскому студенческому сленгу (Степанов В.Н.) [11], дискурсивным маркерам в прагматике речевого поведения французской студенческой молодёжи на основе данных устного и письменного корпусов (Ухова П.С.) [12].

Исследования именно студенческого онлайн-дискурса чаще всего основаны на англоязычных источниках: студенческая блогосфера Великобритании (Костина М.М.) [6], английские студенческие интернет-журналы (Крылова Н.В., Гаврилова В.А.) [2], сайты тематических студенческих сообществ выпускников Оксфордского университета (Цуркан А.И.) [13] и др.

Однако лингвостилистические особенности и характеристики студенческого онлайн-дискурса с учётом особенностей конвенциональных правил и норм речевого поведения, принятых в социуме и нетикете таких стран, как Италия и Франция не являются основными объектами исследования всех вышеперечисленных работ.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что студенты, являясь социальной группой, представляют собой пример такого феномена, как групповая языковая личность, в речи которых активно фиксируются и отражаются актуальные на тот или иной момент времени языковые тенденции и изменения в современной языковой ситуации, напрямую связанные с социальными и иными проблемами общества. На сегодняшний день неотъемлемой частью жизни современного студента является общение в социальных сетях, в том числе в рамках университетского сообщества. Как в Италии, так и во Франции подобный тип студенческого общения достаточно развит, и представляется нам богатым материалом для исследования.

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего исследования является комплексный подход, который объединяет ряд взаимодополняющих методов:

- эмпирические методы: наблюдение, измерение, описание; общенаучные теоретические методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, метод сплошного отбора, элементы количественного анализа;
- методы социально-гуманитарных наук: описательный метод;
- дисциплинарные методы: метод предпереводческого анализа, метод контекстуального анализа, интерпретационный метод.

Результаты и обсуждения

Предметом данного исследования стал отдельный тип студенческих аккаунтов, который является менее очевидным источником материала для лингвостилистического анализа: официально не регламентированный, но по-прежнему остающийся в рамках университетского сообщества – аккаунты для публикаций разного рода объявлений и сообщений от студентов и для студентов. Подобный тип онлайн-сообществ распространён среди студентов как в Италии, так и во Франции. Особенностью визуального оформления таких аккаунтов является использование экранной копии сообщений от студентов, полученных и опубликованных администратором группы, вместо тематических фото или изображений с целью получения какой-либо информации в рамках студенческого сообщества конкретного университета.

Таким образом, нами был проведён сравнительный лингвистический анализ, где в качестве эмпирического материала были использованы текстовые публикации двух аккаунтов: в итальянском студенческом сообществе под названием «SpottedUnina» [19], ведущим свою деятельность в рамках Неаполитанского Университета им. Фридриха II (Università degli studi di Napoli di Federico II) и во французском студенческом сообществе «Crush Aix-Marseille» [20] при Университете Экс-Марсель (Université Aix-Marseille). В обоих аккаунтах были проанализированы все текстовые публикации за 2024 год на наличие лингвостилистических характеристик с

их последующим разделением на основные тематические группы. Рассмотрим подробнее результаты исследования в обеих странах.

В итальянском студенческом сообществе «SpottedUnina» [19] за 2024 год была сделана 261 публикация от студентов в адрес других студентов Неаполитанского университета. Одной из выявленных лингвистических особенностей является специальная форма обращений, которая используется авторами объявления в отношении читающей их аудитории: «Ciao spotted», что является производным от существительного «spot» – короткое, как правило, рекламное сообщение, размещаемое в СМИ. Кроме того, используется также глагол «spottare» в значении «искать посредством данного объявления», который отсутствует в словаре стандартного итальянского языка, не является общепринятым в употреблении и может быть отнесен к студенческому сленгу данного типа дискурса [18]. Ниже представлен пример опубликованного сообщения подобного типа (рис. 1).

Рис. 1. Пример объявления в итальянском студенческом аккаунте «SpottedUnina».
Fig. 1. Example of an announcement on an Italian student account.

В результате анализа каждой сделанной публикации за указанный период времени были выделены следующие тематические группы (таблица 1).

Таблица 1
Основные тематические группы опубликованных сообщений в анализируемом аккаунте.

Table 1

Main thematic categories of published posts in the analyzed account.

№	Тематическая группа	Количество сообщений
1	Поиск друзей / единомышленников	93
2	Поиск конкретного человека по приметам	59
3	Информационные сообщения	48
4	Совет, помощь	39
5	Шутки	17
6	Сообщения от администраторов аккаунта	5

Таким образом, наиболее частотными мотивами для публикации объявления являлись: стремление найти друзей или единомышленников, поиск конкретного человека по приметам, сообщение какой-либо информации в рамках университетского сообщества и студенческой жизни.

Кроме того, каждое объявление было проанализировано на предмет наличия особенных лингвистических характеристик. В таблице 2 представлены наиболее часто встречающиеся языковые особенности с конкретными примерами из языкового материала.

Таблица 2

Основные лингвостилистические характеристики в проанализированных объявлениях.

Table 2

Main linguostylistic features in the analyzed announcements.

№	Лингвостилистическая характеристика	Количество сообщений	Пример из источника
1	Полное / частичное отсутствие знаков препинания, заглавных букв	94	ciao spotted cerco una ragazza zona aversa / ho 25 anni studio medicina grazie
2	Имитация устной речи	37	Ciaooo / ragaaa / grazieee / ahahaha / mamma miaaaa / ehilà / ei ciao / avvistataaaa / hey
3	Использование англицизмов	73	Se non erro / pls / ps /chill / like / uscite random / mette like a post / escape room
4	Использование смайлов	70	☺
5	Гендерно-нейтральное обращение	18	Qualcuno/a; ciao a tutt*; ciao a tutt3
6	Использование неаполитанского диалекта	12	M'arraccumann Spot, piensace tu
7	Использование ненормативной лексики	4	Цензурируется администратором аккаунта
8	Отсутствие congiuntivo	2	Credo che ha gli occhi verdi/ chiunque ha voglia di uscire insieme

В результате проведённого анализа данного публичного аккаунта можно сделать следующий вывод: итальянский студенческий онлайн-дискурс в нерегламентированной среде, но в рамках университетского сообщества, обладает определёнными лингвостилистическими характеристиками. Можно выделить следующие наиболее часто встречаемые:

- Полное или частичное отсутствие знаков препинания и/или заглавных букв с целью смыслового разделения сообщения на части – является наиболее ярко выраженной характеристикой подобного типа текстов;
- Использование англицизмов, которые полностью интегрированы в текст и используются как в адаптированном, так и в оригинальном виде;
- Использование смайлов;
- Имитация устной речи посредством изменения формы слова, добавления нескольких гласных, использования междометий;
- Гендерно-нейтральное обращение посредством дублирования окончаний существительных и прилагательных на мужской и на женский род, использование принятых в данном нетикете небинарных символов;
- Использование слов неаполитанского диалекта с целью придания яркой региональной окраски и принадлежности к определённой социально-территориальной группе.

Отдельно стоит отметить достаточно высокий уровень грамматической правильности сообщений, соблюдение согласования времён и наклонений, но при этом частое игнорирование норм пунктуации, в особенности финального знака препинания в конце предложения.

Во французском студенческом сообществе «Crush Aix-Marseille» [20] за 2024 год было сделано 133 публикации от студентов в адрес других студентов университета Экс-Марсель, в частности обучающихся на факультетах Искусств, Филологии, Иностранных языков и Гуманитарных наук (Allsh – аббревиатура от Facultés des Arts, Lettres, Langues, Sciences Humaines).

Ниже представлен пример опубликованного сообщения подобного типа (рис. 2).

Рис. 2. Пример объявления во французском студенческом аккаунте «Crush Aix-Marseille».
Fig. 2. Example of an announcement on a French student account «Crush Aix-Marseille».

В самом названии аккаунта «Crush Aix-Marseille» содержится неологизм «crush» («краш (возлюбленный, предмет обожания)»), вошедший в 2024 г. в словарь Le Petit Robert (crush (n.m.) – anglicisme, familier. Coup de cœur (pour qqn). 1. Être en crush sur qqn. Avoir un crush pour, sur qqn. 2. Personne qui en est l'objet. Je vois mon crush ce soir. Слово «crush» сразу даёт нам понять основную направленность большинства постов, но присутствуют также и другие.

В результате анализа каждой сделанной публикации за указанный период времени были выделены следующие тематические группы (таб).

Таблица 3

Основные тематические группы опубликованных сообщений в анализируемом аккаунте.

Table 3

Main thematic groups of published posts in the analyzed account.

№	Тематическая группа	Количество сообщений
1	Поиск понравившегося человека (юноши / девушки) по приметам	126
2	Поиск просто конкретного человека по приметам (юноши / девушки)	3
3	Поиск людей для обучения иностранному языку (русскому / итальянскому)	2
4	Поиск конкретного человека с указанием имени и фамилии	2

Таким образом, наиболее частотным поводом для публикации объявления являлось стремление найти конкретного понравившегося человека (юношу или девушку) по приметам, разыскивая его / её среди университетского сообщества.

Помимо этого, каждое объявление по аналогии с итальянской частью было проанализировано на предмет наличия особенных лингвостилистических характеристик. В таблице 4 представлены наиболее часто встречающиеся языковые особенности с конкретными примерами из языкового материала.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в проанализированном аккаунте французского студенческого сообщества «Crush Aix-Marseille» наблюдается небрежное обращение с французским языком; практически повсеместное несоблюдение норм пунктуации; огромное количество грамматических и орфографических ошибок; разговорная лексика с употреблением верланизированных слов; присутствие англицизмов, неологизмов; большое количество усечённых слов и сокращений, что характерно для письменной речи в социальных сетях и мессенджерах.

Выводы

Итоговым результатом сравнительного лингвистического анализа текстовых публикаций двух аккаунтов является выявление конкретных лингвостилистических сходств и различий в студенческом дискурсе данного типа.

К выявленным общим характеристикам относится: полное или частичное отсутствие знаков препинания и / или заглавных букв, использование англицизмов, использование смайлов, имитация устной речи на письме.

Основным же различием между итальянским и французским аккаунтами является уровень грамотности используемого языка: итальянские студенты практически во всех сообщениях стремятся соблюдать основные орфографические и морфологические нормы, а французские обучающиеся, напротив, не уделяют этому аспекту должного внимания. Кроме того, были выявлены отдельные специфические различия, присущие только конкретному студенческому сообществу. В Италии: использование региональных диалектальных слов, в котором находится университет; применение специальных орфографических приёмов на письме с целью выделения и/или нейтрализации гендерного признака. Во Франции: использование верлана и арготических слов.

Таким образом, можно утверждать, что сделанные выводы на примере студенческого онлайн-дискурса, рассмотренного в данном исследовании, подтверждают его особый статус в рамках университетского дискурса, а именно то, что этот тип дискурса является относительно регламентированным, с наличием определённых моделей коммуникации и построения речевых произведений.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136 – 137.
2. Гаврилова В.А. Языковые особенности современных студенческих англоязычных интернет-изданий // Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии: сборник научных статей Петрозаводского государственного университета. 2022. С. 28 – 34.
3. Зарубина А.А. Способы выражения небинарных гендерно нейтральных языковых единиц в современном итальянском языке // Древняя и Новая Романья. 2022. № 30. С. 27 – 39.
4. Кириллова И.К. Лингвосемиотика англоязычного университетского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Волгоград, 2010. 200 с.
5. Козаренко О.М. Анализ научного дискурса студенческих презентаций на французском языке // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сборник статей по итогам международной конференции. М.: МПГУ, 2016. С. 83 – 87.
6. Костина М.М. Лингвостилистические особенности дискурса студенческой блогосферы // Иностранные языки: материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. С. 102 – 103.
7. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити): дис. ... док. филол. наук: 5.9.6. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, 2011. 41 с.
8. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2006. 19 с.
9. Максимов В.В. Концептуальное ядро университетского дискурса // Известия Томского политехнического университета. Томск, 2010. Т. 317. № 6. С. 199 – 203.
10. Рус-Брюшнина И.В. Ценностно-смысловые характеристики дискурса учащихся современной высшей школы (на примере студентов КубГТУ) // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 141 – 148.
11. Степанов В.Н. Оценочный потенциал французского студенческого сленга // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 4 (39). С. 17 – 24.
12. Ухова П.С. Структурно-семантические характеристики студенческого сленга (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Ярославль, 2017. 21 с.

13. Цуркан А.И. Жанровые характеристики гипертекстов сайтов студенческих сообществ // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сборник статей по материалам XIX международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 49 – 55.
14. Шкатова Л.А. Дискурс вуза: прагматический аспект // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI Междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. С. 402 – 404.
15. Biffi M., Tellini G. L'Ateneo e le istituzioni letterarie e linguistiche. In: Comitato per le celebrazioni dei 100 anni dell'Ateneo fiorentino. Firenze, 2024. P. 249 – 266.
16. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
17. Vellutino D. L'italiano istituzionale per la comunicazione pubblica. Il Mulino, 2018. 219 p.
18. Zingarelli 2018: Nicola Zingarelli, Lo Zingarelli 2018. Vocabolario della lingua italiana, a cura di Mario Cannella e di Beata Lazzarini e con la collaborazione di Luciano Canepari. ristampa della dodicesima edizione. Bologna: Zanichelli, 2017.
19. URL: <https://www.instagram.com/spottedunina> (дата обращения: 10.03.2025).
20. URL: <https://www.instagram.com/crushaixmarseille> (дата обращения: 11.03.2025).
21. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/khayp-krinzh-i-krash-na-vsyu-stranu-zachem-media-ispolzuyut-molodezhnyy-yazyk> (дата обращения: 11.03.2025).
22. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/crush> (дата обращения: 11.03.2025).

References

1. Arutyunova N.D. Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1990. P. 136 – 137.
2. Gavrilova V.A. Linguistic Features of Modern Student English-Language Online Publications. Reflections: Language and Culture in Synchrony and Diachrony: Collection of Scientific Articles of Petrozavodsk State University. 2022. P. 28 – 34.
3. Zarubina A.A. Ways of Expressing Non-Binary Gender-Neutral Linguistic Units in Modern Italian. Ancient and New Romania. 2022. No. 30. P. 27 – 39.
4. Kirillova I.K. Semiotics of English-Language University Discourse: Dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Volgograd, 2010. 200 p.
5. Kozarenko O.M. Analysis of the scientific discourse of student presentations in French. Language and reality. Scientific readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak: a collection of articles based on the results of the international conference. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. P. 83 – 87.
6. Kostina M.M. Lingvostylistic features of the discourse of the student blogosphere. Foreign languages: materials of the 57th International scientific student conference. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2019. P. 102 – 103.
7. Larionova A.Yu. Informal student discourse: sociolinguistic and linguacultural aspects (based on graffiti): dis. ... doc. philological sciences: 5.9.6. Yekaterinburg: Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, 2011. 41 p.
8. Leorda S.V. Speech portrait of a modern student: dis. ... Cand. Philological sciences: 5.9.6. Saratov: Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, 2006. 19 p.
9. Maksimov V.V. Conceptual core of university discourse. Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Tomsk, 2010. Vol. 317. No. 6. P. 199 – 203.
10. Rus-Bryushinina I.V. Value-semantic characteristics of the discourse of modern higher education students (on the example of KubSTU students). Humanitarian and social sciences. 2019. No. 4. P. 141 – 148.
11. Stepanov V.N. Evaluative Potential of French Student Slang. Foreign Languages in Higher Education. 2016. No. 4 (39). P. 17 – 24.
12. Ukhova P.S. Structural and Semantic Characteristics of Student Slang (Based on Russian and French): Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.6. Yaroslavl, 2017. 21 p.
13. Tsurkan A.I. Genre Characteristics of Hypertexts of Student Community Websites. Culturology, Philology, Art Criticism: Actual Problems of Modern Science: Collection of Articles Based on the Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2019. P. 49 – 55.
14. Shkatova L.A. Discourse of the University: Pragmatic Aspect. Word, Statement, Text in the Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects: Proc. of the VI International Scientific Conf.: in 2 vol. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House, 2012. P. 402 – 404.
15. Biffi M., Tellini G. The Athenaeum and Its Language and Literature Studies. In: Committee for the Celebration of the 100th Anniversary of the Athenaeum of Florence. Florence, 2024. P. 249 – 266.

16. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
17. Vellutino D. The Italian Culture of Public Communication. Il Mulino, 2018. 219 p.
18. Zingarelli 2018: Nicola Zingarelli, Lo Zingarelli 2018. Vocabolario della lingua italiana, a cura di Mario Cannella e di Beata Lazzarini e con la collaborazione di Luciano Canepari. ristampa della dodicesima edizione. Bologna: Zanichelli, 2017.
19. URL: <https://www.instagram.com/spottedunina> (date of access: 10.03.2025).
20. URL: <https://www.instagram.com/crushaixmarseille> (date of access: 11.03.2025).
21. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/khayp-krinzh-i-krash-na-vsyu-stranu-zachem-media-ispolzuyut-molodezhnyy-yazyk> (date of access: 11.03.2025).
22. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/crush> (date of access: 11.03.2025).

Информация об авторах

Миретина М.С., кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, m.miretina@spbu.ru

Зарубина А.А., преподаватель, кафедра французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, a.zarubina@spbu.ru

© Миретина М.С., Зарубина А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.11-112

¹ Смирнова В.В., ² Никитина О.Л.,

³ Жилина И.А.

¹ Воронежский институт министерства
внутренних дел Российской Федерации

² Воронежский институт федеральной
службы исполнения наказаний

³ Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева

Сравнительно-сопоставительное изучение языковых лакун на примерах английских и русских глаголов

Аннотация: в статье рассматривается сравнительно-сопоставительный анализ языковых лакун. Проанализированы отличия лингвокультурных особенностей русского и английского языков, изучены способы по урегулированию расхождений. В статье приводится определение терминов «лакуна», и «абсолютных лакун». Выделены направления к изучению термина «лакуна» исходя из узкого и широкого подходов. В статье проанализированы направления изучения термина «лакуна» и указаны критерии соотнесения лакун с точки зрения английского и русского языков к абсолютным лакунам. Практические приведенные автором примеры наглядно показывают принцип взаимозамещения английских и русских глаголов для выделения лакунарных свойств слова. Идентифицированы системы для определения дифференциации лакунарных слов в изучаемых языках и описаны характерные особенности абсолютных и лексических лакун. Изучены лексические абсолютные лакуны с точки зрения истории и способов применения в других языках. Лексические лакуны рассмотрены автором статьи с точки зрения барьера двух языков и нарушения взаимобообщения между ними. Проанализировано мнение Е.А. Тарасовой на тему активно-эмоциональных глаголов и способов их использования в английском языке. Изучено возникновение лексическо-грамматических лакун. Автор статьи сравнивает точку зрения построения синтаксической основы слова А. Вежбицкой и собственной, на основании данного сравнения сформулированы выводы. Методология исследования представлена автором статьи в виде анализа научных работ российских исследователей по обсуждаемому вопросу, также использованы методы анализа, синтеза и сравнения для выявления и изучения лексических лакун английского и русского языков. Результаты научной работы представлены в виде научного обзора языковых лакун двух языков.

Ключевые слова: лакуна, абсолютный, суффикс, частица, грамматическая основа, глагол, синтаксические конструкции

Для цитирования: Смирнова В.В., Никитина О.Л., Жилина И.А. Сравнительно-сопоставительное изучение языковых лакун на примерах английских и русских глаголов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 61 – 67.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Smirnova V.V., ² Nikitina O.L.,
³ Zhilina I.A.

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
² Voronezh Institute of the Federal Penal Service
³ Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Comparative study of linguistic gaps using examples of English and Russian verbs

Abstract: the article considers a comparative analysis of linguistic lacunae. The differences between the linguistic and cultural features of the Russian and English languages are analyzed, and ways to resolve discrepancies are studied. The article provides a definition of the terms "lacuna" and "absolute lacunae". The directions for studying the term "lacuna" are highlighted based on narrow and broad approaches. The article analyzes the directions of studying the term "lacuna" and specifies criteria for attributing lacunae from the point of view of English and Russian languages to absolute lacunae. The practical examples given by the author clearly demonstrate the principle of substitution of English and Russian verbs to highlight the lacunary properties of the word. The systems for determining the differentiation of lacunary words in the studied languages are identified and the characteristic features of absolute and lexical lacunae are described. Lexical absolute lacunae are studied from the point of view of history and ways of application in other languages. Lexical lacunae are considered by the author of the article from the point of view of the barrier of two languages and the violation of mutual communication between them. The opinion of E.A. Tarasova on the topic of active-emotional verbs and ways of their use in English is analyzed. The occurrence of lexical and grammatical gaps is studied. The author of the article compares the point of view of constructing the syntactic basis of the word by A. Vezhbitskaya and his own, on the basis of this comparison the conclusions are formulated. The research methodology is presented by the author of the article in the form of an analysis of scientific works by Russian researchers on the issue under discussion, and methods of analysis, synthesis, and comparison are also used to identify and study lexical gaps in English and Russian. The results of the scientific work are presented in the form of a scientific review of the linguistic lacunae of the two languages.

Keywords: lacuna, absolute, suffix, particle, grammatical basis, verb, syntactic constructions

For citation: Smirnova V.V., Nikitina O.L., Zhilina I.A. Comparative study of linguistic gaps using examples of English and Russian verbs. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 61 – 67.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы акцентирует внимание на универсальных и специфических лингвокультурах. Активно развивающиеся в последнее время языковые барьеры между изучаемыми языками сформировали семантику языков и отбора средств выражения. Одним из таких проявлений выступает существование лакун. В представленной работе анализируется национальное своеобразие английского и русского языков, которые проявляются на разных языковых уровнях. Исходя из этого актуальность данной работы обусловлена низким уровнем разработанности проблем лакунарности, а также потребностью в изучении и сопоставлении основ русского и английского языков.

Цели и задачи исследования заключаются в сборе и проведении анализа лакунарных особенностей в английском языке в сравнении с русским и установлению статуса языковой единицы в уровневой лакунарной системе изучаемого языка. Значимость лакунарной единицы рассмотрена на примере лексических, лексико-грамматических и грамматических видов абсолютных лакун. Задачами в данном исследовании выступает анализ уже применяющихся подходов и путей исследования категории лакунарности, а также проведение тематической классификации лакунарных единиц в английском языке на фоне русских соответствий. Стилистическая характеристика лакунарного общения проведена с учетом взаимодействия функциональной и эмоционально-экспрессивной окраски лексических конструкций в изучаемом языке. Автор статьи при изучении всех классификаций лакунарности глаголов, сделал вывод о необходимости систематизации лакунарных конструкций и лингвострановедческого материала при изучении английского и русского языков с целью адекватного понимания языка.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов лакуарности при использовании глаголов в английском и русском языках применялись следующие методы: общенаучные (анализ, синтез, сравнение, аналогия), методы логического анализа, классификации логических группировок, методы оценки и интерпретации фактического материала. Произведен обзор и изучение научных работ отечественных исследователей по обсуждаемому вопросу.

Результаты и обсуждения

На сегодняшний день проблема лакуарности изучена недостаточно, поскольку выявляются противоречия между исследователями. Проблемы лакуарности в английском языке рассматривались в работах В.И. Жельвиса, Ю.А. Сорокина, И.Ю. Марковиной.

Одним из главных направлений в теории лакуарности является изучение и анализ расхождений лингвокультурных систем, а также поиск способов их преодоления. Ряд исследователей пришел к выводу, что в рамках одного языка могут возникать расхождения в понимании и общении людей друг с другом [10, с. 53-54]. На сегодняшний день анализ проведенных научных работ с точки зрения выявления отличий в межъязыковых компетенциях полагает, что отличительные особенности в функциональной равнозначности сравниваемых единиц лакуарных концепций выступают в качестве ведущего соответствия. В современных семантических школах на сегодняшний день применяется два подхода к изучению и определению термину «лакуна». Первый подход был разработан и научно внедрен группой исследователей А.О. Ивановым и Л.С. Бархударовым. Данный подход получил название «узкий», потому как, по мнению исследователей, перевод изучаемого текста осуществляется независимо от того, есть ли в другом языке это слово, следовательно, текст переводится в соответствии с лексическими принципами и нормами переводимого языка. Второй подход получил название «широкий» и был разработан группой лингвистов Ю.С. Степановым, В.И. Жельвисом и В.Л. Муравьевым. Широкий подход рассматривает не только способ перевода вышеизложенного случая, но и разбирает грамматические и стилистические несовпадения двух языков [8, с. 98-99].

С точки зрения Т.В. Лариной, лакуна – это отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия.

Исходя из актуальности выбранной темы, в статье рассмотрено три группы лакуарных единиц. Первая группа представляет собой лакуны с лексическим содержанием, вторая группа характеризуется лакунами с использованием лексико-грамматического значения, и третья группа включает в себя лакуны с грамматическим значением. Проанализированные автором статьи примеры использования русских и английских глаголов дают возможность автору отметить лакуарный статус в изучении свойств лакуарности. Также автор статьи обозначил признаки соотношения абсолютных лакун с позиции английского и русского языков.

Абсолютные лакуны – это отсутствие в одном языке фразеологизма, который соответствовал бы фразеологизму в другом языке, тем самым значение слова передается только описательным путем. В.И. Жельвис в своей цитате писал: «Абсолютные лакуны – это то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других не сигнализируются, то есть не находит общественно закреплённого выражения». Стоит отметить, что относительные лакуны используются в тексте при множественном упоминании одного и того же слова, но данное слово имеет разный концепт в разных языках. Таким образом можно говорить о том, что разноязычное использование и смысл слов может интерпретироваться в разной социальной культуре по-разному [11, с. 113].

Тщательный анализ лексических абсолютных лакун с точки зрения исторических особенностей позволил автору статьи определить способ их использования в других языках. Исходя из того, что в одном языке отсутствует определенное слово, объект или понятие, появляется необходимость в употреблении лексических абсолютных лакун. В качестве примера можно привести используемый русскоязычный глагол «выпадать», который в английском языке не имеет альтернативы при переводе. Глагол «выпадать» при переводе с русского языка на английский теряет свой смысл и в следствии чего в английском языке при использовании данного глагола необходимо использовать детальное толкование конкретного слова. Для сравнительного анализа можно привести английское выражение «to drop out» (что в переводе на русский язык подразумевает: «отказываться от участия»), исходя из этого предложение: «через два круга пловец отказался от участия в заплыве», будет переведено следующим образом: «to refuse» («отказаться»), что в обозначении слова не является одним и тем же [4, с. 25].

Использование русскоязычных глаголов, отвечающих на вопрос «что делать?» таких как: кататься, успевать, умыться, высыпаться, в английском являются уникальными, потому как данная группа глаголов не имеет альтернативных вариантов при переводе на другой язык. Следовательно, русский глагол «кататься» может быть переведен на английский язык следующей трактовкой: «передвигаться при помощи любого транспортного средства для удовлетворения своих потребностей», например, кататься на лодке, кататься на вело-

сипеде. Следует отметить, что в английском языке употребляется определенное слово, которое является синонимом к русскому слову «кататься» и заменяет его при использовании. В качестве примера автор приводит английские глаголы «to drive» и «to ride», в данных глаголах отсутствует процесс получения удовольствия от катания. Английские глаголы лишены семантического признака времени в употреблении, например, глаголы «to manage» и «to make up», не соответствуют русскоязычному глаголу «успевать», поэтому можно говорить о том, что последний будет считаться абсолютной лексической лакуной.

Е.А. Тарасова при определении подвидов лакун анализирует наличие или отсутствие в другом языке не только слова, но и определенного словосочетания, исходя из этого она выделяет следующие виды лакун [13, с. 225-227]:

- лакуны по половой принадлежности, представляют собой слово, которое принадлежит к тому или иному гендеру и представляет собой словообразовательный суффикс или семантику слов;

- лакуны собственного генезиса, они характеризуются отсутствием в другом языке не только слова, но и словосочетания, а также словообразовательного суффикса. В данном случае значение слова будет передаваться при помощи окказиональных сочетаний слов, и для четкого понимания фразы необходимо добавлять дополнительный текст;

- системно-языковые лакуны, которые бывают как межъязыковые, так и внутриязыковые. Межъязыковые лакуны характеризуются отсутствием лексической единицы в одном языке и присутствием этой же единицы в другом языке, а внутриязыковые лакуны представляют собой отсутствие слова в одном языке, которое выявлено на фоне имеющихся близких по семантике в лексической парадигме;

- лакуны парадигматического характера, которые разделяются на родовые и видовые [3, с. 276-278]. Родовые лакуны в данном случае отражают отсутствие общего названия для ряда предметов, в то время как видовые лакуны характеризуются отсутствием конкретных названий для предметов, объектов или явлений;

- лакуны по типу номинации, встречаются как номинативные и стилистические. Номинативные лакуны представляют собой лакунарную единицу, которая показывает отсутствие полной или оценочной части предмета, в то время как стилистические лакуны показывают отсутствие конкретного слова, которое характеризуется определенной стилистической окраской.

Российский ученый Е.А. Тарасова объединила все русские «активно-эмоциональные» глаголы в отдельную группу. Потому как данная группа глаголов передает эмоциональный характер слов и предложений, сказанных автором, например: утомлять, угнетать, мотивировать, радовать. При анализе употребления «активно-эмоциональных» глаголов русист А. Вежицкая отмечает: «большинство из глаголов данной группы абсолютно не переводятся на английский язык, а также данные глаголы имеют активный процессуальный характер» [7, с. 419]. Автор статьи считает, что активно-эмоциональные глаголы имеют свойство рефлексивности, которое характерно для всех русских эмоциональных глаголов. Свойство рефлексивности в русских глаголах усиливает впечатление при выполняемом действии и возникает самостоятельно независимо от факторов внешнего и внутреннего воздействия. Группа «активно-эмоциональных» глаголов доминирует над существительным с использованием предлогов «о» и «обо», таким образом укрепляется взаимосвязь с чувствами и эмоциями человека через внутренние процессы. В качестве примера можно привести следующие высказывания: «не заботиться обо мне, волноваться о тебе». Автор статьи отмечает, что постоянный характер употребления «активно-эмоциональных» глаголов нередко сопровождается с участием глаголов действия, например: «вчера опоздал, писал сочинение» [12, с. 227].

Глаголы данной группы могут быть внедрены в английский текст с прямым использованием, например: («ты тоже здесь?»). В английском языке употребляются определенные глаголы, которые выражают речь конкретного человека при помощи спектра чувств и эмоций, такие глаголы получили название «глаголы состояния». В качестве примера автор приводит следующие используемые глаголы: «mumble («промямлить»), to depend («зависеть»), whisper («шепнуть»), to fear («бояться»). Данные глаголы при их употреблении подчеркивают вызванную органами чувств эмоцию человека [9, с. 98]. Стоит отметить, что «глаголы состояния» не используются в английском языке во времени Continuous, но почти на постоянной основе употребления их можно заметить во временах Simple и Perfect. Это связано с тем, что в английском языке можно легко понять, что имеет ввиду человек, например: «I like apple pie» будет переведено как: я люблю яблочный пирог, автор высказывания констатирует факт любви к яблочному пирогу. Но услышать в употреблении высказывание «I am liking apple pie now» не получится, поскольку в английском языке не отображается время глагола «нравится». К слову, употребление русских глаголов «смутиться» и «воскликнуть» будет использоваться в рамках речевых глаголов, а не в рамках способа ведения речи. Постоянно употребляемый в английской речи активно-эмоциональный глагол «to challenge» не переводится дословно в русском языке, его трактовка может интерпретироваться в разных вариантах употребления, например, таких как: подвергать сомнению, бросать вы-

зов или с другой стороны он может быть переведен как: оспаривать, обжаловать что-либо. На приведенных примерах можно увидеть значительную разницу между употребляемыми глаголами, данные отличия связаны с «англо-саксонской» культурой употребления глаголов в негативном спектре эмоций и чувств. В то время как русская культура общения выражается в вербальном проявлении чувств и эмоций к речи человека [2, с. 247-248]. Таким образом, автор приходит к выводу, что вышерассмотренная группа употребляемых глаголов будет относиться к группе лексических относительных лакун.

Историческое развитие лексическо-грамматических лакун произошло из-за того, что в одном из языков присутствуют грамматические конструкции, которые оказывают непосредственное влияние на лексическое значение и смысл языковых слов и преобразуют данные слова в лексические лакуны в другом языке. Ярким примером лексическо-грамматических лакун в английском языке будет выступать русская категория «вида», которая характеризуется наличием аффиксам. Аффикс – это часть конкретного слова, которая присоединяется к корню и привносит в него грамматическую или словообразовательную основу. Аффиксы выступают в качестве служебной морфемы, которая присоединяется к корню слова и образует новое слово. Рассмотрим суффикс «ну», который характеризуется одноразовым действием, например: достигнуть, умолкнуть, исчезнуть, в таком случае приставка «по» будет характеризоваться непродолжительным характером действия, например (покачаться, поиграть, посмотреть). Следует отметить, что использование русского глагола с приставкой «раз» (развести, рассмешить, распробовать) придает английским словам некое изменение в противоположную сторону при обращении к кому-то или чему-то, в качестве примера автор приводит следующие высказывания: *stop running* (перестать бегать), *stop being touched* (перестать умиляться) [1, с. 371].

По мнению автора статьи, в самостоятельную группу глаголов следует выделить глаголы с употреблением приставки и частицы «ся». Поскольку данные глаголы будут выражать понятия, которые не закреплены в языковом обороте и мало употребляются в английском языке, следовательно, для данных глаголов при их употреблении необходимо дополнительное пояснение на конкретных примерах, а именно: *размечтаться* (*to dream*), *нагуляться* (*walk around*), *накататься* (*roll around*), *заждаться* (*to wait*); *насмеяться* (*laugh too much*), *задуматься* (*to think*).

Стоит отметить, что абсолютные лакуны подразделяются на лексические и грамматические. Абсолютные грамматические лакуны характеризуются отсутствием грамматической основы в одном из языков, а лексические лакуны представляют собой отсутствие слова для обозначения действия, предмета или явления в другом языке [6, с. 184]. В свою очередь для грамматических лакун своеобразен способ передачи грамматического значения, хорошим примером в данном случае будет выступать отсутствие грамматической категории падежа существительных слов, отсутствием рода у прилагательных и отсутствием вида у глаголов.

Лакуны в русском языке могут быть представлены местоименно-соотносительными синтаксическими конструкциями, которые связаны между собой союзными словами и словосочетаниями, которые в процессе своей взаимосвязи образуют устойчивые тандемы для речевого оборота, пример: *то / что; такой / какой; тогда / когда; там / где; тем / чем*, а в английском языке похожих тандемов не используется при образовании словосочетаний.

В рамках употребления грамматических лакун может быть использовано противопоставление слова со схожим значением. В русском языке при построении сложного предложения употребляется синтаксическая основа с использованием союза «зато», в то время, как в английском языке такой основы не существует. Исходя из этого, такие предложения как «Я не пошла гулять, зато убралась дома» будут характеризовать национальные отличия характера русского языка, и объясняются тем, что в русском языке присутствует желание и стремление устранить недостаток в сознании, для того чтобы не менять исход ситуации [5, с. 12-15].

С точки зрения построения синтаксической основы слова автор статьи приходит к выводу, что в классификации языков лежит два разных подхода к жизни человека, которые в разных языках играют разную роль. Первый подход рассматривается автором с точки зрения «как живу я и что я делаю для своей жизни?» в данном подходе человек фокус внимания направляет на активную жизненную ориентацию. Второй подход изучает жизнь человека с точки зрения «что произойдет со мной, если?» в данном случае акцент человека делается на пассивную жизненную ориентацию. Пассивная жизненная ориентация фокус внимания оказывает на беспомощность, бессилие и связана с дативными и дативоподобными основами, например: «я ничего не умею, поэтому у меня ничего не получается». В то время как активная жизненная ориентация в приоритет ставит действия, силу воли человека и в качестве приоритета характеризуется номинативными и номинативоподобными основами. При синтаксическом разборе английских слов можно увидеть активное применение номинативов, а дативы стоят на втором плане. В русском языке все иначе, дативы занимают первое место по частоте использования, в качестве примера можно привести следующие дативы: *невозможно, вручить, необходимо, подарить*. Исходя из проведенного анализа автор статьи к синтаксическим лакунам относит следующие

щие речевые обороты: мне надо / нужно, мне не спится / не думается, мне необходимо / приходится. Данные речевые обороты применяются тогда, когда человек не способен сделать то, что ему хочется на самом деле.

Выводы

В предложенной статье автор определил, что в английском языке имеется большое разнообразие словарных дефиниций с использованием безэквивалентных лексем. Рассмотренные гендерные лакуны в английском языке характеризуются наличием грамматической основы слова, хотя такая не представлена в языке, а принадлежность к тому или другому гендеру слова определяется посредством семантики или словообразовательным суффиксом. Имеющиеся в наличии в одном из языков межъязыковых лакун не показывает полное отсутствие слова или определенного объекта в другом языке, а лишь констатирует факт зависимости от социальных потребностей человека и общества в целом. Лексическая лакунарная основа может полностью отсутствовать в тексте одного языка, но это не означает отсутствие в сознании и понимании другого народа определенного действия или явления, за исключением тех случаев, когда мотивационная основа межъязыковых лакун, будет отражать отсутствие у народа конкретных предметов или явлений. Таким образом лексическая лакунарность вносит свой вклад в обеспечение национального своеобразия лексико-фразеологической системы языка, однако она не влияет на формирование всей национальной специфики мышления всего народа.

Список источников

1. Абросимова Н.А. К вопросу о переводе ненормативной лексики в тексте // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 21. С. 370 – 372.
2. Акай О.М. Интерпретации лакуны и лакунарности как системного явления // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 246 – 250.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология (целостно-смысловое пространство языка). М.: Флинта, 2019. 275 с.
4. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета Национальный психологический журнал. 2013. № 25. С. 22 – 27.
5. Бекасов М.Д. Статус понятия лакуны в теории перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. № 588. С. 9 – 17.
6. Быкова Г.В. Феноменология лексической лакунарности русского языка. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2001. 181 с.
7. Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Русское слово, 1996. 411 с.
8. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 96 – 118.
9. Головановская М.К. Художественный перевод или несвободное творчество // Новое литературное обозрение. 2020. № 13. С. 95 – 100.
10. Данильченко Т.Ю. Понятие и сущность лакун // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 3. С. 51 – 57.
11. Ларина Т.В. Лакуны и безэквивалентная лексика как фиксаторы специфики языка и культуры // Вестник российского университета дружбы народов. 2023. № 4. С. 112 – 117.
12. Проскурина А.В. Временные ориентиры англосаксонской культуры // Идеи и идеалы. 2021. № 4. С. 219 – 231.
13. Тарасова Е.А. Лексические лакуны в межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи. Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 224 – 230.

References

1. Abrosimova N.A. On the issue of translating obscene language in the text. The World of Science, Culture, Education. 2020. No. 21. P. 370 – 372.
2. Akai O.M. Interpretations of the Lacuna and Lacunarity as a Systemic Phenomenon. Baltic Journal of the Humanities. 2019. No. 3. P. 246 – 250.
3. Alefirenko N.F. Lingvoculturology (the holistic semantic space of language). Moscow: Flinta, 2019. 275 p.
4. Bayramova L.K. Lingvistic Lacunar Units and Lacunas. Bulletin of the Chelyabinsk State University National Psychological Journal. 2013. No. 25. P. 22 – 27.
5. Bekasov M.D. The status of the concept of lacuna in translation theory. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2019. No. 588. P. 9 – 17.
6. Bykova G.V. Phenomenology of lexical lacunarity of the Russian language. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Ped. Univ., 2001. 181 p.
7. Vezhbitskaya A. Language, culture, cognition. Moscow: Russkoe slovo, 1996. 411 p.

8. Voldarskaya E.F. Borrowing as a reflection of Russian-English contacts. *Issues of Linguistics*. 2022. No. 4. P. 96 – 118.
9. Golovanivskaya M.K. Literary translation or unfree creativity. *New literary review*. 2020. No. 13. P. 95 – 100.
10. Danilchenko T.Yu. The concept and essence of lacunae. *Science. Art. Culture*. 2024. No. 3. P. 51 – 57.
11. Larina T.V. Lacunas and non-equivalent vocabulary as fixers of the specifics of language and culture. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. 2023. No. 4. P. 112 – 117.
12. Proskurina A.V. Temporal landmarks of Anglo-Saxon culture. *Ideas and ideals*. 2021. No. 4. P. 219 – 231.
13. Tarasova E.A. Lexical lacunae in intercultural communication. *Lacunae in language and speech*. Blagoveshchensk: BSPU, 2003. P. 224 – 230.

Информация об авторах

Смирнова В.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского и иностранных языков, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский институт министерства внутренних дел Российской Федерации», v.v.smirnova85@yandex.ru

Никитина О.Л., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского и иностранных языков, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский институт федеральной службы исполнения наказаний», olgagatova26@rambler.ru

Жилина И.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Центральный филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Воронеж, irina1985_2004@mail.ru

© Смирнова В.В., Никитина О.Л., Жилина И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)

УДК 81'25:811.581'276.6

¹ Ли Цзявэй

¹ Даляньский университет иностранных языков

Исследование стратегий ответа во взаимодействии «вопрос-ответ» в китайском дипломатическом дискурсе с точки зрения конверсационного анализа

Аннотация: в данном исследовании на основе теории конверсационного анализа, рассматриваются стратегии ответа и конкретные языковые формы, используемые послом Министерства иностранных дел Китая в вопросах, касающихся территориальной целостности и безопасности страны. Были сделаны выводы, что посол Лю Сяомин в ответах на вопросы журналистов по проблеме Южно-Китайского моря использует как утвердительные, так и конфликтные ответы. В утвердительных ответах основная структура включает следующие шаги: согласие с точкой зрения → изложение позиции → аргументация через легитимацию авторитетом → выражение отношения. В конфликтных ответах основная структура может быть обобщена как: центральная часть (чаще всего отрицание, отказ + противопоставление) → изложение позиции / разъяснение информации → легитимация / делегитимация через авторитет / нарратив / рациональность → выражение надежды / требований / предложений. Результаты данного исследования могут способствовать органичному сочетанию теории теории конверсационного анализа и дипломатического дискурса, и дать рекомендации для интерпретации китайского дипломатического дискурса.

Ключевые слова: конверсационный анализ, «вопрос-ответ», стратегии ответа, дипломатический дискурс, Политический дискурс, посол Китая Лю Сяомин

Для цитирования: Ли Цзявэй. Исследование стратегий ответа во взаимодействии «вопрос-ответ» в китайском дипломатическом дискурсе с точки зрения конверсационного анализа // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 68 – 77.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Li Jiawei

¹ Dalian University of Foreign Languages

A study of response strategies in question-response interaction in Chinese diplomatic discourse under the perspective of conversation analysis

Abstract: based on the relevant concepts in the theory of Conversation Analysis, this study takes as its corpus the Chinese materials of the three lectures and seminars on the South China Sea held by Ambassador Liu Xiaoming during his visit to the United Kingdom, in which he responded to the questions of the audience. The study explores Chinese foreign ministry ambassadors' response strategies and specific linguistic realizations on issues related to national territory and security. It is found that Liu Xiaoming, the ambassador of the Ministry of Foreign Affairs, adopts affirmative response and conflictual response respectively in answering reporters' questions on the South China Sea issue, in which the basic discourse step in affirmative response consists of agreeing with the point of view → stating the position → authoritatively legitimizing the argument → stating the attitude; and the basic discourse step in the conflictual response strategy can be summarized as the central phrase (mostly negativity, refusal + opposition) →

stating the position / elaborating the information → authoritatively / narratively / rationally (de-legitimization) → offer hope/demand/suggestion. This study helps to integrate the theory of discourse analysis with diplomatic discourse, aiming to provide a reference for the interpretation of Chinese diplomatic discourse.

Keywords: *conversation analysis, “question-response”, response strategy, diplomatic discourse, political discourse, Chinese Ambassador Liu Xiaoming*

For citation: Li Jiawei. A study of response strategies in question-response interaction in Chinese diplomatic discourse under the perspective of conversation analysis. *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (8). P. 68 – 77.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Большое значение для исследования структуры Конверсационного Анализа (Conversation Analysis, CA) имеет реплика «вопрос-ответ», который является не только наиболее типичным типом реплики в повседневной жизни, но и наиболее распространенным в высокоинтерактивном институциональном дискурсе. Как дипломатический дискурс, ответы посла МИД на вопросы прессы относятся к типичному институциональному дискурсу, основанному на вопросно-ответных репликах, которые в основном характеризуются процессом, управляемым вопросом, и продвигают смену речевых ходов через реплику «вопрос-ответ» [2, с. 92], и когда в этом процессе журналисты задают острые и чувствительные вопросы, ответы посла Министерства иностранных дел приобретают особую важность. Им необходимо использовать соответствующие языковые стратегии, чтобы выразить официальную позицию страны по конкретным политическим событиям, тем самым передавая государственную позицию, защищая суверенитет, безопасность и имидж страны.

Возникновение территориального спора в Южно-Китайском море является проявлением серьезного нарушения суверенитета и территориальной безопасности Китая. Исследование стратегий ответов, используемых послом Министерства иностранных дел Китая в ответах на вопросы прессы по проблеме Южно-Китайского моря, может помочь расшифровать дипломатические концепции Китая и заложенные в них ценностные ориентации. Основываясь на теории Конверсационного Анализа и взяв ответы на вопросы журналистов по теме Южно-Китайского моря из книги посла Китая Лю Сяомина «Отвечаю на все вопросы» в качестве корпусов, в исследовании рассматриваются и обобщаются стратегии ответов, используемые послом Лю Сяомином в репликах «вопрос-ответ», чтобы дать предложения для интерпретации дипломатического дискурса.

Исследования в области Конверсационного Анализа в России начались в 1920-х годах. Л.П. Якубинский [8, с. 27] в 1923 году впервые ввел понятие «реплика» (turn) и указал, что «диалогическая форма речевого общения представляет собой быстрое чередование акций и реакций между собеседниками». На основе этой точки зрения многие российские ученые продолжили исследование структуры разговора, указав, что коммуникативной единицей диалога является «диалогическое единство», которое состоит из двух или более реплик, тесно связанных по семантике и структуре и взаимно обуславливающих друг друга. При этом первая часть реплики называется «стимулирующей репликой», а вторая часть – «реактивной репликой» [9, с. 177]. Распространенными типами стимулирующих и реактивных реплик являются: «вопрос-ответ», «приветствие-приветствие», «вызов-ответ», «предложение-принятие / отказ», «извинение-утешение» и другие. Среди них «вопрос-ответ» не только наиболее часто встречается в повседневной жизни, но и широко используется в высокоинтерактивных институциональных дискурсах. Многие ученые начали уделять внимание реплике «вопрос-ответ» в повседневной и институциональной речи с разных точек зрения.

В 1980-х годах российские ученые внедрили Прагматику в исследования разговоров. Падучева [10, с. 305] считала, что в диалогическом единстве между стимулирующей и реактивной репликами существуют не только структурно-семантические отношения, но и прагматические связи. Это побуждает отправителя реактивной реплики использовать соответствующие прагматические стратегии для реагирования на условия успешности речевого акта, пресуппозиции и имплицатуры в стимулирующей реплике. Соответственно, исследования прагматических стратегий ответа в рамках изучения реплик «вопрос-ответ» также активно развиваются.

В дипломатическом дискурсе обычно участвуют как минимум две стороны, и структура основной части дискурса состоит в основном из чередующихся вопросов и ответов. В ответах официального представителя МИД на вопросы журналистов, каждый вопрос журналиста (стимулирующая реплика) и каждый ответ

пресс-секретаря (реактивная реплика) составляют реплику «вопрос-ответ», и основная часть всей пресс-конференции обычно состоит из десятков подобных реплик. В рамках этого взаимодействия «вопрос-ответ» основная задача официального представителя МИД заключается в том, чтобы представлять позицию государства, формировать политическое общественное мнение и пытаться убедить международную аудиторию [2, с. 93], и для достижения этой цели представитель использует различные стратегии ответа в зависимости от содержания и позиции, заложенных в вопросах журналистов. Сталкиваясь с разнообразными вопросами, представителям нужно гибко применять соответствующие стратегии ответа, чтобы эффективно донести свою точку зрения и защитить имидж страны.

На данный момент исследования стратегий ответа официальных представителей в дипломатическом дискурсе сосредоточены в основном на изучении конфликтных стратегий ответа. Например, Би Чжо и Лю Фэнгуан [1, с. 767-779] обнаружили, что в рамках ритуально-процедурного подхода в дипломатических конфликтных стратегиях ответа сосуществуют черты «дивергентности» и «конвергентности». Чэнь Яньпин и Хань Цзюань [2, с. 92-101] исследовали выражение позиции и стратегии реализации в рамках взаимодействия «просьба-отказ» в корейском дипломатическом дискурсе. Кроме того, в существующих исследованиях в качестве материала чаще всего используются пресс-конференции МИД, где тематика материала сосредоточена, и отсутствует фокус на конкретных актуальных проблемах. Поэтому, основываясь на теории анализа Конверсационного Анализа, в исследовании в качестве корпуса взяты ответы на вопросы журналистов по теме Южно-Китайского моря из книги посла Китая Лю Сяомин «Отвечаю на все вопросы», исследуются стратегии ответа посла Лю и его конкретные языковые реализации, чтобы дать предложения для интерпретации китайского дипломатического дискурса.

Материалы и методы исследований

Материал для исследования был взят из программы «Ответы на все вопросы», которая представляет собой тексты на китайском языке, содержащие ответы посла Лю Сяомин на вопросы аудитории после трёх выступлений по вопросу Южно-Китайского моря во время его работы в Великобритании. Выбор материала, связанного с проблемой Южно-Китайского моря, обусловлен тем, что проблема Южно-Китайского моря касается территориальной целостности и безопасности суверенитета Китая, и ответы посла Министерства иностранных дел на вопросы журналистов в этом контексте требуют особенно тщательного подхода, поэтому более репрезентативно исследовать стратегии ответа дипломатического дискурса в рамках данной темы. В соответствии с определением диалогического единства, предложенным Земской [9, с. 177], в данном исследовании были выделены и проанализированы реплики «вопрос-ответ» в трёх сессиях ответов на вопросы журналистов. Подробности корпусов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Статистика материала ответов на вопросы журналистов по проблеме Южно-Китайского моря.

Table 1

Statistics of the material in response to journalists' questions on the South China Sea issue.

Год / место	Тема	Реплики «вопрос-ответ»	Частота вопросов / ответов
2016/5/20 Лондонский институт стратегических исследований	«Китай – опора мира и стабильности в Южно-Китайском море» – Выступление и ответы на вопросы в Лондонском институте стратегических исследований	6	6
2016/7/19 Посольство КНР в Великобритании	«Китай не принимает и не признает решение арбитража по Южно-Китайскому морю» – Пресс-конференция для китайских и иностранных журналистов по решению арбитража	8	8
2016/7/25 Королевский институт международных отношений (Великобритания)	«Облака не заслонят горизонт, истинный путь всегда тернист» – Основное выступление и ответы на вопросы в Королевском институте международных отношений	10	10

В трёх политических выступлениях и ответах на вопросы журналистов всего было зафиксировано 24 реплики «вопрос-ответ». В процессе этого взаимодействия «вопрос-ответ» основными участниками были журналисты и посол Министерства иностранных дел Китая Лю Сяомин, причем журналисты задавали вопросы по поводу выступлений Лю Сяомин, а он, в свою очередь, отвечал на эти вопросы. Таким образом,

форма ответов посла напрямую связана с типом и позицией, заложенной в вопросах журналистов, и перед лицом разных типов вопросов с разных позиций ответы будут разным. Послу МИД необходимо тщательно обдумывать и гибко выбирать соответствующие стратегии ответа, чтобы эффективно донести точку зрения и подчеркнуть позицию государства.

Исходя из этого, в исследовании используется критерий, согласно которому «в процессе взаимодействия «вопрос-ответ» позиции сторон могут быть разделены на три категории: конвергентная (сближение), дивергентная (расхождение) и нейтральная» [2, с. 93]. В соответствии с этим, ответы посла Министерства иностранных дел разделяются на два типа: Утвердительный ответ на вопрос журналиста, что указывает на конвергентную позицию сторон; Отрицательный / отказный / противоположный ответ на вопрос журналиста, что указывает на дивергентную позицию сторон.

Конвергентная позиция по своей сути представляет собой подтверждение или согласие с предыдущей репликой. Это утвердительная реплика, выражающая согласие с позицией и высказыванием собеседника. Для выявления таких ответов используются следующие шаги: журналист задаёт вопрос (часто это вопрос с ответом «да / нет») → посол даёт чёткий утвердительный ответ (как показано в примере (1)).

Дивергентная позиция, напротив, представляет собой отказ от предыдущей реплики и её коммуникативной цели, что представляет собой речевой акт, в котором говорящий занимает противоположную или отказную позицию по отношению к словам собеседника [4, с. 47]. В научных кругах такой тип ответа обычно называют конфликтным ответом. В данном исследовании используется определение конфликтного ответа, предложенное Би Чжо и Лю Фэнгуан [1, с. 769], согласно которому, когда официальный представитель МИД обнаруживает, что изложенная журналистом точка зрения или позиция противоречит официальной позиции страны, он использует отказные, отрицательные или противоположные формулировки, чтобы объяснить и защитить позитивный имидж страны. На основе этого определения были выделены конфликтные ответы посла (как показано в примере (2)).

(1) 问: 我来自普罗派乐卫视。你认为, 菲律宾新一届政府是否暗示中菲关系将转圜?

答: 我们当然期望如此。杜特尔特总统就职后, 我们听到了一些积极的表态 [7, с. 240].

Вопрос: Я представляю телеканал «Propeller TV». Как вы считаете, даёт ли новое правительство Филиппин намёк на улучшение китайско-филиппинских отношений?

Ответ: Мы, конечно, надеемся на это. После вступления в должность президента Дутерте мы услышали ряд позитивных заявлений...

(2) 问: 刘大使, 你在演讲中批评仲裁庭, 我也曾听到中方官员表示中方不会接受仲裁结果。你刚才的意思是不是也是这样, 即不管结果如何, 中方都不会接受仲裁判决?

答: 让我来告诉你为什么。仲裁庭从一开始就是非法的, 一个非法的仲裁庭怎么能判出好的结果?! 中方对仲裁庭不承担任何义务。我们始终认为, 仲裁案本身即违反了《联合国海洋法公约》和国际法 [7, с. 217].

Вопрос: Посол Лю, в своём выступлении вы критиковали арбитражный суд. Я также слышал, что китайские официальные лица заявляли, что Китай не примет результаты арбитража. Означает ли это, что, независимо от результата, Китай не примет решение арбитража?

Ответ: Позвольте мне объяснить, почему. Арбитражный суд с самого начала был незаконным. Как незаконный суд может вынести справедливое решение?! Китай не несёт никаких обязательств перед этим арбитражным судом. Мы всегда считали, что сам арбитражный процесс нарушает Конвенцию ООН по морскому праву и международное право.

Данное исследование направлено на решение следующих вопросов:

(1) Сколько форм ответов присутствует во взаимодействии «вопрос-ответ» в ответах посла Лю Сяомина на вопросы журналистов по теме Южно-Китайского моря?

(2) Какие стратегии ответа использовал Лю Сяомин в каждой из форм ответов?

Результаты и обсуждения

1. Способы реализации стратегий утвердительных ответов посла мид КНР.

На основе выбранного корпуса были проанализированы два типа взаимодействия «вопрос-ответ»: утвердительные и конфликтные ответы посла, а также их частотность. Результаты представлены в таблице 2. В трёх сессиях ответов на вопросы журналистов было зафиксировано 24 реплики «вопрос-ответ», из которых было только два утвердительных ответа, что составляет 8% от общего числа ответов, в то время как конфликтные ответы составили 22 случая, или 92% от общего числа. Это свидетельствует о том, что вопросы, задаваемые иностранными журналистами по проблеме Южно-Китайского моря, часто носят острый, сложный и даже враждебный характер. Посол Лю Сяомин в таких ситуациях вынужден использовать конфликтные ответы, чтобы прояснить факты, защитить территориальную целостность и безопасность суверенитета

страны, а также сформировать позитивный имидж своей стороны и опровергнуть негативный образ, создаваемый оппонентами.

Таблица 2

Частота появления различных форм ответов во взаимодействии «вопрос-ответ» в корпусе.

Table 2

Frequency of occurrence of different forms of answers in question-answer interactions in the corpus.

	Корпус 1	Корпус 2	Корпус 3
Утвердительный ответ	0	2	0
Конфликтные ответы	6	6	10

Единственные два утвердительных ответа Лю Сяомин по вопросу Южно-Китайского моря были даны 19 июля 2016 года на пресс-конференции для китайских и иностранных журналистов в посольстве Китая в Великобритании, посвящённой решению арбитражного суда по Южно-Китайскому морю. Посол Лю Сяомин использовал следующий порядок шагов для ответа на вопросы журналистов: согласие с точкой зрения → изложение позиции → аргументация через легитимацию авторитетом → выражение отношения. Легитимация (или делегитимация) авторитетом – это стратегия, предложенная ван Лёвенем [11, с. 92], которая заключается в использовании законов, традиций, консенсусных мнений или точек зрения авторитетных лиц для обоснования своей позиции.

(3) 问：我的问题是关于英国外交部前副法律顾问霍默斯雷发表的一份法律研究报告。他在报告中指出，仲裁庭的观点“不能令人信服”，仲裁庭的裁决“将撼动国际关系的整体稳定”，因为该裁决允许菲律宾放弃其在正式法律文件，如《南海各方行为宣言》中的立场。你能谈谈对霍默斯雷观点的看法吗？你认为他的观点正确吗？

答：我同意这个观点。中方坚决反对仲裁庭的裁决，该裁决开了一个“恶例”这份裁决在多个方面违反了国际法。首先，它违反了《公约》的宗旨正如我在开场白中所说，中方不承认、不接受裁决，裁决没有拘束力。没有一个国家会把这份裁决当真，任何国家都不应在所谓裁决的基础上提出新的主张。裁决是非法的，没有任何法律地位。如果有人在裁决基础上提出新的主张，这将导致新的违法行为，将进一步损害地区和平与稳定 [7, с. 240].

Вопрос: Мой вопрос касается юридического исследования, опубликованного бывшим заместителем юридического советника Министерства иностранных дел Великобритании Холмслеем. В своём отчёте он указывает, что позиция арбитражного суда «не является убедительной», а решение суда «подорвёт общую стабильность международных отношений», поскольку оно позволяет Филиппинам отказаться от своей позиции, закреплённой в официальных юридических документах, таких как Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море. Можете ли вы высказать своё мнение о точке зрения Холмслея? Считаете ли вы его точку зрения правильной?

Ответ: Я согласен с этой точкой зрения. Китай решительно выступает против решения арбитражного суда, которое создаёт «опасный прецедент»... Это решение нарушает международное право в нескольких аспектах. Во-первых, оно противоречит целям Конвенции... Как я уже сказал в своём вступительном слове, Китай не признаёт и не принимает это решение, оно не имеет обязательной силы. Ни одна страна не воспримет это решение всерьёз, и ни одна страна не должна выдвигать новые претензии на основе так называемого решения. Это решение является незаконным и не имеет никакого юридического статуса. Если кто-то будет выдвигать новые претензии на основе этого решения, это приведёт к новым нарушениям закона и дальнейшему ущербу для регионального мира и стабильности.

В примере (3) журналист использует вопрос с ответом «да / нет», спрашивая, считает ли представитель точку зрения Холмслея правильной. Посол Лю Сяомин сначала чётко даёт утвердительный ответ, затем применяет стратегию изложения позиции, подчёркивая решительное несогласие Китая с решением арбитражного суда по Южно-Китайскому морю. Ссылаясь на авторитет международного права и Конвенции ООН по морскому праву, он обосновывает отказ Китая принять результаты арбитража (обоснование через легитимацию авторитетом), а также предоставляет убедительные аргументы в поддержку позиции Китая по вопросу Южно-Китайского моря и своего согласия с точкой зрения Холмслея. В заключение представитель вновь подтверждает позицию страны о непризнании так называемого «решения по Южно-Китайскому морю», выражает своё отношение: решение является незаконным и не имеет юридического статуса, а также указывает, что продолжение действия этого решения приведёт к ещё большей региональной нестабильности.

2. Способы реализации стратегий конфликтных ответов посла мид КНР.

Возникновение конфликтного дискурса является проявлением «дивергентности / стремления к различиям» между говорящим и слушающим в аспектах восприятия, позиции и точки зрения [5, с. 4]. Проблема Южно-Китайского моря касается территориальной целостности и безопасности суверенитета Китая, и вопросы, задаваемые иностранными СМИ, часто носят острый и чувствительный характер. В таких случаях посол Министерства иностранных дел Китая чаще всего использует стратегии конфликтного ответа, чтобы решительно противостоять высказываниям иностранных СМИ. В данном исследовании, основываясь на классификации стратегий конфликтного ответа, предложенной Хуном Ганом и Чэнь Цяньфэном [3, с. 212], а также Би Чжо и Лю Фэнгуаном [1, с. 769], обобщены стратегии ответа, используемые послом Лю Сяомином в конфликтных ответах. Конфликтные ответы разделяются на центральную часть и внешние модификаторы, каждая из которых включает различные прагматические стратегии, и вспомогательные стратегии обычно появляются вместе с центральными, иначе ответ не считается конфликтным. Статистические результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Стратегии конфликтного ответа посла МИД и их распределение.

Table 3

Strategies of conflict response of the MFA ambassador and their distribution.

Стратегии конфликтного ответа			Частота	Всего
Центральные стратегии	Противопоставление		4	19
	Отрицание пресуппозиций		11	
	Косвенный отказ	Игнорирование вопроса	2	
		Частичный ответ	1	
		Вопрос к задающему	1	
Стратегии внешних модификаторов	Изложение позиции		18	55
	Разъяснение информации		4	
	Сообщение фактов		4	
	Легитимация /делегитимация через авторитет / нарратив / рациональность	Авторитет (9)	17	
		Нарратив (2)		
		Рациональность (6)		
	Выражение отношения		2	
	Выражение надежды		6	
Выдвижение требований / предложений		4		

Основная структура стратегий конфликтного ответа посла Лю Сяомина состоит из центральной стратегии и внешних модификаторов. Центральные стратегии включают в себя «противопоставление», «отрицание пресуппозиций» и «косвенный отказ», а внешние модификаторы включают «изложение позиции», «разъяснение информации», «сообщение фактов», «легитимацию / делегитимацию через авторитет, нарратив или рациональность», «выражение отношения» и «выдвижение требований или предложений». Важно отметить, что внешние модификаторы часто появляются в количестве двух и более. Анализ материала показывает, что основная структура конфликтных ответов посла может быть обобщена как: центральная часть (чаще всего отрицание, отказ + противопоставление) → изложение позиции / разъяснение информации → легитимация / делегитимация через авторитет / нарратив / рациональность → выражение надежды / требований / предложений. В связи с ограничением объёма, ниже будут приведены примеры для иллюстрации стратегий, которые неочевидны на первый взгляд.

2.1. Центральные стратегии.

Центральные стратегии включают в себя «противопоставление», «отрицание пресуппозиций» и «косвенный отказ». «Противопоставление» означает, что посол Министерства иностранных дел выражает несогласие или неодобрение в отношении вопроса журналиста, а также осуждает позицию заинтересованной стороны. «Отрицание пресуппозиций» - это прямое отрицание предположений, сделанных журналистом при формулировке вопроса (см. пример 4). В стратегии косвенного отказа такие приёмы, как «игнорирование вопроса», «частичный ответ» и «вопрос к задающему», используются для того, чтобы избежать прямого ответа на вопрос журналиста. Это достигается путём игнорирования вопроса, ответа только на один из нескольких заданных вопросов или постановки встречного вопроса, на который задающий не может отве-

тить или который не требует ответа. Таким образом, представитель избегает прямой оценки политической позиции другой страны.

(4) *Вопрос:* Оу Дэнь, в твоём выступлении ты критиковал арбитражный суд. Я также слышал, что китайские официальные лица заявляли, что Китай не примет результаты арбитража. Означает ли это, что, независимо от результата, Китай не примет решение арбитража?

Ответ: Позвольте мне объяснить, почему. Арбитражный суд с самого начала был незаконным. Как незаконный суд может вынести справедливое решение?! Китай не несёт никаких обязательств перед этим арбитражным судом. Мы всегда считали, что сам арбитражный процесс нарушает Конвенцию ООН по морскому праву и международное право.

Вопрос: Посол Лю, в своём выступлении вы критиковали арбитражный суд. Я также слышал, что китайские официальные лица заявляли, что Китай не примет результаты арбитража. Означает ли это, что, независимо от результата, Китай не примет решение арбитража?

Ответ: Позвольте мне объяснить, почему. Арбитражный суд с самого начала был незаконным. Как незаконный суд может вынести справедливое решение?! Китай не несёт никаких обязательств перед этим арбитражным судом. Мы всегда считали, что сам арбитражный процесс нарушает Конвенцию ООН по морскому праву и международное право.

В примере (4) журналист использует вопрос с ответом «да/нет», чтобы задать вопрос послу Лю Сяоми-ну. Этот вопрос предполагает, что арбитражный суд является законным, а «отказ Китая принять результаты арбитража» будет нарушением международного права. В ответ представитель не даёт прямого утвердительного или отрицательного ответа, а использует фразу «Арбитражный суд с самого начала был незаконным...», чтобы отрицать пресуппозицию, заложенную в вопросе журналиста, и применяет стратегию отрицания пресуппозиций. Затем представитель вновь излагает позицию Китая по вопросу арбитража, подчёркивая, что «Китай не несёт никаких обязательств перед этим арбитражным судом», и использует стратегию делегитимации через авторитет, утверждая, что «сам арбитражный процесс нарушает Конвенцию ООН по морскому праву и международное право». Это подтверждает, что реакция и позиция Китая по данному вопросу имеют правовую основу, а данный конфликтный ответ эффективно защищает позицию страны.

2.2. Внешние модификаторы.

Внешние модификаторы включают в себя «изложение позиции», «разъяснение информации», «сообщение фактов», «легитимацию / делегитимацию через авторитет, нарратив или рациональность», «выражение отношения» и другие стратегии. «Изложение позиции», «разъяснение информации», «сообщение фактов» используются послом Министерства иностранных дел после применения центральных стратегий, таких как отказ, отрицание или противостояние конкретному вопросу, чтобы опровергнуть точку зрения, высказанную журналистом, путём изложения позиции Китая по данному вопросу и информирования о реальной ситуации [1, с. 774]. Это позволяет прояснить принципы внешней политики Китая, избежать необоснованных предположений со стороны третьих стран и получить положительную оценку от потенциальной общественности [6, с. 773] (см. пример 5). Выражение отношения, выражение надежды / требований или предложений – это стратегии, в которых представитель использует такие слова, как «надеюсь», «считаю», «настаиваю», чтобы выразить своё отношение, пожелания, требования или предложения по поводу обсуждаемого вопроса. Обычно они используются в конце конфликтного ответа в качестве завершающего шага (см. пример 5).

Изложение позиции, разъяснение информации и сообщение фактов используются Стратегии легитимации были предложены ван Лёвеном с точки зрения прагматического взаимодействия. Они включают: Легитимацию / делегитимацию через авторитет (authorization): легитимация через традиции, обычаи, законы или институциональный авторитет; (2) Легитимацию / делегитимацию через моральную оценку (moralization): легитимация через ценности, выраженные в дискурсе; (3) Легитимацию / делегитимацию через рациональность (rationalization): легитимация через цели и функции институционализированных социальных действий, а также через социальные знания, придающие им когнитивную значимость; (4) Легитимацию / делегитимацию через нарратив (mythopoesis): легитимация через повествования, в которых легитимные действия вознаграждаются, а нелегитимные наказываются. В материалах, связанных с проблемой Южно-Китайского моря, посол Министерства иностранных дел Китая часто использует стратегии легитимации / делегитимации через авторитет / нарратив / рациональность после изложения позиции, чтобы предоставить убедительные аргументы в поддержку своей позиции и подчеркнуть негативный характер действий и точек зрения оппонентов (см. пример 6).

(5) *Вопрос:* Очень感谢你这次的演讲...从国际体系演变角度看,美国作为现行国际体系的守成力量一直试图维持现状,不少美国官员和研究报告则认为中国将取代美国。你怎么看中美管理这种“权力转移”过程?双方能否确保这一转移过程是和平与稳定的?

答：正如我在演讲开始时所说，在南海问题上，中国并不是麻烦制造者，而是受害者。相信我已对此进行了清楚解释。在美国实施所谓亚太再平衡战略之前，整个南海地区局势是稳定的……菲方舍本逐末，拒绝与中国和平协商谈判，单方面挑起所谓国际仲裁，就是因为有美国为其撑腰。关于中美关系，中方历来致力于建设良好的中美关系。这是毋庸置疑的……我们一贯主张积极发展中美关系，推动双方密切合作……中美之间有很多对话与沟通渠道，但重要的是，美方应从根本上改变那种认为中国有朝一日要取代美国成为全球领导者的思维定式。这并不是中国追求的目标。我们追求的是实现中华民族伟大复兴的中国梦… [7, с. 215].

Вопрос: Большое спасибо за ваше выступление... С точки зрения эволюции международной системы, США как держава, поддерживающая существующую систему, пытаются сохранить статус-кво, в то время как многие американские чиновники и исследования считают, что Китай заменит США. Как вы оцениваете процесс «передачи власти» между Китаем и США? Могут ли обе стороны обеспечить мирный и стабильный процесс этой передачи?

Ответ: Как я уже сказал в начале выступления, в вопросе Южно-Китайского моря Китай не является создателем проблем, а жертвой. Я уверен, что ясно это объяснил. До того, как США начали свою так называемую стратегию «перебалансировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе», ситуация в Южно-Китайском море была стабильной... Филиппины, отказавшись от мирных переговоров с Китаем, в одностороннем порядке инициировали так называемый международный арбитраж, потому что за ними стояла поддержка США. Что касается китайско-американских отношений, Китай всегда стремился к построению хороших отношений с США. Это не подлежит сомнению... Мы всегда выступали за активное развитие китайско-американских отношений и укрепление тесного сотрудничества между сторонами... Между Китаем и США существует множество каналов для диалога и общения, но важно, чтобы США изменили своё мышление, что Китай когда-нибудь заменит США в качестве мирового лидера. Это не является целью Китая. Наша цель – реализация китайской мечты о великом возрождении китайской нации...

В примере (5) представитель сначала отрицает пресуппозицию о том, что китайско-американские отношения представляют собой процесс «передачи власти», применяя стратегию отрицания пресуппозиций. Затем, излагая действия США в Южно-Китайском море, такие как «поддержка Филиппин», он указывает на то, что США создают препятствия для стабильности в регионе. Одновременно он применяет стратегию изложения позиции, подчёркивая, что «Китай всегда стремился к построению хороших отношений с США», и что Китай не стремится заменить США, а реализует «китайскую мечту о великом возрождении китайской нации». Это ясно указывает на то, что развитие Китая не представляет угрозы для мира, поддерживая образ Китая как ответственной державы, и одновременно создаёт негативный образ США как дестабилизирующей силы. В заключение представитель использует стратегию выдвижения предложений, указывая, что США должны изменить своё мышление, и вновь подчёркивает, что «Китай не заинтересован в роли сверхдержавы, а его главная задача – повышение уровня жизни своего народа», что подтверждает позицию и отношение Китая.

(6) 问：我对中国向南海岛礁派驻部队的做法持不同看法，但对中国应对南海问题的总体方式持积极态度。大使先生，你认为在无人生活的岛礁上修建飞机跑道，并安排成批的游客去参观，是否比单边仲裁结果更为加剧地区紧张局势？

答：中国对南海有关争议一直呼吁各方保持克制，但有关国家却变本加厉，在非法侵占的中国岛礁上修建军事设施……中国对这些挑衅行径忍无可忍，不得不采取措施应对。中国的岛礁建设是在自己的土地上进行的，这一点我希望你注意。而有关国家背弃了与中国达成的共识，在非法侵占的岛礁上修建军事设施，并部署导弹、坦克、大炮，中国不得不加以应对。中国岛礁建设并未给地区带来损害。相反，中国修建的设施将在气象、海洋研究、环境保护等领域提供更好的服务。修建的灯塔也有助于南海的航运安全……这都是中国正在努力做的事情。说到这，我建议你再读一读今天刚刚发布的中国与东盟国家外交部部长关于全面有效落实《南海各方行为宣言》的联合声明。中国与东盟国家外长一致同意，有关各方保持克制，这体现了中国致力于地区和平与稳定的承诺。我手边就有这份声明，我现在就读其中一段，帮助你增进对地区局势的理解：“各方承诺保持自我克制，不采取使争议复杂化、扩大化和影响 和平与稳定的行动，包括不在现无人居住的岛、礁、滩、沙或其他自然构造上采取居住的行动，并以建设性的方式处理它们的分歧” [7, с. 271].

Вопрос: У меня есть сомнения по поводу размещения китайских войск на островах в Южно-Китайском море, но в целом я положительно отношусь к подходу Китая к решению проблемы Южно-Китайского моря. Господин посол, считаете ли вы, что строительство взлётно-посадочных полос на необитаемых остро-

вах и организация туристических групп для их посещения усугубляют региональную напряжённость больше, чем одностороннее арбитражное решение?

Ответ: Китай всегда призывал все стороны к сдержанности в отношении споров в Южно-Китайском море, но некоторые страны продолжают усиливать свои действия, строя военные объекты на незаконно оккупированных китайских островах... Китай больше не может терпеть такие провокации и вынужден принимать ответные меры. Строительство на китайских островах ведётся на нашей собственной территории, и я хочу, чтобы вы это понимали. Некоторые страны нарушили достигнутые с Китаем соглашения, строя военные объекты на незаконно оккупированных островах и размещая там ракеты, танки и артиллерию, что вынуждает Китай реагировать. Строительство на островах не наносит ущерба региону. Напротив, объекты, построенные Китаем, будут способствовать улучшению услуг в области метеорологии, океанографии, защиты окружающей среды... Всё это – часть усилий Китая. В связи с этим я рекомендую вам прочитать совместное заявление министров иностранных дел Китая и стран АСЭАН о всестороннем и эффективном выполнении Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, опубликованное сегодня. Министры иностранных дел Китая и стран АСЭАН единогласно согласились, что все стороны должны проявлять сдержанность, что демонстрирует приверженность Китая миру и стабильности в регионе. У меня есть это заявление, и я прочитаю отрывок, чтобы помочь вам лучше понять ситуацию в регионе: «Все стороны обязуются проявлять сдержанность и не предпринимать действий, которые могут осложнить, расширить споры или повлиять на мир и стабильность, включая действия по заселению необитаемых островов, рифов, отмелей, песков или других природных образований, и решать разногласия конструктивным образом».

В примере (6) представитель не даёт прямого ответа на вопрос журналиста, а использует стратегию изложения позиции → сообщения фактов → легитимации через рациональность / авторитет → выдвижения предложений. Сначала он чётко излагает позицию Китая: «Китай всегда призывал все стороны к сдержанности в отношении споров в Южно-Китайском море». Затем он использует стратегии делегитимации через авторитет и легитимации через рациональность: указывает, что действия некоторых стран по строительству военных объектов являются «нарушением достигнутых с Китаем соглашений» и «незаконными», а «Китай вынужден реагировать на такие провокации», что обосновывает действия Китая с правовой точки зрения и эффективно защищает позицию страны. Далее он применяет стратегию легитимации через рациональность, разъясняя реальную ситуацию со строительством на островах.

Легитимация через рациональность описывает внутреннюю логику и внешние последствия действий, подтверждая их законность через цели и функции институционализированных социальных действий [11, с. 100-105]. Представитель подчёркивает, что строительство на островах не наносит ущерба региону, а, напротив, способствует миру и стабильности, что опровергает необоснованные обвинения журналиста и развеивает возможные заблуждения других стран. В заключение он использует стратегию выдвижения предложений, вновь подтверждая позицию Китая и ставя под сомнение осведомлённость журналиста.

Выводы

В данном исследовании на основе теории конверсационного анализа, рассматриваются стратегии ответа и конкретные языковые формы, используемые послом Министерства иностранных дел Китая в вопросах, касающихся территориальной целостности и безопасности страны. Выяснилось, что посол Лю Сяомин в ответах на вопросы журналистов по проблеме Южно-Китайского моря использует как утвердительные, так и конфликтные ответы, причём последние значительно преобладают. В утвердительных ответах посол Лю Сяомин обычно применяет следующую последовательность шагов: согласие с точкой зрения → изложение позиции → аргументация через легитимацию авторитетом → выражение отношения. Конфликтные ответы структурируются как центральные стратегии + внешние модификаторы. Центральные стратегии включают противопоставление, отрицание пресуппозиций и косвенный отказ, а внешние модификаторы – изложение позиции, разъяснение информации, сообщение фактов, легитимацию / делегитимацию через авторитет / нарратив / рациональность, выражение отношения и другие. Основная структура конфликтных ответов может быть обобщена как: центральная часть (чаще всего отрицание, отказ + противопоставление) → изложение позиции / разъяснение информации → легитимация / делегитимация через авторитет / нарратив / рациональность → выражение надежды / требований / предложений.

Посол Лю Сяомин, сталкиваясь с вопросами различного типа и направленности, тщательно обдумывает и гибко выбирает соответствующие стратегии ответа, чтобы эффективно донести свою точку зрения и подчеркнуть позицию государства. В связи с ограничением объёма, настоящее исследование не затрагивает идеологические и властные факторы, скрытые в языке. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение этих аспектов.

Список источников

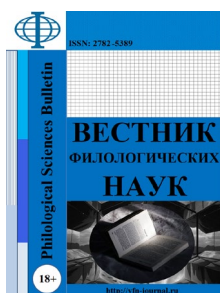
1. Би Чжо, Лю Цзингуан. Исследование конфликтных стратегий ответа в дипломатическом дискурсе на основе теории ритуального протокола // Современные иностранные языки. 2022. № 6. С. 767 – 779.
2. Чэнь Яньпи, Чэнь Хуан. Исследование позиции вопросно-ответного взаимодействия "запрос-отказ" в корейском дипломатическом дискурсе // Руководство по иностранным языкам. 2024. № 3. С. 92 – 101.
3. Хун Ган, Чэнь Цяньфэн. Сравнительное исследование стратегий отклонения китайских и американских пресс-секретарей // Преподавание иностранных языков и научные исследования. 2011. № 2. С. 209 – 219.
4. Луо Гуйхуа. Исследование позиции во взаимодействии в зале суда. Ухань: Хуачжунский нормальный университет, 2013. 47 с.
5. Ран Юнпин. Обзор исследований прагматики конфликтного дискурса // Преподавание иностранных языков. 2010. № 1. С. 1 – 6.
6. Лю Фэнгуан, Лю Шиюй. Избегание стратегий ответа в дипломатическом дискурсе и его ритуализированная реляционная связь // Современные иностранные языки. 2020. № 6. С. 768 – 780.
7. Лю Сяомин. С вопросами и ответами. Пекин: Пекинское народное издательство, 2024. С. 204 – 279.
8. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 27 с.
9. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. 177 с.
10. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связанности диалога // Серия литературы и языка. 1982. № 4. С. 305 – 313.
11. Leeuwen van T. Legitimation in discourse and communication // Discourse. Communication. 2007. No. 1. P. 91 – 112.

References

1. Bi Zhuo, Liu Jingguang. A Study of Conflict Response Strategies in Diplomatic Discourse Based on Ritual Protocol Theory. Modern Foreign Languages. 2022. No. 6. P. 767 – 779.
2. Chen Yanpi, Chen Huang. A Study of the Position of Question-Answer Interaction "Request-Refusal" in Korean Diplomatic Discourse. Handbook of Foreign Languages. 2024. No. 3. P. 92 – 101.
3. Hong Gang, Chen Qianfeng. A Comparative Study of Rejection Strategies of Chinese and American Press Secretaries. Teaching Foreign Languages and Scientific Research. 2011. No. 2. P. 209 – 219.
4. Luo Guihua. A Study of Position in Interaction in the Courtroom. Wuhan: Huazhong Normal University, 2013. 47 p.
5. Ran Yongping. A Review of Research on the Pragmatics of Conflict Discourse. Teaching Foreign Languages. 2010. No. 1. P. 1 – 6.
6. Liu Fengguang, Liu Shiyu. Avoiding Response Strategies in Diplomatic Discourse and Its Ritualized Relational Connection. Modern Foreign Languages. 2020. No. 6. P. 768 – 780.
7. Liu Xiaoming. With Questions and Answers. Beijing: Beijing People's Publishing House, 2024. P. 204 – 279.
8. Yakubinsky L.P. On Dialogic Speech. Selected Works. Language and Its Functioning. Moscow: Nauka, 1986. 27 p.
9. Zemskaya E.A. Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Problems of Learning. Moscow: Russian Language, 1987. 177 p.
10. Paducheva E.V. Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence. Literature and Language Series. 1982. No. 4. P. 305 – 313.
11. Leeuwen van T. Legitimation in Discourse and Communication. Discourse. Communication. 2007. No. 1. P. 91 – 112.

Информация об авторах

Ли Цзявэй, Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, 1761867544@qq.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 82.01/09

¹ Каракуц-Бородина Л.А.,

² Салихова Э.А.

¹ Башкирский государственный медицинский университет

² Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Стратиграфия набоковского синтаксиса: о сущности одного стилистического приема Владимира Набокова

Аннотация: статья посвящена одной из особенностей набоковского стиля – сложным предложениям усложненной конструкции – в психолингвистическом аспекте. Такая оптика дает возможность увидеть, что набоковские сложные предложения отличаются от конструктивно аналогичных предложений у других писателей в смысловом отношении: на границах предикативных единиц происходят переходы между уровнями, или, при трехмерном рассмотрении, регистрами сознания, которые в терминах философии литературы соответствуют возможным мирам. Эти переходы у Набокова не маркируются лексическими либо грамматическими средствами (так называемыми операторами перехода) и потому оказываются затемненными, что вызывает удовольствие у внимательного читателя, а невнимательного заставляет теряться между реальным и ирреальным, настоящим и прошлым, бодрствованием и сном. Возможно, разгадка этого приема, связанного с синтаксисом, дает исследователям ключ к генерализации описания стиля Набокова, в котором эллиптические элементы вообще представлены достаточно широко.

Ключевые слова: набоковедение, психолингвистика, стиль, синтаксис, уровень сознания, регистр сознания, возможный мир, эллипсис

Для цитирования: Каракуц-Бородина Л.А., Салихова Э.А. Стратиграфия набоковского синтаксиса: о сущности одного стилистического приема Владимира Набокова // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 78 – 86.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Karakuts-Borodina L.A.

² Salikhova E.A.

¹ Bashkir State Medical University

² Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev

Stratigraphy of Nabokov's syntax: on the essence of the stylistic device of Vladimir Nabokov

Abstract: the article is devoted to one of the features of Nabokov's style – complex sentences of complex construction – in the psycholinguistic aspect. Such optics makes it possible to see that Nabokov's complex sentences differ from constructively similar sentences of other writers in a semantic sense: at the boundaries of predicative units, transitions occur between levels or, when viewed three-dimensionally, registers of consciousness, which in terms of the philosophy of literature correspond to possible worlds. These transitions in Nabokov's texts are not marked by lexical or grammatical items (the so-called transition operators) and therefore turn out to be obscured, which causes pleasure in the attentive reader, but makes the inattentive reader get lost between the real and the unreal, the present and the past, wakefulness and sleep. Perhaps the solution to this technique associated with syntax gives researchers the key to a generalization of the description of Nabokov's style, in which elliptical elements are represented quite widely.

Keywords: Nabokov studies, psycholinguistics, style, syntax, level of consciousness, register of consciousness, possible world, ellipsis

For citation: Karakuts-Borodina L.A., Salikhova E.A. Stratigraphy of Nabokov's syntax: on the essence of the stylistic device of Vladimir Nabokov. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 78 – 86.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Одна из актуальных проблем набоковедения – загадка стиля. В попытках ее разгадать набоковеды охотно пользуются знаменитым выражением русских формалистов [39]: первая лекция в курсе А.А. Долинина «Мир Владимира Набокова» называется «Как устроены тексты Набокова» [16]; И.А. Паперно задается вопросом «Как сделан «Дар»» [29]. Ответы ищут на разных уровнях текста: философском [1], идейно-тематическом [3]; обсуждается динамика повествования (традиционно его признают бессюжетным) [5], тип героя (многие сходятся на том, что все набоковские герои – в том или ином смысле художники) [15, 24] – и, безусловно, всегда велико искушение «поймать за хвост» необычный набоковский язык, в том числе – в переводах и автопереводах, причем в отдельных деталях, что породило поток диссертационных исследований. Особенно заметны попытки «разобрать на части» набоковский стиль в исследованиях лингвистического толка. В.И. Фролов отмечает своеобразный «лингвистический поворот» как в отечественном, так и в зарубежном набоковедении на рубеже 1990-х и 2000-х годов [34], но в этих работах, однако, как справедливо замечает Б.В. Орехов, скорее каталогизируются частные наблюдения, чем создается «консистентное описание» стиля. Б.В. Орехов фокусирует взгляд на стиле переводческом, однако представляется, что эту мысль можно экстраполировать и на ситуацию с описанием набоковского стиля в целом [27, с. 201].

Очевидно, эту же загадку пытаются разгадать и подражатели, стилизаторы [15], пародисты [20]; именно этим – вскрытием механики набоковского стиля – заняты и экспериментаторы в области искусственного интеллекта [26], и начинающие писатели, вдохновленные Набоковым. Показателен опыт литературной студии «LitstudioYK» (руководитель Ю.М. Камильянова; г. Уфа): в ходе занятий на «продвинутом» курсе в 2020 г. слушатели импровизировали в духе рассказа Набокова «Катастрофа», пытаясь воспроизвести авторский стиль. Вот их рефлексии по поводу того, что именно они пытались сделать: «Хотелось бы писать так же, как он: красиво, ёмкими фразами»; «Объем образа будто 3D»; «Символизм образов». Как видим, эти констатации либо максимально размыты семантически, либо метафоричны и, в общем, ничего не добавляют к разговору о том, как сделаны тексты Набокова.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье мы останемся в пределах круга языковых явлений, которые делают тексты Набокова безошибочно узнаваемыми, – однако попытаемся придать наблюдаемой картине объем за счет междисциплинарного подхода.

Одной из признанных примет набоковского стиля является усложненный синтаксис. Беглый очерк набоковской синтаксической стилистики даёт, например, Н. Мельников, цитируя набоковские характеристики стиля Марселя Пруста («отмеченную Набоковым особенность прустовского стиля, характерную и для него самого») [20]: «своенравный синтаксис» [21, с. 280].

Справедливость этих оценок верифицируется двумя историями. Первая – эксперимент, основанный на гипотезе о том, что обученная на массиве текстов одного автора нейросеть даст пример «чистого» стиля – в «снятом», очищенном или даже доведенном до абсурда, а оттого особенно очевидном виде [40, с. 236]. Действительно, нейросеть воспроизвела фразы именно такого типа, ср.: Так было впервые, и воспоминание об этом должно было сохраниться навсегда, ибо память хранит следы тех самых событий, которые происходят случайно... [25].

Вторая история – пародии. Одна из первых пародий на Набокова – «Бегство Болотина»: <...> Маленький Болотин поставил левую ногу, согнув ее в колене, на плетеный, в квадратных дырочках, венский стул, чтобы зашнуровать ботинок; концы шнурка были неровны... [38].

Один из наиболее авторитетных и вдумчивых отечественных исследователей стиля Набокова Николай Мельников пишет, что эта пародия «не блещет художественными достоинствами и выглядит куда бледнее и скучнее оригинала» [20]. Эта оценка интуитивно видится нам в высшей степени справедливой. Но почему, при кажущемся блеске, этот текст действительно выглядит беспомощным в качестве пародийного –

ведь формально тут, как и в продукции нейросети, мы видим вполне «набоковское» предложение: сложное, с обилием разнотипных связей и осложняющих конструкций?

На наш взгляд, ответ лежит в содержательной плоскости: в приведенной пародии структурные особенности набоковского синтаксиса воспроизведены добросовестно, но механически, тогда как в предложениях «настоящего» Набокова на предикативных швах происходит еще и смена уровней функционирования (режимов) сознания [8].

Таких уровней, согласно Ф.Е. Василюку, четыре: бессознательное – переживание – рефлексия – сознание (далее Б – П – Р – С) [8, с. 43].

Разберем с этой точки зрения один из часто цитируемых фрагментов романа «Дар».

С изогнутой лестницы подошедшего автобуса спустилась пара очаровательных шелковых ног: мы знаем, что это вконец затаскано усилием тысячи пишущих мужчин, но все-таки они сошли, эти ноги – и обманули: личико было гнусное [22, с. 344].

Начальная предикативная единица здесь передает собственно переживание (зрительного впечатления), при этом бессознательное оформлено синекдохой (ноги, существующие как бы отдельно от женщины), вторая относится скорее к сознанию, третья (обманули) перемещает читательское сознание на уровень рефлексии (знаем), а четвертая возвращает к переживанию.

Ф.Е. Василюк вводит также понятие регистра сознания как совокупности всех четырех уровней, представленных в отдельном жизненном мире [8]. Б.М. Величковский с соавторами ввел для описания этого феномена понятие «ментального пространства» [11]; А.П. Бабушкин оперирует конструкцией «мыслительные пространства» [2]; все эти представления, вероятно, соотносятся с теорией возможных миров [35], восходящей к Лейбницу и применяющейся для анализа художественных текстов. Перемещения авторского (и, соответственно, читательского) сознания между этими зонами, как бы мы их ни решили обозначать, – важнейшая конструктивная особенность художественного текста и объект нашего интереса.

Результаты и обсуждения

Сравним два предложения, связанных сюжетно: оба посвящены чувствам матери, отвергающей дочернего жениха.

Матери не нравились в Левине и его странные и резкие суждения, и его неловкость в свете, основанная, как она полагала, на гордости, и его, по ее понятиям, дикая какая-то жизнь в деревне, с занятиями скотиной и мужиками; не нравилось очень и то, что он, влюбленный в ее дочь, ездил в дом полтора месяца, чего-то как будто ждал... («Анна Каренина») [25, с. 56].

Нам видится, что в этом фрагменте противопоставлены С1 и С2 – сознание внутритекстового автора и героини (княгини Щербацкой); точнее, С2 оказывается вложенным в С1, и сигналами границ этих сознаний являются вводные слова (как она полагала; по ее понятиям), благодаря чему эти границы столь ясны и четки.

Мать же утверждала, что Лужин не по дням, а по часам сходит с ума, что умалишенным по закону запрещено жениться, и первые дни скрывала невероятного жениха от всех своих знакомых, что было сначала легко, – думали, что она с дочерью на курорте, – но потом, очень скоро, появились опять все те люди, которые обыкновенно у них в доме бывали, – как например: очаровательный старенький генерал, всегда доказывавший, что не России нам жаль, а молодости, молодости; двое русских немцев; Олег Сергеевич Смирновский, теософ и хозяин ликерной фабрики; несколько бывших офицеров; несколько барышень; певица Воздвиженская; чета Алферовых; а также престарелая княгиня Уманова, которую называли пиковой дамой (по известной опере) («Защита Лужина») [22, с. 382].

Мы видим, что набоковская фраза в психолингвистическом отношении гораздо сложнее толстовской: выход из С1 (авторского) в С2 героини (безымянной будущей тещи Лужина) осуществляется за счет подчинительной конструкции; затем возникает С3 вымышленного матерью общественного сознания (умалишенным запрещено по закону) большой группы, затем С3 малой группы (думали (знакомые, как явствует из предшествующего текста)); затем, за счет элементов несобственно-прямой речи (эргативное нам и повтор слова молодости), С4 старенького генерала и даже переход в регистр раннего набоковского романа «Машенька» (за счет упоминания прецедентного имени Алферовы).

При переключении регистров, как видим из примера, важную роль играют так называемые операторы перехода (рефлексивного разоблачения) (по Б.М. Величковскому и др. – «метаоператоры порождения ментальных пространств» [11]), под которыми ученый подразумевает компоненты речевых конструкций, способствующие движению сознания между указанными регистрами [8, с. 47].

Здравый смысл подсказывает, что на лингвистическом уровне это единицы разных уровней языка: лексические (он увидел, мне бы хотелось) и грамматические: морфологические (например, наклонения с ирре-

альной модальностью, инфинитивы) и синтаксические (вопросительные предложения; подчинительные конструкции (подробно классифицированы в работе А.П. Бабушкина [2])). На экстралингвистическом уровне, вероятно, их репертуар сложнее и разнообразнее; один из приемов переключения регистров – автоинтертекстуальное включение («Алферовы»), которое мы комментировали выше.

Психологический процесс проявления регистра, выхода на уровень сознания, который происходит (или не происходит) при переключении регистров и обеспечивается в значительной степени операторами перехода, можно назвать кларификацией [7]. Мы переносим здесь термин из области практической работы психолога в сферу анализа художественного текста, точнее, взаимодействия с ним читательской психики.

Так, в приведенной выше фразе о ногах, сошедших с изогнутой лестницы автобуса, проявляющие компоненты предложения строятся в режиме здесь-и-теперь, отражая содержание сознания автора повествования не столько как участника (автор в числе тысячи пишущих мужчин), но и соучастника (мы знаем...) процесса.

Вариации сознательных операций могут быть при этом разделены на две категории: перцептивные и интеллектуальные. Примером перцептивного варьирования служит приведенный выше фрагмент трансформации ситуации по принципу «зума» [6, с. 26]; примером интеллектуальных вариаций может служить изменение описания по параметру «абстрактное – конкретное»:

Забавно: если вообще представить себе возвращение в былое с контрабандой настоящего, как же дико было бы там встретить в неожиданных местах, такие молодые и свежие, в каком-то ясном безумии не узнающие нас, прообразы сегодняшних знакомых; так, женщина, которую, скажем, со вчерашнего дня люблю, девочкой, оказывается, стояла почти рядом со мной в переполненном поезде, а прохожий, пятнадцать лет тому назад спросивший у меня дорогу, ныне служит в одной конторе со мной (Р – С – Р – С; «Дар») [22, с. 228].

Здесь, как видим, проявляющие компоненты предложения строятся в режиме там-и-тогда, отображая мысли и чувства повествователя как персонажа его собственного рассказа. Импликативный способ подобной трансформации, по мнению А.А. Потебни, лежит в основе так называемого «сгущения мысли» [30]. Значение «забавности» ситуации скрыто, опосредованно, как побочная информация, которую читатель должен сам расшифровать.

С помощью своих «фирменных» предложений Набоков строит порой и чисто хронологические арки:

Летом 1917 года, уже юношами, мы забавлялись тем, что каждый по очереди ложился навзничь на землю под низкую доску качелей, на которых другой мощно реял, проскальзывая над самым носом лежащего, и покусывали в затылок муравьи, а через полтора года он пал во время конной атаки в крымской степи, и его мертвое тело привезли в Ялту хоронить: весь перед черепа был сдвинут назад силой пяти пуль, убивших его наповал, когда он один поскакал на красный пулемет («Другие берега») [22, с. 272].

Так синтаксически в пределах одного предложения писатель достигает того, для чего в классической литературе требуется крупная эпическая форма, ср.: «Роман – литературная форма, наиболее подходящая для объединения двух... видов временной организации: во-первых, биографического..., во-вторых, исторического времени...» [12, с. 15], а «повествовательная луковица текста» [12, с. 31], по удачному выражению Д. Вира, становится соцветием цветной капусты, фракталом.

Напротив, пространственных переходов у Набокова нам не удалось заметить – кроме тех случаев, когда автор явно предупреждает об этом: Мы сличали вехи. Находили черты странного сходства. В июне одного и того же года (1919-го) к ней в дом и ко мне в дом, в двух несмежных странах, впорхнула чья-то канарейка («Полита») [23, с. 23].

Субъектные же переходы в набоковских текстах представлены самым широким образом. Так, в знаменитом фрагменте из романа «Дар» – финале первой главы, содержащем (как явствует из последней фразы – вымышленный) диалог Годунова-Чердынцева с Кончеевым, – до последней фразы невозможно разделить голоса собеседников (где – кто):

«...Какая луна, как черно пахнет листьями и землей из-за этих решеток».

«Да, жалко, что никто не подслушал блестящей беседы, которую мне хотелось бы с вами вести».

«Ничего, не пропадет. Я даже рад, что так вышло. Кому какое дело, что мы расстались на первом же углу и что я веду сам с собою вымышленный диалог по самоучителю вдохновения» («Дар») [22, с. 260].

Повествование становится автодиалогичным: в тексте, адресованном самому себе, нет необходимости представлять действующих лиц, так как любой объект, известный повествователю, известен и читателю. Повествование движется личностным восприятием событий автора за счет внесения в структуру предложений единиц с пространственным значением (черно пахнет листьями и землей из-за этих решеток; расстались на первом же углу), придающих тексту некоторую аморфность. Семантика «текучести» и «зыбкости»

проводится и на вербальном уровне, что задает модус преобразования реального мира в воображаемый: никто не подслушал блестящей беседы, которую мне хотелось бы с вами вести.

Одновременно герой успокаивает «себя»: Я даже рад, что так вышло. Когда человек оператуаризируется [26]? Только «извне» или «в зеркале», то есть в ситуации раздвоения, зафиксированного при помощи тавтологичной конструкции, что указывает на обращенность действия на самого производителя этого действия (я веду сам с собою вымышленный диалог).

Рассмотрим вопросы о направлении переходов между уровнями регистров. Графически Ф.Е. Василюк представляет уровни сознания в каждом из регистров в виде нотного стана, где бессознательное – нижний уровень, за которым следует переживание, затем сознание, а рефлексия – уровень верхний [8, с. 49]. Соответственно, переходы от уровня к уровню и от регистра к регистру можно охарактеризовать как восходящие и нисходящие флуктуации (перепады). «Переход выставляет напоказ все швы, сам процесс производства, виртуализации производного жизненного мира... Поэтому переход «вверх» почти всегда требует произвольного и рефлексивного усилия. Переход «вниз», напротив, часто вуалирует «производственные процессы»... Таковы и естественные переходы, носящие произвольный характер (незаметно для себя задремал, замечтался, погрузился в воспоминания)» [8, с. 48].

Набоков регистрирует переходы «вниз» порой уже постфактум:

Это была ничтожная, лукавая, с вялой душой, женщина; но и нынче, когда кончился урок, и он вышел на улицу, его охватила смутная досада: он вообразил гораздо лучше, чем давеча при ней, как должно быть податливо и весело на все нашло бы ответ ее небольшое, сжатое тело, и с болезненной живостью он увидел в воображаемом зеркале свою руку на ее спине и ее закинутую назад, гладкую, рыжеватую голову, а потом зеркало многозначительно опустело, и он почувствовал то, что пошлее всего на свете: укол упущенного случая (П – Б (смутная досада) – Р – С – Б («Дар»)) [22, с. 346].

А вот пример регистрации перехода «вверх»:

Я помню постепенную гибель этого защитного листика, который сперва начал складываться неправильно, по уродливой диагонали, а затем изорвался; самую же картинку, как бы выгоревшую от солнца жаркого отроческого воображения, я вспомнить не могу: верно, на ней изображался несчастный брат Луизы Пойндекстер, два-три койота, кактусы, колючий мескит, – и вот, вместо той картины, вижу в окне ранчо всамделишную юго-западную пустыню с кактусами, слышу утренний, нежно-жалобный крик венценосной Гамбелевой куропаточки и преисполняюсь чувством каких-то небывалых свершений и наград (С – Р – П – Б; «Другие берега») [22, с. 272]; здесь вместо как будто предупреждает о переходе «вниз», но через и вот совершается не погружение в прошлое, а, напротив, «подъем» из него.

Более того, наложение ощущений воспоминания (помню), визуализации (начал складываться, изорвался, изображался), кинестетики (колючий, переполняюсь чувством), аудиализации (слышу) создают голографический художественный эффект перехода «вниз–вверх», актуализирующий волнообразную, по Э.Б. Титченеру [33], природу сознания: в течение заданного промежутка времени одни содержания поднимаются на уровень ясного сознания («вверх»: я помню постепенную гибель...), другие же опускаются на уровень смутного («вниз»: верно, на ней изображался...).

Одна из неявных примет набоковской пунктуации – авторское тире перед союзом «и» [36], и это тоже сигнал переключения регистров – но только в более поздней прозе.

Ср.: Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью, – и медленно восстал, расправил плечи покойный его отец... («Круг» [22, с. 639]).

Иначе это в ранней «Машеньке»: конструкция уже есть, а переключения регистра нет:

И теперь он мгновенно целиком вспомнил ту крымскую зиму: норд-ост, вздымающий горькую пыль на ялтинской набережной, волну, бьющую через парапет на панель, растерянно-наглых матросов <...> и – наконец – поход, стоянки в татарских деревушках <...>, – и дикую ночную тревогу... [22, с. 108].

Сложные предложения усложненной конструкции, тяготеющие к гипотаксису или паратаксису, – не новость в русской литературе. Но регистры не переключались ни у кого из «главных» русских классиков: ни у Гоголя, у которого такие предложения, в частности, работают на комический эффект: чем дальше сравнение уходит от темы – тем смешнее (вспомним пассаж о двух лицах, похожих, соответственно, на огурец и тыкву, которые увидел в окне одного из домов деревни Собакевича Чичиков («Мертвые души»; все предикативные единицы отвечают за уровень переживания [14, с. 90]); ни у Лермонтова, который мог использовать такие конструкции для развертывания метафоры (примером может служить саморефлексия Печорина, сравнивающего себя с матросом, рожденным и выросшим на палубе разбойничьего брига («Герой нашего времени»; все предикативные единицы тут отвечают за уровень рефлексии [19, с. 461]), – ни у Толстого, который с помощью подобных конструкций создавал философские выкладки (ср., например, финальную

фразу «Анны Карениной», отображающую итог духовных поисков Левина: все предикативные единицы отвечают за уровень сознания [25, с. 445]).

Если сложность толстовской фразы изоморфна сложности мысли его героя, то сложность набоковской – сложности сознания героя. Как не заметны, ничем формально не маркированы границы между предикативными единицами – так проницаемы, зыбки и границы между регистрами сознания набоковского героя и внутритекстового автора.

Набоковский синтаксис – также демонстрация переключения с одной эстетической модальности на иные: авторская мысль следует от частного к общему, писатель предлагает читателю провести предметные образы сквозь фильтр собственных переживаний и ощущений посредством наррации, от когеренции детализированного к насыщенным и выразительным метафорам. Таким образом обозначим отдельные из плоскостей «психосемиотического тетраэдра» – модели, обладающей, по Ф.Е. Василюку, «полюсами» образа (предметное содержание, значение, слово, личностный смысл [9]) и «материей образа», по А.Н. Леонтьеву [18, с. 199] – чувственной тканью – «особой, пятой, составляющей образа сознания, что существует в пространстве образа и уплотняется вблизи каждого из полюсов» [10, с. 9].

Характеризуя «чувственную ткань», А.Н. Леонтьев объясняет специфику ее отражения в структуре образа сознания прежде всего с сенсорным каналом восприятия реальности. Утверждается, что чувственная ткань (а) всецело принадлежит к сегменту бессознательного; (б) внешне никоим образом не проявляется, но может проступать в коннотативном компоненте значения [9]; (в) осмысливается через личностный смысл («значение для меня»).

Будучи индивидуальным достоянием психики человека, данные компоненты сознания доступны лишь для интроспекции. Обсервация возможна в случае фиксации полюса личностного смысла и чувственной ткани при помощи значений. Вследствие этого «значения всегда надиндивидуальны, смыслы же (как и чувственная ткань) существуют в индивидуальных формах» [9, с. 226]. Творения искусства, исходя из логики суждений исследователей, принадлежат сфере надиндивидуального.

Дополним изложенное лишь одной важной для понимания сущности модели мыслью Э.А. Салиховой о том, что «зона концентрации, сгущения характеристик выполняет функцию синестезии» [31, с. 315-316], или своего рода «интерференции ощущений, идущих от разных полюсов образа» [31, с. 197].

Выводы

Уникальность набоковской фразы состоит в способе вербального обозначения классификации – психологического процесса прояснения регистра сознания при их смене. Максимальная затемненность, материальное отсутствие операторов перехода позволяет, по нашему мнению, назвать ее минус-кларификацией, или нулевой кларификацией.

Позволим себе предположить, опираясь в том числе и на собственный читательский опыт, что такое устройство текста невнимательного читателя вводит в замешательство, заставляя терять понимание того, в котором из «возможных миров» он находится (сон это или явь, настоящее или прошлое, реальное или фантастическое), а внимательному дарит удовольствие [4].

Представляется, что именно здесь ключ к генерализации разнообразных и уже достаточно подробно описанных в формальном смысле примет набоковского стиля, которые в основном можно назвать эллиптическими: метафор-гипаллаг, сравнений с опущенной связкой [17, с. 73-79], ненадежности перехода между я и он [29] – всего того безошибочно узнаваемого, но так трудно объяснимого набоковского, чего в смысловом отношении пока не в состоянии воспроизвести ни нейронные сети, ни пародисты, ни подражатели.

Список источников

1. Александров В.Е. Набоков и потусторонность. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
2. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.
3. Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 440 с.
4. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 463 – 464.
5. Буренина О. Литература – «остров мертвых» (Набоков и Вагинов) // *Revue des études slaves*. Vladimir Nabokov dans le miroir du XXe siècle. Paris, 2000. Vol. 72. P. 431 – 442. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertyvyh.htm> (дата обращения: 23.04.2025).
6. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
7. Василюк Ф.Е. Кларификация как метод понимающей психотерапии // *Вопросы психологии*. 2010. № 5. С. 13 – 24.

8. Василюк Ф.Е. Модель стратиграфического анализа сознания // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 9 – 36.
9. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: дис. ... док. психол. наук: 5.9.6. М.: МГПУ, 2007. 47 с.
10. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5 – 19.
11. Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103 – 112.
12. Вир Д. Автор как герой: личность и литературная традиция у Булгакова, Пастернака и Набокова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. С. 15.
13. Гайсина Р.М. Практический синтаксис современного русского языка: Схемы и образцы анализа. Упражнения. Уфа: Китап, 2013. 408 с.
14. Гоголь Н.В. Полное собр. соч. и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2012. Т. 7. 808 с.
15. Двинятин Ф.Н. Набоков, модернизм, постмодернизм и мимесис // Империя N: Набоков и наследники. М.: НЛО, 2006. С. 442 – 481.
16. Долинин А. Как устроены тексты Набокова // Курс «Мир Владимира Набокова». Лекции Александра Долинина об авторе «Лолиты» и «Дара» – к 120-летию писателя. Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/courses/66/1> (дата обращения: 05.04.2025).
17. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект (на материале русскоязычной прозы). Уфа, 2003. 202 с.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
19. Лермонтов М.Ю. Собрание соч.: в 4 т. Проза. Письма. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. 826 с.
20. Мельников Н. Высмеять пересмешника. Владимир Набоков в зеркале пародий и мистификаций. Иностранная литература. 2016. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2016/3/vysmeyat-peresmeshnika.html> (дата обращения: 03.04.2025).
21. Набоков В.В. Марсель Пруст // Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая Газета, 1998. С. 275 – 324.
22. Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004.
23. Набоков В.В. Американский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004.
24. Накарякова А.А. Персоносфера Владимира Набокова: типологические ряды: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2016. 202 с.
25. Она очень хорошо говорила русским языком. Что получится, если нейросеть будет писать «под Набокова». 2002. URL: <https://gorky.media/context/ona-ochen-horoshogo-govorila-russkim-yazykom/> (дата обращения: 13.03.2025).
26. Оперант. Психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/termin/operant.html> (дата обращения: 14.03.2025).
27. Орехов Б.В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилистики // Новый филологический вестник. 2021. № 3. С. 200 – 213.
28. Падучева Е.В. Рассказ В. Набокова «Набор» как эксперимент над повествовательной нормой // Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 385 – 393.
29. Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // Новое лит. обозрение. 1993. № 5. С. 138 – 155.
30. Потебня А.А. Полное собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
31. Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме. М.: Флинта, 2015. 478 с.
32. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. М.: ГИХЛ, 1963.
33. Титченер Э.Б. Учебник психологии: университетский курс: в 2-х ч. / пер. с англ. А.П. Болтунова. М.: Мир, 1914. Ч. 1. 264 с.
34. Фролов В.И. Переводческая концепция В.В. Набокова: соотношение теории и практики: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. М., 2017. 21 с.
35. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования: сб. избранных статей. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
36. Шавлукова Б.Ю. Проблемы создания экспрессивной функции «авторского» тире В. Набокова // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. Санкт-Петербург, 2007. С. 238 – 243.

37. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. 1919. Вып. 3. С. 151 – 165.
38. Горлин М. ЭОС. Из романа «Бегство Болотина», соч. автора повести «Тройка, семерка, туз». Руль. 1930. № 2781. С. 8.
39. Blumenthal A.L. The emergence of psycholinguistics // Synthese. 1987. Vol. 72. No. 3. P. 313 – 323.
40. Orekhov B., Fisher F. Neural reading. Insights from the analysis of poetry generated by artificial neural networks. Orbis litterarum. 2020. Vol. 75. № 5. P. 230 – 246.

References

1. Aleksandrov V.E. Nabokov and the Otherworld. St. Petersburg: Aleteya, 1999. 320 p.
2. Babushkin A.P. "Possible Worlds" in the Semantic Space of Language. Voronezh: Voronezh State University, 2001. 86 p.
3. Barabtarlo G. Nabokov's Work. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 440 p.
4. Barthes R. The Pleasure of the Text // Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Trans. from French. Moscow: Progress, 1989. P. 463 – 464.
5. Burenina O. Literature – "the island of the dead" (Nabokov and Vaginov). Revue des études slaves. Vladimir Nabokov in the World of the 20th Century. Paris, 2000. Vol. 72. P. 431 – 442. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertvyh.htm> (date of access: 23.04.2025).
6. Bugental J. The Art of Psychotherapist. St. Petersburg: Piter, 2001. 304 p.
7. Vasilyuk F.E. Clarification as a Method of Understanding Psychotherapy. Questions of Psychology. 2010. No. 5. P. 13 – 24.
8. Vasilyuk F.E. Model of Stratigraphic Analysis of Consciousness. Moscow Psychotherapeutic Journal. 2008. No. 4. P. 9 – 36.
9. Vasilyuk F.E. Understanding psychotherapy as a psychotechnical system: diss ... doc. of psychology: 5.9.6. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2007. 47 p.
10. Vasilyuk F.E. Structure of the image. Questions of psychology. 1993. No. 5. P. 5 – 19.
11. Velichkovsky B.M., Blinnikova I.V., Lapin E.A. Representation of real and imaginary space. Questions of psychology. 1986. No. 3. P. 103 – 112.
12. Vir D. The author as a hero: personality and literary tradition in Bulgakov, Pasternak and Nabokov. SPb.: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2023. 15 p.
13. Gaysina R.M. Practical syntax of the modern Russian language: Schemes and samples of analysis. Exercises. Ufa: Kitap, 2013. 408 p.
14. Gogol N.V. Complete collected works and letters: in 23 vol. Moscow: Nauka, 2012. Vol. 7. 808 p.
15. Dvinyatin F.N. Nabokov, modernism, postmodernism and mimesis. Empire N: Nabokov and his heirs. Moscow: NLO, 2006. P. 442 – 481.
16. Dolinin A. How Nabokov's texts are structured. Course "The World of Vladimir Nabokov". Lectures by Alexander Dolinin about the author of "Lolita" and "The Gift" – for the 120th anniversary of the writer. Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/66/1> (date of access: 05.04.2025).
17. Karakuts-Borodina L.A. Linguistic personality of Vladimir Nabokov as an author of fiction: lexical aspect (based on Russian-language prose). Ufa, 2003. 202 p.
18. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p.
19. Lermontov M.Yu. Collected works: in 4 vol. Prose. Letters. Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. Vol. 4. 826 p.
20. Melnikov N. To Mock a Mockingbird. Vladimir Nabokov in the Mirror of Parodies and Hoaxes. Foreign Literature. 2016. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2016/3/vysmeyat-peresmeshnika.html> (date of access: 03.04.2025).
21. Nabokov V.V. Marcel Proust. Lectures on Foreign Literature. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1998. P. 275 – 324.
22. Nabokov V.V. Russian Period. Collected Works: in 5 vol. St. Petersburg: Symposium, 2004.
23. Nabokov V.V. American Period. Collected Works. comp.: in 5 vol. SPb.: Symposium, 2004.
24. Nakaryakova A.A. The Personosphere of Vladimir Nabokov: typological series: diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.01.01. Ekaterinburg, 2016. 202 p.
25. She spoke Russian very well. What will happen if a neural network writes "like Nabokov". 2002. URL: <https://gorky.media/context/ona-ochen-horosho-govorila-russkim-yazykom/> (date of access: 13.03.2025).

26. Operant. Psychological Encyclopedia. URL: <https://vocabulary.ru/termin/operant.html> (date of access: 14.03.2025).
27. Orekhov B.V. Text and translation of Vladimir Nabokov through the prism of stylometrics. New philological bulletin. 2021. No. 3. P. 200 – 213.
28. Paducheva E.V. V. Nabokov's story "Set" as an experiment on the narrative norm. Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative. Moscow, 1996. P. 385 – 393.
29. Paperno I. How Nabokov's "Gift" was made. New lit. review. 1993. No. 5. P. 138 – 155.
30. Potebnya A.A. Complete works. Thought and language. Moscow: Labyrinth, 1999. 300 p.
31. Salikhova E.A. Modeling the processes of mastering and using the psychological structure of word meaning in bilingualism. Moscow: Flinta, 2015. 478 p.
32. Tolstoy L.N. Collected works: in 20 vol. Moscow: GIHL, 1963.
33. Titchener E.B. Textbook of Psychology: university course: in 2 parts. Trans. from English by A.P. Boltunov. Moscow: Mir, 1914. Part 1. 264 p.
34. Frolov V.I. Translation concept of V.V. Nabokov: the relationship between theory and practice: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.6. Moscow, 2017. 21 p.
35. Hintikka Ya. Logical and epistemological studies: collection of selected articles. M.: Progress, 1980. 448 p.
36. Shavlukova B. Yu. Problems of creating the expressive function of the "author's" dash in V. Nabokov. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. Postgraduate notebooks. St. Petersburg, 2007. P. 238 – 243.
37. Eikhenbaum B.M. How Gogol's "The Overcoat" is made. Poetics: collections on the theory of poetic language. 1919. Iss. 3. P. 151 – 165.
38. Gorlin M. EOS. From the novel "Bolotin's Flight", composed by the author of the story "Troika, Semerka, Tuz". Rul'. 1930. No. 2781. 8 p.
39. Blumenthal A.L. The emergence of psycholinguistics. Synthese. 1987. Vol. 72. No. 3. P. 313 – 323.
40. Orekhov B., Fisher F. Neural reading. Insights from the analysis of poetry generated by artificial neural networks. Orbis litterarum. 2020. Vol. 75. No. 5. P. 230 – 246.

Информация об авторах

Каракуц-Бородина Л.А., кандидат филологических наук, Башкирский государственный медицинский университет, karakuz@list.ru

Салихова Э.А., доктор филологических наук, профессор, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение УФИЦ РАН, г. Уфа, salelah12@yandex.ru

© Каракуц-Бородина Л.А., Салихова Э.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)

УДК 81'22

¹ Сяо Жюу

¹ Хэйлуницзянский университет

Сравнительное исследование синтаксических особенностей переводного и оригинального языков: на примере китайских и русских романов

Аннотация: переводной язык отличается от исходного и целевого языков и называется 'третьим кодом', обладая уникальными характеристиками. В данной статье на примере четырех классических произведений из Китая и России проведен сравнительный анализ 13 показателей для изучения языковых особенностей оригинального китайского, переводного китайского, оригинального русского и переводного русского языков. Результаты показывают, что на лексическом уровне: 1) на уровне предложений среднее расстояние зависимостей в переводном языке больше, чем в оригинальном; 2) на уровне фраз более заметны различия в средней длине фраз и количестве фраз на предложение между переводным и оригинальным языками, общие черты менее выражены; 3) на уровне коллокаций доля бинарных, тринарных и низкочастотных коллокаций в оригинальном языке выше, чем в переводном. Исследование показывает, что переводной язык, подвергаясь человеческой обработке, имеет синтаксические особенности, отличные от оригинального языка.

Ключевые слова: языковые особенности, сравнение, переводной язык, оригинальный язык, количественный анализ, четыре великих произведения китайской литературы, количественный анализ

Для цитирования: Сяо Жюу. Сравнительное исследование синтаксических особенностей переводного и оригинального языков: на примере китайских и русских романов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 87 – 97.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Xiao Zhou

¹ Heilongjiang University

A comparative study of syntactic features of translated language and original language: a case study of Chinese and Russian novels

Abstract: the translated language differs from the source and target languages and is called the 'third code', possessing unique characteristics. In this article, using four classical works from China and Russia as examples, a comparative analysis of 13 indicators is carried out to study the linguistic features of the original Chinese, translated Chinese, original Russian and translated Russian languages. The results show that at the lexical level: 1) at the sentence level, the average dependency distance in the translated language is greater than in the original; 2) at the phrase level, the differences in the average phrase length and the number of phrases per sentence between the translated and original languages are more noticeable, the common features are less pronounced; 3) at the collocation level, the proportion of binary, trinary and low-frequency collocations in the original language is higher than in the translated language. The study shows that the translated language, when subjected to human processing, has syntactic features that are different from the original language.

Keywords: *language features, comparison, translation language, original language, quantitative analysis, four great works of Chinese literature, quantitative analysis*

For citation: Xiao Zhou. A comparative study of syntactic features of translated language and original language: a case study of Chinese and Russian novels. *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (8). P. 87 – 97.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Переводной язык представляет собой особый язык, который называют «третьим кодом», «третьим языком» или «смешанным языком». Переводной язык возникает в процессе преобразования от исходного языка к целевому и обладает уникальными характеристиками. В последние годы научные исследования начали все больше сосредотачиваться на особенностях переводного языка, пытаясь проанализировать его различия с оригинальным языком и углубить понимание третьего кода. Изучение переводного языка на основе переводных корпусов началось с работы Геллерстама (1986) [6] и впоследствии развилось в три направления (Сантос) [14]: во-первых, общие свойства всех переводных текстов, то есть общие черты перевода (Бейкер) [3]; во-вторых, свойства переводных текстов между конкретными языками, то есть особенности переводного языка; в-третьих, языковые особенности, проявляющиеся в конкретных или типичных переводных продуктах, например, исследования стиля переводчика. С учетом растущего интереса к общим чертам перевода на целевой язык (Честермана) [21], границы первого и второго направлений в некоторых исследованиях стали менее четкими.

Материалы и методы исследований

1. Исследование особенностей переводного языка.

Описательные исследования переводного языка начались в 1980-е годы. Переводной язык является результатом взаимодействия правил исходного и целевого языков, отличаясь как от исходного, так и от целевого языка. В российской науке исследование свойств переводного языка делится на макро- и микроуровни.

На макроуровне основное внимание уделяется сравнению стиля переводчика и стиля оригинала. Например, М.В. Малетина (2021) [11] изучала стихотворение американской поэтессы Эмили Дикинсон "The soul selects her own society" и его русский перевод, используя методы количественного анализа стиля для описания индивидуального стиля переводчика. В.С. Андреев (2020) [2] провел многопараметрическое сравнительное исследование оригинала и перевода лирических стихов Эдгара По, результаты которого показали, что акценты перевода постепенно смещаются от реальности к внутреннему выражению художественной реальности и эмоциональному отражению.

На микроуровне рассматриваются такие аспекты, как соотношение знаков / форм, словарный запас или текстовые фрагменты. Например, Е.А. Оганова (2021) [13] обсуждает особенности перевода немецких сложных существительных, указывая на два наиболее распространенных проблемы при переводе матричных сложных существительных и суммируя основные методы перевода ограниченных сложных существительных и способы толкования слов с нестандартными значениями в словарях. В.В. Вострикова (2023) [5] исследует лексические и грамматические особенности перевода экономических текстов с китайского на русский в условиях растущего спроса на такие переводы. Из вышеизложенного видно, что исследования переводного языка постепенно начинают опираться на анализ данных, методы исследования постоянно обновляются, и на основе субъективного анализа добавляется объективность и научность числового анализа. Однако сравнительный анализ оригинального русского языка и переводного языка все еще недостаточно развит.

В отечественной науке исследования свойств переводного языка также можно разделить на макро- и микроуровни. На макроуровне, например, Сун Ли и др. (2022) [15] условно классифицируют споры о принадлежности авторства на пять случаев: произведение Шэнь Найяня, произведение Ло Гуанчжуна, продолжение произведений Шэя и Ло, продолжение произведений Ло, и модификации произведений Шэя и Ло. Используя роман Ло Гуанчжуна «Пинь Яо Чжуань» в качестве примера, они применяют методы гипотезного тестирования, кластерного анализа текстов, классификации текстов и измерения стиля для попытки подтвердить авторство. Чжао Хуэй (2024) [22] применяет количественные методы для исследования сходства стилей авторов в первых семидесяти половинах и последних двадцати девяти половинах романа «Шуйху Чуань». Можно увидеть, что ученые постоянно обновляют методы и исследовательские парадигмы для анализа стилей авторов текстов.

На микроуровне, например, Цзян Юэ и др. (2021) [20] пытаются изучить, действительно ли переводной язык является "третьим кодом", в рамках зависимости синтаксиса, обнаруживая статистически значимые различия в зависимостях и направлениях между переводными текстами и текстами на целевом языке. Фань Лу (2024) комбинирует теорию зависимого синтаксиса и методы количественного анализа, обнаруживая, что средние расстояния зависимостей в переводах между китайским и английским языками находятся между оригинальными текстами исходного и целевого языков, и что направление перевода в разной степени влияет на переводы. Это показывает, что в Китае проведен многогранный и многослойный анализ особенностей переводного языка, однако сравнительные исследования оригинальных и переводных текстов на китайском и русском языках являются недостаточными. Таким образом, данное исследование стремится дополнить существующие работы, используя количественные методы для изучения синтаксической сложности на основе четырех классических произведений из Китая и России и попытаться объяснить это с точки зрения когнитивной перевода.

2. Исследование переводного языка и синтаксического количественного анализа.

Синтаксический количественный анализ является одной из основных областей количественной лингвистики и важным направлением исследований в лингвистике в последние годы. Исследования синтаксического количественного анализа за границей начались раньше и имеют более богатые и зрелые результаты, в основном сосредоточенные на английском и китайском языках. В области теоретических исследований зарубежные ученые многогранно рассматривают теорию зависимого синтаксиса, которая служит основой для логики исследования, определения темы и формирования исследовательской рамки в данной статье.

В Китае исследования переводного языка и синтаксического количественного анализа становятся все более актуальными. Например, Ню Ятинг (2020) [12], используя собственную параллельную базу данных по английскому и китайскому переводам, базу данных Пенсильванского университета и базу данных на китайском языке, применяет теорию зависимого синтаксиса для изучения особенностей синтаксической сложности перевода с английского на китайский и обратно, вводя такие переменные, как зависимости, расстояние зависимостей и направление зависимостей для описания глубоких синтаксических структур. Было выявлено различие в синтаксических характеристиках английского и китайского языков. Ван Линь (2014) [4] изучала синтаксические вариации и когнитивные функции глаголов в смешанных высказываниях на китайском и английском языках с двух перспектив: синтаксической и когнитивной. Как видно, исследования языковых особенностей переводных текстов с использованием количественных методов в Китае возрастают, исследовательские перспективы и методы расширяются, и исследование переводного языка становится все более глубоким. Однако исследования, ограниченные китайско-английским переводом, оставляют значительное пространство для анализа синтаксических особенностей переводных текстов с китайского на русский.

В российской науке исследования синтаксического анализа склонны к прикладным аспектам. Например, А.А. Харламов (2013) [18] считает необходимым автоматический анализ текстов естественного языка, который можно применить в текстовых процессорах. Системы автоматического анализа текстов естественного языка должны решать задачи анализа фонетической, морфологической, лексической, синтаксической и грамматической информации. В.С. Андреев (2014) [1] исследовал особенности динамического синтаксического инверсии в личном языке Г.У. Лонгфеллоу, выявляя, что эта особенность является значительным маркером стиля автора, что позволяет раскрыть механизмы представления психологических описаний мира в тексте. Кроме того, Б.И. Гельцер (2021) [7] доказал, что поверхностный синтаксический анализ и проверка связности текста на основе узкой тематики в русском языке могут быть столь же точными, как и у современных нейронных сетевых анализаторов. Н.Е. Косых (2022) [8] разработал программу, основанную на алгоритме, которая может распознавать зависимости между компонентами предложений и представлять структуру предложения в виде проекционных предложений. Однако в российской науке основное внимание уделяется прикладным аспектам синтаксического анализа, а исследований синтаксического анализа переводных текстов с использованием количественных методов очень мало.

Из вышеизложенного видно, что исследования синтаксического анализа в Китае проявляют некоторые явные черты. Основное внимание уделяется синтаксическому анализу крупных языков, таких как китайский и английский, в то время как синтаксический анализ русского языка недостаточно развит. Поэтому данное исследование может восполнить этот пробел. В то же время в российской науке синтаксический анализ ограничен и анализ языковых особенностей переводных текстов встречается крайне редко. Таким образом, данное исследование, направленное на синтаксический анализ переводных текстов с китайского на русский, представляет собой значимый вклад в эту область.

2.1. Вопросы исследования.

Это исследование фокусируется на типичном показателе в анализе зависимого синтаксиса, а именно на среднем расстоянии зависимостей, для анализа общих синтаксических характеристик переводного языка. Исследование проводит сравнительный анализ уникальных особенностей переводного языка по следующим четырем аспектам:

- 1) Сравнение переводного английского с его оригиналом на китайском языке и с оригинальным английским.
- 2) Сравнение переводного китайского с его оригиналом на английском языке и с оригинальным китайским.
- 3) Сравнение переводного русского с его оригиналом на китайском языке и с оригинальным русским.
- 4) Сравнение русского языка после перевода между двумя и тремя языками.

Через сравнительный анализ данное исследование стремится наблюдать, как переводной язык проявляет особенности под влиянием исходного и целевого языков, а также в контексте двустороннего перевода. Конкретные исследовательские вопросы следующие:

- 1) Каковы общие синтаксические характеристики переводного русского языка по сравнению с оригиналом на китайском и оригинальным русским?
- 2) Каковы общие синтаксические характеристики переводного китайского языка по сравнению с оригиналом на русском и оригинальным китайским?
- 3) Совпадают ли общие особенности переводного китайского и переводного русского языков при разных направлениях перевода?

2.2. Исследовательские корпуса.

Для решения исследовательских задач в данной работе был создан корпус данных, включающий четыре типа текстов: переводной китайский, оригинальный китайский, переводной русский и оригинальный русский (рис. 1). Тексты в корпусе являются параллельными или сопоставимыми, что позволяет осуществлять сравнение двух направлений перевода: с китайского на русский и с русского на китайский. В качестве материала для анализа были выбраны литературные тексты.

В корпус были включены по четыре романа на китайском и русском языках. Китайские романы: «Путешествие на Запад» («西游记»), «Сон в красном тереме» («红楼梦»), «Речные заводи» («水浒传») и «Троецарствие» («三国演义») представляют собой оригинальный китайский язык и переводной русский. Русские романы: «Мёртвые души» («мёртвые души»), «Идиот» («идиот»), «Отцы и дети» («отцы и дети») и «Воскресение» («Воскресение») представляют собой оригинальный русский язык и переводной китайский.

В переводных текстах представлены как машинный, так и человеческий перевод. Корпус данных разделен на оригинальные тексты, тексты машинного перевода и тексты человеческого перевода.

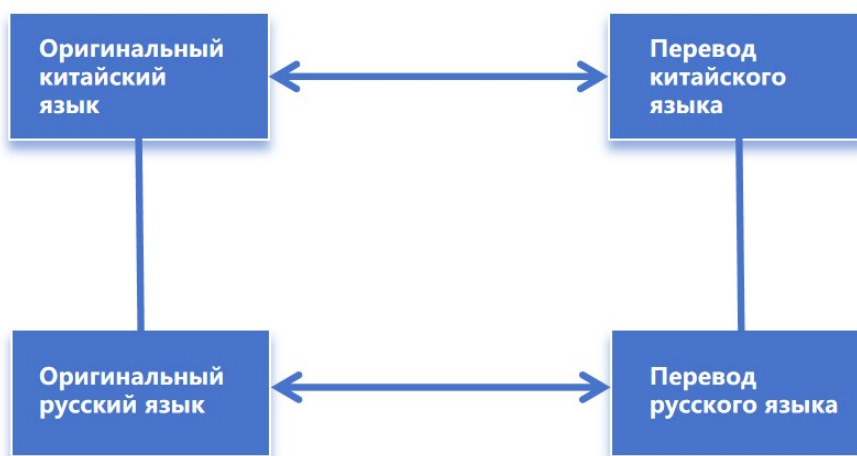

Рис. 1. Дизайн созданного корпуса данных.

Fig. 1. Design of the created data corpus.

Согласно Laviosa (2002) [9], корпус данных должен быть однородным по жанру, теме, временным рамкам и коммуникативной функции. Оригинальные китайские тексты содержат около 2,98 миллиона символов, переводные китайские тексты – 1,22 миллиона символов, оригинальные русские тексты – 0,54 миллиона символов, переводные русские тексты – около 1,81 миллиона символов, в сумме примерно 6,55 миллиона символов (таблица 1).

Таблица 1

Выбор и характеристики корпусов данных.

Table 1

Selection and characteristics of data corpora.

Китайские романы / Переводной русский / Оригинальный китайский	西游记	红楼梦	水浒传	三国演义
Русское название	Путешествие на Запад	Сон в красном тереме	Речные заводы	Троецарствие
Автор	У Чэньэнь	Цао Сюэцинь	Ши Найань	Ло Гуаньчжун
Переводчик	Энтони Си Ю	В.А. Панасюкой	А.П. Рогачев	В.А. Панасюк
Русские романы / Оригинальный русский / Переводной китайский	Мёртвые души	Идиот	Отцы и дети	Воскресение
Китайское название	死魂灵	白痴	父与子	复活
Автор	Гоголь	Достоевский	Тургенев	Толстой
Переводчик	Ман Тао	Фэн Наньцзян	Чжэн Вэньдун	Лю Вэньфэй

2.3. Этапы исследования.

Этапы исследования следующие: сначала были загружены оригинальные и машинные переводы произведений на китайском и русском языках, чтобы создать корпус данных для сравнения оригинальных и переводных текстов. После обработки с помощью SpaCy был написан код на Python для количественного анализа всех показателей (рис. 2).

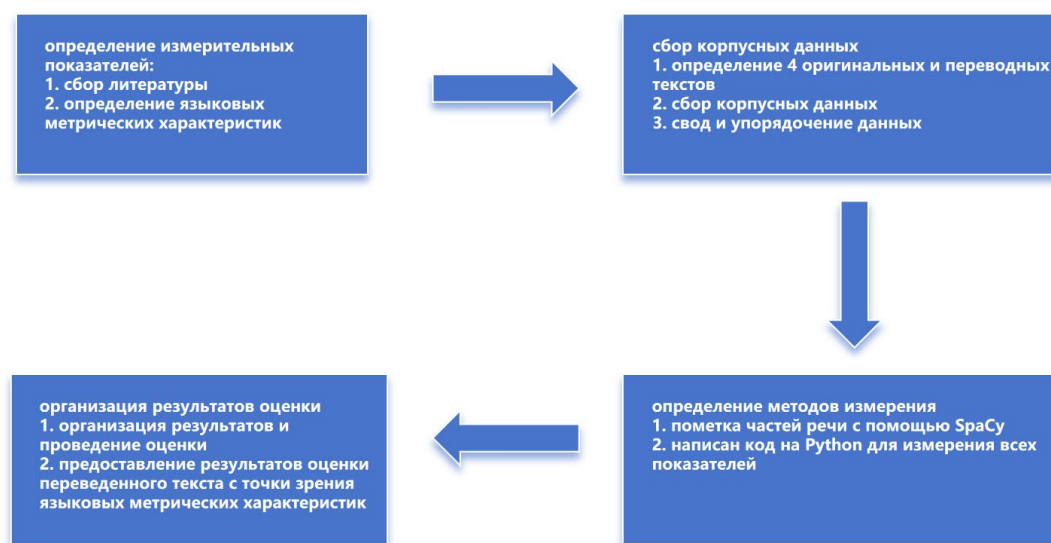

Рис. 2. Этапы исследования измерения переводного языка.
Fig. 2. Stages of the study of the measurement of the target language.

Результаты и обсуждения

1. Результаты измерений.

В данном исследовании использовались 13 показателей на трех уровнях: фразовом, коллокационном и предложеническом, для измерения синтаксической сложности оригинальных и переводных языков (таблицы 1-3).

Таблица 2

Результаты измерения синтаксической сложности оригинального и переводного китайского языка.

Table 2

Results of measuring syntactic complexity of original and translated Chinese.

Тип сложности	Уровень измерения	Показатель измерения	Тип текста	Измеренные данные
Абсолютная сложность	Уровень предложения	Средняя длина предложения	Оригинальный язык	12.37
			Переводной язык	18.39
		Среднее расстояние зависимостей	Оригинальный язык	3.81
			Переводной язык	4.05
	Уровень фраз	Средняя длина предложений с предлогами	Оригинальный язык	3.14
			Переводной язык	3.08
		Средняя длина существительных фраз	Оригинальный язык	2.84
			Переводной язык	3.04
		Средняя длина глагольных фраз	Оригинальный язык	4.33
			Переводной язык	4.59
		Средняя длина прилагательных фраз	Оригинальный язык	3.4
			Переводной язык	3.74
		Среднее количество предложений с предлогами	Оригинальный язык	0.57
			Переводной язык	0.94
		Среднее количество существительных фраз на предложение	Оригинальный язык	4.54
			Переводной язык	3.98
		Среднее количество глагольных фраз на предложение	Оригинальный язык	3.37
			Переводной язык	3.15
		Среднее количество прилагательных фраз на предложение	Оригинальный язык	0.50
			Переводной язык	0.47
	Уровень коллокаций	Доля бинарных коллокаций	Оригинальный язык	0.57
			Переводной язык	0.56
		Доля тринарных коллокаций	Оригинальный язык	0.86
			Переводной язык	0.84
Относительная сложность	Уровень коллокаций	Доля редких коллокаций	Оригинальный язык	0.52
			Переводной язык	0.50

Таблица 3

Результаты измерения синтаксической сложности оригинального и переводного русского языка.

Table 3

Results of measuring the syntactic complexity of the original and translated Russian language.

Тип сложности	Уровень измерения	Показатель измерения	Тип текста	Измеренные данные
Абсолютная сложность	Уровень предложения	Средняя длина предложения	Оригинальный язык	16.04
			Переводной язык	11.77
		Среднее расстояние зависимостей	Оригинальный язык	2.60
			Переводной язык	3.79
	Уровень фраз	Средняя длина предложений с предлогами	Оригинальный язык	4.36
			Переводной язык	4.48
		Средняя длина существительных фраз	Оригинальный язык	6.30
			Переводной язык	6.78
		Средняя длина глагольных фраз	Оригинальный язык	7.44
			Переводной язык	6.59
		Средняя длина прилагательных фраз	Оригинальный язык	6.61
			Переводной язык	6.42
		Среднее количество предложений с предлогами	Оригинальный язык	1.4
			Переводной язык	1.16
		Среднее количество существительных фраз на предложение	Оригинальный язык	1.74
			Переводной язык	2.02
		Среднее количество глагольных фраз на предложение	Оригинальный язык	1.37
			Переводной язык	3.15
		Среднее количество прилагательных фраз на предложение	Оригинальный язык	1.27
			Переводной язык	0.88
	Уровень коллокаций	Доля бинарных коллокаций	Оригинальный язык	0.61
			Переводной язык	0.58
		Доля тринарных коллокаций	Оригинальный язык	0.87
			Переводной язык	0.82
Относительная сложность	Уровень коллокаций	Доля редких коллокаций	Оригинальный язык	0.56
			Переводной язык	0.53

Из вышеизложенных результатов видно, что между оригинальным и переводным китайским языком существуют значительные различия в следующих аспектах:

На уровне предложения, во-первых, средняя длина предложений в переводном китайском больше, чем в оригинальном китайском, а среднее расстояние зависимостей также больше в переводном китайском.

На уровне фраз, что касается средней длины фраз: во-первых, средняя длина существительных фраз, глагольных фраз и прилагательных фраз в переводном китайском больше, чем в оригинальном китайском, в то время как средняя длина фраз с предлогами в оригинальном китайском больше, чем в переводном. Что касается количества фраз, оригинальный китайский имеет большее количество существительных фраз, глагольных фраз и прилагательных фраз на предложение, чем переводной китайский, в то время как количество фраз с предлогами на предложение в переводном китайском больше, чем в оригинальном.

На уровне коллокаций, доля бинарных и тринарных коллокаций в оригинальном китайском выше, чем в переводном китайском. Доля редких коллокаций является единственным показателем относительной сложности, где оригинальный китайский превосходит переводной китайский.

Что касается оригинального и переводного русского языка, также наблюдаются значительные различия:

На уровне предложения, во-первых, средняя длина предложений в оригинальном русском языке больше, чем в переводном, а среднее расстояние зависимостей меньше в оригинальном русском языке.

На уровне фраз, что касается средней длины фраз: во-первых, средняя длина существительных фраз, фраз с предлогами и прилагательных фраз в переводном русском языке больше, чем в оригинальном русском, а средняя длина глагольных фраз и прилагательных фраз в переводном русском языке больше, чем в оригинальном русском. Что касается количества фраз, оригинальный русский имеет большее количество фраз с предлогами и прилагательных фраз на предложение, чем переводной русский, в то время как переводной русский имеет большее количество существительных фраз и глагольных фраз на предложение, чем оригинальный русский.

На уровне коллокаций, доля бинарных и тринарных коллокаций в оригинальном русском языке выше, чем в переводном русском. Доля редких коллокаций является единственным показателем относительной сложности, где оригинальный русский язык превосходит переводной русский язык.

2. Теоретическое объяснение.

Из вышеизложенных результатов можно выделить следующие особенности: на уровне предложения среднее расстояние зависимостей (MDD) в переводном языке больше, чем в оригинальном языке. На уровне фраз, различия в средней длине фраз и среднем количестве фраз на предложение между переводным и оригинальным языками более выражены, общие черты менее заметны. На уровне коллокаций, доля бинарных коллокаций, тринарных коллокаций и редких коллокаций в оригинальном языке больше, чем в переводном языке.

Следует отметить, что в результатах исследования MDD для всех четырех типов текстов в основном составляет менее 5, что отражает характеристику "минимизации расстояний зависимостей" в человеческих естественных языках. Futrell, Mahowald и Gibson (2015) [17] провели аналогичное исследование на 37 языках, и результаты более глубоко подтверждают наличие тенденции минимизации расстояния зависимости в человеческом языке. Эта тенденция имеет широко принятую интерпретацию, заключающуюся в том, что расстояние зависимостей связано с рабочей памятью человека (также известной как краткосрочная память) и "принципом экономии усилий" Зипфа (1949) [19], согласно которому, если зависимость между двумя словами не реализована, она продолжает занимать рабочую память, и память мозга не освобождается. Поэтому длинные зависимости часто требуют большего объема памяти и сложнее обрабатываются по сравнению с короткими зависимостями. Таким образом, чтобы снизить когнитивную нагрузку и повысить эффективность коммуникации, люди склонны выбирать более экономные короткие зависимости. Результаты нашего исследования показывают, что расстояние зависимостей в оригинальных текстах меньше, чем в переводных текстах, что является проявлением минимизации расстояний зависимостей. Поскольку среднее расстояние зависимостей отражает когнитивную нагрузку при обработке предложений, MDD предложения или текста может оценить его языковую сложность и когнитивную трудность. То есть чем больше MDD текста, тем больше когнитивной нагрузки требуется для его понимания. В данном исследовании MDD в переводных текстах больше, чем в оригинальных, что указывает на то, что сложность переведенного языка выше, чем оригинального языка. Таким образом, переводной язык всегда более сложен, чем оригинальный язык. При переводе между различными языками переводчику сначала необходимо понять исходный язык, а затем выполнить перевод на целевой язык, что требует больше когнитивных усилий по сравнению с оригинальным текстом на одном языке.

На уровне фраз, акцент сделан на распределении количества глагольных и прилагательных фраз на предложение. Как видно из таблиц 2 и 3, количество глагольных и прилагательных фраз на предложение в оригинальном китайском языке больше, чем в переводном китайском; количество прилагательных фраз на предложение в оригинальном русском языке больше, чем в переводном русском, в то время как количество глагольных фраз на предложение в переводном русском языке больше, чем в оригинальном русском.

На уровне коллокаций, доля бинарных, тринарных коллокаций и редких коллокаций в оригинальном языке выше, чем в переводном языке. Это может быть связано с тем, что лексическое разнообразие в переводном китайском языке ниже, чем в оригинальном китайском (Liu, Liu & Lei 2022) [10], что приводит к меньшему разнообразию коллокаций по сравнению с оригинальным китайским. Поскольку разнообразие коллокаций основывается на лексическом разнообразии, чем ниже лексическое разнообразие, тем ниже и разнообразие коллокаций.

Результаты данного исследования на основе предыдущих исследований далее подтверждают, что переводной язык представляет собой "третий код", возникающий из согласования и балансировки между системами исходного и целевого языков, и подтверждают, что переводной язык имеет отличительные синтаксические особенности по сравнению с исходным и целевым языками как в направлении перевода с китайского на английский, так и в направлении с английского на китайский.

Выводы

В данной статье с помощью лексических и синтаксических метрик проведен сравнительный анализ переведенного китайского и оригинального языков, исследованы общие и глубинные синтаксические особенности переведенного языка. Исследование показало, что как по синтаксическим, так и по коллокационным показателям существует значительная разница между переведенным и оригинальным языками. Конкретно, на уровне предложений среднее расстояние зависимостей в переведенном языке больше, чем в оригинальном. На уровне фраз различия в средней длине фраз и среднем количестве фраз на предложение между переведенным и оригинальным языками более выражены, общие черты менее заметны. На уровне коллокаций доля бинарных коллокаций, тринарных коллокаций и редких коллокаций в оригинальном языке выше, чем в переведенном. Это является результатом одновременного влияния "интерференции" или "проникновения" исходного языка и "нормализации" целевого языка в процессе перевода. Это подтверждает наличие уникальных особенностей переведенного языка как "третьего кода".

Результаты данного исследования имеют значимую ценность для исследований перевода, особенно предоставляют новые вопросы для изучения процесса перевода. Основные ценности исследования включают: (1) разработку и создание нового типа двустороннего параллельного и сопоставимого корпуса, позволяющего многократные сравнения; (2) анализ особенностей переведенного языка с лексической и синтаксической точки зрения, исследование общих и глубинных синтаксических характеристик переведенного языка; (3) выявление общих черт переведенного языка на русском и китайском языках в аспектах расстояний зависимостей и коллокаций, что способствует развитию теоретических моделей общих черт перевода и лучшему пониманию феноменов перевода и их сущности. Однако, в исследовании есть и некоторые ограничения, такие как ограниченность областей корпусов, поэтому общие черты переведенного языка должны быть дополнительно проверены в будущих исследованиях на основе большего количества языков и различных жанров.

Список источников

1. Андреев С.Н. Модели взаимодействия элементов стихотворного текста. М.: ФЛИНТА, Наука, 2014. С. 37 – 59.
2. Андреев В.С. Малый текст: опыт количественного анализа // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4 (52). С. 117 – 126.
3. Бейкер М., Фрэнсис Б., Бонелли Э. Корпусная лингвистика и исследования перевода: Последствия и применения // Текст и Технология: в честь Джона Синклера. Амстердам: John Benjamins, 1993. № 1. С. 233 – 252.
4. Ван Линь. Проблема синтаксических вариаций в код-свитчинге китайского и английского языков – анализ синтаксических валентностей глаголов на основе деревьев // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2014. № 5. С. 47 – 53.
5. Вострикова В.В. Лексико-грамматические особенности перевода экономических текстов с китайского языка на русский язык // Философия и наука в культурах Запада и Востока: сборник статей по материалам V Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Е.В. Тихонова. Томск, 2023. С. 72 – 77.
6. Геллерстам М., Вольлин В.Л., Линдквист Х. Переводческая речь в шведских романах, переведенных с английского // Исследования перевода в Скандинавии. Лунд: CWK Gleerup, 1986. С. 88 – 95.
7. Гельцер Б.И., Горбач Т.А., Грибова В.В., Карпик О.В., Клышинский Э.С., Кочеткова Н.А., Окунь Д.Б., Петряева М.В., Шахгельдян К.И. Синтаксический анализ текстов предметной области при помощи онтологии // Труды Института системного программирования РАН. 2021. № 4 (33). С. 99 – 116.
8. Косых Н.Е., Хомоненко А.Д. Программа для анализа тональности русскоязычного корпуса текстов на языке Python с использованием фреймворка Flask. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2022660707, 08.06.2022. Заявка № 2022660052 от 01.06.2022.
9. Лавиоса С. Корпусные исследования перевода: Теория, результаты, применения. Амстердам: Rodopi, 2002. С. 81 – 96.
10. Лю Канлонг, Чжунчжу Лю, Лэй Лэй. Упрощение в переведенном китайском языке: подход на основе энтропии // Lingua. 2022. № 103364. С. 23 – 30.
11. Малетина М.В. Количественный анализ оригинала и переводов стихотворения Эмили Дикинсон "The Soul Selects Her Own Society" // Смоленский филологический сборник. 2021. № 13. С. 161 – 172.
12. Ню Ятинг. Анализ синтаксической сложности англо-китайского перевода на основе зависимого синтаксиса // Пекинский университет иностранных языков. 2020. С. 88 – 95.

13. Оганова Е.А., Алексеева О.А. Проблемы передачи вводных предложений при переводе общественно-политических текстов с русского языка на турецкий язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 1. С. 71 – 88.
14. Сантос Д., Коскенниemi В.К. О грамматическом переводческом языке // Краткие статьи, представленные на десятой Скандинавской конференции по вычислительной лингвистике. Хельсинки: Хельсинкский университет, 1995. С. 59 – 66.
15. Сун Ли, Лю Ин, Ма Яньцзюнь. Исследование споров об авторстве "Речные заводы" с использованием методов количественной стилистики – на примере "Речные заводы" Ро Гуаньчжуна // Журнал китайской информатики. 2022. № 42 (3). С. 41 – 46.
16. Фань Ло, Цзян Юэ. Новая гипотеза о характеристиках переводного языка: "Гипотеза компромисса" – количественное исследование на основе зависимого синтаксиса // Преподавание и исследование иностранных языков. 2024. № 56 (01). С. 136 – 147.
17. Футрелл Р., Маховальд К., Гибсон Э.К. Крупномасштабные данные о минимизации длины зависимостей в 37 языках // Труды Национальной академии наук. 2015. № 33. С. 10336 – 10341.
18. Харламов А.А., Ермоленко Т.В., Дорохина Г.В. Сравнительный анализ организации систем синтаксических парсеров // Инженерный вестник Дона. 2013. № 4 (27). С. 74 – 98.
19. Ципф Г. Человеческое поведение и принцип наименьших усилий: Введение в человеческую экологию. Кембридж, Массачусетс: Addison-Wesley Press, 1949. С. 67 – 85.
20. Цзян Юэ, Фань Ло, Ван Юйлан. Исследование синтаксических характеристик переводного языка на основе зависимых деревьев // Преподавание иностранных языков. 2021. № 42 (3). С. 41 – 46.
21. Честермэн А., Мауранен В.А., Куджамьяки П. За пределами частного // Универсалии перевода: Существуют ли они? Амстердам: John Benjamins, 2004. № 1. С. 33 – 49.
22. Чжао Хуэй. Стиль автора "Речные заводы" по распределению длины слов // Культура китайских иероглифов. 2024. № 2. С. 166 – 168.

References

1. Andreev S.N. Models of interaction of elements of poetic text. Moscow: FLINTA, Nauka, 2014. P. 37 – 59.
2. Andreev V.S. Small text: an attempt at quantitative analysis. Bulletin of Smolensk State University. 2020. No. 4 (52). P. 117 – 126.
3. Baker M., Francis B., Bonelli E. Corpus linguistics and translation studies: Implications and applications. Text and Technology: in honor of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins, 1993. No. 1. P. 233 – 252.
4. Wang Lin. The problem of syntactic variations in code-switching Chinese and English – an analysis of syntactic valencies of verbs based on trees. Foreign languages and teaching foreign languages. 2014. No. 5. P. 47 – 53.
5. Vostrikova V.V. Lexical and grammatical features of the translation of economic texts from Chinese into Russian. Philosophy and Science in the Cultures of the West and the East: a collection of articles based on the materials of the V All-Russian Scientific Conference with International Participation. Ed. E.V. Tikhonova. Tomsk, 2023. P. 72 – 77.
6. Gellerstam M., Wollin V.L., Lindqvist H. Translator's speech in Swedish novels translated from English. Translation Studies in Scandinavia. Lund: CWK Gleerup, 1986. P. 88 – 95.
7. Geltser B.I., Gorbach T.A., Gribova V.V., Karpik O.V., Klyshinsky E.S., Kochetkova N.A., Okun D.B., Petryaeva M.V., Shakhgeldyan K.I. Syntactic analysis of subject area texts using ontology. Proceedings of the Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 4 (33). P. 99 – 116.
8. Kosykh N.E., Khomenko A.D. A program for sentiment analysis of a Russian-language corpus of texts in Python using the Flask framework. Certificate of registration of the computer program RU 2022660707, 08.06.2022. Application No. 2022660052 dated 01.06.2022.
9. Laviosa S. Corpus-based Translation Studies: Theory, Results, Applications. Amsterdam: Rodopi, 2002. P. 81 – 96.
10. Liu Kanglong, Zhongzhu Liu, Lei Lei. Simplification in Translated Chinese: An Entropy-Based Approach. Lingua. 2022. No. 103364. P. 23 – 30.
11. Maletina M.V. Quantitative Analysis of the Original and Translations of Emily Dickinson's Poem "The Soul Selects Her Own Society". Smolensk Philological Collection. 2021. No. 13. P. 161 – 172.
12. Niu Yating. Analysis of Syntactic Complexity of English-Chinese Translation Based on Dependent Syntax. Beijing Foreign Studies University. 2020. P. 88 – 95.

13. Oganova E.A., Alekseeva O.A. Problems of Translating Introductory Sentences in Translating Socio-Political Texts from Russian into Turkish. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2021. No. 1. P. 71 – 88.
14. Santos D., Koskeniemi V.K. On the Grammatical Translation Language. Short Papers Presented at the Tenth Scandinavian Conference on Computational Linguistics. Helsinki: University of Helsinki, 1995. P. 59 – 66.
15. Song Li, Liu Ying, Ma Yanjun. A Study of the Authorship Dispute of "Water Margin" Using Quantitative Stylistics Methods – A Case Study of "Water Margin" by Ro Guanzhong. Journal of Chinese Information Science. 2022. No. 42 (3). P. 41 – 46.
16. Fan Luo, Jiang Yue. A New Hypothesis on the Characteristics of the Target Language: The "Compromise Hypothesis" – A Quantitative Study Based on Dependent Syntax. Foreign Language Teaching and Research. 2024. No. 56 (01). P. 136 – 147.
17. Futrell R., Mahowald K., Gibson E.K. Large-Scale Data on Dependency Length Minimization in 37 Languages. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. No. 33. P. 10336 – 10341.
18. Kharlamov A.A., Ermoolenko T.V., Dorokhina G.V. Comparative analysis of the organization of syntactic parser systems. Engineering Bulletin of the Don. 2013. No. 4 (27). P. 74 – 98.
19. Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort: Introduction to Human Ecology. Cambridge, MA: Addison-Wesley Press, 1949. P. 67 – 85.
20. Jiang Yue, Fan Luo, Wang Yulan. A Study of Syntactic Characteristics of the Translation Language Based on Dependent Trees. Teaching Foreign Languages. 2021. No. 42 (3). P. 41 – 46.
21. Chesterman A., Mauranen V.A., Kujamäki P. Beyond the Particular. Universals of Translation: Do They Exist? Amsterdam: John Benjamins, 2004. No. 1. P. 33 – 49.
22. Zhao Hui. The Author's Style in "Water Margin" by Word Length Distribution. The Culture of Chinese Characters. 2024. No. 2. P. 166 – 168.

Информация об авторах

Сяо Жоу, кандидат исторических наук, кафедра литературы и культуры, Хэйлуцзянский университет, г. Харбин, a123123xr@163.com

© Сяо Жоу, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111

¹ Быданцева А.Н.

¹ Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Значимость английского языка для юристов в эпоху глобализации: от профессиональной коммуникации до карьерных возможностей

Аннотация: в статье рассмотрена ключевая роль английского языка в юридических вузах в условиях глобализации, выделив его значение как инструмента для международной коммуникации в правовой сфере. Подчеркнута взаимосвязь между правовой системой и национальной культурой, что помогает студентам юриспруденции лучше понять правовые системы других стран и эффективно взаимодействовать на международном уровне. Среди обсуждаемых проблем выделяются недостаток специализированных учебных материалов, сложности в преподавании юридического английского и необходимость формирования профессиональных компетенций у студентов. Упоминается также тот факт, что знание английского языка становится неотъемлемым условием для студентов юристов, стремящихся расширить карьерные возможности и успешно работать с международными партнерами. Материалом исследования послужили специализированные учебные пособия и методические издания по юридическому английскому, а методология включает коммуникативные подходы и адаптацию учебных программ для решения языковых барьеров, и развития необходимых навыков в международной правовой среде. В результате исследования было выявлено, что юридический английский язык является сложным и труднодоступным для многих студентов, что затрудняет их обучение и последующую профессиональную деятельность. В качестве решения предложено внедрение адаптированных учебных пособий и практических курсов, таких как написание научных работ на английском языке, а также проведение тренингов для преподавателей, направленных на улучшение их навыков в преподавание английского языка в контексте юридического образования. В заключение, изучение английского языка является ключевым элементом юридического образования, способствующим доступу к международным ресурсам и карьерному росту специалистов.

Ключевые слова: английский язык, глобализация, юристы, коммуникации, образование, юридическая терминология

Для цитирования: Быданцева А.Н. Значимость английского языка для юристов в эпоху глобализации: от профессиональной коммуникации до карьерных возможностей // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 98 – 104.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Bydantseva A.N.

¹ Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The importance of English for lawyers in the era of globalization: from professional communication to career opportunities

Abstract: the article examines the key role of English in law schools in the context of globalization, highlighting its importance as a tool for international communication in the legal field. The interrelation between the le-

gal system and national culture is emphasized, which helps law students to better understand the legal systems of other countries and effectively interact internationally. Among the problems discussed are the lack of specialized educational materials, difficulties in teaching legal English, and the need for students to develop professional competencies. It is also mentioned that knowledge of English is becoming an essential prerequisite for law students seeking to expand their career opportunities and successfully work with international partners. The research material was specialized textbooks and methodological publications on legal English, and the methodology includes communicative approaches and the adaptation of curricula to solve language barriers and develop the necessary skills in the international legal environment. As a result of the research, it was revealed that legal English is difficult and difficult to access for many students, which makes it difficult for them to study and follow their professional activities. As a solution, it is proposed to introduce adapted textbooks and practical courses, such as writing scientific papers in English, as well as conducting trainings for teachers aimed at improving their skills in teaching English in the context of legal education. In conclusion, learning English is a key element of legal education, facilitating access to international resources and professional career growth.

Keywords: English, globalization, lawyers, communications, education, legal terminology

For citation: Bydantseva A.N. The importance of English for lawyers in the era of globalization: from professional communication to career opportunities. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 98 – 104.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: July 06, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Английский язык, выступает важным инструментом профессиональной деятельности юристов и играет ключевую роль в современных условиях глобализации. Он не только представляет собой терминологическую подсистему, но и обеспечивает необходимую платформу для коммуникации в правовой сфере на международном уровне. Изучение языка юристов требует комплексного подхода, ведь оно охватывает как часть специализированной терминологии, так и аспекты профессионального общения, которые становятся все более значимыми в условиях интенсификации глобальных связей. В условиях глобализации важность взаимосвязи правовой системы и национальной культуры возрастает, позволяя юристам лучше понимать и эффективно взаимодействовать с правовыми системами других стран.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами, настоящей теме уделено внимание таких исследователей, как А.С. Тулуб, А.В. Спирина, Т.В. Федотова, О.Н. Занина и Е.С. Анистратова. В работах была проанализирована значимость английского языка для юристов в сфере международного общения, рассмотрены основные аспекты юридического английского, включая терминологию и грамматику, а также преимущества его освоения для карьерного роста. Авторы акцентировали внимание на внедрение учебных пособий, необходимых для подготовки специалистов в области права. Они также исследовали влияние знаний иностранных языков на понимание культурных и идеологических особенностей законодательства других стран, что является ключевым для профессиональной деятельности юриста в условиях глобализации [4-7].

В связи с этим исследование проблемы профессионального взаимопонимания между носителями разных языков и культур становится особенно значимым. В условиях глобализации, быстрого научного прогресса и развития информационных технологий необходимость в эффективном правовом регулировании общественных отношений становится всё более выраженной. Учитывая это, преподавание английского языка в юридических вузах и колледжах играет ключевую роль в формировании профессиональных компетенций юристов, поскольку помогает им успешно взаимодействовать с международными коллегами и расширять свои карьерные возможности. Учитывая сложные задачи, такие как сопровождение сделок с иностранными партнерами и предоставление услуг гражданам других стран, способность юристов разъяснять правовые нормы на нескольких языках становится не просто преимуществом, а необходимым условием для успешной работы в современном правовом поле [1, 2]. Поэтому данная тема является актуальной и обусловлена значимостью английского языка для юристов.

Таким образом, целью исследования является рассмотрение значимости английского языка для юристов в эпоху глобализации, особенно в контексте преподавания этого языка в юридических вузах и колледжах.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили специализированные учебные пособия и методические издания, направленные на обучение английскому языку, которые включают юридическую терминологию и теоретические основы, необходимые для профессиональной деятельности юристов.

Методология исследования основывается на коммуникативных подходах, кейс-методе, практических курсах и адаптации учебных программ, призванных справиться с языковыми барьерами и развивать навыки, необходимые для работы в международной правовой среде. Данные были собраны из исследований, касающихся финансовых и правовых систем, а также из анализа существующих проблем в преподавании английского языка для юристов, учитывающего потребности как студентов, так и профессионалов.

Результаты и обсуждения

В настоящее время, англоязычная юридическая терминология занимает доминирующее положение в международной коммуникации современного мира. Глубокое освоение правовой терминологии английского языка становится неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки будущих специалистов юридической сферы, говорящих на других языках. Уверенное владение юридической терминологией обеспечивает эффективное взаимодействие в международном правовом пространстве и способствует успешной реализации профессиональных задач. Англоязычная правовая терминология формировалась на протяжении многовековой истории становления юридической системы Великобритании и других англоговорящих государств. Многолетнее развитие правовых институтов способствовало созданию комплексной системы взаимосвязанных юридических терминов и устойчивых словосочетаний, образующих уникальный профессиональный язык права [3].

В контексте глобализации и интеграции юридических систем владение английским языком становится неотъемлемым элементом профессиональной компетенции современного специалиста юридического профиля, особенно в условиях преподавания этого языка в юридических вузах и колледжах. Это знание обеспечивает эффективные коммуникации при реализации международной правовой практики и взаимодействии с глобальными институтами, такими как ООН и ЕС. Обучение английскому языку в рамках юридического образования открывает юристам доступ к обширному массиву международной правовой документации, прецедентного права и специализированной литературы. Профессиональное использование международных правовых норм, основанное на хороших языковых навыках, обеспечивает полноценное участие специалистов в судопроизводстве на мировом уровне и способствует их успешной интеграции в международную правовую среду.

В результате, преподавания английского языка в юридических вузах и колледжах квалифицированное владение зарубежным языком значительно расширяет профессиональные возможности работников государственной службы. Это открывает доступ к анализу международной документации и участию в значимых межнациональных проектах. Непрерывный обмен практическим опытом с иностранными партнерами, который поддерживается через обучение английскому языку, существенно повышает эффективность функционирования государственных учреждений и улучшает качество предоставляемых ими услуг.

В результате, современные деловые коммуникации требуют уверенного применения английского языка при ведении международных переговоров. Свободное владение иностранной речью позволяет специалистам налаживать профессиональные связи с зарубежными коллегами и грамотно использовать юридическую терминологию. Квалифицированная работа юриста подразумевает глубокое понимание иноязычной документации для оказания компетентных консультационных услуг клиентам в рамках правового поля.

Однако при работе с юридической документацией специалисты сталкиваются с необходимостью детального изучения материалов из-за наличия специфической терминологии, что требует обращения к профессиональным словарям или консультаций с экспертами-лингвистами. В этом контексте преподавание английского языка в юридических вузах и колледжах играет ключевую роль. Поэтому профессиональная коммуникация юриста предполагает способность оперативно формировать и излагать правовую позицию, что обуславливает необходимость глубокого владения иностранными языками и практического опыта в сфере международного права [10].

Таким образом, лингвистические исследования современности демонстрируют существенное влияние на различные сферы общественной деятельности, охватывая культурное наследие, религиозные практики, политические процессы и экономическое развитие. Среди множества языков мира английский приобрел статус универсального средства международной коммуникации. Значимость английского языка проявляется через его функционирование в научной среде и правовом поле. Юридическая сфера отражает доминирующую роль английского языка при составлении международных правовых актов и соглашений. Профессиональное владение английским языком способствует эффективному применению международных стандар-

тов в локальных законодательных системах, обеспечивая доступ к актуальным правовым ресурсам и их качественному анализу.

В свою очередь, развитие международных правовых отношений способствует углублению научного потенциала и практической деятельности в юридической сфере. Знание английского языка становится неотъемлемым элементом профессиональной компетенции юриста, учитывая многогранность правовой деятельности. Современная юридическая практика требует глубокого понимания зарубежного законодательства и документации. Специалисты международного права осуществляют подготовку контрактов, проводят анализ их соответствия внутреннему законодательству, обеспечивают юридическое сопровождение международных сделок. Профессиональная деятельность включает разрешение коммерческих споров и оформление разрешительной документации [9].

В связи с этим, профессиональная деятельность международного юриста требует превосходного владения английским языком, включая глубокое понимание юридической терминологии для результативной коммуникации с зарубежными партнерами. Свободное владение профессиональной лексикой позволяет специалисту грамотно использовать иностранную документацию, эффективно сотрудничать с переводчиками и пользоваться специализированными словарями. Знание английского языка становится определяющим фактором развития карьеры юриста в международном правовом пространстве, способствуя успешному ведению дел в условиях глобализации, более подробно это рассмотрено на рисунке (рис. 1) [8].

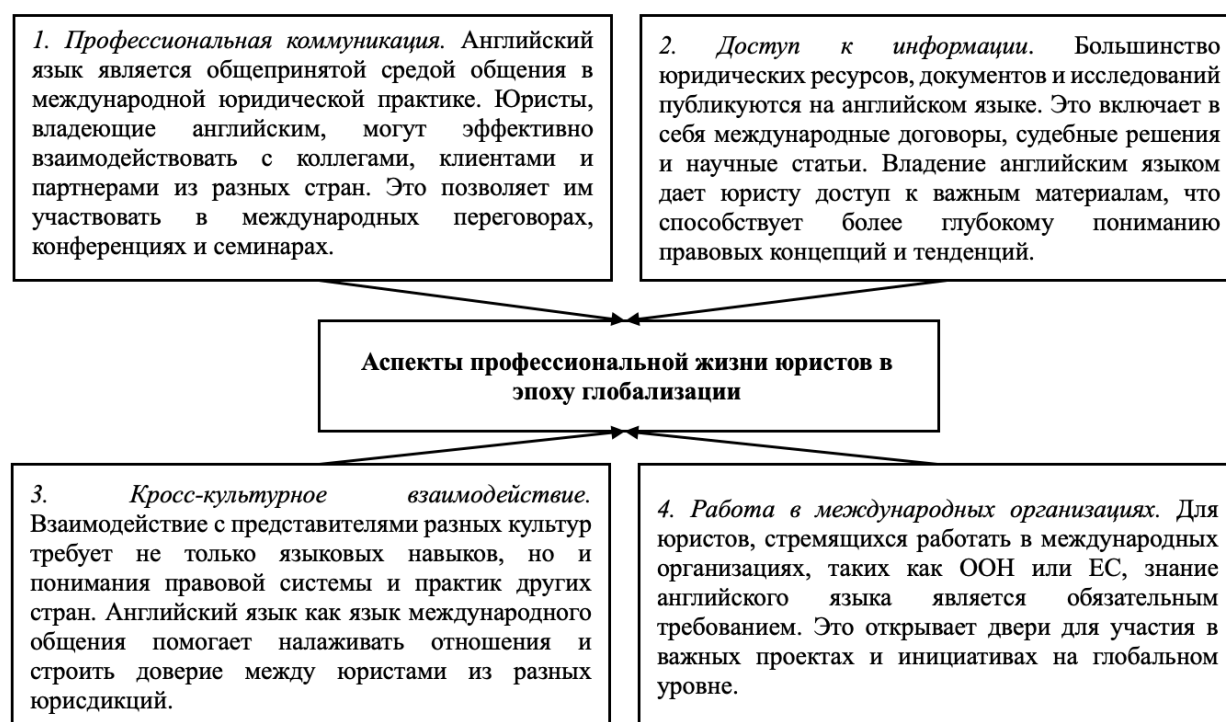

Рис. 1. Аспекты профессиональной жизни юристов в эпоху глобализации.

Fig. 1. Aspects of the professional life of lawyers in the era of globalization.

Расширение границ юридической деятельности в мировом масштабе вызывает необходимость модернизации образовательных методик при обучении специалистов права. Профессиональное освоение юридической терминологии на английском языке становится ключевым компонентом формирования квалифицированных правоведов, открывая перспективы международного сотрудничества. Свободное применение профессионального английского языка обеспечивает юристам возможность результативной работы с зарубежными правовыми документами и установления профессиональных связей с иностранными партнерами. Качественные обучающие материалы, разработанные с учетом особенностей правовой сферы, создают надежный фундамент для формирования профессионального мастерства и совершенствования практики международного права. Создание учебно-методических комплексов предполагает глубокий анализ культурных особенностей и коммуникативных элементов различных правовых систем, способствуя углублению базовых знаний учащихся и структурированному изложению информации [11, 12].

Тем не менее, английский язык стал важным элементом юридического образования, однако его использование связано с рядом проблем. Успешное освоение юридической терминологии представляет серьезную проблему для студентов, которым сложно воспринимать специализированную лексику и правовые концепции на неродном языке. Методика преподавания юридического английского языка зачастую фокусируется на базовых лингвистических аспектах, уделяя недостаточно внимания профессиональной специфике и практическому применению языковых навыков в юридической деятельности. Сложности в практическом применении юридических знаний на английском языке проявляются при составлении международной документации и профессиональной коммуникации с зарубежными партнерами. Поэтому важно внедрять методические основы обучения английскому языку студентов-юристов, которые представлены схематически на рисунке (рис. 2).

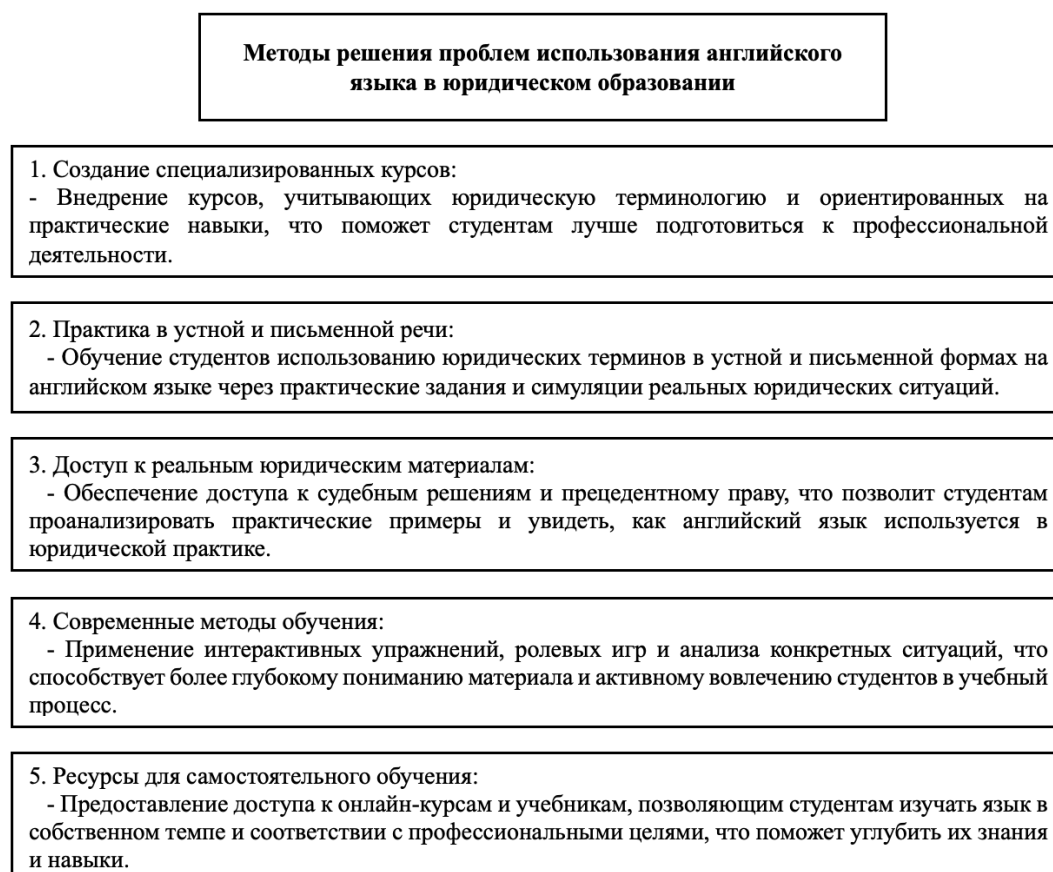

Рис. 2. Методы решения проблем использования английского языка в юридическом образовании.

Fig. 2. Methods for solving problems of using English in legal education.

Как показано на рисунке, английский язык играет важную роль в деятельности юриста, особенно в контексте международного права и сотрудничества. Он является основным языком общения для юристов, судей и адвокатов по всему миру, что обеспечивает эффективное взаимодействие и понимание при решении сложных правовых вопросов. Знание английского языка позволяет юристам быть в курсе последних изменений в законодательстве, изучать оригинальные источники права и участвовать в международных конференциях и форумах. Это способствует развитию профессиональных навыков и улучшению качества юридической помощи. Для студентов юридических специальностей изучение английского языка становится еще более важным, поскольку оно открывает двери для получения качественного образования и построения успешной карьеры в международной юридической сфере. В целом, английский язык является неотъемлемой частью юридического образования и практики, и его знание становится важным конкурентным преимуществом для юристов в современном мире.

Выводы

В заключение, глубокое знание международной юридической терминологии расширяет доступ специалистов к зарубежным правовым источникам, способствует развитию межкультурного взаимодействия и

открывает новые карьерные перспективы в глобальном юридическом пространстве. Юридическая специфика английского языка требует от обучающихся формирования особых речевых компетенций, включающих владение профессиональной лексикой и навыками систематизации правовой информации. Профессиональное владение английским языком становится неотъемлемым условием успешной деятельности в сфере международного права.

Таким образом, существующие сложности преподавания английского языка в юридическом образовании преодолеваются путем модернизации образовательных программ, совершенствования педагогического мастерства и внедрения инновационных учебных материалов. Комплексный подход к решению языковых барьеров обеспечивает высокое качество подготовки специалистов международного права.

Список источников

1. Быданцева А.Н. Особенности преподавания английского языка студентам юридического профиля // Филологический вестник. 2024. Т. 3. № 3. С. 4 – 10.
2. Быданцева А.Н. Основные инновационные методики преподавания английского языка в образовательной системе // Глобальный научный потенциал. 2023. № 8 (149). С. 119 – 121.
3. Опарина Е.О. Профессиональная коммуникация и иностранный язык: на примере английского языка в юридическом образовании // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 160 – 163.
4. Тулуб А.С. Иностранный язык как средство совершенствования речевой компетенции юриста // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 15 марта 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 951 – 956.
5. Спирина А.В., Федотова Т.В. Роль и значение английского языка в юриспруденции // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IX Международного научного конгресса. Симферополь, 4-5 апреля 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 456 – 459.
6. Занина О.Н. Некоторые аспекты создания учебного пособия по английскому языку для студентов юридического профиля // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск, 16 октября 2021 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. Т. 1. С. 159 – 162.
7. Анистратова Е.С. Особенности формирования иноязычной картины мира юриста в современных условиях // Криминалист. 2021. № 1 (34). С. 99 – 102.
8. Хачатрян Г.С. Актуальные проблемы предмета «Английский язык делового общения» в контексте современной межкультурной компетентностной парадигмы // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: программа и тезисы: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Коломна, 22-23 мая 2021 года. Коломна: ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», 2021. С. 235 – 236.
9. Петрищева Н.С. Особенности овладения деловой коммуникацией студентами правовых специальностей на основе профессиональной юридической лексики // Профессиональное лингвообразование: материалы четырнадцатой международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 18 сентября 2020 года. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020. С. 291 – 298.
10. Карипиди А.Г. Английский язык в правовом образовании: важность и методы преподавания // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 1А. С. 459 – 465.
11. Иностранный язык в сфере юриспруденции. URL: <https://ai.mitup.ru/journal/kursovye/inostrannyj-yazyk-v-sfereyurispruden-czii/> (дата обращения: 24.03.2025).
12. Вестник науки. URL: <https://www.вестник-науки.пф/article/10186> (дата обращения: 24.03.2025).

References

1. Bydantseva A.N. Features of Teaching English to Law Students. Philological Bulletin. 2024. Vol. 3. No. 3. P. 4 – 10.
2. Bydantseva A.N. Main Innovative Methods of Teaching English in the Educational System. Global Scientific Potential. 2023. No. 8 (149). P. 119 – 121.

3. Oparina E.O. Professional Communication and Foreign Language: Using English as an Example in Legal Education. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal. 2020. No. 3. P. 160 – 163.
4. Tulub A.S. Foreign language as a means of improving the speech competence of a lawyer. Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: a collection of articles on the results of the II International scientific and practical conference dedicated to the celebration of the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation. Simferopol, March 15, 2024. Simferopol: Arial Publishing House, LLC, 2024. P. 951 – 956.
5. Spirina A.V., Fedotova T.V. The role and significance of the English language in jurisprudence. Philology. Social and national variability of language and literature: materials of the IX International scientific congress. Simferopol, April 4-5, 2024. Simferopol: ООО "Izdatelstvo Tipografiya "Arial", 2024. P. 456 – 459.
6. Zanina O.N. Some aspects of the creation of a textbook on the English language for students of the legal profile. South-West Legal Forum: collection of scientific papers of the South-West Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the law faculty of South-West State University. Kursk, October 16, 2021. Kursk: South-West State University, 2021. Vol. 1. P. 159 – 162.
7. Anistratova E.S. Features of the formation of a foreign-language picture of the world of a lawyer in modern conditions. Criminalist. 2021. No. 1 (34). P. 99 – 102.
8. Khachatryan G.S. Actual problems of the subject "Business English" in the context of the modern intercultural competence paradigm. Actual problems of modern language education at the university: issues of language theory and teaching methods: program and theses: materials of the VIII International scientific and practical conference. Kolomna, May 22-23, 2021. Kolomna: State Educational Institution of Higher Education "State Social and Humanitarian University", 2021. P. 235 – 236.
9. Petrishcheva N.S. Features of mastering business communication by students of legal specialties based on professional legal vocabulary. Professional linguistic education: materials of the fourteenth international scientific and practical conference. Nizhny Novgorod, September 18, 2020. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", 2020. P. 291 – 298.
10. Karipidi A.G. English language in legal education: importance and teaching methods. Pedagogical journal. 2024. Vol. 14. No. 1A. P. 459 – 465.
11. Foreign language in the field of jurisprudence. URL: <https://ai.mitup.ru/journal/kursovye/inostrannyj-yazyk-v-sfereyurispruden-czii/> (date of access: 24.03.2025).
12. Science Bulletin. URL: <https://www.vesnik-nauki.rf/article/10186> (date of access: 24.03.2025).

Информация об авторах

Быданцева А.Н., старший преподаватель, Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», alsu_531@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82-31

¹ Куликова О.Ф.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Образы птиц в произведениях Наринэ Абгарян

Аннотация: в данной статье рассматриваются орнитологические образы в произведениях Наринэ Абгарян. Цель исследования – выявление форм присутствия и анализ художественных приемов репрезентации образов птиц в произведениях Наринэ Абгарян.

Задачи работы включают в себя отбор и анализ образов птиц в произведениях Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

Исследование проведено на материале текстов произведений Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока», «Зулали», «Симон», «Дальше жить».

В исследовании использовались методы литературоведческого анализа, метод сплошной выборки, методы анализа и обобщения научной литературы.

Ключевые слова: орнитологические образы, антропоморфизм, форма присутствия, художественно-стилистические приемы

Для цитирования: Куликова О.Ф. Образы птиц в произведениях Наринэ Абгарян // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 105 – 109.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Kulikova O.F.

¹ Pacific National University

Images of birds in the works of Narine Abgaryan

Abstract: this article examines ornithological images in the works of Narine Abgaryan. The purpose of the study is to identify forms of presence and analyze artistic techniques for representing images of birds in the works of Narine Abgaryan.

The objectives of the work include the selection and analysis of images of birds in the works of Narine Abgaryan, as well as the analysis of artistic and stylistic techniques of their representation.

The study was conducted on the material of the texts of the works of Narine Abgaryan “Three Apples Fell from the Sky”, “Zulali”, “Simon”, “To Live Further”.

The study used methods of literary analysis, the method of continuous sampling, methods of analysis and generalization of scientific literature.

Keywords: ornithological images, anthropomorphism, form of presence, artistic and stylistic techniques

For citation: Kulikova O.F. Images of birds in the works of Narine Abgaryan. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 105 – 109.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Птицы в произведениях Наринэ Абгарян играют немаловажную роль. В исследуемых произведениях птицы – петухи, куры, индюки, цесарки, воробьи, голуби, чижи, иволги, совы являются частотными художественными элементами, а иногда даже главными персонажами, помогающими выстраивать сюжетную линию.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были определены формы присутствия и проанализированы художественные приемы репрезентации образов птиц в произведениях Наринэ Абгарян.

Соответственно, задачи работы включают в себя отбор и анализ образов птиц в произведениях Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

Материалом для данной работы послужили тексты произведений Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока», «Зулали», «Симон», «Дальше жить».

Результаты и обсуждения

Наиболее объемно в творчестве писателя представлены образы петуха, индюка, павлина, аиста и совы.

Традиционно образ петуха неоднозначен, с одной стороны петух – это символ пробуждения, света (нечистая сила отступает при криках петуха), с другой стороны петух олицетворяет такие пороки как гордыня, тщеславие, похоть.

По-разному представлен в произведениях Наринэ Абгарян образ петуха: от возвышенного перифраза – рыцари зари, по отношению к петухам, растревоженным прощальными криками улетающих на юг птиц [4, с. 256] до комичного описания петуха в романе «Симон» (скособоченный клюв, сокрушенный взгляд, неуверенная поступь). Петух изводил всю округу своим криком, поэтому иногда, чтобы его утихомирить дед смазывал ему под хвостом солидолом. При попытке сотрясти округу своим криком, петух «терпел фиаско: не встретив сопротивления, воздух беспрепятственно выходил через задний проход, обрывая в зародыше его «кукареку» [3, с. 13].

Кроме этого, образ петуха традиционно ассоциируется с плодородием. Эта традиция находит отражение в произведениях Наринэ Абгарян: «Над деревней, взрезая утренний воздух пестрыми лентами, взвился победный крик петухов – знатных гаремщиков: Цух-ру-ху, цух-ру-ху» [2, с. 168].

В другом эпизоде находим реализацию этой семантики в отрицательном значении. В повести «С неба упали три яблока» описан «вздорный, боевитый петух, настоящий потаскун, с охотой покрывающий не только свой куриный гарем, но и пернатую женскую половину соседних дворов» [4, с. 28].

В рассказе «Молитва» (цикл «Дальше жить») описана еще одна форма присутствия петуха – петух как жертвоприношение (матах). Героиня рассказа Нуник, чтоб уберечь в войне единственного брата, часто делала матах, на который годятся только самцы, поэтому она «берегла петушков, как зеницу ока, к осени не забивала». В рассказе подробно описан ритуал жертвоприношения, который Нуник строго соблюдала. Матах не помог, брат погиб.

Разные эпитеты использует автор для описания крика петуха: исполощенный, многоголосый, требовательный, победный, торжествующий, бессмысленный, пустопорожний. В рассказе «Неисполненное» находим меткую и сермяжную характеристику утреннего крика петухов: «Так задницу рвут, словно если не крикнут – солнце не встанет» [2, с. 296].

В произведении «Дальше жить» автор натуралистично рассказывает об ужасах войны, в том числе и с помощью описания поведения и крика домашней птицы во время бомбежек: «Обезумевшие пеструшки захлебываются в хриплом кудахтании, страшный крик которых заглушают взрывы» [1, с. 47]; «Курица хрипло кукарекнула» [4, с. 44] (кукарекнувшая курица считается вестником большой беды). Такую курицу убивают и выкидывают; «Птица всегда быстро угадывает наступление затишья» [4, с. 50] – начали громко кукарекать петухи – можно выходить из укрытий и жить дальше.

Образ индюка в произведениях Наринэ Абгарян представлен с отрицательной коннотацией и совпадает с традиционными характеристиками этой птицы: неуживчивые, скандальные, драчливые, любопытные.

В книге «Дальше жить» находим образ индюка с говорящей кличкой Душман (враг, противник), этот индюк держал в страхе всю округу. Характеризуя Душмана, автор использует прием развернутого сравнения: «В отличие от индюка, он (пес Валет) добрый самаритянин. Душман же словно вестник апокалипсиса: пестроглазый, всклоченный, лютый» [1, с. 87]. Хозяйка называет индюка сволочью и террористом. Внешность индюка, как и характер, оставляет желать лучшего: толстый, криволапый, плешивый, встрепанный. Кроме этого, автор использует прием антропоморфизма: Душман мог ругаться, досадовать и даже крикнуть в презрительной ухмылке клюв.

В повести «С неба упали три яблока» автор также награждает индюка нелицеприятными характеристиками: «сварливая бестолковая сволочь... злобно клокотал, тряся багровым наростом на клюве» [4, с. 184]; «...с претензией кулдыкали самовлюбленные индюки».

Интересно отметить библейские мотивы, связанные с образами животных и птиц. В повести «С неба упали три яблока» описан эпизод прибытия в деревню, измотанную трехлетним голодом, грузовика с домашними животными и с целой стаей домашней птицы: индеек, уток, цесарок и гусей. Жители деревни назвали прибывших «Ноевым стадом». Загадочным образом среди этой стаи обнаружился кипенно-белый павлин. Жить вместе с остальной птицей павлин не смог: плакал и отказывался есть из общей кормушки, поэтому его забрали к себе в дом Ваню и Валинка Меликанец. В год, когда в семье появился павлин, у Тиграна и Валинки родился единственный внук (Тигран), он был единственным младенцем, родившимся в голодный год и пережившим его. Павлин стал словно бы ангелом-хранителем этой семьи и этого ребенка. Мистическая связь павлина и внука Ваню прослеживается в течение всей жизни Тиграна. В день появления павлина в семье, невестка сообщила о своей беременности, в день рождения Тиграна павлин, словно бы вахту нес на краю пропасти, вернулся обессиленный и с проплешинами на спине и крыльях. Линял потом павлин целый месяц, а только что рожденный Тигран этот месяц балансировал между жизнью и смертью. Перья павлина, которые хозяйка складывала в мешок, превратились мистическим образом в древесную золу (пепел), которая искрилась и пахла корицей и миндалем. В этом эпизоде возникает ассоциация с птицей Феникс, образ которой связан в христианской культуре с возрождением, воскресением. Тигран был единственным существом, к кому павлин проявлял интерес: «...резко вспархивал на перила, тревожно курлыкал и вертел красивой головой в царственной белоснежной короне, не сводя глаз с ребенка» [4, с. 127]. Тигран вырос, поступил в военную академию, а потом началась война и Тигран пропал без вести на целых восемь лет. Однако павлин был бодр и здоров, это придавало родным уверенности в том, что Тигран жив. Ровно через тридцать три года с момента появления в доме павлина, вернулся домой, весь в шрамах, но живой Тигран, а павлин умер на его руках в этот же вечер. Здесь вновь четко прослеживается библейский мотив (33 года – возраст Христа). Описывая павлина, автор щедро использует образные средства языка: величественный, неуместно-роскошный, неподвижный и непоколебимый (эпитеты); белоснежная корона, ржавые от дорожной пыли перья, царь-птица (метафора); сбросив старое оперение, павлин оброс «серебристым пушком – легким и невесомым, как младенческое дыхание» (сравнение) [4, с. 125].

Кроме этого, необходимо отметить использование одорической лексики (лексики с общим значением обоняния). В начале жизни в деревне павлин пахнет как обыкновенная курица, чем очень удивляет хозяйку: «...надо же, столько красоты, а пахнет как обычная мокрая курица» [4, с. 132]; потом перья, превратившиеся в пепел, пахнут корицей и миндалем; и, наконец, улетающая в небеса душа павлина, оставляет за собой «легкий аромат корицы и миндаля и чего-то еще – неуловимого и непостижимого, но бесконечно прекрасного» [4, с. 132].

Образ аиста традиционно ассоциируется с новой жизнью, рождением, родным краем и ностальгией. Слепая старуха из рассказа «Кружева», делясь воспоминаниями из детства, говорит о том, что есть вещи, которые не стираются из памяти. Она вспоминает старую мечеть, на которой в большом гнезде жил аист. «Аист вспархивал на край своего гнезда и стоял навтыжку на протяжении всей службы, словно вахту нес». Однажды аист вернулся с юга больной и слабый, упал на пороге мечети и умер. Мулла взял его на руки и понес «...словно бесценный груз, словно стеклянный сосуд, и по лицу его катились слезы непритворного, чистого горя» [1, с. 151]. В данном случае автор использует сравнение с союзом «словно» в сочетании с полисиндетоном (многосоюзием). В контексте три раза подряд повторяется конструкция с союзом «словно», что позволяет усилить эмоциональный накал описываемой ситуации.

Традиционно образ совы, с одной стороны, связан с темными силами (сова / филин – спутники колдунов и ведьм), что объясняется ночным образом жизни, умением бесшумно летать и жутко ухать; с другой стороны, сова – это символ мудрости.

У Наринэ Абгарян образы совы имеют положительную коннотацию. Например, в рассказе «Долина» совы представлены, как охранники ночной тишины, которые инспектируют свои владения, «надменно ухая, летали среди деревьев, едва касаясь ветвей концами своих широких крыльев» [1, с. 69]. Здесь автор использует прием антропоморфизма (антропоморфизм – это прием, с помощью которого автор наделяет животных и неодушевленные предметы человеческими чертами).

В рассказе «Стадо» главная героиня Мануш относится к домашним животным и птицам как к бесправным существам рангом ниже, она не испытывает к ним ни малейшей жалости. Единственное существо, которое вызывает у Мануш уважение – это сова. Здесь сова является воплощением таких положительных ка-

честв, как самоуважение и чувство собственного достоинства (сова прилетает на чердак Мануш пережить непогоду (и только), она очень редко притрагивается к угощениям, которые готовит ей Мануш).

В романе «Симон» упоминается образ голубя, имеющий символическое значение суеверия. «Нахохленный грязный голубь сидел на кровати» – влетевший в дом голубь всегда к плохим вестям.

В этом романе находим еще одну птицу – иволгу. Героиня романа Сильвия удивляется, что не может за всю жизнь наслушаться пением иволги, которая «пела, перебивая свой же монотонный свист нежно-вопросительной, берущей за душу трелью» [3, с. 45].

В повести «С неба упали три яблока» описано странное поведение чижей, которые облюбовали «кособокую, испачканную куриным пометом» кормушку во дворе старика Мокуча, они прилетали туда каждый вечер «устраивали в ней шумную возню», съедали весь корм домашней птицы и улетали в лес. На вопросы, почему птицы прилетают именно к нему во двор, старик Мокуч отвечал: «Откуда мне знать..., наверное, так было задумано, потому что так было всегда» [4, с. 84].

Одной из форм присутствия образа птицы в прозе Наринэ Абгарян является орнитоморфная характеристика человека (его внешности, привычек, образа жизни).

В описании вихрастой темной шевелюры мальчика Али (рассказ «Хадум») на фоне рыжих голов одноклассников автор использует прием сравнения: «...казалось – на краю цветущего луга присела большая черная птица с взъерошенными перьями, присела – и забыла вспорхнуть» [4, с. 271].

В Романе «Симон» находим описание торопящейся Вардануш: «Руки по-куриному растопырены, а остро торчащие локти ходят вперед-назад, придавая скорости и уверенности шагу...» [3, с. 248]. В данном случае для реализации сравнения используется окказиональное наречие с приставкой по- в сочетании с суффиксом -ому.

В рассказе «Птичий Поильник» главного героя за глаза называют Птичьим Поильником – «за малый рост и беспросветную неказистость: злые мелкие глазки, рот набекрень, лопухий и лысый, что твой локоть» [2, с. 160]. В данном случае автор использует метафорический перенос на основе внешнего сходства поилки для птиц и внешности главного персонажа.

В рассказе «Бессмертник» героиня сравнивает себя с цесаркой, у которой подрезали крылья «Иногда... она думала о том, что сама превратилась в такую цесарку – живет прибитая к земле горем и невозможностью от него избавиться» [1, с. 232].

Выводы

Образ Птицы в творчестве Наринэ Абгарян многофункционален. В исследуемых произведениях птицы (домашние и дикие, певчие, ночные, мистические) помогают выстроить сюжет, а иногда даже ведут сюжетную линию; выступают в качестве образа-символа, помогают прорисовать религиозно-обрядовые и мистические линии произведения; помогают воссоздать натуралистический природный или деревенский пейзаж; входят в состав художественных приемов и средств (эпитетов, метафор, сравнений, перифразов, аллюзий).

Список источников

1. Абгарян Н.Ю. Дальше жить. М.: Издательство АСТ, 2018. 252 с.
2. Абгарян Н.Ю. Зулали. М.: Издательство АСТ, 2017. 315 с.
3. Абгарян Н.Ю. Симон. М.: Издательство АСТ, 2021. 349 с.
4. Абгарян Н.Ю. С неба упали три яблока. М.: Издательство АСТ, 2020. 318 с.
5. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энцикл. слов.-справ. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 198.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Издательство АСТ, 2006. Т. 1.
7. Крупчанов Л.М. Теория литературы: учебник. М., 2012. 360 с.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2023. 624 с.
9. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

References

1. Abgaryan N.Yu. To live further. Moscow: AST Publishing House, 2018. 252 p.
2. Abgaryan N.Yu. Zulali. Moscow: AST Publishing House, 2017. 315 p.
3. Abgaryan N.Yu. Simon. Moscow: AST Publishing House, 2021. 349 p.
4. Abgaryan N.Yu. Three apples fell from the sky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 318 p.
5. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings: encyclopedia of words.-reference. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 198 p.

6. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 vol. Moscow: AST Publishing House, 2006. Vol. 1.
7. Krupchanov L.M. Theory of literature: textbook. Moscow, 2012. 360 p.
8. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 2023. 624 p.
9. Timofeev L.I., Turaev S.V. Dictionary of literary terms. Moscow: Education, 1974. 509 p.

Информация об авторах

Куликова О.Ф., старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, 16080211@mail.ru

© Куликова О.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык и языки народов России (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹ Ли Фэн

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Символика зоонимов «волк» и «медведь» в русском песенном жанре: лингвокультурологический аспект

Аннотация: в статье анализируется значение зооморфной лексики в формировании национального менталитета и культурных представлений, на примере русской песенной традиции. Особое внимание уделяется символике медведя и волка как воплощений природной мощи и двойственной природы человеческих эмоций и социальных отношений. Рассмотрены когнитивные функции зоонимов, их роль в выражении этнокультурных ценностей, психологических характеристик и идиоматических конструкций. Исследование подчёркивает важность междисциплинарного подхода к изучению зооморфизмов как ключевого элемента языковой картины мира и культурного кода, отражающего глубинное восприятие действительности в рамках конкретной лингвокультурной общности.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, анималистическая лексика, зооморфные единицы, песня, русская культура

Для цитирования: Ли Фэн. Символика зоонимов «волк» и «медведь» в русском песенном жанре: лингвокультурологический аспект // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 110 – 113.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Li Feng

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Symbolism of the animal units "wolf" and "bear" in the Russian song genre: linguistic and cultural aspect

Abstract: the article examines the significance of zoomorphic lexicon in the formation of national mentality and cultural representations, exemplified by the Russian song tradition. Particular emphasis is placed on the symbolism of the bear and the wolf as embodiments of natural power and the dual nature of human emotions and social relations. The study explores the cognitive functions of zoonyms, their role in expressing ethnocultural values, psychological characteristics, and idiomatic constructions. The research underscores the importance of an interdisciplinary approach to the study of zoomorphisms as a pivotal element of the linguistic worldview and cultural code, reflecting the profound perception of reality within a specific linguistic-cultural community.

Keywords: national-cultural specifics, animalistic vocabulary, zoolexemes, songs, Russian culture

For citation: Li Feng. Symbolism of the animal units "wolf" and "bear" in the Russian song genre: linguistic and cultural aspect. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 110 – 113.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Большинство представлений человека о мире складывается из того, какая сложена картина мира для личности, в свою очередь, формирующаяся под влиянием окружающей действительности [7, с. 106]. В этом контексте зооморфная лексика выступает как важный когнитивный инструмент, опосредующий восприятие и осмысление действительности через призму животного мира, в связи с тем, что «красота и физические особенности животных и птиц вызывали у людей восхищение» [5, с. 428]. Подобные языковые механизмы позволяют не только классифицировать окружающую реальность, но и выражать сложные социальные отношения, эмоциональные состояния и культурные ценности посредством системы зооморфных метафор и символов.

Как отмечают исследователи, зооморфная лексика является важнейшим пластом любого языка, который используется всеми народами мира для эмоционально-оценочной характеристики людей [4, 9]. В современной лингвистике данный пласт лексики рассматривается как сложная знаковая система, кодирующая культурно-обусловленные представления о мире. Зооморфизмы выполняют не только номинативную, но и символическую функцию, выступая в качестве маркеров национального менталитета. Через образы животных, передаются не только «выражения определенных эмоций, описания характера, образов, различных ситуаций» [6, с. 490], но и глубинные культурные коды, отражающие отношение человека к природе, опасности и социальным нормам. В русской лингвокультуре зоонимы образуют разветвлённую систему коннотаций, требующую комплексного междисциплинарного анализа на стыке лингвистики, культурологии и фольклористики.

Следует обратить внимание на то, что зоонимы, или имена животных, «занимают важное место в языковой системе и культурной практике любого народа» [1, с. 31]. С точки зрения когнитивной лингвистики, они представляют собой концептуальные метафоры, проецирующие свойства животного мира на человеческие отношения и социальные институты. В русской традиции зоонимы образуют устойчивые символические парадигмы, где каждое животное ассоциируется с определённым набором характеристик. Важно подчеркнуть, что «зооморфный код любой культуры выявляет глубинное мировосприятие принадлежащих к ней людей и всегда отличается национальным своеобразием» [10, с. 107]. Данные ассоциации носят не универсальный, а культурно-специфический характер, что подтверждается сравнительными исследованиями различных этнолингвистических традиций.

Важным для нашего исследования является положение о том, что зоонимы (зоологическая лексика) «отражают многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, несут информацию, как о типичных чертах животного, так и о менее явных признаках, не отражённых в словарных дефинициях» [2, с. 104]. В контексте русской песенной традиции зоонимы приобретают особую семантическую нагрузку, выступая в качестве: 1) этнокультурных символов; 2) средств психологической характеристики; 3) элементов идиоматики. Следует особо отметить, что в фольклорных и авторских песенных текстах зоонимы часто функционируют в составе устойчивых сравнений и метафор, образуя сложную систему межтекстовых связей и культурных аллюзий.

Заслуживает быть отмеченным тот факт, что «надёжным обоснованием суждений о степени значимости определенных видов фауны в процессе освоения окружающего мира является восприятие и детализация его (мира) объектов (в частности, определенных объектов животного мира) и сложная структура связей в его освоении / познании, выраженных в лингвокультурах» [8, с. 124]. Данный тезис находит свое подтверждение в анализе русской песенной традиции, где зоонимы выступают как маркеры культурно обусловленного восприятия животного мира. В частности, частотность употребления и семантические особенности зоонимов «волк» и «медведь» в русском фольклоре и авторской песне свидетельствуют об их особой значимости в национальной картине мира. Эти животные не просто отражают биологические характеристики видов, но и воплощают комплекс культурных смыслов, ценностных ориентаций и поведенческих моделей, характерных для русского этноса.

Материалы и методы исследований

В данной статье методами исследования преимущественно являются контекстуальный анализ, семиотический подход и сравнительно-типологический метод, благодаря которым раскрывается многогранность образов медведя и волка в устном народном творчестве. Материал исследования подобран путём сплошной выборки из существующих сборников русских народных песен (обрядовые, плясовые, шуточные и лирические).

Результаты и обсуждения

Медведь в русском песенном фольклоре предстает как сложный и противоречивый символ, сочетающий в себе бесстрашие [3], силу, трудолюбие (Сидит медведь на колоде, Боты подшивает; Медведь на

работе камня воротит) и в то же время некий зловещий оттенок. Его черный окрас (Не по сукнам цветным, по черным медведным) и косолапая походка (Ох, да медведь косолап; вперевалочу идет косолапый мишка) с большим животом (У медведя животы) создают образ могучего, но неуклюжего существа, которое одновременно вызывает страх и уважение (Сохрани ее от змея ползучего, От медведя могучего). В народных песнях медведь часто ассоциируется с несчастьем (к несчастью, у нас во двор зашел медведь) – его появление сулит беду, а люди относятся к нему с опаской. Это отражает реальные крестьянские поверья, где встреча с медведем в лесу могла обернуться трагедией (Так что мы всех медведей перебьем И всех людей соберем). Однако в то же время медведь символизирует неодолимую природную мощь (Идет медведь через реку, Распыхался, раздыхался), что делает его героем многих былинных и шуточных песен, где он олицетворяет грубую, но справедливую силу (Наш снежный наряд украшает снегирь И в гости приходит Медведь-богатырь).

Следует добавить, что в обрядовых песнях медведь иногда воплощает доброту, что связано с его образом вежливого зверя, способного к состраданию (Медвежливость медведя укрощает об этом знает каждая пчела. Медвежливых медведей уважают все жители медвежьего угла). В то же время его сила часто изображается разрушительной – он может быть, как защитником, так и угрозой (Повадился медведь в бор коренье драть). В свадебном фольклоре, например, медведь иногда символизирует жениха-похитителя, что подчеркивает двойственность его образа: он и опасен, и желанен. В шуточных и плясовых песнях медведь становится трусливым (И медведь с испугу в миг на сосну большую влез) и комическим персонажем, чья неуклюжесть и прожорливость высмеиваются (Сидели два медведя На тоненьком суку Оба шлепнулись в муку), но даже в этих случаях за его образом сохраняется оттенок уважения к его неповторимой мощи.

Существенно то, что в песенном жанре символ медведя зачастую идет бок о бок с символом волка (Ваша скотинка заблудися! Волк сожрет, и медведь обдерет!), образуя дуэт, воплощающий дикую, необузданную силу природы. Волк чаще всего описывается серым (Волчушка, серенькой; Да серым волком навыйтис; Тут серым волкам-то бежищо), быстрым (Сохрани ее от змея ползучего, От волка бегущего) и ненасытным (Что волки жадны, всякий знает). Рыскать волком во чистых полях – эта фраза из песни рисует картину одинокого, вечно голодного хищника, бесшумно скользящего по открытым пространствам, всегда готового напасть. Его движение свободно и беспощадно, он не связан никакими преградами, являясь символом неожиданной беды, которая может прийти откуда угодно. А в строке Придет Серенький Волчек и утащит во лесок волк приобретает почти мифологические черты – это уже не просто зверь, а некая темная сила, похититель, уводящий свою жертву в темную чашу, в мир мрака и небытия. В колыбельных и обрядовых песнях этот образ служит предостережением, воплощением всех страхов, что таятся за границами человеческого жилья. Иначе говоря, «серенький волчек» становится персонификацией самой смерти – тихой, незаметной, но вместе с тем неотвратимой.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что вместе они представляют две стороны опасности: медведь давит грубой силой, а волк подкрадывается исподтишка (Как скоро Волк у стада забуянит, И обижать он Овцу станет). Их образы в песнях часто сливаются в единую стихию враждебного мира (Даться легкой добычей медведю или волку и тому подобное), где человеку нет пощады. От кого ты огород городишь? – От черного зверя, от серого волка – в этой строке они уже не просто звери, а сама угроза, от которой нужно защищаться, огораживаться, как от неотвратимого зла. Как было отмечено выше, медведь – «черный зверь», тяжелый и могучий, волк – «серый», быстрый и беспощадный. Следовательно, можем подытожить, что вместе они – олицетворение всех бед, что могут прийти из леса, из тьмы, из неведомых краев. Но даже в этом противостоянии есть ирония: «Волку, медведю – Пень да колода» – будто сама природа смеется над их мощью, превращая их в неповоротливые, почти комичные препятствия. И все же стоит зафиксировать, что за этим скрывается древний страх: ведь если медведь может раздавить, то волк уведет, утащит, исчезнет с добычей во тьме – и оттого вдвойне страшен.

Выводы

В рамках нашего исследования было выявлено, что в русском песенном фольклоре медведь представляет собой сложный и противоречивый символ, сочетающий силу, трудолюбие, устрашающую мощь и даже комическую неуклюжесть. Вместе с тем установлено, что волк в народных песнях выступает как воплощение коварства, неожиданной беды и смерти. В отличие от медведя, он ассоциируется с быстротой, скрытностью и ненасытностью, символизируя неотвратимую угрозу, приходящую извне. Таким образом, анализ подтверждает, что образы медведя и волка в русском песенном фольклоре служат важными архетипами, через которые выражается народное восприятие природы, опасности и человеческой стойкости перед лицом необузданных сил.

Список источников

1. Ли Фэн, Павлов Д.В. Семантические особенности зоонимов в русском песенном жанре (на примере орнитонимов) // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 2. С. 30 – 35.
2. Мосина Н.М. Сравнительный анализ фразеологических единиц с зоокомпонентом «дикое животное» в мордовских и финском языках // Вестник угроведения. 2023. № 1. С. 103 – 111.
3. Покаякова К.А. Семантика зоонимов в хакасских пословицах и поговорках // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 70 – 78.
4. Садовникова И.И. Синонимические особенности зоонимов в эвенском языке // The Scientific Heritage. 2021. № 72-4. С. 59 – 60.
5. Султанбаева Х.В., Фахретдинова Ю.Р. Зоонимы во фразеологических единицах башкирского языка // Вестник Башкирского университета. 2022. № 2. С. 428 – 431.
6. Сяобинь Д. Изучение фразеологизмов-зоонимов в китайском языкознании // МНКО. 2024. № 1 (104). С. 489 – 490.
7. Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1 (3). С. 102 – 112.
8. Шингарева М.Ю., Орынбетова Э.А., Мезенцева Е.С., Дмитриук Н.В., Темирбекова Г.А. Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 110 – 126.
9. Цуй Лулу. Символическое значение зоонима «сова» в русской и китайской лингвистических культурах: контрастивное исследование // МНКО. 2022. № 6 (97). С. 441 – 444.
10. Черемных Ю.А. Реализация концепта «собака» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2023. № 2. С. 106 – 111.

References

1. Li Feng, Pavlov D.V. Semantic features of zoonyms in the Russian song genre (on the example of ornithonyms). Bulletin of philological sciences. 2025. Vol. 5. No. 2. P. 30 – 35.
2. Mosina N.M. Comparative analysis of phraseological units with the zoocomponent “wild animal” in the Mordvin and Finnish languages. Bulletin of Ugro studies. 2023. No. 1. P. 103 – 111.
3. Pokoyakova K.A. Semantics of zoonyms in Khakass proverbs and sayings. Epic studies. 2023. No. 3. P. 70 – 78.
4. Sadovnikova I.I. Synonymous features of zoonyms in the Even language. The Scientific Heritage. 2021. No. 72-4. P. 59 – 60.
5. Sultanbaeva HV, Fakhretdinova YuR. Zoonyms in phraseological units of the Bashkir language. Bulletin of the Bashkir University. 2022. No. 2. P. 428 – 431.
6. Xiaobin D. Study of phraseological units-zoonyms in Chinese linguistics. MNKO. 2024. No. 1 (104). P. 489 – 490.
7. Fatkullina FG Lingvoculturology and linguaculture: the relationship of concepts. Kazan Linguistic Journal. 2020. No. 1 (3). P. 102 – 112.
8. Shingareva M.Yu., Orynbetova E.A., Mezentseva E.S., Dmitryuk N.V., Temirbekova G.A. Reflection of national images of the world of Tuvans, Kazakhs, Russians and English in zoonym phraseology and paremiology. New studies of Tuva. 2024. No. 4. P. 110 – 126.
9. Cui Lulu. Symbolic meaning of the zoonym "owl" in Russian and Chinese linguistic cultures: a contrastive study. MNKO. 2022. No. 6 (97). P. 441 – 444.
10. Cheremnykh Yu.A. Realization of the concept "dog" in Russian poetic discourse. Bulletin of the Vologda State University. Series: historical and philological sciences. 2023. No. 2. P. 106 – 111.

Информация об авторах

Ли Фэн, кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, FenLi3@kpfu.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литература народов мира (филологические науки)

УДК 821.112.2

¹ Морозов Д.Л.

¹ Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета

Образ «водной девы» в творчестве Э. Мёрике: между мифом, психологией и социальной критикой

Аннотация: настоящая статья посвящена комплексному исследованию образа «водной девы» в творчестве Эдуарда Мёрике, включая анализ цикла «Сказок о моряках и русалках» («Schiffer- und Nixen-Märchen») и новеллы «История прекрасной Лай» («Die Historie von der schönen Lau»). В работе рассматриваются мифологические корни образа, его преломление в контексте немецкого романтизма, психологические аспекты, связанные с проекциями внутренних конфликтов и желаний, а также элементы социальной критики, присутствующие в изображении столкновения мира природы и мира культуры. Особое внимание уделяется амбивалентности образа, сочетающего в себе красоту и опасность, очарование и гибель, и его роли в формировании картины мира Э. Мёрике.

Ключевые слова: Эдуард Мёрике, водная дева, русалка, Ундины, немецкий романтизм, сказки, новеллы, мифология, психология, социальная критика, символ, мотив, амбивалентность

Для цитирования: Морозов Д.Л. Образ «водной девы» в творчестве Э. Мёрике: между мифом, психологией и социальной критикой // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 114 – 118.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Morozov D.L.

¹ Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University

The image of the "water maiden" by E. Merike: between myth, psychology and social criticism

Abstract: this article is devoted to a comprehensive study of the image of the «water maiden» in the works of Eduard Merike, including an analysis of the cycle «Tales of Sailors and Mermaids» («Schiffer- und Nixen-Märchen») and the novella «The Story of the Beautiful Lau» («Die Historie von der schönen Lau»). The work examines the mythological roots of the image, its refraction in the context of German Romanticism, the psychological aspects related to the projections of internal conflicts and desires, as well as the elements of social criticism present in the depiction of the clash between the natural world and the world of culture. Special attention is paid to the ambivalence of the image, which combines beauty and danger, charm and destruction, and its role in shaping E. Mörike's worldview.

Keywords: Eduard Mörike, water maiden, mermaid, Undine, German Romanticism, fairy tales, novellas, mythology, psychology, social criticism, symbol, motive, ambivalence

For citation: Morozov D.L. The image of the "water maiden" by E. Merike: between myth, psychology and social criticism. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 114 – 118.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Эдуард Мёрике, поэт и прозаик, занимает особое место в немецкой литературе XIX века, сочетая в своем творчестве черты романтизма, реализма и бидермайера. Его произведения отличаются лирической глубиной, психологической тонкостью и вниманием к деталям. Одним из ключевых образов, пронизывающих его творчество, является образ «водной девы» – мифологического существа, обитающего в водах и обладающего особой красотой, притягательностью и, в то же время, опасностью.

Образ «водной девы» имеет богатую историю, уходящую корнями в мифологию различных народов мира. В немецкой литературе романтизма он получил широкое распространение и был представлен в творчестве таких авторов, как К. Брентано, Ф. де Ла Мотт Фуке, Й. Эйхендорф, Г. Гейне и др. [9, 10, 11, 12, 16]. Мёрике, однако, создает свой собственный, уникальный вариант этого образа, наделяя его особой психологической глубиной и сложностью [13].

Целью настоящей статьи является многосторонний анализ образа «водной девы» в творчестве Э. Мёрике, включающий рассмотрение его мифологических корней, особенностей воплощения в цикле «Сказок о морях и русалках» и новелле «История прекрасной Лау», психологических аспектов и элементов социальной критики.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили произведения Э. Мёрике: цикл «Сказки о морях и русалках» («Schiffer- und Nixen-Märchen»), включающий сказки «Vom Sieben-Nixen-Chor», «Nixe Binsefuß», «Zwei Liebchen», «Der Zauberturm», новелла «Die Historie von der schönen Lau», а также литературоведческие и культурологические работы, посвященные творчеству Э. Мёрике, образу «водной девы» в литературе и мифологии.

Методы: в работе использованы следующие методы исследования.

Литературно-критический анализ: анализ текстов произведений с целью выявления основных тем, мотивов, символов и художественных особенностей.

Сравнительно-типологический анализ: сопоставление образа «водной девы» у Мёрике с аналогичными образами в творчестве других авторов эпохи романтизма и в мифологии.

Мифологический анализ: интерпретация образа «водной девы» в контексте мифологических представлений о водной стихии, женском начале и границе между мирами.

Психологический анализ: рассмотрение образа «водной девы» как проекции внутренних конфликтов и желаний автора и персонажей, с использованием элементов психоаналитической интерпретации.

Социокультурный анализ: рассмотрение образа «водной девы» в контексте социальных и культурных реалий эпохи Мёрике, выявление элементов социальной критики, присутствующих в его творчестве.

Результаты и обсуждения

Мифологические корни образа «водной девы»: Образ «водной девы» имеет древние корни и встречается в мифологиях многих народов мира. В германской мифологии известны нимфы, русалки, ундины, которые населяют реки, озера и моря. Они часто предстают в виде прекрасных девушек с длинными волосами и рыбьими хвостами, обладающих магической силой и способных влиять на судьбы людей [2, 3, 6, 15].

В славянской мифологии, например, русалки – это души утонувших девушек, которые живут в воде и заманивают путников своими песнями и танцами. Они могут быть как добрыми, так и злыми, в зависимости от обстоятельств и отношения к ним.

Во всех этих мифологических представлениях «водная дева» символизирует женское начало, природную стихию, иррациональность и связь с потусторонним миром. Она является пограничным существом, находящимся между миром людей и миром природы, между сознанием и бессознательным [8].

Образ «водной девы» в цикле «Сказки о морях и русалках» связан с такими понятиями как амбивалентность и гибельность:

В цикле «Сказок о морях и русалках» Э. Мёрике образ «водной девы» предстает в различных ипостасях, но во всех случаях он связан с опасностью и гибелью. Русалки заманивают моряков в свою обитель, фрау Доне дарует подарки, которые приводят к смерти, волшебный маяк обманывает путников и приводит к кораблекрушению [16].

В сказке «Vom Sieben-Nixen-Chor» русалки, воплощая собой красоту и музыкальность водной стихии, становятся причиной гибели королевского сына: «Und die Sieben in der Runde / Rufen: Schönster, tritt heraus!» [13, с. 778] («И семеро в хороводе / Кричат: Красавец, выходи!»). Их пение – это смертельная ловушка, а их танец – предвестие трагедии. Превращение принцессы Лилигии в русалку символизирует переход из мира земного в мир водный, потерю человеческой сущности и обретение иного, чуждого существования.

В сказке «Nixe Binsefuß» русалка, обитающая на льду, предстает в образе нечистой силы, угрожающей рыбаку и его семье. Она обещает богатство и счастье, но ее обещания полны лжи и обмана. «Komm, mir mit deinen Netzen! / Die will ich schon zerfetzen!» [13, с. 780] («Приди ко мне со своими сетями! / Я их уже разорву!»). Эта сказка подчеркивает опасность контактов с потусторонними силами и необходимость соблюдения границ между мирами.

В сказке «Zwei Liebchen» фрау Доне, госпожа Дуная, дарует возлюбленным подарки, которые, казалось бы, должны принести им счастье. Однако эти подарки, связанные с миром воды, в конечном итоге приводят к их гибели: «Die Liebchen schwimmen tot ans Land, / Er hüben und sie drüben» [13, с. 782] («Возлюбленные плывут мертвые к суше / Он по одну сторону, она по другую»). Эта сказка демонстрирует амбивалентность даров природы, которые могут быть как благом, так и проклятием.

В сказке «Der Zauberleuchtturm» отсутствие явного образа водной девы компенсируется символическим присутствием в виде волшебного маяка. Маяк, как и русалки, заманивает путников, обещая им спасение, но оказывается лишь обманом, приводящим к катастрофе. «Herr Gott im Himmel, steh uns bei» [13, с. 784] («Господь Бог на небесах, помоги нам»). Эта сказка акцентирует внимание на опасности иллюзий и необходимости полагаться на собственные силы и веру.

Таким образом, в цикле «Сказок о морях и русалках» образ «водной девы» неразрывно связан с мотивами гибели, соблазна и обмана. Он представляет собой символ опасности, подстерегающей человека на границе между миром природы и миром культуры.

В образе прекрасной Лау существует такой мотив, как поиск своей идентичности и трагическая судьба.

В новелле «История прекрасной Лау» образ «водной девы» приобретает большую психологическую глубину и сложность. Лау, дочь короля и русалки, оказывается втянутой в конфликт между двумя мирами – миром природы и миром людей. Она не может найти свое место ни в одном из них, испытывая тоску по утраченной гармонии и страдая от непонимания окружающих.

Лау, проклятая за вечный смех, ищет возможность вернуться в свой родной мир, но ее попытки оказываются тщетными. Она выходит замуж за человека, но не может приспособиться к его миру, оставаясь чуждой и непонятой. В конечном итоге она возвращается в воду, но и там не может обрести прежнее счастье.

История Лау – это трагедия поиска идентичности и невозможности примирения с миром. Она символизирует человека, оторванного от своих корней и не способного найти свое место в жизни.

Символика и мотивы образа водяной девы в новелле «Ундина»:

– Образ Водяной Девы предстает в нескольких ипостасях: как прекрасная дева Лау, обитающая в источнике Блаутопф, и как загадочная Ундина, являющаяся графу Эбергарду. Вода, как среда обитания этих персонажей, символизирует:

– Бессознательное: Вода – это глубины подсознания, иррациональные силы, скрытые желания и страхи. «Der See ist tief und kann vieles Bergen» («Озеро глубоко и может многое скрыть»), – пишет Мёрике, подчеркивая таинственность и непредсказуемость водной стихии.

– Природное начало: Водяные девы – это олицетворение природной красоты, стихийной силы и свободы от общественных условностей. Они чужды миру людей, но влекут к себе своей первозданной чистотой. «Sie war so rein und unbefleckt wie das Wasser, aus dem sie kam» («Она была так чиста и незапятнана, как вода, из которой она произошла»), – описывает Мёрике Лау, подчеркивая её связь с природой.

– Двойственность: Вода одновременно дарует жизнь и несет смерть, она может быть спокойной и бурной, прозрачной и мутной. Эта двойственность отражается и в образе Водяной Девы, которая может быть прекрасной и опасной, любящей и мстительной [5, 14].

В новелле прослеживается такой мотив как поиск идентичности: Лау ищет свое место в человеческом мире. Она пытается понять, что значит быть человеком, но в конечном итоге осознает свою несовместимость с этим миром. «Ich bin nicht von hier, ich gehöre zum Wasser» («Я не отсюда, я принадлежу воде»), – говорит она, подчеркивая свою невозможность жить в реальном мире людей.

Психологические аспекты образа «водной девы» у Э. Мёрике.

Образ «водной девы» у Э. Мёрике имеет глубокий психологический подтекст. Он может рассматриваться как проекция внутренних конфликтов и желаний автора.

Влечение к иррациональному: Мёрике, как и многие романтики, испытывал влечение к иррациональному, к миру фантазии и мистики. Образ «водной девы» воплощает это влечение, представляя собой альтернативу рациональному и упорядоченному миру человеческого общества.

Страх перед женским началом: Водяная дева – это также образ сильной и независимой женщины, которая не подчиняется общественным нормам и правилам. Этот образ может вызывать как восхищение, так и страх, отражая амбивалентное отношение Э. Мёрике к женскому началу.

Тоска по утраченной гармонии: Образ «водной девы» может рассматриваться как символ утраченной гармонии с природой, тоска по невинности и первозданной чистоте. Э. Мёрике, как и многие его современники, чувствовал отчуждение от мира, вызванное развитием цивилизации и индустриализации [1].

Социально-критические мотивы в творчестве Э. Мёрике.

Образ «водной девы» в творчестве писателя несет в себе и элементы социальной критики. Столкновение мира природы и мира культуры, которое лежит в основе многих его произведений, отражает разочарование автора в современном ему обществе, его критическое отношение к буржуазной морали и ценностям.

Гибель героев, вступающих в контакт с миром «водных дев», может рассматриваться как метафора гибели человечности под влиянием социальных сил. Образ «водной девы» становится символом протеста против отчуждения, лицемерия и духовной пустоты современного общества [1, 11].

Выводы

Образ «водной девы» в творчестве Эдуарда Мёрике – это сложный и многогранный феномен, который может быть интерпретирован на различных уровнях: мифологическом, психологическом и социокультурном. Он является отражением мировоззрения поэта, его тоски по утраченной гармонии, его критического отношения к современному ему обществу и его влечения к иррациональному и таинственному.

Амбивалентность этого образа, сочетающего в себе красоту и опасность, очарование и гибель, делает его особенно притягательным и позволяет раскрыть глубокие философские вопросы о природе человека, его месте в мире и его отношениях с потусторонними силами.

Творчество Мёрике, в котором образ «водной девы» занимает центральное место, продолжает привлекать внимание читателей и исследователей своей лирической глубиной, психологической тонкостью и философской значимостью.

Список источников

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб: Азбука-классика, 2001. 510 с.
2. Бучилина Ю.Н. Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.2. Нижний Новгород, 2009. 22 с.
3. Гримм Я. Немецкая мифология. М.: Директ-Медиа, 2007. 45 с.
4. Нюрнберг О. Лорелея. Легенды средневековой Европы // Партнер. 2003. № 74 (11). С. 10 – 14.
5. Парацельс. О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и прочих духах. М.: Эксмо, 2005. 400 с.
6. Сухова А.П. Образ Лорелеи в немецкой романтической литературе // Поэтический текст и текст культуры: Международный сборник научных трудов. Томск, 2004. С. 118 – 202.
7. Brentano C. Lore Lay. 1801-1802. 78 p.
8. Fouqué Friedrich de la Motte. Undine. 1811. 97 p.
9. Heine H. Die Lorelei. 1823. 95 p.
10. Mörike E. Sämtliche Werke in zwei Bänden. München, 1967. 145 p.
11. Mertens V. Melusinen, Undinen. Variationen des Mythos vom 12. Jahrhundert // Festschrift Walter Haug und Burghart Wachinger. Tübingen, 1992. P. 201 – 232.
12. Müller W. Germanische Mythologie. Bohmeier, 2008. 216 с.
13. Eichendorff J. Die Saale. 1815. 156 p.

References

1. Berkovsky N.Ya. Romanticism in Germany. SPb: Azbuka-classic, 2001. 510 p.
2. Buchilina Yu.N. Mythological archetypes of the "Song of the Nibelungs" and their interpretation in German literature of the 19th century: dis. ... Cand. Philological sciences: 5.9.2. Nizhny Novgorod, 2009. 22 p.
3. Grimm J. German mythology. Moscow: Direct-Media, 2007. 45 p.
4. Nuremberg O. Lorelei. Legends of medieval Europe. Partner. 2003. No. 74 (11). P. 10 – 14.
5. Paracelsus. About nymphs, sylphs, pygmies, salamanders and other spirits. M.: Eksmo, 2005. 400 p.
6. Sukhova A.P. The Image of Lorelei in German Romantic Literature. Poetic Text and Cultural Text: International Collection of Scientific Works. Tomsk, 2004. P. 118 – 202.
7. Brentano C. Lore Lay. 1801-1802. 78 p.
8. Fouqué Friedrich de la Motte. Undine. 1811. 97 p.
9. Heine H. Die Lorelei. 1823. 95 p.
10. Mörike E. Sämtliche Werke in zwei Bänden. Munich, 1967. 145 p.
11. Mertens V. Melusinen, Undinen. Variationen des Mythos vom 12. Jahrhundert. Festschrift Walter Haug und Burghart Wachinger. Tübingen, 1992. P. 201 – 232.

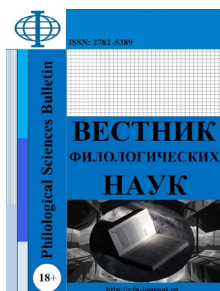
12. Müller W. Germanische Mythologie. Bohmeier, 2008. 216 p.

13. Eichendorff J. Die Saale. 1815. 156 p.

Информация об авторах

Морозов Д.Л., кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Арзамасский гуманитарно-педагогический институт им. А.П. Гайдара – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, morozoff10@rambler.ru

© Морозов Д.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-2

¹ Пономарев П.А.

¹ Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова

Особенности перевода произведений Джоан Роулинг на русский и французский язык (на примере книги «Гарри Поттер и кубок огня»)

Аннотация: статья посвящена анализу особенности перевода романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» на русский и французский языки. В центре внимания находится три ключевых аспекта, затрагивающие сложности перевода и способствующие более глубокому пониманию его стратегии. Первый аспект исследования посвящен выявлению элементов обуславливающих сложности перевода произведения о Гарри Поттере в целом. Здесь речь идёт не только о лингвистических проблемах, но и о более глубоких семантических нюансах. Второй аспект исследования сосредоточен на изображении французского акцента в оригинальном тексте и способах его передачи в русском и французском переводах. Здесь важно отмечается разница в подходах. Если в русском переводе достаточно показать акцент, то переводчик на французский язык столкнулась с задачей, как передать акцент так, чтобы он был понятен французским читателям, не вызывая при этом ощущение искусственности. Третий аспект исследования посвящен переводу имён собственных. Это является одной из наиболее сложных задач. Особенно сложно переводить имена собственные, которые несут в себе определённую тематическую нагрузку.

Ключевые слова: произведения Дж. Роулинг, перевод на французский и русский язык, персонажи, имена собственные

Для цитирования: Пономарев П.А. Особенности перевода произведений Джоан Роулинг на русский и французский язык (на примере книги «Гарри Поттер и кубок огня») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 119 – 125.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Ponomarev P.A.

¹ Baltic State Technical University «VOENMEH»
named after D.F. Ustinov

Features of translation of J.K. Rowling's works into Russian and French (based on the book «Harry Potter and the Goblet of Fire»)

Abstract: this article analyzes the features of translating J.K. Rowling's novel «Harry Potter and the Goblet of Fire» into Russian and French. The focus is on three key aspects that address the challenges of translation and contribute to a deeper understanding of its strategy. The first aspect of the research is devoted to identifying the elements that cause difficulties in translating the works about Harry Potter in general. This includes not only linguistic problems but also deeper semantic nuances. The second aspect of the study focuses on the representation of the French accent in the original text and the ways it is conveyed in the Russian and French translations. The difference in approaches is highlighted here. While in the Russian translation it is sufficient to indicate the accent, the

French translator faced the challenge of conveying the accent in a way that is understandable to French readers without seeming artificial. The third aspect of the research is devoted to the translation of proper names. This is one of the most challenging tasks. It is especially difficult to translate proper names that carry a certain thematic meaning.

Keywords: J.K. Rowling's works, translation into French and Russian, characters, proper names

For citation: Ponomarev P.A. Features of translation of J.K. Rowling's works into Russian and French (based on the book «Harry Potter and the Goblet of Fire»). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 119 – 125.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Произведения Джоан Роулинг о Гарри Поттере представляют собой уникальное явление в литературе, мастерски сплетая воедино элементы различных жанров. Мы видим здесь захватывающий детективный сюжет, волшебство классической сказки и конечно же неотъемлемую составляющую фэнтези-литературы. Эта удивительная смесь жанров особенно ярко проявляется в именах собственных – персонажей, мест и предметов, населяющих волшебный мир или с ним соприкасающихся.

Выбор темы, посвященной особенностям перевода имен собственных в романах Джоан Роулинг о Гарри Поттере, обусловлен прежде всего тем, что несмотря на то, что книга была выпущена довольно давно, исследователи обращаются к ней снова и снова, находя все новые культурные и языковые коды и смыслы. С другой стороны, к ней постоянно обращаются читатели, можно сказать, со всего мира, которых привлекает волшебный мир, яркие персонажи и захватывающий сюжет.

Поэтому еще одной из причин обращения к этой теме послужили многочисленные вопросы, возникающие у читателей при сравнении оригинального текста с его переводами. Активное обсуждение данной проблематики можно встретить на различных форумах, профессиональных и любительских дискуссионных площадках. На форумах можно встретить самые разные, порой диаметрально противоположные точки зрения, что лишь усиливает интерес к этой теме и подтверждает актуальность исследования.

Целью исследования является выявление особенности перевода ключевых тем в книге Дж. Роулинг о Гарри Поттере [1] для русских и французских читателей. Для анализа в русском переводе была выбрана книга «Гарри Поттер и Кубок огня» издательства «РОСМЭН» в переводе М. Литвиновой [2]. Основой французского перевода, стала аналогичная книга Harry Potter Et la Coupe de Feu в переводе Джина Франсуа Менарда (Jean-Francois Menard) [3].

В качестве задач исследования были определены следующие:

- выявление элементов, определяющих сложность перевода книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере;
- определение особенностей перевода книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере на русский и французский языки книги «Гарри Поттер и Кубок огня».

Говоря о переводе текстов с одного языка на другой, следует привести высказывание выдающегося отечественного лингвиста Л.С. Бархударова: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [4].

Изучение тонкостей перевода, представляется особенно значимой темой. Сравнительный анализ русского и французского переводов имен собственных в «поттериане» позволяет присмотреть под другим углом на лингвистическую специфику английского и французского языков, их грамматическую структуру и лексические особенности [5]. Это обеспечивает более осознанный и грамотный подход к анализу перевода имен собственных в книгах о Гарри Поттере.

В произведениях Дж. Роулинг богатый, разнообразный и фантастический мир имен собственных можно условно разделить на три группы. Это имена действующих лиц; названия фантастических и реально существующих животных; топонимика мест, где разворачивается действие (таблица 1).

Нельзя не отметить тот факт, что перевод этих имен на другие языки становится сложной задачей, особенно, когда речь идет о, так называемых «говорящих именах», несущих в себе глубокий смысл, отсылающих к историческим событиям, или культурным реалиям, обладающих яркой образностью, например, имя Волен-де Морт, помимо звучания, несет в себе смысловую нагрузку, которая может быть утеряна при неверном переводе. Эта проблема многогранна. Переводчик сталкивается с дилеммой, сохранить оригинальное звучание утратив семантическую полноценность, или же передать смысл, пожертвовав при этом фоне-

тическим сходством с оригиналом [6]. Многие специалисты считают, что имена собственные – это важнейший элемент национальной и культурной идентификации. Они являются своеобразными маркерами «Говорящие имена» изначально дают возможность понять характер персонажа, а в дальнейшем определяют его роль и сюжетную линию. В произведениях Дж. Роулинг часто используются «говорящие имена», которые требуют понимания множества их смысловых подтекстов, а также знания исторических традиций английской культуры и литературы. Именно эта часть имен собственных представляет сложность для перевода. Анализ имен собственных позволяет разделить их на следующие типы (таблица 2).

Таблица 1

Имена действующих лиц и мест в книгах о Гарри Поттере.

Table 1

Names of characters and places in the Harry Potter books.

Имена действующих лиц	Имена и названия фантастических существ и животных	Топонимика мест, где разворачивается действие
Гарри Джеймс Поттер (Harry Potter)	Добби (Dobby) – домовый эльф	Хогвардс (Hogwarts)
Рональд Уизли (Ronald Weasley)	Грохх (Grawp) – великан, младший брат Хагрида	Город Литтл Уингинг (Little Whinging)
Гермиона Джин Грейнджер (Hermione Granger)	Крюкохват (Griphook) – гоблин, работник банка Гринготтс	Улица Тисовая (Privet Drive)
Невилл Долгопупс (Neville Longbottom)	Флоренц (Firenze) кентавр	Косая Аллея (Diagon Alley)
Драко Малфой (Draco Malfoy)	Фоукс (Fawkes) – птица феникс	Вокзал Кингс-Кросс платформа 9¾
Альбус Дамблдор (Albus Dumbledore)	Живоглот (Crookshanks) – кот Гермионы	Азкабан (Azkaban)

Таблица 2

Типы имен в произведениях о Гарри Поттере

Table 2

Types of names in the Harry Potter

Имена, которые могут встречаться в реальном мире	Выдуманные имена		
	Говорящие имена (односложной структуры)	Имеющие несколько составных частей	Сложносоставные слова (чаще всего это слова-гибриды)
ПРИМЕРЫ			
Harry Potter / Гарри Поттер	Severus Snape (основа: severe – строгий, суровый) / Северус Снегг	Nearly Headless Nick / Почти Безголовый Ник	Neville Longbottom (основы: long – длинный; bottom – дно, груб. – зад) / Невилл Долгопупс
Oliver Wood / Оливер Вуд	Sprout (основа: sprout – отросток, росток, побег) / Стебель	Mad-Eye Moody / Грозный Глаз Грюм	Gilderoy Lockhart (основы: gild – золотить; lock – локон; hart – молодой олень) / Златопуст Локонс
Ron Weasley / Рон Уизли	Moaning Myrtle (moan – стонать; поэт. – оплакивать; myrtle – бот. – мирт) – Плакса Миртл		

Существует три основных метода перевода собственных имен. Это транслитерация (побуквенный перевод), транскрипция (написание слова исходя из его звучания) и калькирование.

Вопрос точного и корректного перевода имен собственных в художественной литературе – задача, требующая особого подхода. Многие исследователи подчеркивают, что имена собственные являются носителями культурной и национальной идентичности. Они несут в себе семантическую нагрузку, часто отражая историю происхождения или характер персонажа [7]. Поэтому простое механическое копирование звучания с помощью транскрипции или транслитерации, зачастую оказывается недостаточным для адекватного восприятия произведения. Такой подход игнорирующей «глубину», сущность имени лишает его голоса, заглушает его смысловую составляющую, лишая его той роли, которую автор изначально заложил в него.

Поэтому перевод имен собственных с помощью транслитерации или транслитерации является совершенно неприемлемым путем. В подобных случаях необходимо найти эквивалент в языке перевода учитывающий как звучание, так и смысловую нагрузку.

Еще одной важной задачей перевода, является учет уже устоявшейся традиции перевода в конкретном языке, если для какого-либо имени уже существует общепринятый вариант. Отклонения от него может вызвать не понимание у читателя, исказить восприятия текста, это особенно важно для известных литературных произведений, где имена героев являются ключевыми элементами идентификации персонажа. Поэтому переводчик классической литературы при выборе стратегии перевода должен тщательно взвешивать все факторы стремясь к достижению баланса между точностью передачи национальный специфики и удобным восприятием читателями текста.

Например, имена Harry или Ron имеют побуквенный перевод, а фамилия Wood переводится исходя из транскрипции этого слова. Перевод в виде калькирования можно также разделить на два типа. Так, имя привидения Nearly Headless Nick имеет дословный перевод (Почти Безголовый Ник). В свою очередь, фамилия учителя защиты от темных сил Gilderoy Lockhart была переведена как Златопуст Локонс, то есть при сохранении основы его имени и фамилии, в русский перевод была привнесена еще и характеристика этого персонажа: известно, что Златопуст Локонс выдумывал свои невероятные подвиги, на самом деле, не владея даже простыми заклинаниями.

Рассмотрим еще один пример, который связан с переводом имени кошки смотрителя Хогвардса – Mrs. Norris. У английского читателя это имя ассоциируется с хорошо известным в англоязычной культуре персонажем из романа Джейн Остин «Мэнсфилд-парк», где его носит слывшаяся своим исключительно вредным характером героиня. В русском издании имя кошки имеет побуквенный перевод – Миссис Норрис, и не вызывает никаких ассоциаций, касающихся характера и особенностей этого персонажа. Французский переводчик подошел к переводу этого имени иначе, назвав кошку Miss Teigne. Это слово переводится как «паршивая тварь, лишай, моль» и т.д., и, в общем, характеризует персонажа как довольно неприятное существо.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов выявления особенности перевода ключевых тем в книге Дж. Роулинг о Гарри Поттере для русских и французских читателей применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ по исследуемой теме. Кроме этого применялся сравнительный анализ существующих переводов книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и кубок огня». Сравнительный анализ интересен именно для этого произведения, поскольку во французской версии книги переводчику приходилось находить нестандартные методы для изображения французских гостей и их речь.

Результаты и обсуждения

Необходимо обратить внимание на то, что имя собственное, согласно определениям, принятым в лингвистике, представляет собой слово, словосочетание, или даже предложение, служащие для выделения конкретного объекта из множества подобных. Имя собственное индивидуализирует и идентифицирует этот объект, определяя его уникальность. Другими словами, имя собственное – это уникальный идентификатор, обозначающий предмет вне зависимости от контекста и не требующий дополнительных уточнений. В случае с художественным переводом, а тем более с такими популярными произведениями, как книги о Гарри Поттере, важность точного и корректного перевода имен собственных возрастает многократно, так как от этого зависит понимание и восприятие всего контекста произведения. В произведениях Дж. Роулинг о Гарри Поттере все персонажи имеют свою историю, свой характер и свою судьбу [8]. Следует отметить, что для определения особенностей персонажей некоторые из них имеют «говорящие фамилии», имеют прототипы литературных героев или связаны с конкретными людьми.

Начнем с главного героя. Многие авторы статей о произведениях Джоан Кетлин Роулинг отмечают, что выбор имени для главного героя связан с воспоминаниями детства автора книги. Так, Гарри Поттер получил свою фамилию в честь ее друга детства Джо Иэна Поттера, с которым Роулинг в детстве играла в волшебников. Интересно обстоит дело с именем Гарри, прямой перевод которого не дает нам никаких ассоциаций. Однако, как отмечает С.Ю. Капкова, в своем нарицательном значении существительное harry (от греч. *koiranos*) переводится, как командир. Извечный противник главного героя, его антипод – это лорд Волан-де-морт (Lord Voldemort). Этот антигерой имеет несколько названий. В разговоре между собой персонажи книги называют его You – Know – Who (Сами-Знаете-Кто). А в книге «Гарри Поттер и тайная комната» при переводе имени Tom Marvolo Riddle путем перестановки букв имени получалась фраза: «I am Lord Voldemort». В русском переводе присутствует лишь частичное совпадение букв имени и фамилии темного волшебника Тома Марволо Реддла и имени лорда Волан-де-морта. Во французском переводе для достижения полного соответствия двух имен были заменены имя и фамилия персонажа. Marvolo Riddle (в оригина-

ле) стал Elvis Jedusor. Таким образом, происходит полное совпадение букв двух имен Tom Elvis Jedusor – Je suis Voldemort. Говоря о французском переводе имени этого персонажа, следует отметить, что «vol de mort» означает полёт смерти или мёртвых (vol = flight, de = of, mort = death). Таким образом, темный лорд во французском языке изначально несет отрицательную окраску. Особенность французского перевода связана с наличием в корнях имен и фамилий основных персонажей заимствований из латинских и греческих языков. Рассмотрим примеры (таблица 3).

Таблица 3

Особенность французского перевода имен и фамилий основных персонажей.

Table 3

A feature of the French translation of the names and surnames of the main characters.

Имена (фамилии) персонажей с основой, заимствованной из латинского и греческого языков	Примечание (значение смежного имени или фамилии)
Minerva McGonagall (Минерва МакГонагалл)	Минерва – римская богиня воинов и мудрости Фамилия (приставка Mc демонстрирует шотландское происхождение)
Remus Lupin (Ремус Люпин)	"lupus" – по-латыни "волк" Ремус – от имени "Рем" (один из братьев – основателей Рима, вскормленных волчицей)
Draco Malfoy (Драко Малфой)	От лат. "maleficus" – "злодей" draco – «дракон» или "змея" В переводе с французского "malfoi" "вероломство"
Argus Filch (Аргус Филч)	Аргус – великан из греческой мифологии, в переносном значении аргус – бдительный страж Filch – по-английски «воровать», как правило, украдкой, исподтишка
Sirius Black (Сириус Блэк)	Сириус – звезда в созвездии Большого Пса «black» – черный

Также из таблицы видно, что при использовании в словообразовании имен собственных слов из разных языков усиливаются ассоциации при восприятии характеров персонажей. Например, Sirius Black – крестный Гарри Поттера – будучи «анимагом», обладал способностью превращаться в большую чёрную собаку, и это мы можем прочесть по его имени. Имя этого персонажа означает «звезда в созвездии Большого Пса», а фамилия – «черный». В свою очередь, Ремус Люпин (чья фамилия происходит от латинского "lupus" – «волк») является оборотнем и в полнолуние превращается именно в волка.

Интересным является подход к переводу слова «muggle». Это слово, обозначающее людей, не относящихся к миру волшебников (в русском переводе «магл»), созвучно слову «muddled», что значит «глупый, сбитый с толку человек». Французский перевод сохранил эти ассоциации. В этом переводе слову «muggle» соответствует «moldu» – от французского слова mol, что значит «мягкий, слабый». То есть moldu – это люди, немного слабые на голову [8].

Анализируя перевод произведений Дж.К. Ролинг на русский язык можно отметить, что большинство слов остаются такими, какие они звучат в оригинальном тексте. Во французской версии книги переводчик использует более ассоциативные приемы.

Выбор для анализа книги «Гарри Поттер и кубок огня» не случаен, поскольку именно это произведение наиболее интересно с точки зрения перевода. По ее сюжету в Хогвардс съезжаются волшебные школы из разных стран для проведения соревнования за обладание Кубка Трех Волшебников.

Одной из таких иностранных школ является Beauxbatons (в русском переводе Шармбатон, во французском – Beauxbatons) из Франции. Их прибытие в книге описывается так:

В оригинале: As the gigantic black shape skimmed over the treetops of the Forbidden Forest and the lights shining from the castle windows hit it, they saw a gigantic, powder-blue, horse-drawn carriage, the size of a large house, soaring toward them, pulled through the air by a dozen winged horses, all palominos, and each the size of an elephant [1].

В русском переводе: Гигантская черная тень почти касалась верхушек деревьев. Льющийся из окон замка свет озарил приближающееся чудо – огромную синюю карету, подобную башне. Ее тянула по воздуху дюжина крылатых золотых коней с развевающимися белыми гривами, каждый величиной со слона [2].

Во французском издании: Dennis était plus proche de la vérité... La gigantesque forme noire qui avançait au-dessus de la cime des arbres fut peu à peu éclairée par les lumières du château et ils distinguèrent alors un immense car-

rose bleu pastel tire par des cheausgeants. Le carroseavait la tailléd'unemaision et seuxtirédqns les airs pqrnedou-
zaine de chevauxailé, tous des palominos chacun de la taille d'un éléphqnt [3].

С первых строк, когда мы узнаем о прибытии французской школы, мы обнаруживаем в речи Мадам Максим французский акцент. В оригинале он отображается следующим образом:

- Dumbly-dort, – said Madame Maxime in a deep voice. – I 'ope I find you well?
- Warm up, I think, – said Madame Maxime. "But ze 'orses-".
- "My steeds require – er – forceful 'andling," said Madame Maxime, looking as though she doubted whether any Care of Magical Creatures teacher at Hogwarts could be up to the job. "Zey are very strong..." [1].

Мы узнаем французский акцент в английском тексте по наличию апострофов в словах, особенно на месте буквы «Н», которая по правилам французского языка не произносится; замене сочетания букв “th” на “z”, а также по смягчению некоторых согласных (такое произношение свойственно для французского, но в английском мягкие согласные отсутствуют). Вот несколько этих же фраз в русском переводе:

- Дамблёрд, – произнесла мадам Максим грудным голосом. – Надеюсь, вы пребываете в добром зд'гавии?
- Ка'г-ка'гов уже приехал?
- Ошненьхо'гошо! – слегка поклонилась мадам Максим. – Передайте, пожалуйста, мсье 'Агриду что пьют мои кони только ячменный виски [2].

В русском переводе французский акцент в тексте представлен наличием мягкой буквы “л” в фамилии Дамблёрд, заменой в словах буквы «р» на букву «г» при изображении «французской картавости»; апострофами, обозначающими произношение слова прерывисто по слогам; отсутствием в словах звука «х», что превращает Хагрида в 'Агрида, соответственно Гарри в 'Ари; а слово «очень» представлено так как будто оно написано, как «ошнень», поэтому ch прочитывается по-французски, как «ш».

Но наибольшую трудность перевод французского акцента составил для французского переводчика. Джин Франсуа Менард говорил говорил: «Невозможно было переводить, так как вы не можете писать по-французски с французским акцентом» [9]. Как же переводчик выходит из положения, передавая разговор своих соотечественников, которые в книге говорят по английский с французским акцентом? Менард нашел такой выход: он дал персонажам особый стиль разговора.

Вот как описывает это сам переводчик: «Мадам Максим была француженкой-снобом, поэтому она говорила очень правильно и красиво». А «Флер имела традиционную французскую надменность», поэтому она говорила с соответствующими нотками в голосе. «Это очень по-французски!» – охарактеризовал Менард манеры Флер [10]. При этом в остальном тексте переводчик стремился наиболее полно передать атмосферу того, что читатели находятся в Англии.

Выводы

1. Наибольшую трудность при переводе оригинального текста на другие языки имеют имена собственные персонажей.
2. Переводчик постоянно стоит перед выбором средств перевода имен собственных (транслитерация, транскрипция, калькирование или полная замена соответствующим словом) для создания полноты ощущения от произведения – оригинала.
3. Передача иностранной речи в другом языке выполняется по стереотипу восприятия акцента в разговорной речи.
4. Особенность французского перевода имен собственных связана с наличием в корнях имен и фамилий персонажей заимствований из латинского языка, что облегчает их восприятие читателями (учитывая тот факт, что французский язык принадлежит к романской группе и многие заимствования латыни могут быть интуитивно понятны носителям французского).
5. Данная особенность не распространяется на перевод имён собственных на русский язык, в связи с чем большинство слов переводится по принципу транслитерации.

Список источников

1. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Bloomsbury Publishing. 2007. 680 p.
2. Rowling J.K. Harry Potter Et la Coupe de Feu. Folio Junior. Gallimard, 2007. 775 p.
3. Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и Кубок огня. 2007. 620 с.
4. Лингвистический Энциклопедический словарь / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/473b> (дата обращения: 07.05.2025).
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Международные отношения. М., 1975. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/barhud-trdoc.shtml (дата обращения: 07.05.2025).

6. Газизова Л.В. Трудности перевода имен собственных (на материале перевода романа Тони Моррисон «Песнь Соломона») // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 35 (173). С. 42 – 47.

7. Любимые книги журналиста: Мой собственный перевод статьи «Translatibility of “Harry Potter” by Miranda Moory». URL: <http://drusha.msk.ru/books.translatibilityofharrypotterrus.html> (дата обращения: 07.05.2025).

8. Капкова С.Ю. Перевод личных имен и реалий в произведении Дж. Ролинг Гарри Поттер и Тайная комната // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 54 – 59.

9. Перевезенцева Н.В. Особенности перевода имен собственных на примере сказок. 2005. С. 13 – 21.

10. Зимовец Н.В. К вопросу о значении и переводе имени «Гарри Поттер» в романах Дж.К. Роулинг // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2011. № 5. С. 87 – 92. URL: <http://vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/3/2011/5/st14.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

References

1. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Bloomsbury Publishing. 2007. 680 p.
2. Rowling J.K. Harry Potter Et la Coupe de Feu. Folio Junior. Gallimard, 2007. 775 p.
3. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. 2007. 620 p.
4. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. V.N. Yartsev. Moscow: "Soviet Encyclopedia", 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/473b> (date of access: 07.05.2025).
5. Barkhudarov L.S. Language and Translation (Problems of General and Specific Theory of Translation). International Relations. M., 1975. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/barhud-trdoc.shtml (date of access: 07.05.2025).
6. Gazizova L.V. Difficulties in translating proper names (based on the translation of Toni Morrison's novel "Song of Solomon"). Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism. 2009. No. 35 (173). P. 42 – 47.
7. Favorite books of a journalist: My own translation of the article "Translatibility of "Harry Potter" by Miranda Moory". URL: <http://drusha.msk.ru/books.translatibilityofharrypotterrus.html> (date of access: 07.05.2025).
8. Kapkova S.Yu. Translation of personal names and realia in the work of J.K. Rowling Harry Potter and the Chamber of Secrets. Bulletin of Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication". 2004. No. 1. P. 54 – 59.
9. Perevezentseva N.V. Features of the translation of proper names on the example of fairy tales. 2005. P. 13 – 21.
10. Zimovets N.V. On the meaning and translation of the name "Harry Potter" in the novels of J.K. Rowling. Bulletin of Moscow state regional University. Series: Linguistics. 2011. No. 5. P. 87 – 92. URL: <http://vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/3/2011/5/st14.pdf> (date of access: 07.05.2025).

Информация об авторах

Пономарев П.А., Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, pitterka371@gmail.com

© Пономарев П.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 80.08

¹ Суфэйнуэр Сайфудин

¹ Китайский университет Минцзу

Особенности татарского языка в Китае и угроза его исчезновения

Аннотация: языковой контакт представляет собой значимый внешний фактор, влияющий на эволюцию языка. Хотя лингвистическое взаимодействие обычно является двусторонним, миноритарные языки более восприимчивы к интерференции со стороны доминирующих языков, что приводит к вариациям на фонологическом, лексическом и грамматическом уровнях. Татарский этнос в Китае, признанный одним из самых малочисленных национальных меньшинств, исторически поддерживал тесные связи с ханьской, уйгурской и казахской общинами. Со временем их язык ассимилировал значительные языковые элементы из этих соседних групп, превратившись в отчетливую гибридную форму татарского языка. В 1980-х и 1990-х годах татарский язык столкнулся с критической угрозой исчезновения, хотя в последние десятилетия наблюдается постепенное смягчение этого угрожающего статуса. Межэтнические браки стали как основным катализатором гибридных характеристик татарского языка, так и важным фактором его выживания, несмотря на угрозу исчезновения. Основываясь на данных полевых исследований, данное исследование систематически изучает гибридные черты татарского языка на фонологическом, грамматическом, лексическом и семантическом уровнях, анализируя при этом угрожаемый статус языка, его недавнее смягчение и факторы, способствующие этому, через призму моделей использования языка.

Ключевые слова: языковой контакт, язык китайских татар, характеристики смешанного языка, поддержание языков, находящихся под угрозой исчезновения, снижение статуса языка, находящегося под угрозой исчезновения

Для цитирования: Суфэйнуэр Сайфудин. Особенности татарского языка в Китае и угроза его исчезновения // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 126 – 139.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Sufeinuer Saifuding

¹ Minzu University of China

Peculiarities of the Tatar language in China and the threat of its extinction

Abstract: language contact constitutes a significant external factor influencing language evolution. While linguistic interactions are typically bidirectional, minority languages are more susceptible to interference from dominant languages, resulting in variations across phonological, lexical, and grammatical dimensions. The Tatar ethnic group in China, recognized as one of the nation's smallest minority populations, has maintained close historical ties with the Han, Uyghur, and Kazakh communities. Over time, their language has assimilated substantial linguistic elements from these neighboring groups, evolving into a distinct hybrid form of Tatar language. During the 1980s and 1990s, the Tatar language faced critical endangerment, though recent decades have witnessed a gradual mitigation of its endangered status. Interethnic marriage has emerged as both a primary catalyst for the hybrid characteristics of Tatar language and a crucial factor in its survival despite endangerment. Based on field research data, this study systematically examines the hybrid features of Tatar language across phonological, grammatical, lexical, and semantic

dimensions, while analyzing the language's endangered status, its recent mitigation, and contributing factors through the lens of language usage patterns.

Keywords: *language contact, Chinese Tatar language, characteristics of mixed language, maintenance of endangered languages, reduction of endangered language status*

For citation: Sufeinuer Saifuding. Peculiarities of the Tatar language in China and the threat of its extinction. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 126 – 139.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

В современной лингвистике особое значение придается изучению языковых контактов. Создана отдельная область науки, называемая «контактной лингвистикой», «лингвистикой языковых контактов» или «контактологией», которая исследует процессы взаимодействия языков и их результаты в конкретных геополитических условиях, в контексте исторических и социальных обстоятельств общения народов, этнических групп, этнических сообществ и отдельных коллективов, говорящих на различных языках [2].

Современная наука предпочитает использовать термин «языковые контакты», который охватывает более широкий спектр явлений, чем просто смешение языков, поскольку включает взаимодействие: 1) диалектов и вариаций внутри одного языка; 2) языков различных социальных групп, существующих в рамках одного языка; 3) родственных языков; 4) языков, различающихся по структуре. При этом существует общепринятая точка зрения, что речь о смешении языков уместна лишь в тех случаях, когда заимствования проявляются не только на уровне лексики, но и в фонетике и грамматике [2].

Татары, проживающие в Китае, являются частью трансграничной нации, к которой также относятся татары в Российской Федерации (включая Татарстан, Башкортостан, Крым и регионы Сибирского федерального округа) и в странах Центральной Азии. В Китае татары компактно проживают в татарском этническом поселке Дацюань, расположенном в уезде Цитай Чанцзи-Хуэйского автономного округа (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Кроме того, они проживают в городах Урумчи, Инин, Тачэн, а также в уездах Гунлю, Чжаосу, Эрминь и Тори (регион Тачэн), Бурджин, Хабахэ и Цинхэ (Алтайский край). Общая численность татарского населения в Китае составляет 3556 человек (по данным 2010 года). В декабре 1987 года была создана “Синьцзянская ассоциация исследований татарской культуры” (далее – “ассоциация исследований”) [3].

Материалы и методы исследований

Формирование и использование татарского языка.

История переселения татар восходит примерно к 1830 году, когда большое количество татар переехало из Казани, Уфы, Туниса, Сибири, Джайсана и других мест в Синьцзян, Китай. В 1950 году соответствующие ведомства признали татар, переехавших в Китай, татарами [7]. Они долгое время жили в гармонии и находились во взаимовлиянии с казахами и уйгурами, переехавшими в Китай, и постепенно сформировали «китайский» татарский и татарский язык, которые существенно отличаются от языка того места, откуда они переехали. Можно считать, что китайский татарский язык не является родным языком в Китае, а языком смешанного характера, сформированным после длительного контакта между языками зарубежных иммигрантов и казахским и уйгурским языками, что является результатом этнических обменов, связи и интеграции.

Китайские татары в основном делятся на две основные группы: во-первых, городские, которые, как правило, имеют более высокий уровень образования, и среди них больше людей, занятых в сфере образования, медицинского обслуживания и других отраслях, а также значительная доля приходится на партийные и правительственные органы, сотрудников предприятий и учреждений и бизнесменов; во-вторых группы земледельцев и скотоводов, проживающие в татарском этническом поселке Дацюань, разбросанном по пастбищам Северного Синьцзяна. Татары Дацюань являются потомками татар, которые в конце XIX века переехали из Казани (Татарстан), на пастбища Савыл в районе Тачэн (Синьцзян, Китай) (местные казахи называют их “ногайцы”). Они вступили в брак с местными казахами. Прожив в районе Тачэн 70 или 80 лет, в 1917 году они переехали в пастбищный район Байяньхэ Чанцзи-Хуэйского автономного округа и процветают по сей день. До того, как они переехали на нынешнее место жительства, они уже перешли на казахский язык.

В обычных условиях сохранение уязвимых языков зависит от стабильного языкового сообщества [10]. Татары, проживающие в Китае, сформировали три более стабильных языковых района: Урумчи, Инин и Тачэн. Это связано с этническим составом и языковой средой проживания татар в этих городах, так как Урумчи, Инин и Тачэн являются многонациональным городом. В этих городах, за исключением народности хань, основными этническими группами являются уйгуры и казахи, которые говорят на тюркских языках. Эти языки являются близкими родственниками татарского языка, и народы могут общаться “полу-билингвизмом”, то есть могут общаться таким образом, что они говорили своими собственными словами. Это долгосрочное коммуникативное состояние “полу-билингвизмом” является не только важным фактором, который привел к постепенному развитию татарского языка со смешанными языковыми характеристиками, но и одной из важных причин, по которой татарский язык находится в вымирающем состоянии, но не исчезает.

В дополнение к своему родному татарскому языку, который используется среди их этнических групп и в семьях, татары в основном применяют казахский и уйгурский языки. Татары, проживающие в городах, также говорят по-китайски и используют китайские иероглифы. С XIX века до начала XX века татары использовали арабский алфавит, поскольку они долгое время жили вместе с казахами или уйгурами, со временем перешли на казахский или уйгурский языки [5].

Особенности смешанных языков татарского языка.

Татарский язык находится не только под влиянием арабского и персидского языков, но и под влиянием русскоязычных регионов, где проживает основная часть татар, тем самым и впитав в себя больше русских заимствований.

Татары обосновались в Синьцзяне более ста лет назад и поддерживают прочные связи с уйгурами, казахами и ханьцами, тем самым оказавшись под влиянием этих языков. Степень взаимопонимания между татарами, уйгурами и казахами очень высока, так как в условиях длительного контакта между ними, особенно в условиях смешанных браков, смешение слов в татарском языке является заметным и имеет очевидные смешанные языковые характеристики. В основном это проявляется в четырех аспектах: произношение, грамматика, лексика и семантика.

Фонологическое представление характеристик смешанного языка.

Существует много фонетических слов с двумя произношениями.

Фонетические слова включают в себя два произношения гласных и согласных в словах. Они существуют не только при независимом произношении слов, но носитель языка может произнести одни и те же слова по-разному и считает, что обе формы произношения правильные. Такого рода фонетические слова с двумя произношениями – это не феномен одновременного речевого потока и фонологических изменений, а проявление особенностей языкового смешения. Например, фонетические слова с *i:ə* двумя произношениями в словах родственных титулов: *qajin-qajin ata* “свекор, тесть”, *qajin aqa* “свекровь, теща”; *qajən-qajən abzij* “старший брат мужа, старший брат жены”, *qajin ənə* “младший брат мужа, младший брат жены”, *qajən səjəl* “младшая сестра мужа, младшая сестра жены”. То есть на два произношения *qajin:qajən* не влияют последующие слоги с низким или высоким содержанием гласных. Это явление двух произношений вызвано смешением татарских и уйгурских или казахских форм произношения или сосуществованием синьцзян-татарских и русско-татарских форм произношения.

Слова с двумя произношениями гласных в слове.

Слова с двумя произношениями гласных в слове относятся к словам с одинаковым или в основном одинаковым произношением, за исключением гласных с двумя произношениями. В татарском языке насчитывается 9 гласных фонем, а в словах с двумя произношениями присутствуют почти все гласные фонемы. Например:

ɑ:ə два произношения: *tʃɑʃ:tʃɛʃ* волосы; *χat:χet* письмо; *jaŋɑ:jɛŋə* новый; *qatʃan:qetʃɛn* когда; *dʒigirma:dʒigirmɛ* двадцать; *χikɑje:χikeje* история; *zɑŋger:zɛŋger* синий.

ɑ:ə два произношения: *bofajka:bofajkə* свитер.

ɑ:i два произношения: *mundaj:mundij* такой; *fundaj:fundij* такой.

ɛ:i два произношения: *nitʃek:nitʃik* сколько; *segiz:sigəz* восемь.

o:u два произношения: *ol:ul* он, она, оно, тот; *zor:zur* большой; *oɟla: uɟla* думать, скучать.

ø:u два произношения: *øj:uj* семья, дом; *øjɾen:ujɾen* учиться; *køkej:kykej* яйцо.

i:ɛ два произношения: *min:men* я; *tiz:tez* быстро; *miŋ:meŋ* родинка; *kilen:kelen* жена.

u:i два произношения: *kujow:kijow* зять, жених, муж.

Слова с двумя произношениями согласных в слове.

Слова с двумя произношениями согласных в слове относятся к словам с одинаковым или в основном одинаковым произношением, за исключением согласных с двумя произношениями. В татарском языке 24 согласные фонемы, и большинство из них приходится на две согласные в слове. Кроме того, есть некоторые слова с двумя произношениями, которые не отличаются от определенной согласной в слове, и существуют различия в соответствии между гласными и согласными в слове. Например: согласная в начале слова *j:dʒ* с двумя произношениями: *jara:dʒara* рана; *jilək:dʒilək* костный мозг; *jyɖərək:dʒyɖərək* кулак; *jɪŋəl:dʒɪŋəl* легко; *jəl:dʒəl* год.

Некоторые специалисты по фонетике отметили, что в вышесказанных словах с двумя произношениями казанские татары произносят звук [j], а татары в Синьцзяне произносят звуки [dʒ] и [j] одинаково. В статьях некоторых специалистов по фонетике существует также феномен ослабления [dʒ] в [ʒ] и существует феномен двух произношений с [j], то есть слово с двумя произношениями *dʒ:j*. Ослабление [dʒ] до [ʒ] можно рассматривать как феномен одновременных фонологических изменений, так как *ʒ* является результатом ослабления [dʒ], на которое, очевидно, влияют особенности произношения казахского языка. В обсуждении личных высказываний носителя слово “год” появилось 19 раз (14 раз как *ʒil*, 5 раз как *jil*), из которых два предложения появились одновременно *ʒil* и *jil*; также появилось произношение слова “нет”. Феномен ослабления [dʒ] до [ʒ], фактическое произношение – *ʒoq*; в длинном своде загадок, пословиц и проклятий, которые он рассказывал, слово “нет” встречалось дважды, все в форме *joq*. Это еще раз доказывает, что *joq* и *dʒoq* – это слова с двумя произношениями, а [ʒ] – это вариантная форма [dʒ]. *p:f* два произношения: существует два произношения *p:f* в конце слога некоторых слов и в начале слога некоторых слов.

Два произношения в конце слогов: *tarap:taraf* – сторона; *sənpər:sənf* – класс; *maɣarəp:maɣarəf* – образование.

Два произношения в начале слогов: *pidagokika:fidaɣokika* – педагогический; *topəraq:tofəraq* – почва; *jaɣəraq:jafəraq* – листья.

В отличие от уйгурского и казахского языков, в татарском языке звук [f] является самостоятельной фонемой, которая встречается в родных словах, а также используется для написания русских, арабско-персидских и китайских заимствований. Причина, по которой она рассматривается как самостоятельная фонема, в основном основана на двух моментах: во-первых, звук [f] в некоторых татарских словах (включая исконные и заимствованные) не может быть заменен звуком *p*, то есть эти два звука не могут быть заменены. во-вторых, в татарском языке имеется большое количество заимствований из русского, арабско-персидского и китайского языков. Китайские татары не только способны произносить звук [f], но и обладают высокой степенью осознания и принятия звука [f].

k:g два произношения: *kyndzyt:gyndzyt* семена кунжута.

χ:k два произношения: *χəm:kəm* еще; *χəzər:kəzər* сейчас.

χ:q два произношения: *χəzmət:qəzmət* работа; *jaχfə:jaqfə* хорошо; *χurmət:qurmət* уважение.

tʃ:t два произношения: *tʃyʃən:tyʃən* понимание.

ɲ:m два произношения: *jaɲkər:jamkər* дождь.

d:t два произношения: *dørt:tört* четвертый.

ʃ:s два произношения: *tijʃlə:tijəslə* надо.

На первый взгляд, приведенные выше слова с двумя произношениями вызваны фонологическим ослаблением или чередованием фонологических слов, но даже если они произносятся отдельно, это два варианта произношения. Следовательно, их не следует классифицировать как одновременные фонологические изменения. Это явление в основном вызвано взаимодействием между татарами и уйгурами, казахами, синьцзян-татарами и русскими татарами. Например, (1) (9) явно подвержены влиянию казахского языка; (4) (7) явно подвержены влиянию уйгурского языка, и (2) очевидно подвержено влиянию уйгурского и казахского языков. Среди слов с двумя произношениями некоторые являются формами произношения разных индивидов, а некоторые – разными формами произношения одного и того же человека, и говорящий считает, что обе формы произношения правильные.

Под влиянием уйгурского языка наблюдается особый феномен ослабления речи татарского в Китае. В уйгурском языке существуют три особых типа ослабления гласных: *a*, *e* и *e*. Татарский язык подвергается влиянию этого явления, и в его речевом потоке также наблюдается неустойчивое ослабление гласной *a*. Обычно это ослабление проявляется в превращениях *a > e*, *a > i* и *a > ə* [8]. На ослабление гласной *a* влияет обратная ассимиляция гласных. Отдельное произношение некоторых слов является формой вариативного произношения. После добавления словообразовательных или формообразующих компонентов происходит ослабление гласной. Например, слово *sawda* «торговля», *səwdeɣer* «торговец» – корень последнего слова подвержен влиянию компонентов словосочетания, и гласная в основе ослаблена: *a > e*.

Такое ослабление находится в неустойчивом состоянии. Например, слова *sawda* «торговля» и при добавлении существительных формируют составные компоненты глаголов +*ɧ*, означающие взаимное состояние – в результате получается *sawdaɫɧ*, однако это не приводит к ослаблению гласных. Другой пример – слово *ojnij* «играть» (в настоящем, будущем времени, в третьем лице). В контексте предложений вроде *køgertɧinler køkte ojnij* «Голуби танцуют в воздухе» – ослабленная форма *ojna* означает «играть». В этом случае гласная *a* в основе глагола ослабляется до *i*. Также рассматривается слово *qara* – «смотреть», являющееся базовой формой. В форме *qarəj* «смотреть» (в настоящем, будущем времени, единственного числа, третьего лица) происходит ослабление гласной: *a > ə*.

Неупорядоченное представление фонетики и упорядоченные ограничения строения фонетической системы. Неупорядоченность в представлении фонетики и упорядоченные ограничения, накладываемые на структуру фонетической системы, приводят к тому, что использование татарского языка в фонетике, а также появление фонетических вариантов, часто кажутся случайными, не зависящими от социальных характеристик, контекста говорящего или даже индивидуального языкового стиля. Однако, благодаря влиянию как фонологической системы родного языка, так и принципам фонетического соответствия в семьях, это не мешает эффективному общению татар между собой. Напротив, это облегчает общение с уйгурами и казахами, способствуя своего рода ‘полу-билингвизму’. Например, слова, имеющие два варианта произношения начального согласного *j:dʒ*, обычно встречаются в контексте, где используется только один вариант, и легко распознаются татарскими пользователями. Это объясняется проблемами в 3 аспектах:

Во-первых, под совместным влиянием уйгурского и казахского языков фонологические “колебания” татарского языка вряд ли стабилизируются или упрочнятся. Это зависит не только от местной языковой среды, но и связано с малонаселенностью татарского народа, отсутствием письменности и различиями в уровне владения родным языком среди разных людей. Поэтому носители татарского языка обладают четким пониманием и распознают, а также принимают различные варианты произношения. Они считают, что наличие двух вариантов произношения для одного и того же слова – это нормальное явление, отражающее особенности татарского языка. Некоторые татары, особенно те, кто в последние годы учился или посещал родственников в Татарстане, лучше знакомы с “чистым” вариантом татарского языка. Вернувшись в Китай, они могут намеренно использовать эту “чистую” форму, однако, под влиянием языковой среды и языковых особенностей собеседника, в их речи вскоре вновь появляется феномен слов с двумя произношениями. Это дополнительно подтверждает особенности татарского языка как смешанного.

Во-вторых, при записи и обработке языкового материала, учитывая наличие двух и более вариантов произношения одного и того же слова, и даже преобладание форм, подвергшихся влиянию уйгурского или казахского языков, лингвистам следует стремиться к максимально точной фиксации. Не следует приводить языковой материал к форме “чистого” татарского языка или рассматривать один из вариантов произношения как производный от другого, по крайней мере, при записи слов с двумя произношениями и анализе длинных текстов. Такой подход к обработке языкового материала позволит не только отразить реальную картину устной речи на татарском языке, но и, поскольку татарский язык изначально содержал две независимые фонемы *j:dʒ*, не приведет к искажению структуры фонетической системы.

Грамматические проявления особенностей смешанного языка.

Грамматические особенности татарского смешанного языка проявляются как в грамматической форме слов, так и в структуре предложений.

Смешанные характеристики грамматических форм.

Особенности изменения грамматической формы в смешанном татарском языке проявляются, в основном, в образовании множественного числа, родительном, винительном, дательном (направительном), исходном и творительном (инструментальном) падежах, а также в формировании временных форм глаголов.

Суффикс множественного числа.

В «китайском» татарском языке к основам существительных и местоимений (преимущественно личных и указательных) добавляются суффиксы, а затем окончания множественного числа, при этом на выбор окончаний множественного числа оказывают влияние уйгурский, казахский и русский языки. В татарском языке существует четыре популярных варианта окончаний множественного числа *-lar* / *-ler* / *-nar* / *-ner*; форма *-dar* / *-ter* под влиянием казахского языка используется редко. Среди четырех рассматриваемых вариантов окончание множественного числа *-lar* / *-ler* используется более последовательно, в то время как использование *-nar* / *-ner* менее стабильно. Например, в речи одного из носителей языка зафиксированы следующие варианты: *malaj tuwkanlar* (“брат”) и *malaj tuwkanlar* (“двоюродные братья и сестры со стороны отца и матери”). Анализ трех автобиографий, написанных одним и тем же человеком в разное время, подтверждает эту тенденцию. В первой автобиографии, созданной после шести лет обучения в

Татарстане, слово *tuwkan* (“родственник”) в форме множественного числа встречалось 8 раз, при этом 6 раз использовалось окончание *-lar*, и по одному разу – окончания *-nar* и *-dar*. Во второй автобиографии из 7 употреблений множественного числа 6 приходилось на окончание *-lar* и 1 на *-nar*. В третьей автобиографии все 6 случаев употребления множественного числа были с окончанием *-nar*. Автобиографии расположены в хронологическом порядке. В первом тексте окончание *-dar*, очевидно, появилось под влиянием казахского языка. По мере написания текстов становится заметным усиление стремления к использованию “чистого” татарского языка”. На Сабантуе в речи президента исследовательской ассоциации прозвучала фраза: *sizderger rəxmet, xerqajsə dzirdan kilgen sizlerdəŋ qədemlarəŋzka mənəda min rəxmet aqtasəm kilə, rəxmet!* (“Спасибо, я хотел бы выразить свою благодарность вам за то, что вы приехали со всего мира, спасибо вам!”). Примечательно, что в данном контексте за личным местоимением *siz* (“вы, вы”) следуют окончания множественного числа *-der* и *-ler*. Считается, что окончание *-der* является результатом влияния казахского языка, а *-ler* – уйгурского. Эти конъюнктивные особенности форм множественного числа также проявляются в повествовательном материале народных сказок. При этом в устной речи сказателей татарских народных сказок чаще встречается вариант *-nar*, особенно после слогов, оканчивающихся на носовой звук. Анализ языкового материала и интервью с другими носителями языка показывает, что большинство из них осознают, что форма *-nar/-ner* является признаком “чистого” татарского языка, и поэтому используют её в своей речи. Таким образом, выбор окончаний множественного числа, по-видимому, не связан с возрастом говорящего, а определяется его языковой подготовкой, стремлением к использованию “чистого” татарского языка и вниманием к особенностям разговорной речи.

Суффикс падежей.

В татарском языке выделяют семь падежей. Именительный падеж не имеет специального окончания (нулевая форма). Остальные падежи – родительный, винительный, дательный (направительный), местный (локативный), исходный (аблатив) и творительный (инструментальный) – имеют определенные падежные окончания. При этом образование родительного, винительного, дательного, исходного и творительного падежей, а также именительного (в случаях, когда он не нулевой) демонстрирует смешанные характеристики, то есть подвержено влиянию других языков или диалектов.

Родительный падеж обычно образуется с помощью суффиксов *-nəŋ / -niŋ*. Например: *ajuw-nəŋ* (“медведя”), *biŋew-nəŋ* (“пятёрки”), *mektər-nəŋ* (“школы”), *duje-nəŋ* (“верблюда”), *kiŋi-niŋ* (“человека”), *tuwkan-lar-nəŋ* (“родственников” – множественное число, родительный падеж), *enij-əm-nəŋ* (“моей матери” – мать, 1-е лицо единственного числа, родительный падеж). Форма *-diŋ / -dəŋ*, находящаяся под влиянием казахского языка, встречается реже. Примеры: *tələ-bəz-dəŋ* (“нашего языка” – язык, 1-е лицо множественного числа, родительный падеж), *uqutqutŋ-lər-diŋ* (“учителей” – учитель, множественное число, родительный падеж).

Винительный падеж. Наиболее распространенным суффиксом винительного падежа является *-nə*, реже используется вариант *-ni* (с гласными переднего ряда). В сочетании с третьим лицом родительного падежа добавляется суффикс винительного падежа *-n*. Примеры: *baləq-nə* (“рыбу”), *syt-nə* (“молоко”), *kejlə-nə* (“семью”), *uniwersitet-nə/ni* (“университет”), *mektər-nə/ni* (“школу”), *taŋak-ə-n* (“рис”, с добавлением третьего лица родительного падежа и винительного падежа), *it-lər-ə-n* (“мясо”, множественное число, третье лицо родительного падежа, винительный падеж), *qardeŋ-lər-ni* (“соотечественников”, множественное число, винительный падеж), *kun-ə-n* (“день”, третье лицо родительного падежа, винительный падеж), *öz-ə-n* (“себя”, третье лицо родительного падежа, винительный падеж), *tatar təl-ə-n* (“татарский язык”, третье лицо родительного падежа, винительный падеж). Под влиянием казахского языка иногда встречается суффикс *-də*, как в слове *təl-də* (“язык”).

Направительный падеж и исходный падеж. Татарский язык имеет широкий спектр вариантов окончаний направительного падежа и исходного падежа, на которые, очевидно, повлияли уйгурский и казахский языки. Более подробная информация представлена в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Форма направительного падежа.

Table 1

Directive case form.

Падеж	Окончание (глухой согласный)	Окончание (гласный / звонкий согласный)	Направительный падеж местоимения
Основа субстантива + -кә / -гә	jɛʃ+kə – к возрасту, к году; is+kə – к мысли, к идее; dɛwɫet+kə – стране	persɛ+gə – к предмету; kəl+gə – к озеру	kəm+gə – кому; ɔzəm+gə – самому
Основа субстантива + -қа / -қа	ot+qa – огню; tabaq+qa – тарелке	ʃəɫpa+ka – супу; suw +ka – воде	min+ka – мне; sin+ka – тебе; alar+ka – им
Падеж	Окончание (звонкий согласный / 3-е лицо)	Окончание (четкий согласный / 3-е лицо)	Направительный падеж местоимения
Основа субстантива + -на / -нә	jap-ə +na – рядом подчиненное третье лицо в единственном числе; qijrəv-ə+na – к твоему хвосту подчиненное третье лицо в единственном числе	yj + nɛ – к твоей семье, к твоему дому; millet-ə+nɛ – к твоей национальности подчиненное третье лицо в единственном числе	
Падеж	Центральный гласный слог или подчиненное лицо, оканчивающееся на звонкую согласную + -а	Слоги, оканчивающиеся на согласные / передние гласные + -ε / (j)ε	Направительный падеж местоимения
Основа субстантива + -а / -ε / -е / jε	atʃəv+a – к зависти; qijrəv -əm+a – к моему хвосту	inistitut+e – к институту; dɛrɛdʒe+jɛ – к степени, уровню (добавленный звук j)	qaj +a – куда

Таблица 2

Форма исходного падежа.

Table 2

Initial case form.

Падеж	Слоги, оканчивающиеся на заднюю гласную / центральную гласную и согласную + -dan	Слоги, оканчивающиеся на переднюю гласную / центральную гласную и согласную + -dɛn/-din	Исходный падеж местоимения
-dan / -dɛn / -din / -dɛn	səjɛr+dan – от буйвола; oqəw+dan – от чтения	ɛtij-im+din – от моего отца; tylkə+dɛn – от лисы	min+din – от меня; bular+dan – от них; an-ən+dɛn – от него, того
Падеж	Слоги, оканчивающиеся на заднюю гласную / центральную гласную и назализованный звук +nan	Слоги, оканчивающиеся на переднюю гласную и назализованный звук +nɛn / -nɛn	Исходный падеж местоимения
-nan / -nɛn / -nɛn	jakap +nan – притворный; bolkap-əm +nan – от моего становления	tif-gɛn+nɛn – от укуса; tatarstan +nɛn / nan – из Татарстана	me+nɛn / mi+nɛn – от меня; an+nan / a+ nɛn – от него, от того
Падеж	Слог задней гласной / центральной гласной, оканчивающийся на глухой согласный + -tan	Слог передней гласной, оканчивающийся на глухой согласный + -tɛn	Исходный падеж местоимения
-tan / -tɛn / -an	jaq+tan – со стороны	it+tɛn – от собаки; dʒɛxɛt+tɛn – от диапазона	qaj+an – откуда

Даже в одном и том же контексте, внутри одного и того же предложения, можно встретить различные формы одного и того же суффикса, причем это может наблюдаться как у разных говорящих, так и у одного и того же человека, использующего разные варианты произношения. В народных сказках также встречается падежная форма -an. Пример: bu baləqnə qaj-an tuttəh (“Где вы поймали эту рыбу?”).

Творительный падеж.

В татарском языке существует 3 формы творительного падежа. Более подробную информацию можно посмотреть в таблице 3.

Таблица 3

Форма творительного падежа.

Table 3

Form of the instrumental case.

Падеж	Слоги, оканчивающиеся на переднюю гласную / центральную гласную и согласную +lɛ	Слоги, оканчивающиеся на заднюю гласную / центральную гласную и согласную +la	Творительный падеж местоимения
-la / -lɛ	syt +lɛ – с молоком; xɛzər +lɛ – нынешний	tajanəf+la – с опорой	
Падеж	Слоги, оканчивающиеся на переднюю гласную/центральную гласную и согласную +bilɛn	Слоги, оканчивающиеся на заднюю гласную / центральную гласную и согласную +bəlɛn	Творительный падеж местоимения
bilɛn / bəlɛn	ətij bilɛn – с отцом; tatar tələ bilɛn – с татарским языком	qazaq tələ bəlɛn – с казахским языком; sənər bəlɛn – с классом	bular bilɛn +lɛ – с ними; ɣylar bilɛn +lɛ – с этими, ними

Три формы творительного падежа показывают процесс его грамматизации, где форма bilɛn / bəlɛn является исходной и связующей. То, что все три формы используются, указывает на продолжающийся процесс, а частое использование bilɛn/bəlɛn говорит о невысокой степени грамматизации. Уйгурский язык, вероятно, оказывает влияние на этот процесс в татарском языке.

Категория времени.

Категория времени в татарском языке характеризуется сложными вариантами форм глаголов. Помимо соблюдения гармонии гласных, на эти формы оказывают влияние уйгурский и казахский языки. Например, рассмотрим форму прошедшего времени второго лица (уважительная форма) в единственном числе: основа глагола + -di / -də / -dø + -ɲiz / -ɲəz / -gəz / -kəz; и во множественном числе: основа глагола + -di / -də + -ɲlɛr / -ɲlar / -gəzlar / -kəzlar. Два последних варианта в этих двух формах являются специфичными для татарского языка.

2. Синтаксическая структура.

Подобно другим тюркским языкам, татарский язык выражает грамматическую категорию вида глагола с помощью конструкций со вспомогательными глаголами. Под влиянием уйгурского языка некоторые из этих конструкций демонстрируют тенденцию к дальнейшей грамматизации, то есть превращаются из вспомогательных глагольных конструкций в связующие. Например: xɛzər indi muɣu dʒirlik kadet bojəntʃa, isim familije iɣlɛtər, xɛzər ɔzəməznij etijimiznij isimi tyɣyrlɣp qala turkan ɔfundej bəɣ kaɣal oməm yzlyk boluwatmaqta (“Теперь мы используем имена и фамилии в соответствии с местными обычаями. При обычных обстоятельствах мы должны добавлять имя нашего собственного отца в качестве фамилии”). Составная форма сказуемого bolu-wat-maq-ta образована следующим образом: bolup (становится связующим наречием) – jat (лежать, вспомогательный глагол) – maq (аффикс деепричастия) – ta (суффикс дательного падежа).

Лексические и семантические проявления характеристик.

Хотя на татарском говорит небольшое число людей в Китае и он находится под угрозой исчезновения, в нем нет таких серьезных пробелов в словарном запасе, как в других вымирающих языках. На это есть две причины: во-первых, подавляющее большинство татар владеют уйгурским и казахским языками или используют оба языка одновременно, а использование уйгурского и казахского языков очень динамично. Тесный контакт и даже взаимная интеграция языков близких родственников привели к использованию слов “У тебя есть я, у меня есть ты”. Во-вторых, у татарского народа не было долгой истории переселения в Китай. Раньше на него оказала большое влияние русская культура. В татарском языке больше русских заим-

ствований, чем в уйгурском и казахском. В татарском языке отсутствует лексика, связанная в основном с традиционной китайской культурой, продуктами с материка, традиционными единицами измерения, лунными праздниками, народными верованиями и существительными, относящимися к морским животным. Однако при необходимости это может быть выражено транслитерацией, “транслитерацией + аннотацией” или перефразировкой, а иногда используются старотатарские слова или заимствуются русские слова. В опросном словарном списке из 3000 слов, не относящихся к татарскому языку, соответствующие слова в основном являются словами-кванторами. Отсутствие количественных определителей отражает разницу между китайским и татарским языками, а не скудный словарный запас татарского языка.

Татарский язык вобрал в себя много слов из казахского и уйгурского языков не потому, что в татарском языке нет этих слов, а для того, чтобы адаптироваться к коммуникативной стратегии “полубилингвизма” в условиях специфического языкового контакта и объектов коммуникации. В уйгурском и казахском языках больше заимствованных слов из арабского, персидского и русского языков, а в татарском языке больше собственных слов и заимствованных слов, смешанных или комбинированных, чтобы соответствовать различным языковым способностям татар и их потребностям в общении с различными объектами. Лексические и семантические проявления особенностей смешанного татарского языка отражаются в сочетании или смешивании синонимов, местоимений, наименований родства, лексики, связанной с животноводством, и т.д.

Слова, используемые как синонимы.

1) Одновременное использование родных и русских слов.

baltʃəq / simont – цемент	tegytʃə / partnoʃ – портной
qatəq / kifər – йогурт	qolqar / perqatka – перчатки
otʃaq / piʃ – печка	boqtʃa / somka – сумка
jazəwtʃə / aptur – писатель	bilbaw / poʃəs – пояс

2) Одновременное использование заимствованных слов родного языка и других языков.

tyzyləʃ / kəjmarət – сооружение	taman / niʃan – направление	jaqta / tarafta – сторона
dʒir / Zemin – Земля	kək / asman – небо	arəslan / ʃər – лев
qəzəq / xəwəs – интерес	tapqər / rət – раз (счётное слово)	oram / kytʃə – улица
oquməʃlə / zijaʃi – интеллигент	dʒirlək söz / ʃiwe – диалект	ylkən / zor – большой
səjleʃ- / suxbətliʃə – чат	qər- / farklandər – разделение	forpa / ʃolpa – мясной суп

3) Одновременное использование заимствованных слов арабского языка или персидского языка и русского языка.

səwdəger/biznistʃi – бизнесмен	kaddi/prastoj – простой	arba/maʃina – машина
sejəset/paritika – политика	kajile/səmiʃa – семья	kalem/rutʃka – ручка
rassam/xuduznik – художник	mesele/problema – вопрос	tabaq/teliŋkə – тарелка

4) Одновременное использование заимствованных слов китайского языка, русского языка, персидского языка и арабского языка.

biŋgur(冰棍) / marozni – мороженое daʃye (大学) / uniwersitet – университеты.

məmə (馍馍) / par nan – хлеб ʃejeje (学院) / inistitut – академия.

5) Одновременное использование заимствованных слов родного языка и китайского языка.

burtʃaq ujtmasə / dufu (豆腐) – тофу dʒir pitʃə / kaŋ(炕) – кан orta məktep / tʃudʒoŋ (初中) среднее образование.

6) Одновременное использование слов арабского и персидского языков или двух слов арабского языка, двух слов персидского языка.

farfur kəsə / tʃinə – керамика xəndzər / nəzə – меч көмүр boʃə / көмүртгәп – всю жизнь.

raʃatlan- / xuzurlan – удобно.

7) Одновременное использование слов тюркских языков.

jumurtqa/kəkej – яйцо qajmak / syt ystə – сметана dʒerdzilek / bəldyrgeŋ – клубника.

kismə / təqmaʃ – лапша qəzəltʃa / tʃygyndyr – свекла qoj / sarəq – овцы.

matur / tʃiber / gyzel – красивый qart / kərə – старик. tala- / bula- – ограбление.

Некоторые из этих слов являются общеупотребительными в татарском языке. Например, *jumurtqa* / *køkej* “яйцо” и *qoj* / *scrəq* “овца”, первое – это татарский язык Илийского района Синьцзяна (Китай), а второе – татарский язык Казани (Татарстан, Россия).

Смешанные местоимения.

В татарском языке местоимения подразделяются на следующие основные категории: личные, возвратные, указательные, притяжательные, вопросительные и определительные. Важно отметить, что некоторые указательные местоимения могут также функционировать как местоимения третьего лица. Среди личных местоимений татарский язык различает включающую и исключающую формы первого лица множественного числа: *bəz* / *biz* (“мы” – исключая собеседника) и *bəzler* / *bizler* (“мы” – включая собеседника). Во втором лице, помимо обычного обращения *sin* (“ты” – единственное число) и уважительного обращения (единственное число), а также обычного обращения *siz* (“вы” – множественное число), существует различие между обычным *sinler* / *sinder* (“вы” – множественное число) и уважительным *sizler* / *sizder* (“вы” – множественное число) обращением. На выбор говорящими этих местоимений часто оказывает влияние уйгурский и казахский языки. В результате, в речи одних говорящих различение включающего / исключающего множественного числа в первом лице и обычного / уважительного обращения во втором лице сохраняется, а в речи других – утрачивается.

В татарском языке указательные местоимения делятся на близкие и далёкие, причём количество вариантов для каждой категории значительно больше, чем в уйгурском и казахском языках. Это объясняется тем, что татарский язык не только сохраняет собственные фонетические особенности, но и впитывает указательные местоимения и их произношение из уйгурского и казахского языков. Например, близкие указательные местоимения: *bu* / *bul*, *so* / *fu* / *fol* / *ful*, *sofə* / *fusi*, *mawo* / *mawə*, *mafu* / *muFu* (“этот”); *fundaj* / *fundej*, *mundaj* / *mundej*, *funtʃə* / *syntʃə*, *muFundaj* / *muFundej* (“такой”). Далёкие указательные местоимения: *u*, *a* / *ε*, *aFu* / *εfu*, *εwo* / *εwə* (“тот”); *elgə* (“тот”), *uŋdaj* / *uŋdej*, *εʃindaj* / *εʃindej* (“такой”). Аналогично, существуют различные формы вопросительных местоимений, например, *qajdan* / *qajan* (“откуда”) – форма, аналогичная казахской, и *qajda* / *qaja* (“куда”) – казанско-татарская форма.

Смешанное использование относительных названий.

В системе родства татарского языка разные родственники могут использовать одно и то же слово для обозначения своих родственных связей. Например:

Слова кровных родственников и слова обращения родства одинаковы:

qajin ata – свекор, тесть;

qajin ana – свекровь, теща;

etij – отец, старший брат отца;

qajin abzij – старший брат мужа, старший брат жены;

qajən ənə – младший брат мужа, младший брат жены;

qajən bike – старшая сестра мужа, старшая сестра жены.

Слова в названии у разных поколений одни и те же:

abij – младший брат отца;

tətə – мать, старшая сестра;

dəw etij – дедушка со стороны отца;

dəw enij – бабушка со стороны отца;

arraj – сестра отца, жена младшего;

ara – жена брата матери, старшая сестра.

Слова в названии у одного поколения одни и те же:

dʒezni – муж старшей сестры, муж младшей сестры;

dʒiən – сын брата, сын сестры;

malaj tuwkanlar – двоюродные братья со стороны отца, двоюродные братья по материнской линии.

Необходимо различать старших и младших с помощью уточняющих слов, например: *dəw* “старший”, *etij* “отец” > *dəw etij* “дядя, дедушка”, *kitʃi* “младший”, *etij* “отец” > *kitʃi etij* (младший брат отца).

Разные слова для одного и того же имени: разные слова используются для обращения одного и того же родственника. Например:

baba / *babaj* / *dəw etij* – дедушка со стороны отца;

ebij / *enne* – бабушка со стороны матери;

ebij / *enne* / *dəwenij* / *εbke* – бабушка со стороны отца;

abij / *abzaj* – старший брат;

dəw ɛnɨj – жена старшего брата отца;
ɑbɨj / ɑbzəj – младший брат отца;
ɛtɨj / ɛttɛ / ɛtkɛ – отец;
ɛnɨj / ɑnɑ / ɑpɑ – мама;
ɛnɨj / ɛpkɛ / tɛtɛ / ɛnkɛ – мать;
ɑpɑ / tɛtɛ / ɑpɑj – старшая сестра;
ulɑ / mɑlɑj – сын;
unɨq / ul unɨkɑ – внук.

В речи одного и того же человека в одном и том же языковом контексте могут встречаться различные названия для одних и тех же родственников. Например: *ʃuʁɑn bəzdəj ɑpɑlɑrɛmɛz ʃundɑj ɛmgektʃɛn bɑlʁɑn* (“Наша мама очень трудолюбива”). *Kiʃigəmnɛn wɛ yjɫɛrɛ ɟɑrɑp, ɛnɨjɛmnɛj ɛttɛmnɛjki iʃlɛrnɛ jɛrdɛm ɟɛlɑm* (“Мы заботимся о нашей семье с самого детства и помогаем нашим родителям работать”). В первом предложении для обозначения “мамы” используется форма множественного числа *ɑpɑlɑrɛmɛz* от *ɑpɑ*. Во втором предложении одновременно используются формы *ɛnɨj* для “матери” и *ɛttɛ* для “отца”. При этом *ɑpɑ* – это форма, общая для татарского, уйгурского и казахского языков, а *ɛnɨj* – специфически татарская форма.

Лексика, связанная с животноводством.

Татарский язык обладает относительно богатым словарным запасом, связанным с животноводством, что в определенной степени отражает взаимодействие между языками. Хотя татары, владеющие татарским языком, в основном заняты в различных областях, связанных с городской жизнью и работой, и, как правило, имеют высокий уровень образования, некоторые из них – люди среднего и пожилого возраста, которые родились и выросли в казахских пастбищных районах, или их предшественники долгое время жили там. Кроме того, татары в некоторых городах вступали в браки с казахами, а семьи некоторых людей переезжали в Синецзян из скотоводческих районов за пределами Татарстана, Башкирии и Казахстана. Большая часть торговли семьи предпринимателей также связана с продуктами животного происхождения. Таким образом, некоторые из наиболее употребительных слов для обозначения животноводства в татарском языке заимствованы из казахского языка [6].

Результаты и обсуждения

Степень вымирания и упадка татарского языка и на это влияющие факторы.

(1) Степень вымирания татарского языка.

В 1980-х и 1990-х годах татарский язык столкнулся с серьёзной угрозой, и за последние два десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к ослаблению его позиций. Оценка жизнеспособности татарского языка, проведённая на основе шести критериев ЮНЕСКО для определения языков, находящихся под угрозой исчезновения, позволяет определить следующие уровни его сохранности:

Показатель 1: Наследование языка от поколения к поколению: лишь небольшое число молодых родителей передают татарский язык своим детям. Для большинства детей татарский больше не является родным языком и языком общения в семье. По этому показателю татарский язык находится между 3-м уровнем (“определённо под угрозой”) и 2-м уровнем (“серьёзно под угрозой”).

Показатель 2: Абсолютная численность носителей: численность татарского населения невелика, а темпы роста – низкие или отрицательные. В начале существования КНР в стране проживало 5926 татар, а во время первой переписи населения 1953 года – 6929 человек. В период с 1953 по 1964 год, из-за стихийных бедствий и ухудшения китайско-советских отношений, часть татар эмигрировала в Советский Союз, что привело к резкому сокращению численности татар в Китае до 2294 человек. Впоследствии, с 1964 по 1990 год, численность населения постепенно увеличилась до 5064 человек, однако затем вновь сократилась до 4890 человек в период с 1990 по 2000 год и до 3556 человек в период с 2000 по 2010 год. Основными факторами, повлиявшими на сокращение численности татар в период с 2000 по 2010 год, были низкий естественный прирост населения и эмиграция в Татарстан, Казахстан и Австралию (Шэнь Сы, Чжоу Цзин, Сюй Шиин, 2016). Таким образом, демографические факторы обуславливают крайне малое число носителей татарского языка.

Показатель 3: Доля носителей в общей численности населения: в городе Урумчи, Синецзян, проживает около 800 татар, но лишь примерно треть из них использует татарский язык в общении внутри своих семей и общин. Это соответствует 2-му уровню угрозы (“серьёзно под угрозой”).

Показатель 4: Сфера использования языка ограничена. Татарский язык используется преимущественно внутри татарской этнической группы: в отдельных семьях и на собраниях. В других сферах, таких как

работа и общение с представителями других национальностей, доминируют китайский, уйгурский и казахский языки. Это соответствует 2-му уровню (“ограниченная сфера использования”).

Показатель 5: Присутствие в новых медиа и средствах массовой информации: татарский язык представлен лишь в ограниченном количестве новых сфер, таких как SMS, WeChat и групповые чаты в WeChat. Это соответствует 1-му уровню (“низкая активность”).

Показатель 6: Языковое образование и письменность: в настоящее время в Синьцзяне отсутствуют школы, предлагающие обучение татарскому языку. В Татарстане татарская литература и пресса не пользуются популярностью, и в основном доступны иностранным студентам. Это соответствует 1-му уровню (“находящийся на грани исчезновения”).

(2) Показатели 1-3, оценивающие передачу языка между поколениями, численность носителей и долю носителей, в основном основаны на анализе численности и поведения пользователей татарского языка. Отмечается, что по сравнению с 1980-ми годами число говорящих на татарском языке выросло, а различия в уровне владения языком между разными поколениями стали менее выраженными. Основными носителями татарского языка являются люди среднего и пожилого возраста, молодые люди из этнически татарских семей, а также те, кто вернулся после обучения за границей. Показатели 4-6, оценивающие сферу использования, новые языковые области и языковое образование, в основном отражают жизнеспособность татарского языка и его функционирование в обществе. Татарский язык демонстрирует черты смешанного языка, и его использование ограничено в основном внутри татарской этнической группы и в некоторых семьях. В других ситуациях, в зависимости от этнического состава собеседников, используется китайский, уйгурский или казахский языки. Функциональность языка ограничена, что, в свою очередь, сужает возможности его использования носителями. Китайский, уйгурский и казахский языки активно используются различными группами татар. Несмотря на то, что татарский язык в целом остаётся вымирающим, по сравнению с критическим состоянием более 20 лет назад наблюдается положительная динамика: повысилась жизнеспособность языка, расширилась сфера его применения, увеличилось количество говорящих, особенно среди молодёжи [1].

Выводы

Факторы, влияющие на снижение вымирающего статуса.

Сравнение данных опросов 1980-х и 2016-2017 годов показывает, что использование татарского языка демонстрирует тенденцию к снижению степени угрозы исчезновения. Язык постепенно переходит из категории “критически исчезающий” в категорию с меньшей степенью риска [4]. Эта положительная динамика обусловлена такими факторами, как активизация трансграничных этнических связей, укрепление национального самосознания и снижение числа смешанных браков.

В 1980-е годы, в контексте трансграничных этнических обменов, лишь небольшая часть татарского населения владела татарским языком. Это были в основном люди среднего и пожилого возраста, представители интеллигенции и некоторые выходцы из этнически татарских семей. При этом большинство тех, кто заявлял о знании языка, владели лишь базовым повседневным языком. Знание татарского языка сохранялось в основном у городских татар, которые: либо родились и выросли в Татарстане, Башкирии, Казахстане и других регионах, либо обучались в юности в татарских школах в Урумчи и Ичине, либо посещали родственников или проживали в Казани и других городах. Несколько этнически татарских семей продолжали активно изучать и использовать татарский язык.

За последние 20 лет, в связи с расширением международного сотрудничества Китая и укреплением связей с русскоязычными регионами, возросла частота обменов между китайскими и зарубежными татарами. Некоторые татары даже эмигрировали в русскоязычные регионы, а многие стали чаще посещать родственников и путешествовать в Казань и другие города. Например, сын одного из основных информантов переехал в Казань, Татарстан, и женился на татарке, работающей в Казанском университете. В их семье татарский язык является основным языком общения. Сам информант, несмотря на преклонный возраст, ежегодно посещает родственников в Казани, проводя там около трех месяцев. Благодаря тому, что он изначально владел татарским языком, эти регулярные поездки способствуют поддержанию и совершенствованию его языковых навыков.

С 2005 года правительство Китая каждые три года отправляет группу татарских студентов (включая студентов из смешанных семей и перешедших на казахский язык) на обучение в Казанский университет (Татарстан) за государственный счёт. Кроме того, ежегодно несколько студентов самостоятельно оплачивают своё обучение в Казани. Хотя число молодых людей, вернувшихся после обучения за границей, невелико, их влияние значительно: они способствовали сглаживанию межпоколенных различий в использовании татарского языка, существовавших до 1980-х годов. По возвращении, эти студенты активно про-

двигают использование татарского языка в своём окружении, расширяя возможности для его применения. Например, исследования грамматических вариаций, проведённые Чэнь Цзунчжэнем и Лицянем (1986), выявили в 1980-е годы значительные возрастные различия, проявлявшиеся в использовании множественного числа существительных, территориальных признаков, личных окончаний сказуемого, числе местоимений, падежных формах и глагольных окончаниях. Данные нашего опроса 2016-2017 годов показывают, что грамматические различия в татарском языке сохраняются, но они больше не связаны с возрастом носителей.

Факторы национальной идентичности и сплоченности.

В 1986 году татары возродили традиционный национальный праздник – Сабантуй. Приглашение зарубежных татар на ежегодный Сабантуй способствовало укреплению языковых и культурных связей между представителями одной этнической группы как в Китае, так и за его пределами. Созданная в тот же период исследовательская ассоциация также сыграла важную роль в возрождении татарского языка, создавая условия для укрепления этнической идентичности и повышения национальной сплочённости. В рамках ежегодного Сабантуя ассоциация приглашала уважаемых татарских старейшин выступать с речами на татарском языке, проводила конкурсы по отгадыванию загадок из татарской литературы, изданной в Татарстане. На татарских свадьбах и других мероприятиях организаторы приглашали уважаемых людей выступать с поздравлениями на татарском языке, а также приглашали певцов и аккордеонистов исполнять татарские народные песни. С приходом эпохи Интернета татары стали уделять больше внимания языку и культуре Татарстана, начали учить татарские песни. Местные татары создали группы в WeChat, такие как “История и культура” и “Маленький татарин”, где регулярно делятся информацией о татарском языке и культуре, а некоторые участники общаются на татарском языке. Все эти меры в определённой степени способствовали возрождению татарского языка.

Факторы, влияющие на межэтнические браки.

Уровень межэтнических смешанных браков среди татар находится на высоком уровне, о чем свидетельствует ситуация с межэтническими смешанными браками в 2000 и 2010 годах (таблица 4).

Таблица 5

Уровень межэтнических браков среди татар и основные этнические группы, вступающие в смешанные браки.

Table 5

The level of interethnic marriages among Tatars and the main ethnic groups entering into mixed marriages.

Год	Уровень межэтнических браков среди татар	Три этнические группы с самым высоким уровнем смешанных браков с татарами
2000	76,2%	Казахи: 43,49%; уйгуры: 17,45%; ханьцы: 7,85%
2010	71,37%	Казахи: 34,35%; уйгуры: 20,10%; ханьцы: 7,60%

Уровень межэтнических смешанных браков в 2010 году снизился на 4,83% по сравнению с 2000 годом. Наибольшее снижение зафиксировано в смешанных браках с казахами, что в определенной степени свидетельствует о повышении уровня урбанизации татар. Этнические группы, состоящие в смешанных браках с татарами, в основном состоят из казахов и уйгуров, что создает условия для перехода на казахский и уйгурский языки или их смешения. Межэтнические браки являются не только важным стимулом для того, чтобы татары имели смешанные языковые особенности, но и главным фактором того, чтобы татарский язык находился в вымирающем состоянии и не исчез, потому что большинство татар владеют уйгурским или казахским, или обоими языками. В процессе постепенного восстановления татарского языка, татары быстро смогли осознать особенности фонологического соответствия между несколькими языками, а базовый словарный запас и грамматическая структура нескольких языков не сильно отличаются, поэтому перевести с уйгурского или казахского на татарский не составляет труда. Однако в процессе языковой конверсии и восстановления татарского языка неизбежно взаимодействие нескольких языков друг с другом, что в определенной степени закрепило смешанные языковые характеристики татарского языка.

Список источников

1. Аблат Г., Нуэрайи. Анализ угрожаемого статуса татарского языка Синьцзяна // Вестник Цзямусского педагогического института. 2013. № 4. С. 60 – 65.
2. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища школа, 1974. 175 с.

3. Краткая история татар. Пекин: Национальное издательство, 2008. 250 с.
4. Ли Сюэ. Обзор и исследование использования языка татарской этнической группы в Синьцзяне. Международный культурный обмен. 2014.
5. Малике Цянисифу. История образования татарской этнической группы в Китае. Пекин: Изд-во народов, 2005. 256 с.
6. Чжоу Цзяньхуа, Акемулина Рена. Анализ явлений варьирования татарского языка // Исследования языка. 1997. С. 35 – 42.
7. Чжоу Х. Краткое описание исторических источников о татарском народе в Китае // Вестник Китайского университета Минзу. 1995. № 5. С. 45 – 52.
8. Чэнь Ц., Лицян И. Краткая история татарского языка. Пекин: Национальное издательство, 1986. 170 с.
9. Шэнь С., Чжоу Ц., Сюй Ш. Анализ изменений в татарском населении Китая с 21 века // Население Северо-Запада. 2016. № 6. С. 32 – 37.
10. Юханссон Л. Тюркские языки. Routledge, 1998. 480 с.

References

1. Ablat G., Nuerai. Analysis of the Threatened Status of the Tatar Language in Xinjiang. Bulletin of Jiamusi Pedagogical Institute. 2013. No. 4. P. 60 – 65.
2. Zhluktenko Yu.A. Linguistic Aspects of Bilingualism. Kyiv: Vishcha Shkola, 1974. 175 p.
3. Brief History of the Tatars. Beijing: National Publishing House, 2008. 250 p.
4. Li Xue. Review and Study of the Use of the Language of the Tatar Ethnic Group in Xinjiang. International Cultural Exchange. 2014.
5. Malike Tsianisifu. History of the Formation of the Tatar Ethnic Group in China. Beijing: People's Publishing House, 2005. 256 p.
6. Zhou Jianhua, Akemulina Rena. Analysis of the Phenomena of Variation in the Tatar Language. Language Studies. 1997. P. 35 – 42.
7. Zhou H. Brief Description of Historical Sources on the Tatar People in China. Bulletin of the Chinese Minzu University. 1995. No. 5. P. 45 – 52.
8. Chen Q., Liqian Y. Brief History of the Tatar Language. Beijing: National Publishing House, 1986. 170 p.
9. Shen S., Zhou Q., Xu Sh. Analysis of Changes in the Tatar Population of China since the 21st Century. Population of the North-West. 2016. No. 6. P. 32 – 37.
10. Johansson L. Turkic Languages. Routledge, 1998. 480 p.

Информация об авторах

Суфэйнуэр Сайфудин, доктор филологических наук, Китайский университет Минцзу (Казанский Федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации), lenochka_mullina@mail.ru

© Суфэйнуэр Сайфудин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.161.1

¹ Токарчук И.Н.

¹ Дальневосточный федеральный университет

К вопросу о разграничении наречий и частиц (на примере слова «буквально»)

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме разграничения частиц и наречий как грамматических классов слов русского языка, генетические и функционально-семантические связи которых обуславливают проницаемость границ между ними на определенных участках, что приводит к существованию полифункциональных, омонимичных, гибридных единиц. Данный вопрос рассматривается на примере функционирования полифункционального слова буквально в различных синтагматических и контекстных условиях. Систематизируются критерии выделения наречных и партикулярных реализаций этой единицы. Выявляются и анализируются употребления данной лексемы, грамматическая квалификация которых затруднительна. Обосновывается частеречный статус слова буквально как служебной единицы – частицы – в случаях выражения значения ‘в буквальном смысле слова’, а также интонационного и пунктуационного оформления этой единицы по типу вставочного или парцелированного компонента. Доказывается возможность функционирования объекта исследования в качестве гибридного слова, которое имеет набор некоторых формальных признаков, присущих наречию, и при этом в условиях нехарактерной для наречия сочетаемости выражает коммуникативно-прагматическое значение. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при изучении особенностей функционирования других единиц, имеющих полифункциональную или гибридную природу и вовлеченных в процессы прагматикализации, грамматикализации, а также партикулялизации в современном русском языке.

Ключевые слова: частицы, наречия, полифункциональные слова, гибридные употребления, семантика, прагматика, синтагматика

Для цитирования: Токарчук И.Н. К вопросу о разграничении наречий и частиц (на примере слова «буквально») // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 140 – 148.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Tokarchuk I.N.

¹ Far Eastern Federal University

On the issue of distinguishing adverbs and particles (using the example of the word «bukvalno»)

Abstract: the article is devoted to the actual problem of distinguishing particles and adverbs as grammatical classes of words in the Russian language, the genetic and functional-semantic connections of which determine the permeability of boundaries between them in certain areas, which leads to the existence of multi-functional, homonymous, hybrid units. This issue is considered using the example of the functioning of a multi-functional word “bukvalno” in various syntagmatic and contextual conditions. The criteria for distinguishing the adverbial and particular realizations of this unit are systematized. The author identifies and analyzes the usages of this word, the grammatical qualification of which is difficult. The grammatical status of a word is justified “bukvalno” as a functional unit – a particle – in cases of expressing the meaning ‘in the literal sense of the word’, as well as intonation and punctuation design of this unit by the type of an insertion or parcel

component. The article proves the possibility of the functioning of the research object as a hybrid word, which has a set of some formal features inherent in the adverb, and at the same time expresses a communicative and pragmatic meaning in conditions of uncharacteristic compatibility for the adverb. The results of the research can be used to study the functioning of other units that have a multifunctional or hybrid nature and are involved in the processes of pragmaticalization, grammaticalization, and particularization in modern Russian.

Keywords: particles, adverbs, multifunctional words, hybrid usages, semantics, pragmatics, syntagmatics

For citation: Tokarchuk I.N. On the issue of distinguishing adverbs and particles (using the example of the word «bukvalno»). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 140 – 148.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

В центре исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, находится полифункциональное слово *буквально*, реализующееся в современном русском языке рядом грамматических омонимов: наречие, частица, а также (редко) прилагательное в краткой форме среднего рода. Целью работы является определение диапазона наречных и частикульных употреблений данной единицы и установление промежуточных, переходных зон между ними, чем обусловлена постановка задач систематизации дифференциальных признаков наречия и частицы *буквально* и разграничения соответствующих употреблений с дальнейшим выявлением особенностей употреблений объекта исследования при несоответствии его контекстно-функциональных вариантов базовым критериям частеречной отнесенности к наречиям и частицам соответственно.

Актуальность исследования связана с тем, что проблема разграничения частиц и наречий как грамматических классов слов русского языка не может считаться окончательно решенной: ряд вопросов требует своего дальнейшего рассмотрения, прежде всего – в аспекте полифункциональности единиц, грамматические реализации которых в современном русском языке имеют наречный и частикульный характер, а также ввиду наличия гибридных свойств у многих единиц наречного происхождения в связи с вовлеченностью последних в процессы субъективизации и прагматикализации, что становится возможным на базе как генетических, так и функционально-семантических связей таких наречий и частиц, как просто, прямо, чисто, решительно, положительно, приблизительно, действительно и под. Факт проницаемости границ между собственно наречными и неполнозначными (в традиционном понимании), т.е. служебными, реализациями подобных единиц на определенных участках как их функционирования, так и в системе языка не препятствует их квалификации при подходах, учитывающих в первую очередь функцию (например, дискурсивные слова, прагматические маркеры, ксенопоказатели, релятивы, коннекторы, частицы как коммуникативно-прагматическая функция и под.). Вместе с тем такая постановка вопроса не снимает задачу определения места таких единиц в общепринятой системе частей речи. Например, по мнению Е.А. Стародумовой, «дальнейшее изучение частиц как морфологического класса ... становится остро необходимым для обоснования и различения разных явлений: морфологический класс и функциональный класс» [15, с. 5]. За последние четыре десятилетия русистика существенно обогатилась сведениями как о частицах, так и о наречиях. Но на вопрос, поставленный И.М. Кобозевой в 1991 году «Как вы определяете, какие слова относятся к частицам?» [4, с. 149], по-прежнему не всегда можно ответить уверенно, особенно если он лежит в плоскости наречия vs частицы. Данная проблема связана, в частности, с отсутствием в современной русистике единства в частеречной квалификации ряда слов, одним из которых является *буквально*.

Материалы и методы исследований

Эмпирическая база настоящего исследования представлена главным образом фактами употребления слова *буквально*, извлеченными из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а именно из основного, устного, газетного подкорпусов. Значительную часть материала составляют также примеры, иллюстрирующие функционирование данной единицы, из других источников, в первую очередь из современного медиадискурса (блоги, интернет-каналы, социальные сети, комментарии и проч.), в меньшей мере – из художественных текстов.

Основной использующийся в работе метод – традиционный описательный (непосредственное наблюдение над употреблением лексемы – объекта исследования – в различных контекстных условиях, классификация и анализ языкового материала). В интерпретации семантики и описании особенностей функционирования слова *буквально* в его частикульных, наречных и гибридных реализациях представлены приемы семантико-

прагматического и контекстно-прагматического анализа. Кроме того, использовалась корпусная методика сбора данных, в том числе методы сплошной и частичной выборки языковых фактов.

Результаты и обсуждения

Обозначенная выше проблема затрагивает лексику буквально: несмотря на то что многочисленные факты её употребления не удовлетворяют имеющимся в русской грамматике синтаксическим и семантическим критериям установления частеречной принадлежности к собственно наречным, эту единицу традиционно определяют как наречие. С учетом же особенностей синтагматики, семантики и функций буквально могут квалифицировать как модальное слово или – на тех же основаниях – как частицу. В то же время, однако, при любой из перечисленных квалификаций понимание семантической сущности этой единицы в контекстах типа буквально взлетела на стол (о человеке) / в шаге от разгадки / вытолкнул из себя признание / несколько часов / неделя / три слова / по крупницам / со всеми (поддерживал связь) / повсюду / никому (не давал житья) / шокировал и под. связывается обычно с субъективно-модальным планом высказывания, а именно – с коммуникативно-прагматической его стороной, а не с присущим наречию денотативным содержанием, заключающимся в качественной характеристике действия или признака. Так, в работах Е.С. Яковлевой представлены критерии, на основании которых качественное наречие буквально отграничивается от модальных употреблений этой единицы как «метафоризирующего оператора» и «интенсификатора», или, в терминологии автора, модального слова [20, с. 263-264].

В ряде работ 80-х годов это слово в подобных употреблениях также функционально оценивалось не как наречие. Например, в монографии М.В. Ляпон буквально дается как релятив, выполняющий «метаязыковую функцию» в случаях, когда «происходит как бы раздвоение оцениваемого: непосредственным объектом становится языковая форма» и «говорящий предупреждает, что формулировка не должна восприниматься в метафорическом или аллегорическом смысле, а также лишена гиперболизации» [8, с. 47]. Функциональную характеристику рассматриваемое слово получает и в работе Т.В. Шмелевой, где оно оценивается как «показатель непреувеличения», вводящий установку говорящего «я не преувеличиваю, ситуация действительно такова», в то же время выступающий в качестве «знака решительности в данном аспекте речевого поведения», на основании чего включается в один ряд со словами просто, прямо, прямо-таки [19, с. 86-87]. К этой же группе единиц относит слово буквально Л.П. Крысин, квалифицируя их как «усилительно-модальные частицы наречного характера», которым приписывается функция – в отличие от вышеприведенных трактовок – выражения гиперболизации [6, с. 103].

Между тем в «Русской грамматике» ненаречное буквально дано в числе частиц, хотя и отмечается его тесная семантическая связь с наречием [10, с. 724]. Е.А. Стародумова выделяет у частицы буквально два значения, связанных с указанием на фигуральное употребление выражения (он буквально запрыгал от радости) и на исчерпывающее проявление признака (буквально все – буквально никто) [15, с. 145]. Близка к этим оценкам и точка зрения Е.Г. Борисовой: именно использование такого буквально с целью подчеркивания высокой степени проявления свойства, выраженного глаголом (Он буквально замучил меня), показывает функционирование наречия буквально уже как частицы, т.е. подобно другим частицам [2, с. 93].

Все перечисленные квалификации, интерпретации ненаречного буквально указывают на его метаязыковой характер, как средства коррекции возможных выводов адресата относительно используемой говорящим номинации, маркируемой частицей. По нашему мнению, буквально в таких употреблениях показывает, что значение выделяемого компонента не является буквальным, т.е. говорящий с помощью слова буквально оправдывается за использование «сильного» средства номинации, за интенсификацию, за крайность оценки, но при этом настаивает на точности своей оценки («иначе сказать не могу») [17, с. 242]. При сравнении любого из приведенных выше примеров с частицей и без нее выявляется создаваемый буквально эффект смягчения – или, по словам Е.С. Яковлевой, «смещение по ряду интенсивности» [20, с. 263].

Несмотря на имеющиеся в русистике интерпретации слова буквально, разграничивающие его наречные и ненаречные употребления, в толковых словарях оба типа традиционно даются как употребления наречия, в том числе в словарях 1990-2000-х гг. [14, с. 807]. Обращает на себя внимание трактовка второго типа употребления буквально, представленная в «Активном словаре русского языка»: формулировка значения («Буквально А1 'Не А1, но обладает некоторыми признаками, из-за которых очень похоже на А1, так что можно сказать, что А1'» [1, с. 376]) и просодическая характеристика (невозможность размещения на таком буквально главного фразового ударения) позволяют говорить о незначительном его характере в отличие от первого описанного в этом словаре типа употребления буквально – собственно наречия, о чем свидетельствуют просодические особенности, позиция в предложении и характер семантики последнего, ср.: «несет главное фразовое ударение», «часто находится в конце предложения» и выражает значение «в соответствии с прямым

точным смыслом слов'», см. примеры наречия буквально: слова переведены буквально; воспринимать информацию буквально; почти буквально следовать принципу; буквально передал мою просьбу и т.п.

Добавим, что у рассматриваемого наречия также есть, помимо приведенного выше, значение 'точно', т.е. 'в точном соответствии с чем-либо' (невербальным), зафиксированное некоторыми толковыми словарями [14, с. 807]. Данное значение, по нашим наблюдениям, имеет место в случаях, например, повторения некоего неречевого феномена, его воспроизведения невербальным способом либо при точном соответствии невербальных действий или ситуаций, ср.: Подобная ситуация повторилась почти буквально [17, с. 240].

Традиционно – как наречие в обоих типах употребления – представлено буквально в ряде специализированных словарей, ориентированных на служебную лексику русского языка [12, с. 48], в то время как описание буквально-частицы с указанием наречия-омонима содержится в «Словаре русских частиц» [18, с. 31] и в «Словаре служебных слов русского языка» [13, с. 65-70], а в «Кратком толково-грамматическом словаре функциональных омонимов» характеризуются рассматриваемые омонимичные реализации данного слова [11, с. 141]. Очевидно, традиционным подходом к интерпретации данной полифункциональной единицы, т.е. реализующейся только как адвербиальное слово, объясняется отсутствие его словарной статьи в словаре [9].

В целом наиболее существенные различия между собственно наречными и незнаменательными реализациями лексемы буквально имеют семантический, синтаксический, просодический характер, что отражается и в функциях соответствующих грамматических реализаций рассматриваемой единицы. С точки зрения синтаксических функций и синтаксических свойств (т.е. синтагматики, в том числе позиции по отношению к синтаксическому компоненту, а также синтаксических, морфологических и семантических характеристик последнего) эти употребления различаются, помимо перечисленных выше особенностей, тем, что наречие буквально в предложении синтаксически самостоятельно и выполняет обстоятельственную функцию; относится к глаголу, занимая по отношению к нему преимущественно постпозицию; образует с глаголом словосочетание на основе подчинительной связи – примыкания. При этом характер «прикрепленности» к глаголу у такого буквально, как и у других наречий, – присловный, в то время как типичные партикулярные употребления слова буквально, как и других частиц, с точки зрения сочетаемости характеризуются «прикомпонентностью» (термин Е.А. Стародумовой [15, с. 8]). Дело в том, что буквально-частица сама не обозначает признак или характеристику, а лишь дает оценку тому признаку, который обозначен компонентом, к которому она относится, а морфологические и синтаксические характеристики этого компонента могут быть разными (глагол, существительное, прилагательное, числительное, наречие, местоименное слово и др. в позиции как предиката, так и непредикативного члена предложения). Различия между наречием и частицей буквально касаются и семантики этого компонента, чем обуславливаются определенные синтагматические ограничения обеих реализаций данной единицы. Так, наречие буквально, как было установлено Суй Сюэцзюань, сочетается с акциональными глаголами речевой и мыслительной деятельности с частными значениями интерпретации, воспроизведения и соотношения [16, с. 76]. Такого рода предикаты, как замечает Е.С. Яковлева, «описывают неградуируемые понятия», например, «буквально повторил / воспроизвел / запомнил / перевел...» [20]. Что же касается компонента, маркируемого частицей буквально, то он – вне зависимости от своих морфологических характеристик – обычно имеет переносное значение, связанное с крайней степенью проявления признака, «который подобен обозначаемому факту действительности, но не тождествен ему» [16, с. 171]. Разновидностью такого значения является, например, значение неточного количества – при компонентах с обстоятельственным значением, что является типичной синтагматической особенностью частицы. Ещё одним синтагматическим свойством наречного буквально – в отличие от «модального» – является возможность иметь при себе зависимые слова со значением степени (очень, почти, слишком буквально), поскольку обозначаемый наречием признак «градуируется» [20, с. 261], а Л.П. Крысин указывает на возможность сочетаться с частицей не и использоваться в переспросе в силу рематического характера буквально-наречия [6, с. 104]. Соответственно, не выделяющаяся логическим ударением и поэтому нерематическая, обычно препозитивная частица не является членом предложения и характеризуется отсутствием других синтаксических возможностей одноименного наречия, а формирующаяся в этих условиях ее семантика имеет прагматический характер и связана с определенной установкой говорящего относительно интерпретации смысла маркируемого компонента, ориентированной на собеседника. Частица при этом сама выступает как показатель ремы при компоненте, который обычно несет на себе фразовое ударение.

Таким образом, граница между наречием буквально и ненаречными употреблениями этого слова определяется вполне четко – по крайней мере для тех случаев, которые были представлены выше и получили свою оценку в лингвистической литературе. Если даже второе буквально называют наречием, а не частицей, то описывают его, характеризуя как частицу, как собственно коммуникативное слово.

Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, разграничить буквально-наречие и буквально-частицу не всегда возможно.

Так, препозитивное буквально может выступать при компонентах с прямым значением (но не при глаголах речемыслительной деятельности). Мы квалифицируем эти случаи как второй тип употребления частицы [17, с. 243]. Аналогичная точка зрения относительно квалификации данных употреблений рассматриваемого слова представлена в диссертации Сюй Сюэюань [16, с. 127-133]. Такое буквально, в отличие от «классического» типа употребления, зафиксированного во многих словарях, часто бывает интонационно выделенным, что вызывает некоторые сомнения в отнесении его к частицам. Вместе с тем здесь буквально интонационно оформляется не как наречие при рематическом выделении, а интонацией вводности или вставки, т.е. это метатекстовое выделение с соответствующей смысловой нагрузкой ‘воспринимай мои слова буквально, хотя описываемый факт может показаться тебе странным’, ср.: Буквально сидим у моря и ждем погоды, а с нами еще до полусотни кораблей (И.А. Гончаров. Письма, 1842-1859 // НКРЯ). Это типичный контекст для метаязыкового комментария в буквальном смысле слова. Говорящий, балансируя между переносным и прямым значением ввиду сохранения каких-либо элементов, следов переносного (ждать у моря погоды = ‘находиться в состоянии неопределенного ожидания в ситуации, когда человек не может ни на что повлиять’; ‘напрасно надеяться на что-л., не предпринимая ничего для исполнения желаемого’), делает акцент на реализацию маркированного частицей компонента в прямом значении (находились на берегу моря в прямом смысле, на самом деле). Аналогичный эффект создается и в следующем случае: Светлана снова зарыдала в три ручья. Любовь Ильинична буквально взяла ее за руку и отвела в кровать, уложила, накрыла покрывалом. Села рядом, погладила по волосам, и вскоре Светлана заснула (Примирение. Блог «Ночная собеседница» // Яндекс.Дзен. 22.02.2025) – взяла ее за руку и отвела в кровать и т.д. в прямом смысле слова, а не фигурально выражаясь (руководить или управлять кем-то, оказывать помощь – в широком понимании). Намерения говорящего можно сформулировать так: ‘используя такие номинации, я не преувеличиваю, не искажаю действительность’.

В отличие от предыдущих примеров в следующем буквально используется как интенсификатор положительной оценки, наслаивающейся на убеждение в соответствии слов фактам действительности, в отсутствии преувеличения, ср.: Савва, дорогой мой друг, в «Пророке» буквально: 1) Николай Первый (самый оболганный несправедливо монарх России) выставлен в положительном свете – впервые на моей памяти. 2) Бенкендорф – главный положительный персонаж (ТГ-канал «Владислав Угольный». 23.02.2025).

В связи с этим особый интерес, на наш взгляд, представляют употребления буквально, различия между которыми состоят в характере маркируемого частицей компонента – одного глагола, но в разных значениях, например: Певец исполнил свой хит «Острой бритвой» и буквально парил над зрительным залом в скафандре – публика была в восторге! (Блог Lady'Style // Яндекс.Дзен. 12.05.2024) – певец действительно передвигался по воздуху, как будто летел сам, хотя и использовал для этого специальное оборудование, поэтому глагол выступает в прямом значении, что подчеркивает препозитивная частица, дающая установку: ‘ты можешь не поверить, но так и было’. В следующих же двух случаях частица маркирует компонент с переносным значением, выступая как метафоризирующий оператор, где парить – не лететь в прямом смысле, а передвигаться легко, невесомо, когда характер передвижения своей легкостью напоминает полет, парение в воздухе, ср.: В кулуарах невесомо перемещаясь в пространстве, буквально парила пленительно похорошевшая, веселая, кокетливая женщина (Г. Шергова. ...Об известных всем // НКРЯ); Однако в своем тяжелом панцире он (морской конек) легок и быстр; он буквально парит в воде, переливаясь всеми красками от оранжевой до сизо-голубой, от лимонно-желтой до огненно-красной, от черной до коричневой (А. Голяндин. Рассказы о животных, и не только о них: А у морского конька что за конек? // «Знание – сила», 2003 // НКРЯ).

Анализ материала НКРЯ, иллюстрирующего функционирование рассматриваемого слова в устной речи, «демонстрирует возможность буквально получать специфическое интонационное выделение, в результате чего создается эффект подобия интонационному оформлению вводных слов» [16, с. 152]. Не случайно в работах Е.С. Яковлевой ненаречные употребления данной единицы наряду с квалификацией «модальное слово» получают характеристику «вводное слово» [20, с. 261]. Действительно, в звучащей естественной речи частица может выделяться ритмико-интонационными средствами (паузами и собственно интонацией), например: С такой / буквально / цыганской песни началась сегодня программа / программа Творческой студии «Полнолуние» об авторской песне / которая обычно по четвергам выходит в эфире «Радио-Пик» (А. Филатов. Радио-программа «Полнолуние», посвященная авторской песне Е. Болдыревой, «Радио-Пик», Иркутск, 2000-2004 // НКРЯ); В прошлом году естественно / как мы говорили / был траур / и вот сейчас / буквально / двадцать минут назад Альберт а... открыл / открыл вновь эту трассу а... (А. Попов. Спортивный репортаж: Формула-1. Гран-при Монако. Монте-Карло. 25.05.2006 // НКРЯ). Между тем в подобных случаях, как и в приводивших-

ся выше типичных для буквально-частицы, это слово не занимает синтаксически самостоятельную, независимую позицию вводного слова, поскольку по-прежнему имеет легко определяемую «сферу действия» – тот компонент высказывания, к которому непосредственно относится буквально, указывая на его коммуникативную значимость. Особая интонационная нагруженность самого буквально не снимает рематического, логического выделения с маркируемого этим буквально компонента, а напротив, акцент на компоненте становится заметнее, осязаемее. В вышеприведенных примерах частица находится в препозиции, однако возможна и постпозиция, поскольку маркируемый буквально компонент с характерным значением всегда выделяется фразовым ударением, благодаря чему и выявляется, ср.: И только на протяжении последних / буквально / на самом деле / даже не после войны / в явно болезненных формах вот этот процесс мы наблюдаем где-то с середины... с начала середины семидесятых годов (Общество потребления: прогресс или деградация. Программа «Правда на ОТР», 2017 // НКРЯ); Взял старый / раритетный такой / большой какой-то прям! За копейки / буквально / у какого-то дедка оторвал. Вот / говорит / сейчас поработаю еще с недельку / может две / прикуплю что надо там / чтобы его обновить / улучшить / покрашу и такая будет машина. Ее / говорит штук за сорок с руками в экстрим-парке оторвут (Разговор двух друзей, 2006 // НКРЯ). Полагаем, что описанные особенности функционирования слова буквально при наличии специфического интонационного оформления не являются основанием рассматривать его как выполняющее функцию вводного слова и приписывать ему соответствующий синтаксический статус в структуре простого предложения, поскольку во всех этих случаях буквально сохраняет характерные синтагматические и семантико-прагматические свойства частицы.

Такая особенность функционирования слова буквально в устной речи зачастую отражается в письменной речи с помощью специфического вставочного или парцеллированного его введения, с использованием в первом случае пунктуационных знаков – обычно запятых, а также (реже) тире или скобок, что возможно как при препозиции, так и в менее характерной постпозиции частицы, например: Ваша обувь может как вытянуть даже самый простой образ, так и, буквально, уничтожить самый продуманный (Интернет-канал «Стилист Софья Рогожкина» // Яндекс.Дзен. 10.09.2024) – типичная сочетаемость для частицы при компоненте, имеющем переносное значение, как и далее при компоненте – прилагательном местоименной семантики, обозначающем полный охват признаков, или слове со значением количества, при фразеологизме и под.): Застройщик принципиально отказался от типовых квартир «гостиничного типа». В R4 есть квартиры любого уровня – буквально, от студий и европланировок с кухней-гостиной до резиденции с террасами (NewsVL.ru. 11.11.2024); /.../ «Якубович – человек совершенно иного склада воззрений, чем Бодлер, и потому часто непреднамеренно искажает свой подлинник. /.../ Примеров можно привести сотни (буквально)» (К. Чуковский. Высокое искусство, 1968 // НКРЯ); /.../ Они работают на износ. Буквально. На часах врача-педиатра Веры Шепелиной почти 20 тысяч шагов. А ведь еще только середина дня (Vesti.ru, 11.11.2020 // НКРЯ).

Следующие два примера демонстрируют такое же оформление частицы в другой сочетаемости – при компоненте с прямым значением, когда буквально означает ‘в буквальном смысле слова’, ср.: Божечки-кошечки! Она (панда Катюша в Московском зоопарке) до сих пор розоватая! Любимый, желанный ребенок! Буквально – зализанный (в хорошем смысле этого слова!) (Комментарий. Ольга Андреевна // ТГ-канал «Понаехали...». 02.06.2024) – панда-мать вылизывает своего детеныша, частица участвует в выражении положительной оценки, выступая как интенсификатор этой оценки; На работу с фактами рассчитывать не приходилось, так что я решил просто смотреть кино. И тут на экране начали читать рэп. Буквально, причем бездарно /.../ (Фильм «Пророк» – бездарность или диверсия? Телеканал 360 // Яндекс.Дзен. 15.02.2025) – говорящий с помощью парцеллированного постпозитивного буквально выражает отрицательную оценку и настаивает на том, что не преувеличивает, понимая, что описываемый факт, являясь неожиданным даже для самого говорящего, может вызвать недоверие у адресата. Обратим внимание на то, что условия функционирования слова буквально в последнем примере показывают наличие у него некоторых признаков наречия: формально оно находится в постпозиции относительно того компонента, к которому относится, имеет на себе логический акцент, а также встраивается в ряд со словом бездарно, отнесенность которого к наречиям не вызывает сомнений. Можно предположить, что буквально совмещает в одном употреблении признаки наречия и частицы, т.е. проявляет гибридные свойства.

Рассмотрим другой пример, где слово буквально выступает в характерной сочетаемости не только для частицы, но и для наречия – одновременно, ярко демонстрируя свой полифункциональный характер: – Получается, начальник ЖЭКа всё-таки сможет нас выгнать? / – Что вы понимаете под «выгнать»? / – Ну вот буквально, как она говорит, вызвать полицию и выкинуть нас на улицу (Блог «Юлия Вельбой» // Яндекс.Дзен. 04.12.2024). Буквально обращено, с одной стороны, к глаголу понимать в предтексте и реализует свое изначальное наречное значение в сочетаемости с ментальным глаголом (здесь вопрос предполагает, в каком значении употребляется слово выгнать, что поддерживается и в ответе: ‘понимаю слово выгнать буквально

но'), а с другой – к предикатам вызвать (полицию) и выкинуть (людей на улицу), проявляя свои свойства частицы, вводящей установку говорящего относительно того, как воспринимать смысл данной предикатной группы (буквально вызвать полицию – частица буквально в значении 'в прямом смысле слова'; выкинуть нас на улицу – частица буквально в роли интенсификатора, где выкинуть – в переносном смысле, экспрессивная номинация).

Те употребления, которые мы называем гибридными, имеют место в случаях нехарактерной для наречия сочетаемости, но сохраняют некоторые формальные признаки наречия, которое, как представляется, расширяет свои синтагматические возможности. Тем не менее характер сочетаемости и семантики у слова буквально при этом явно ненаречный, поскольку оно не обозначает образ действия, а представляет собой метаязыковой комментарий либо та часть семантики, которую можно отнести к наречной, существенно меняется. Так, в следующих случаях постпозитивное и эмфатическое буквально при предикатах, не входящих в группу глаголов речемыслительной деятельности, приобретает значение 'реально', 'по-настоящему', 'на самом деле', на которое наслаивается еще одно – 'в прямом смысле', 'не переносно' (но это не характеризующий признак действия, а прагматическая установка) в зависимости от конкретного контекста и семантики предикативного компонента, т.е. всегда связано с интерпретацией значения последнего: В 1230-34 годах великий князь Владимирский Святослав Всеволодович построил белокаменный собор – последний до монгольского завоевания. Причем построил – буквально: князь руководил строительством, как архитектор и как прораб (ТГ-канал «По-наехали...». 07.08.2024) – т.е. непосредственно участвовал в строительстве, а не просто приказал построить, о чем свидетельствует комментарий в тексте. Аналогичный эффект наблюдается и в следующем примере из рекламы: 342 млн руб. на чесноке за 2024 год. Пока кто-то сомневается, Павел Кувайцев делает деньги на земле – буквально. Его опыт доказывает: аграрный бизнес не только стабильно, но и прибыльно (ТГ-канал «Александр Картавых». 27.04.2025) – постпозитивное буквально при глагольной группе показывает, что выращивание (в земле, в грунте) овощной культуры (чеснока) дает хороший денежный доход, при этом подчеркивается прямое значение существительного земля, взаимодействующее, однако, с переносным смыслом выражения делать деньги.

Данные смыслы могут выявляться на основе отрицательно-противительных отношений в соответствующих синтаксических конструкциях, например: Разведись с ним, но не буквально, а мысленно (Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004 // НКРЯ) – разведись не по-настоящему, не на самом деле и не в соответствии с прямым значением глагола развестись, а только в мыслях, просто представь это. См. также пример, приведенный в диссертации Сюй Сюэцзюань и иллюстрирующий, по мнению автора, именно промежуточный между наречием и частицей, т.е. гибридный, тип употребления данного слова: Видите ли, она так трогательно о нём говорила, что иногда я сам с ней плакал – ну не плакал буквально, а таял от жалости (И. Грекова. Хозяева жизни, 1960 // НКРЯ) [16, с. 86], где (не) плакал – т.е. реально, на самом деле и в буквальном смысле слова. Для сравнения приведем примеры, демонстрирующие стандартную для «классического» употребления частицы семантико-функциональную нагрузку при маркированном фразовым ударением глаголе плакать (отмечает высокую степень признака и его близость, но не тождественность факту действительности): Помню, как при первом нашем знакомстве в начале 60-х буквально плакала Новелла Матвеева, жалуясь на то, что не в состоянии запретить петь свои песни вполне одаренной эстрадной артистке Кире Смирновой (А. Городничий. «И жить еще надежде», 2001 // НКРЯ) – готова была заплакать, была близка к этому от досады в ее высокой степени проявления, но не плакала в полном смысле слова (ср. глагол плакаться); У меня бывали случаи, когда люди, входя в перевоплощенную мною квартиру, буквально плакали от счастья (Ю. Королев. Евразия. Как сочетать несочетаемое // «Мир & Дом. City», 15.03.2003 // НКРЯ) – так радовались и были благодарны, что могли прослезиться, но потока слез скорее всего не было. Последний пример показывает функционирование частицы в той же сочетаемости, но благодаря контексту (совесть плакала) метафорический характер значения глагола становится совершенно очевиден: Травмированная совесть буквально плакала навзрыд, понимая, что, если я немедленно, вот прямо сейчас не возьму ручку, я подведу её, себя и Вселенную (А. Пайкес. Кансер // «Волга», 2014 // НКРЯ).

Таким образом, в случаях, квалифицируемых нами как гибридные употребления слова буквально, функция наречия в условиях нехарактерной сочетаемости сдвигается к прагматической установке адресату воспринимать слова говорящего буквально, однако этот сдвиг трудно уловить.

Выводы

В целом проведенное исследование показало актуальность изучения полифункциональных единиц русского языка, имеющих несколько омонимичных грамматических реализаций, границы между которыми провести не всегда возможно. Несмотря на давнюю традицию разработки данного вопроса в русской грамматической науке и на имеющиеся интерпретации многих подобных лексем не только в словарях русского

языка – общезыковых и специализированных, но и в многочисленных исследовательских работах, существует целый ряд единиц, для которых проблема дифференциации собственно наречных воплощений и служебных – партикулярных – остается до настоящего времени весьма существенной. В число таких единиц входит и буквально. Сложная семантика этого слова, преломляющаяся своими разнообразными гранями в условиях расширения синтагматических возможностей, коммуникативно-прагматическая природа, метаязыковой и экспрессивный потенциал, далеко не всегда стандартно реализующиеся в устной и письменной речи, а также полифункциональный характер не дают до конца разделиться гибридным его употреблением на буквально-наречие и буквально-частицу. Это те зыбкие участки функционирования данного слова, которые требуют дальнейшего изучения, особенно в связи с его востребованностью в современной разговорной речи, в политическом дискурсе и других коммуникативных сферах. Вместе с тем предложенный в работе подход, основанный на анализе синтагматических особенностей объекта исследования с применением контекстно-прагматического и семантико-прагматического анализа, позволил квалифицировать ряд реализаций слова буквально в нестандартных условиях функционирования как употребления служебной единицы – частицы.

Представленные в настоящей статье результаты исследования конкретной полифункциональной единицы будут интересны лингвистам – специалистам в области грамматики русского языка, его семантики и прагматики, изучающим служебные и полифункциональные единицы, а также активные процессы прагматизации, субъективизации, грамматикализации в современном русском языке.

Список источников

1. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 408 с.
2. Борисова Е.Г. Роль дискурсивных слов в управлении пониманием текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог». 2012. Вып. 11. С. 93 – 104.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. 864 с.
4. Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М.: Издательство АН СССР, 1991. С. 147 – 176.
5. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
6. Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики 1984. М.: Наука, 1988. С. 95 – 111.
7. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 2001. 832 с.
8. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М.: Наука, 1986. 201 с.
9. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. 432 с.
10. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
11. Сидоренко И.Я., Сидоренко Е.Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка: в 2-х ч. М.: Флинта, 2017. Ч. 2. 198 с.
12. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 750 с.
13. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 484 с.
15. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 292 с.
16. Сюй С. Семантика и функционирование полифункционального слова буквально в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Владивосток, 2024. 188 с.
17. Сюй С., Токарчук И.Н. Основные типы употребления полифункционального слова буквально в современном русском языке // Litera. 2022. № 8. С. 236 – 249.
18. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Берлин: PeterLang, 1999. 149 с.
19. Шмелева Т.В. Средства выражения метасмысла 'преувеличение' // Системный анализ значимых единиц русского языка. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1987. С. 82 – 92.
20. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

1. Active dictionary of the Russian language. Ed. Yu.D. Apresyan. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2014. Vol. 1. 408 p.
2. Borisova E.G. The role of discursive words in managing text comprehension. Computer linguistics and intellectual technologies: materials of the annual International conference "Dialogue". 2012. Iss. 11. P. 93 – 104.
3. Efremova T.F. Explanatory dictionary of service parts of speech of the Russian language. Moscow: Russian language, 2001. 864 p.
4. Kobozeva I.M. Problems of describing particles in research of the 80s. Pragmatics and semantics. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1991. P. 147 – 176.
5. Comprehensive dictionary of the Russian language. Ed. A.N. Tikhonova. Moscow: Russian Language, 2001. 1229 p.
6. Krysin L.P. Hyperbole in Russian Colloquial Speech. Problems of Structural Linguistics 1984. Moscow: Nauka, 1988. P. 95 – 111.
7. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russian Explanatory Dictionary. Moscow: Russian Language, 2001. 832 p.
8. Lyapon M.V. Semantic Structure of a Complex Sentence and Text. Moscow: Nauka, 1986. 201 p.
9. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words. Edited by V.V. Morkovkin. Moscow: Astrel: AST, 2002. 432 p.
10. Russian grammar: in 2 vol. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1. 783 p.
11. Sidorenko I.Ya., Sidorenko E.N. Brief explanatory and grammatical dictionary of functional homonyms of the Russian language: in 2 parts. Moscow: Flinta, 2017. Part 2. 198 p.
12. Dictionary of adverbs and function words of the Russian language. Compiled by V.V. Burtseva. Moscow: Russian language – Media, 2005. 750 p.
13. Dictionary of function words of the Russian language. Ed. E.A. Starodumova. Vladivostok: Publishing house of the State Unitary Enterprise "Primpoligrafkombinat", 2001. 363 p.
14. Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 vol. Ed.-in-chief K.S. Gorbachevich. Moscow: Russian language, 1991. Vol. 1. 484 p.
15. Starodumova E.A. Particles of the Russian language (multi-aspect description). Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2002. 292 p.
16. Xu S. Semantics and functioning of the polyfunctional word literally in modern Russian: diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.5. Vladivostok, 2024. 188 p.
17. Xu S., Tokarchuk I.N. Main types of use of the polyfunctional word literally in modern Russian. Litera. 2022. No. 8. P. 236 – 249.
18. Shimchuk E., Shchur M. Dictionary of Russian particles. Berlin: PeterLang, 1999. 149 p.
19. Shmeleva T.V. Means of expressing the metameaning 'exaggeration'. Systematic analysis of significant units of the Russian language. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 1987. P. 82 – 92.
20. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception). Moscow: Gnosis, 1994. 344 p.

Информация об авторах

Токарчук И.Н., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет, tokarchuk.in@dvfu.ru

© Токарчук И.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский) (филологические науки)

УДК 811.11-112

¹ Уракова А.Д., ¹ Болотова Е.В.

¹ Уфимский университет науки и технологий
(Стерлитамакский филиал)

Лексический аспект оппозиции «свет – тьма» в англоязычных газетных изданиях “The Times”, “The New York Times”

Аннотация: в данной работе проводится исследование оппозиции «свет – тьма» на базе двух ведущих англоязычных газет – *The Times* и *The New York Times*. Основное внимание уделяется анализу лексических единиц *light* и *darkness*, которые рассматриваются как в прямом, так и в переносном значении. Исследование выявляет особенности частотности использования этих лексических единиц в публицистических текстах и демонстрирует их семантическое разнообразие. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью вопросов, касающихся многоаспектного изучения лексических единиц, находящихся в оппозиционных отношениях, а также функционирования оппозиций в публицистическом тексте. Цель исследования заключается в исследовании лексического аспекта оппозиции «свет – тьма» в английском языке на материале англоязычных газетных изданий *The Times* и *The New York Times*. Исходя из цели, определены следующие задачи: изучить работы, посвященные исследованию оппозиции «свет – тьма» в лингвистике; изучить различные определения понятия «оппозиция»; представить теоретическое, лексико-семантическое обоснование оппозиции «свет – тьма»; рассмотреть оппозицию «свет – тьма» в лексическом ракурсе, на материале вышеуказанных англоязычных газетных изданий.

Ключевые слова: „darkness“, „light“, семантика, *The Times*, *The New York Times*, языковая оппозиция

Для цитирования: Уракова А.Д., Болотова Е.В. Лексический аспект оппозиции «свет – тьма» в англоязычных газетных изданиях “The Times”, “The New York Times” // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 149 – 154.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Urakova A.D., ¹ Bolotova E.V.

¹ Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology

The lexical aspect of the opposition "light – darkness" in the English-language newspapers "The Times", "The New York Times"

Abstract: this article examines the light – dark opposition based on two leading English-language newspapers, "The Times" and "The New York Times". The main focus is on the analysis of the lexical unit's light and darkness, which are considered both directly and figuratively. We have observed the variety of examples of these lexical units in both direct and figurative meanings. In addition, differences in the frequency of use of the specified vocabulary were revealed. The relevance of the work is due to the lack of elaboration of issues related to the multidimensional study of lexical units in oppositional relations, as well as the functioning of oppositions in a journalistic text. The purpose of the study is to study the lexical aspect of the "light – dark" opposition in English based on the material of the English-language newspaper editions "The Times" and "The New York Times". Based on this objective, we have outlined specific tasks: to examine different definitions of the term "opposition"; to provide the theoretical, lexical, and semantic

justification of the opposition "light – darkness"; to consider the opposition "light – darkness" in a lexical perspective, based on the material of English-speaking newspaper publications "The Times" and "The New York Times".

Keywords: *opposition, light, darkness, semantics, synonyms, The Times, The New York Times*

For citation: Urakova A.D., Bolotova E.V. The lexical aspect of the opposition "light – darkness" in the English-language newspapers "The Times", "The New York Times". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 149 – 154.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Изучение языковых оппозиций занимает ключевое место среди актуальных задач современной лингвистики. «Языковая оппозиция представляет собой лингвистически значимое различие между элементами плана выражения и содержания, где каждое из различий взаимосвязано и отражается друг на друге» [1, с. 12].

Как отмечалось, «весь лингвистический механизм функционирует за счет тождеств и различий, а язык выступает как система, основывающаяся исключительно на противопоставлении его конкретных элементов. Исследования, посвященные анализу семантических и смысловых оппозиций, играют важную роль в области лингвистики» [2, с. 193].

В данной работе представлены лексические аспекты оппозиции "свет – тьма", исследование которой основано на материалах из газет The Times и The New York Times.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования лексической оппозиции "свет – тьма" в публицистических текстах применялись следующие методы: контекстуальный анализ, описательный метод и анализ текстов по теме исследования, метод полной выборки, семантический анализ.

В процессе исследования лексических единиц (ЛЕ) мы опирались на толковые словари английского языка: Vocabulary.com, Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Данные словари позволили провести всестороннее исследование семантики ключевых лексем "light" и "darkness". На основе словарных дефиниций был осуществлен детальный анализ значений этих понятий, который впоследствии сопоставлялся с контекстным употреблением данных единиц в газетных публикациях. Такой подход обеспечил комплексный характер исследования и позволил выявить как базовые, так и контекстно обусловленные значения анализируемых лексических единиц.

Результаты и обсуждения

В ходе исследования был проведен анализ лексического материала, извлеченного из архивных материалов двух ведущих англоязычных изданий: «The Times» и «The New York Times». Временной охват выборки составил 2005-2006 годы. Для этого было проанализировано 200 статей газетной публицистики. В результате систематического изучения текстов из 40 отобранных статей было идентифицировано 84 употребления лексических единиц "light" и "darkness" в материалах «The Times». Параллельно в публикациях «The New York Times» было обнаружено 50 соответствующих примеров использования данных лексических единиц.

Такой подход к сбору материала обеспечил репрезентативность выборки и позволил провести сопоставительный анализ употребления исследуемых лексем в контексте современной газетной публицистики.

«Публицистический стиль речи объединяет в себе элементы и характеристики научного, официально-делового, а также художественного стилей. Ярко выраженная языковая экспрессия позволяет избежать чрезмерной стандартизации текста, в то время как наличие терминологических единиц, логичность изложения и использование стилистически нейтральной лексики сближают публицистический стиль с научным и официально-деловым» [2, с. 183]. Необходимо признать правоту позиции Екатерины Витольдовны Ковалевской, согласно которой рассматриваемый стиль не может быть охарактеризован как изолированный, «он представляет собой открытую систему языковых средств, что даёт журналистам возможность свободно интегрировать элементы других стилей, таких как разговорный, художественный или научный» [3, с. 43].

Оперируя дефинициями лексем "light" и "darkness" из упомянутых словарей, мы провели сравнительный анализ примеров из публикаций, в которых противопоставляются эти понятия. В ходе анализа было установлено, что данные слова используются как в прямом, так и в переносном смысле.

Для лексической единицы "light" в прямом значении нами были выделены четыре семы: «излучение, которое делает объекты видимыми»; «источник освещения»; «восход солнца»; «источник света с отража-

телем, установленный на транспортном средстве, и предназначенный для освещения дороги и окружающей местности». В переносном значении слово “light” охватывает восемь сем: «духовное осознание»; «ведущая (фигура), эксперт»; «трансцендентальное состояние сознания»; «истина; ясность»; «человек, к которому испытывают большую любовь и привязанность»; «надежда»; «информирование общественности»; «просветление» [7-9].

Прямое значение лексической единицы “darkness” определяется тремя смысловыми компонентами: «тёмный цвет кожи», «тёмный цвет/оттенок», «полное или частичное отсутствие света». Примечательно, что переносное значение слова “darkness” обладает более широким спектром значений по сравнению с прямым. В нём выделяется пять основных сем: «меланхоличное (угрюмое) настроение»; «отсутствие этических или духовных ценностей»; «секретность, тайность»; «зло»; «отсутствие информации» [7-9]. Эти дополнительные значения в переносном употреблении свидетельствуют о богатстве и многогранности семантического потенциала слова “darkness” в английском языке.

Проведя детальное и тщательное исследование дефиниций оппозиционной пары “light – darkness”, мы выполнили их сопоставительный анализ с примерами из перечисленных газетных источников.

Необходимо отметить, что помимо примеров, где обе лексемы используются в одном предложении, имеются также примеры, где данные лексические единицы используются отдельно. Далее рассмотрим примеры из газеты “The Times”, содержащие исследуемые лексемы.

Пример 1: I say, watching the horribly familiar NHS-issue ceiling tiles and lights passing above me, trying hard to resist the flashbacks.

Здесь автор текста использовал ЛЕ “light” в прямом смысле в значении светильника, лампы.

Пример 2: It is easy to overlook that almost all we ever do is argue about taste – and the meaningful discussions often explore how art relates to our experiences or shines light on our values.

В данной фразе мы сталкиваемся с фразеологизмом – “to shine light”, что, как и в русском языке, имеет эквивалент – проливать свет, то есть решать какие-то вопросы, внести ясность и т.д.

Пример 3: Alerted by this early tiptoe into darkness, we arrive at the pop imagery for which she is celebrated.

В этом примере, лексема «darkness» используется в прямом смысле в значении «наступление темноты».

Пример 4: “A lot of people haven’t stood up to the forces of darkness. Anna Soubry on her mission to make Starmer PM”.

Так гласил заголовок в одном из статей, и под словосочетанием «the forces of darkness» подразумеваются силы тьмы. Много людей не смогли противостоять «силам тьмы», так как на пост премьер-министра назначили британского политика, Кира Стармера.

Также, в этой газете были найдены примеры, где использовались сразу две лексические единицы в одном предложении и четко видна оппозиция «свет – тьма»:

Пример 5: “We let the darkness out into the light,” Hovestädt said. In addition to the hundred and eleven kilometres of files, there were more than two million photographs and slides, more than twenty thousand audio recordings, nearly three thousand videos and films, and forty-six million index cards.

Здесь идет речь о ситуации, когда архивисты пытались восстановить все записи, всю информацию про штаб-квартиру Штази после падения Берлинской стены, несмотря на то, что агенты секретной полиции Восточной Германии нещадно пытались все уничтожить. Своей фразой “We let the darkness out into the light” они пытаются донести до нас, что они раскрывают все секреты и тайны.

Проанализируем статистику использования лексических единиц «light» и «darkness» в различных контекстах. В общей выборке «The Times» было выявлено следующее распределение: прямое значение слова «light» встречается в 38 примерах, в переносном – 25; прямое значение слова «darkness» встречается в 14 примерах, в переносном – 7; примеров, где присутствуют обе лексемы, – 5 (рис. 1). С помощью диаграммы мы можем увидеть процентное соотношение примеров с данными лексическими единицами, которые использованы в словарях.

Аналогичным образом рассмотрим ниже примеры из газеты “The New York Times”.

Пример 1: But these are all things we tend to take for granted and, as amazing as we are, we own struggle to see ourselves in a positive light.

Здесь ЛЕ “light” используется в переносном значении. Какими бы мы ни были замечательными (as amazing as we are), нам очень сложно, и мы изо всех сил стараемся видеть себя в позитивном свете (in a positive light).

Пример 2: In a world of forest fires and half of the world's species facing imminent extinction, there is one gleam of light shining through.

Этот пример вызывает у нас большой интерес, ведь здесь “light” не используется в своем прямом значении. В данном случае описывается то, что несмотря на огромное количество лесных пожаров и неминуемого вымирания, все-таки есть луч/проблеск надежды, что все будет хорошо.

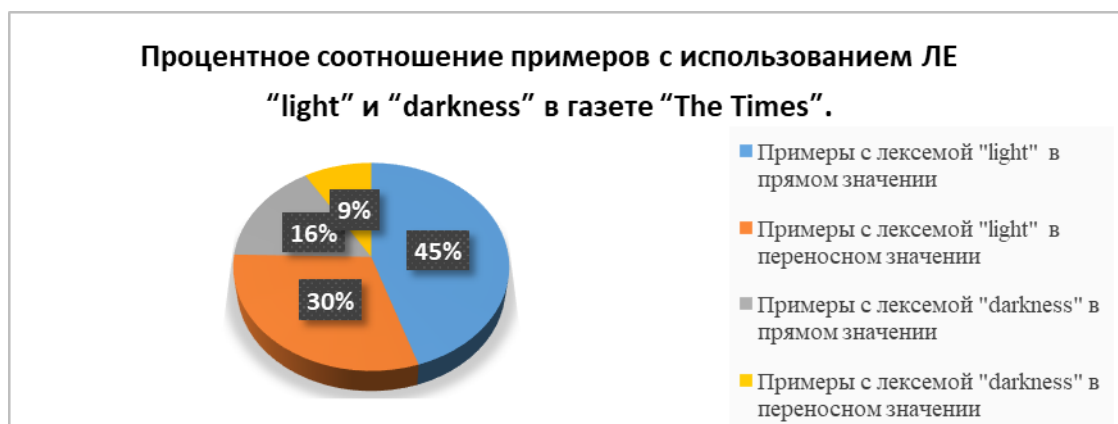

Рис. 1. Процентное соотношение использования лексических единиц “light” и “darkness” в газете “The Times”.
Fig. 1. Percentage of use of the lexical units “light” and “darkness” in the newspaper “The Times”.

Пример 3: “Art Seeks Enlightenment in Darkness”.

Нельзя оставить без внимания данный заголовок, ведь здесь также используется оппозиция света и тьмы. Данная статья о том, что многие художники приглушают свет на своих музейных выставках, чтобы только само искусство излучало свет. Отсюда и название заголовка – «Искусство ищет просветления во тьме».

Пример 4: The potatoes lay in the darkest, dampest corner, fenced off behind some boards, in a heap that dwindled by the day and in spring sprouted white shoots, desperately seeking the light.

В этом предложении также используется связь между светом и тьмой, но уже в прямом смысле. Картошка лежала в самом темном и сыром углу (the darkest, dampest corner), которая с каждым днем уменьшалась в размерах (dwindled by the day), а весной пустила белые ростки (in spring sprouted white shoots), отчаянно стремящиеся к свету (desperately seeking the light).

Анализ материалов газеты «The New York Times» показал следующие результаты: примеров с ЛЕ “light” в прямом значении – 26, в переносном – 14; с лексемой “darkness” в прямом значении – 6, в переносном – 4; примеров, где присутствуют обе лексемы – 2 (рис. 2).

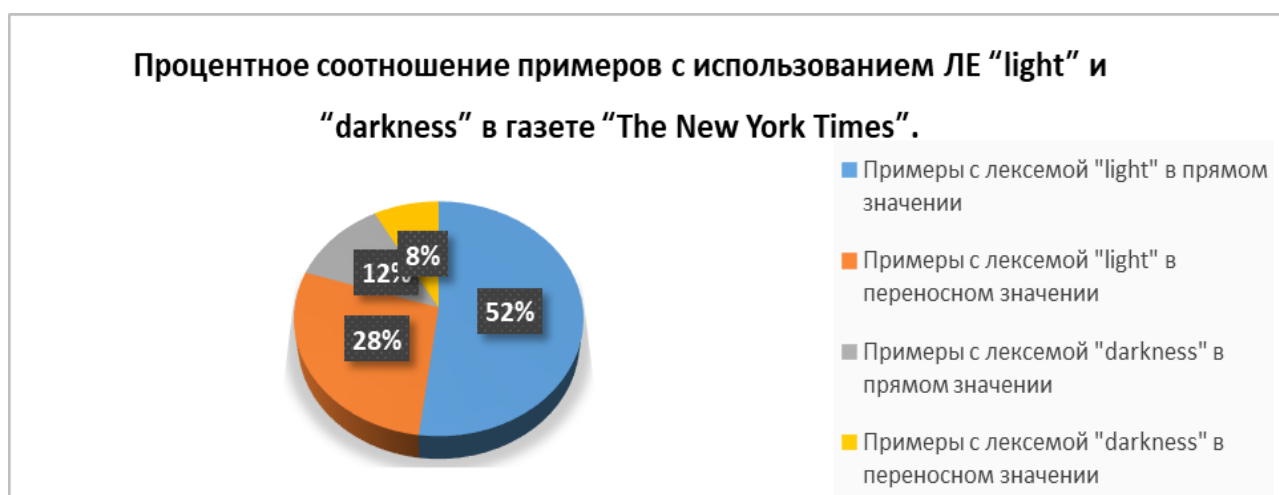

Рис 2. Процентное соотношение использования лексических единиц “light” и “darkness” в газете “The New York Times”.

Fig. 2. Percentage of use of the lexical units “light” and “darkness” in the newspaper “The New York Times”.

Выводы

Рассмотрев примеры газеты "The New York Times", мы пришли к выводу, что ЛЕ «light» использовалась в следующих значениях: «надежда»; «просветление»; «излучение, которое делает объекты видимыми»; «ведущая (фигура), эксперт»; «излучение, которое делает объекты видимыми». Что касается лексемы "darkness", она использовалась в таких значениях, как: «секретность, тайность»; «меланхоличное (угрюмое) настроение»; «полное или частичное отсутствие света».

Анализ примеров газеты "The Times" подводит нас к такому выводу: ЛЕ "light" использовалась в следующих значениях: «ведущая (фигура), эксперт»; «излучение, которое делает объекты видимыми»; «духовное осознание»; «надежда». Лексема "darkness" использовалась в таких значениях, как: «меланхоличное (угрюмое) настроение»; «полное или частичное отсутствие света»; «отсутствие информации».

Результаты исследования демонстрируют, что лексема "light" в газетах "The New York Times" и "The Times" употребляется как буквально, так и метафорически, чаще всего для передачи положительных концептов, таких как истина, самосознание, просветление, вера в лучшее. В то же время, "darkness" применяется как в прямом смысле, так и в переносном смысле, ассоциируясь с негативными понятиями, такими как незнание, безнадежность и неопределенность. Нам удалось также проанализировать предложения, где использовались сразу две лексемы ("Art Seeks Enlightenment in Darkness"), что позволило увидеть эту двойственность и противоречивость (искусство ищет просветления во тьме).

Стоит отметить, что в газете «The Times» наблюдается более обширное использование лексем «light» и «darkness». В этом издании значительно шире раскрывается тема противостояния света и тьмы, что может свидетельствовать о более глубоком осмыслении и частом обращении к этим концептам в контексте различных статей и материалов.

Список источников

1. Болотова Е.В., Уракова А.Д. Лексико-семантические репрезентации оппозиции «свет – тьма» в произведении Дж. Толкина «Властелин Колец: Братство кольца» // Мир науки и мысли. 2023. № 2. С. 24 – 29.
2. Григорьева Т.В. Роль метафорических бинарных оппозиций в символическом осмыслении действительности // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 3 (26). С. 194 – 196.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык. М.: Энциклопедия, 2008. 703 с.
4. Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 15. № 3. С. 80 – 85.
5. Сковрцов О.Г. Сопоставительное направление в исследовании семантической сферы «Light / Darkness» в зарубежной лингвистике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 15 – 23.
6. Соссюр Ф.М. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 676 с.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.05.2025).
8. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 16.05.2025).
9. Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/> (дата обращения: 02.05.2025).
10. Internet Archive. URL: https://archive.org/search?query=sim_pubid%3A1419+AND+volume%3A1&sort=date (дата обращения: 04.05.2025).

References

1. Bolotova E.V., Urakova A.D. Lexical and semantic representations of the opposition "light – darkness" in the work of J. Tolkien "The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring". The World of Science and Thought. 2023. No. 2. P. 24 – 29.
2. Grigorieva T.V. The role of metaphorical binary oppositions in the symbolic understanding of reality. Bulletin of Sochi State University. 2013. No. 3 (26). P. 194 – 196.
3. Karaulov Yu.N. Russian language. Moscow: Encyclopedia, 2008. 703 p.
4. Kovalevskaya E.V. Metaphor and comparison in a journalistic text. Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasova. 2016. Vol. 15. No. 3. P. 80 – 85.
5. Skvortsov O.G. Comparative direction in the study of the semantic sphere "Light / Darkness" in foreign linguistics. Political linguistics. 2009. No. 29. P. 15 – 23.
6. Saussure F.M. Works on linguistics. Moscow: Progress, 1977. 676 p.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 02.05.2025).
8. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 16.05.2025).

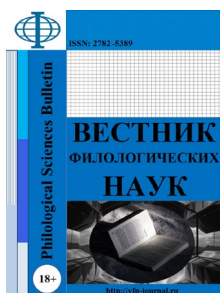
9. Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/> (date of access: 02.05.2025).
10. Internet Archive. URL: https://archive.org/search?query=sim_pubid%3A1419+AND+volume%3A1&sort=date (date of access: 04.05.2025).

Информация об авторах

Уракова А.Д., Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал), aanpaurakova@mail.ru

Болотова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра германских языков, Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал), e.v.bolotova@struust.ru

© Уракова А.Д., Болотова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111

¹ Вихрова К.А.

¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица

«Божий огонь»: религиозно-философские источники огненной образности в романах Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» и «Дорога»

Аннотация: в статье рассматривается функционирование образа огня и его религиозно-философские источники в романах «Кровавый меридиан» и «Дорога» современного американского писателя Кормака Маккарти. Выбор материала исследования обусловлен тем, что в обоих текстах огонь является важным символом, раскрывающим ключевые аспекты их поэтики, и анализ огненной образности и ее источников позволяет определить специфику представленной в романах морально-этической системы и метафизики. В ревизионистском вестерне «Кровавый меридиан» огонь выступает как онтологически объединяющий и одновременно разрушительный элемент, основа бытия, связанная с войной и первозданным хаосом. В постапокалиптической «Дороге» образ огня приобретает этическое и экзистенциальное значение, символизируя веру, надежду и сохранение человечности в мире после глобальной катастрофы. В результате проведенного анализа выявлено, что огненная образность в исследуемых романах соотносится с древнегреческой философией – прежде всего учением Гераклита, христианской эсхатологией, мифом о Прометее, а также с гностическими представлениями о зле и спасении. Результаты исследования можно использовать в рамках преподавания истории литературы США в высшей школе, а также для дальнейшего изучения литературного творчества Маккарти.

Ключевые слова: Кормак Маккарти, Кровавый меридиан, Дорога, огненная образность, интертекстуальность в текстах Маккарти, огонь в философии Гераклита

Для цитирования: Вихрова К.А. «Божий огонь»: религиозно-философские источники огненной образности в романах Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» и «Дорога» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 155 – 160.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Vikhrova K.A.

¹ Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

«The godfire»: religious and philosophical sources of fiery imagery in Cormac McCarthy's «Bloody Meridian» and «The Road»

Abstract: the article examines the functioning of the image of fire and its religious and philosophical sources in the novels «Blood Meridian» and «The Road» by Cormac McCarthy, a contemporary American author. This research material was chosen because in both works, fire is an important symbol that reveals key aspects of the poetics of the novels, and an analysis of the fire imagery and its sources allows us to determine the specifics of the moral and ethical system and metaphysics presented in the novels. In the revisionist Western «Blood Meridian», fire acts as an ontologically unifying and simultaneously destructive element, a foundation of existence associated with war and primordial chaos. In «The Road», the image of fire takes on an ethical and existential significance, symbolizing faith, hope,

and the preservation of humanity in a world after a global catastrophe. As a result of the analysis, it was revealed that the fiery imagery in the novels under study is related to ancient Greek philosophy, primarily the teachings of Heraclitus, Christian eschatology, the myth of Prometheus, and Gnostic ideas about evil and salvation. The results of this study can be used in the teaching of American literature history in higher education, as well as for further research on McCarthy's literary works.

Keywords: Cormac McCarthy, *Blood Meridian*, *The Road*, fiery imagery, intertextuality in McCarthy's texts, fire in Heraclitus' philosophy

For citation: Vikhrova K.A. «The godfire»: religious and philosophical sources of fiery imagery in Cormac McCarthy's «*Bloody Meridian*» and «*The Road*». *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (8). P. 155 – 160.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена неугасающим исследовательским и читательским интересом к творчеству современного американского писателя Кормака Маккарти. Корпус исследований, посвященных текстам прозаика, включает многочисленные статьи, монографии и диссертации. Отдельно представляется важным упомянуть исследования Д.Ч. Льюис [6, 7], посвященные ранним текстам Маккарти и освещающие проблемы, связанные с историко-философским контекстом их создания, а также историческую контекстуализацию сюжетных элементов в произведениях писателя, проведенную Дж. Сепичем [12].

Одной из особенностей, отличающих тексты Маккарти, стало активное обращение к литературному и религиозно-философскому наследию предшественников. Важной частью поэтики его произведений становится диалог с античными мифами и религиозно-философскими идеями древности: многие образные структуры в романах Маккарти сформированы под влиянием библейской эсхатологии, гностических учений, а также древнегреческой философии. Это особенно ярко проявляется в метафорике огня, приобретающего амбивалентное значение: так, в ревизионистском вестерне «Кровавый меридиан» [2] и постапокалиптическом романе «Дорога» [1] огонь становится одним из центральных символов повествования, приобретает мифологические и метафизические черты.

Цели и задачи исследования состоят в попытке ответить на вопрос о религиозно-философских источниках огненной образности в романах Маккарти «Кровавый меридиан» и «Дорога». В рамках исследования предполагается выявить и описать религиозные и философские традиции, оказавшие влияние на формирование данной образности, определить роль образа огня как в миропонимании персонажей, так и в поэтике текстов Маккарти.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили тексты романов Кормака Маккарти «Кровавый меридиан» и «Дорога». «Кровавый меридиан» рассказывает о жестоких похождениях банды охотников за скальпами на юго-западной границе США в сопровождении ужасающего судьи Холдена, проповедника войны всех против всех. В «Дороге» безымянные отец и сын идут к морю по обломкам цивилизации, погибшей в неизвестном катаклизме. Оба романа представляют собой повествования о странствиях по пустынным ландшафтам и объединены тематикой предельных морально-этических состояний. Эти тексты выбраны в качестве материала для анализа, поскольку именно в них наиболее отчетливо проявляется огненная образность, представляющая собой один из важных элементов в художественной системе Маккарти, что выражено в том числе на лексическом уровне через систематическое использование единиц, относящихся к соответствующему лексико-семантическому полю.

В статье применяются методы интертекстуального, сравнительного и целостного анализа. Интертекстуальный анализ позволяет выявить связь романов Маккарти с иными текстами, отсылки к религиозным и мифологическим сюжетам, а также реконструировать систему культурных кодов, лежащих в основе огненной символики. Сравнительный метод используется для сопоставления смыслов образа огня в рамках противостоящих мировоззренческих парадигм в романе «Кровавый меридиан», а также в более широкой перспективе анализа другого произведения – «Дороги». Целостный анализ направлен на рассмотрение огненной образности в единстве с системой персонажей и поэтикой текстов, что позволяет более глубоко раскрыть значение огня как элемента религиозно-философского дискурса в прозе Маккарти.

Результаты и обсуждения

Действие романа «Кровавый меридиан» разворачивается в середине XIX в., в период, предшествующий широкому распространению электричества, что обуславливает частое появление в тексте эпизодов, связанных с использованием огня. Персонажи разводят огонь в хозяйственных целях (для обогрева, освещения, приготовления пищи, ремесленных работ), а также ради насилия и разрушения (именно в огне завершается путь главаря банды Глэнтон). Источником огненного жара также выступает солнце.

Представленный в Главе XVII эпизод под заголовком «Божий огонь» описывает сцену, в которой группа изможденных путешествием и постоянной угрозой бандитов собирается у костра. Центральный элемент сцены – это фрагмент, в котором раскрывается философско-экзистенциальное измерение огня: «...они смотрели, не отрываясь, на огонь, в котором действительно есть нечто от самих людей, потому что без него они чего-то лишены, отделены от своих истоков и чувствуют себя изгоями. Ибо каждый костер – это все костры, первый и последний из когда-либо разожженных» [2, с. 280]. Данный отрывок подчеркивает архетипическую природу огня как символа человеческой сопричастности бытию, указывая на его сакральную сущность. Представление об огне как первоисточнике восходит к философским воззрениям древнегреческого философа-досократика Гераклита Эфесского. В его учении огонь рассматривается как первооснова и универсальный принцип мировой динамики, самодвижущееся и самотрансформирующееся начало, выражающее постоянное становление и борьбу противоположностей.

Подзаголовок «Божий огонь» отсылает не к фигуре христианского Бога. Это подтверждается анализом образа судьи Холдена – ключевой фигуры романа, в которой воплощена целостная этико-метафизическая система, основанная на принципах тотальной войны всех против всех как фундаментального онтологического состояния. Мировоззрение судьи строится вокруг идеи войны как первичного закона бытия, что также находит параллели в философии Гераклита. М.Л. Крюс указывает на тесную связь между учением древнегреческого философа и взглядами судьи Холдена, что подтверждается как самим текстом романа, так и черновыми материалами, оставленными Маккарти в процессе работы над произведением [4, с. 221]. В частности, в записях автора содержится прямая цитата из Гераклита: «Война есть отец всего. Она сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других свободными» [11, с. 95]. Таким образом, под «божественным» в данном контексте подразумевается не трансцендентное добро, а сила, структурирующая космос через конфликт.

Среди критиков популярно гностическое прочтение «Кровавого меридиана» как повествования о мире под властью злого Демиурга, заслоняющего истинного бога [10]. Трактовка высказываний судьи Холдена с позиции философии Гераклита приходит в противоречие с гностическим прочтением, поскольку метафизика судьи Холдена существует вне этических рамок [9]. Судья размышляет не в ветхозаветных категориях добра и зла: «Какая разница, что думают о войне люди <...>. Война есть и будет. С таким же успехом можно спросить, что люди думают о камне. Война была всегда. Она была еще до человека, война поджидала его» [2, с. 285]. Согласно мировоззрению Холдена, принадлежность к этой силе сулит приобщение к божественному (или неотпадение от него), при этом стихия борьбы отождествляется с огненной стихией.

К использованию в речи огненной образности прибегает идейный противник судьи Холдена – Бен Тобин, бывший послушник и доктор богословия из Гарварда. Став членом банды, он наравне с головорезами участвует в кровавых зверствах, но сохраняет остатки религиозного чувства и выступает для бандитов своего рода моральным авторитетом.

На протяжении повествования Тобин неоднократно вступает в полемику с судьей Холденом. Так, комментируя встречу с судьей, Тобин обращается к образности адского огня: «Не хотелось бы спорить с Писанием, но ведь могли же попасться грешники, натворившие столько зла, что их изрыгнул даже адский огонь, и мне ясно представилось, как давным-давно маленькие дьяволята со своими вилами прошли по этому огненному месиву, чтобы вернуть назад души, которые по недоразумению оказались извергнуты во внешние пределы мироздания из мест, где им назначено было пребывать» [2, с. 150]. Реплика Тобина представляет собой ироническую интерпретацию зла, воплощенного в образе судьи Холдена. Описывая гипотетическую ситуацию, в которой даже ад отвергает некоторых грешников, Тобин использует метафору их «извержения» из огненного пространства. Этот образ, с одной стороны, подчеркивает абсолютную чудовищность зла, которое Тобин ассоциирует с судьей Холденом, с другой – выводит его за пределы нормативного религиозного дискурса. Ад – последнее прибежище для душ отъявленных грешников, но Холден и ему подобные, по словам Тобина, оказываются столь радикально чужды любой онтологической системе, что даже преисподняя извергает их. Описание, приведенное Тобином, одновременно сохраняет христианскую метафорику (дьяволята, вилы, адский огонь) и вместе с тем показывает несостоятельность традиционных религиозных категоризаций перед лицом тотального зла.

Отдельным источником огненной образности в романе становится дневное светило: «Солнце только что село, на западе утесами вставали кроваво-красные тучи, и из них, будто спасаясь от великого пожара на краю земли, поднимались в небо маленькие пустынные козодои» [2, с. 27]. В приведенном фрагменте закатное солнце, окрашивающее небо в кроваво-красные тона, ассоциируется с катастрофическим пожаром, создавая образ апокалиптической природной трансформации. Возникает ощущение, что сама природа становится свидетелем или даже жертвой этой разрушительной силы: птицы стремительно покидают «зону пожара», указывая на первобытный, животный инстинкт бегства от угрозы, что придает сцене тревожную, эсхатологическую окраску.

Сквозь призму философии Гераклита фрагмент приобретает метафизическое измерение: закат, наполненный огненной образностью, символизирует момент перехода, внутреннего перерождения мира. Небо становится сценой космического цикла, а козодои, поднимающиеся от багровых тучи, несут в себе часть огненной стихии, трансформированной в движение, полет, жизнь. Таким образом, в гераклитовском контексте огонь остается не гибелью, но внутренним принципом мироздания – борьбой и становлением вне антропоцентрического кода, который на сюжетном уровне успешно подрывают многочисленные сцены нечеловеческой жестокости [3].

Частое обращение к образу огня в постапокалиптическом романе «Дорога» также сюжетно оправдано отсутствием электричества. Огонь в этом произведении символизирует не только физическое тепло и свет, но и моральные ориентиры, которые герои стремятся сохранить в поглощенном тьмой мире. Путешествуя по разоренной и обезображенной территории Северной Америки, безымянные мужчина и его сын повторяют, что «несут огонь» [1, с. 94]: эта фраза становится центральной в борьбе за сохранение человеческой добродетели в условиях конца света. Она отсылает к мифу о титане Прометее [8, с. 20]: он дал людям огонь, символизирующий дар знаний и культуры, необходимый для выживания и развития. В связи с той параллелью образ огня в «Дороге» приобретает особое значение: это стремление сохранить человечность и мораль.

Образ мужчины напоминает Прометея [8]: он выполняет функцию хранителя «огня» – не только в буквальном, но и в метафорическом смысле. В начале романа он защищает мальчика, который становится для него смыслом жизни. Этот жест символизирует важность передачи огня – символа человечности – следующему поколению. Мужчина наставляет мальчика, учит его выживать в жестоком мире, не поддаваться соблазну каннибализма, и поддерживает в нем идеалы погибшей культуры. Они оба «несут огонь», утверждая свою верность моральным принципам, несмотря на ежедневные страдания и голод. В этом контексте огонь становится символом их внутренней стойкости и отказа от деградации, несмотря на разрушение внешнего мира. Как и Прометей, который принес людям огонь и понес за это наказание, мужчина и мальчик платят высокую цену за свои моральные убеждения. Предпочитая держаться своих принципов, они рискуют жизнью: отвергают каннибализм, помогают одинокому старику.

Метафора огня раскрывает идею жертвы: как Прометей был наказан за дарование огня, так и мужчина приносит жертву, не изменяя своим убеждениям и передавая «огонь» сыну, несмотря на опасность и смерть, которую в итоге встречает. Человек, спасший мальчика после смерти отца, становится новым Гераклом, который завершает цикл и спасает ребенка от страданий и опасностей.

Примечательно, что мальчик в «Дороге» символизирует собой не только надежду на восстановление мира, но и продолжение тех добродетелей, которые когда-то дал людям Прометей. Он воплощает в себе «огонь» в самом чистом и искреннем смысле – доброту, сострадание и стремление помочь всем, кого он встречает. Мальчик верит, что в будущем, возможно, найдутся люди, которые смогут восстановить моральный порядок и вернуться к человеческим ценностям. В этот момент огонь становится символом не только выживания, но и возрождения, надежды на будущее.

Помимо мифологической аллюзии на Прометея, образ огня в романе может быть прочитан и сквозь призму учения Гераклита [5, с. 22], поскольку стихия выступает как морально-экзистенциальное условие взаимосвязи между людьми. Хотя огонь становится у Маккарти метафорой человечности как бытийной связи, эта связь не отменяет разрушительного потенциала стихии: напротив, в постапокалиптической реальности «Дороги» огонь выступает одновременно как сила разрушения и как источник надежды. В повествовании присутствуют сцены выгорания мирового всеожжения: отблески в оконном стекле указывают на катастрофу; пепел, пожары и обугленные тела, сожженные молнией или зажаренные на костре каннибалами, создают образ планеты, выжженной до основания. Огонь разрушает мир, но его сохранение – как этическая формула существования – становится символом связи между отцом и сыном. Однако суть этой этики – не в следовании внешнему моральному императиву или религиозной догме, а во внутреннем, онтологическом стремлении сохранить связь с другим человеком. В безбожном, опустошенном мире отвернуться от морали – значит рисковать отчуждением от остального человечества.

Особенно выразительно идея отчуждения через утрату огня воплощается в образах каннибалов. Они физически выжили, но цена выживания – утрата моральной основы, разрушение связи с другими. Самый страшный эпизод – сцена с обугленным телом младенца на вертеле – показывает, что, отказавшись «нести огонь», человек теряет не только нравственный ориентир, но и способность к человеческому общению. Каннибалы физически живы, но мертвы как часть человечества. Мужчина, напротив, сохраняет веру в то, что огонь можно передать. Он понимает, что надежда иррациональна, но верит, что мальчик найдет «хороших парней» – тех, кто еще способен сохранить связь с другими, несмотря на разрушение цивилизации.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что образа огня в романе «Кровавый меридиан» Кормака Маккарти восходит к античной натурфилософии, а также к христианской традиции. Огонь в «Кровавом меридиане» можно трактовать как архетипическое начало из философии Гераклита Эфесского, связующее человека с первоистоками бытия и обозначающее экзистенциальную сопричастность и укорененность в мироздании. Центральную роль в романе играет фигура судьи Холдена, выразителя гераклитовской идеи войны как первоосновы бытия, что подчеркивается в том числе прямыми авторскими отсылками к идеям древнегреческого философа. В репликах оппонента судьи Холдена – Бена Тобина – репрезентируется христианская символика огня – адского, очистительного, карающего, – которая в условиях мира «Кровавого меридиана» оказывается неспособной сдержать радикальное зло, воплощенное в образе судьи. С другой стороны, огненная образность в романе выходит за пределы антропологического контекста: закатное солнце в кроваво-красных облаках создают картину апокалиптического ландшафта, в котором огонь предстает как одновременно разрушительная и преобразующая стихия.

В романе «Дорога» в контексте анализа образа огня наиболее очевидной является аллюзия на миф о Прометее, принесшем людям огонь как символ разума, культуры и свободы. Главные герои – отец и сын – становятся продолжателями этой миссии, «несущими огонь» в прямом и символическом смысле: они хранят моральные ориентиры и человечность в разрушенном мире. Огонь в данном контексте воплощает нравственное сопротивление, самоотречение и жертвенность, противопоставленные инстинкту выживания любой ценой, который проявляется в образах каннибалов.

В то же время огненную образность в «Дороге» также можно интерпретировать сквозь призму философии Гераклита: огонь выступает как внутренний экзистенциальный принцип – условие сохранения человеческой идентичности в мире, где религиозные и культурные институты разрушены. Отказ от «несения огня» равносителен утрате человеческого облика, а сохранение огня – это акт внутреннего выбора, свидетельство непрерывной связи с другими.

Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования представляется выявление источников огненной образности в других произведениях Кормака Маккарти для более глубокого понимания его художественной картины мира.

Список источников

1. Маккарти К. Дорога / пер. с англ. Ю. Степаненко. СПб.: Азбука, 2018. 320 с.
2. Маккарти К. Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе / пер. с англ. И. Егорова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 384 с.
3. Carson J. Drawing Fire from the Text: Narrative and Morality in Blood Meridian // The Cormac McCarthy Journal. 2014. Vol. 12. P. 20 – 38.
4. Crews M.L. “Books Are Made Out of Books”: A Study of Influence from the Cormac McCarthy Archives: dis. ... PhD: 5.9.2. Wako, 2014. 251 p.
5. Kirkbride J. The Burning Core: Using Heraclitus's Concept of an Arche of Fire to Examine Humanity's Connection with Nature in Cormac McCarthy's The Road // Cormac McCarthy Journal. 2020. Vol. 18. No. 2. P. 100 – 112.
6. Luce D.C. Embracing Vocation: Cormac McCarthy's Writing Life, 1959-1974. Columbia: University of South Carolina Press, 2023. 336 p.
7. Luce D.C. Reading the World: Cormac McCarthy's Tennessee Period. Columbia: University of South Carolina Press, 2010. 328 p.
8. Luttrull D. Prometheus Hits The Road: Revising the Myth // The Cormac McCarthy Journal. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 20 – 33.
9. Moore I.A. Heraclitus and the metaphysics of war in Blood Meridian // Philosophical Approaches to Cormac McCarthy: Beyond Reckoning. Abington: Routledge, 2017. P. 93 – 108.

10. Mundik P. "Striking the Fire Out of the Rock": Gnostic Theology in Cormac McCarthy's Blood Meridian // South Central Review. 2009. Vol. 26. No. 3. P. 72 – 97.
11. Patrick G.T.W. The Fragments of the Work of Heraclitus of Ephesus on Nature with an Introduction Historical and Critical / transl. by I. Bywater. Baltimore: Press of Isaac Friedenwald, 1889. 630 p.
12. Sepich J. Notes on Blood Meridian: Revised and Expanded Edition. Austin: University of Texas Press, 2008. 241 p.

References

1. McCarthy K. The Road. Translated from English by Yu. Stepanenko. SPb.: Azbuka, 2018. 320 p.
2. McCarthy K. Blood Meridian, or Sunset Crimson in the West. Translated from English by I. Egorova. SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2012. 384 p.
3. Carson J. Drawing Fire from the Text: Narrative and Morality in Blood Meridian. The Cormac McCarthy Journal. 2014. Vol. 12. P. 20 – 38.
4. Crews M.L. "Books Are Made Out of Books": A Study of Influence from the Cormac McCarthy Archives: dis. ... PhD: 5.9.2. Wako, 2014. 251 p.
5. Kirkbride J. The Burning Core: Using Heraclitus's Concept of an Arche of Fire to Examine Humanity's Connection with Nature in Cormac McCarthy's The Road. Cormac McCarthy Journal. 2020. Vol. 18. No. 2. P. 100 – 112.
6. Luce D.C. Embracing Vocation: Cormac McCarthy's Writing Life, 1959-1974. Columbia: University of South Carolina Press, 2023. 336 p.
7. Luce D.C. Reading the World: Cormac McCarthy's Tennessee Period. Columbia: University of South Carolina Press, 2010. 328 p.
8. Luttrull D. Prometheus Hits The Road: Revising the Myth. The Cormac McCarthy Journal. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 20 – 33.
9. Moore I.A. Heraclitus and the metaphysics of war in Blood Meridian. Philosophical Approaches to Cormac McCarthy: Beyond Reckoning. Abington: Routledge, 2017. P. 93 – 108.
10. Mundik P. "Striking the Fire Out of the Rock": Gnostic Theology in Cormac McCarthy's Blood Meridian. South Central Review. 2009. Vol. 26. No. 3. P. 72 – 97.
11. Patrick G.T.W. The Fragments of the Work of Heraclitus of Ephesus on Nature with an Introduction Historical and Critical. Transl. by I. Bywater. Baltimore: Press of Isaac Friedenwald, 1889. 630 p.
12. Sepich J. Notes on Blood Meridian: Revised and Expanded Edition. Austin: University of Texas Press, 2008. 241 p.

Информация об авторах

Вихрова К.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, r2654256@gmail.com

© Вихрова К.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.521

¹ Середенко В.М., ¹ Вьюнов А.С.

¹ Военный университет имени князя А. Невского МО РФ

Подходы к определению понятия манипулятивного дискурса в современной лингвистике

Аннотация: статья посвящена анализу понятия манипулятивного дискурса и его роли в современных коммуникативных практиках. Авторы раскрывают эволюцию понятия «манипуляция» – от буквального трактования «ловкость рук» до сложного феномена социально-психологического воздействия, выделяя его ключевые характеристики: скрытость воздействия, направленность на изменение восприятия адресата и контроль над его поведением. Теоретическую основу исследования формирует исследования в области критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, дискурсивно-исторического подхода Р. Водак и психолингвистические разработки Е. Доценко и А. Даниловой, что позволяет рассмотреть манипуляцию одновременно как социальное, когнитивное и языковое явление. Особое внимание уделено японскому медиадискурсу: анализируются лексические номинации «操作», «マニピュレーション», «改ざん», феномен «以心伝心» и эксплуатация форм вежливости, создающие благоприятную среду для скрытого влияния. Выявлены характерные стратегии – фреймирование, апелляция к коллективным ценностям, использование англицизмов или традиционных концептов. Показано, что высококонтекстуальная природа японской коммуникации усиливает прагматический потенциал имплицитных сообщений и «правдиво вводящей в заблуждение» речи. Автор подчёркивает нарастание манипулятивных практик в цифровую эпоху, рост междисциплинарного интереса к теме и необходимость развития критической медиаграмотности. В заключении подчёркивается значимость критического восприятия информации и необходимость междисциплинарного подхода к изучению языковой манипуляции в условиях информационного общества, формулируются критерии разграничения легитимного убеждения и нелегитимной манипуляции, а также намечаются перспективы дальнейших исследований языка власти в межкультурной перспективе.

Ключевые слова: манипулятивный дискурс, лингвистика, японский язык, манипуляция, дискурс, языковая манипуляция, японский медиадискурс

Для цитирования: Середенко В.М., Вьюнов А.С. Подходы к определению понятия манипулятивного дискурса в современной лингвистике // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 161 – 166.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Seredenko V.M., ¹ Vyunov A.S.

¹ Military University named after Prince A. Nevsky
Ministry of Defense of the Russian Federation

Approaches to defining the concept of manipulative discourse in modern linguistics

Abstract: the article is devoted to the analysis of the concept of manipulative discourse and its role in modern communication practices. The authors reveal the evolution of the concept of "manipulation" – from the literal interpretation of "tricks of the hand" to a complex phenomenon of socio-psychological influence, highlighting its key characteristics: hidden influence, focus on changing the perception of the addressee and control over his behavior. The theoretical basis of the study is formed by research in the field of critical discourse analysis by T. van Dijk, the

discursive-historical approach of R. Wodak and psycholinguistic developments by E. Dotsenko and A. Danilova, which allows us to consider manipulation simultaneously as a social, cognitive and linguistic phenomenon. Particular attention is paid to Japanese media discourse: the lexical nominations “操作”, “マニピュレーション”, “改ざん”, the phenomenon of “以心伝心” and the exploitation of forms of politeness, which create a favorable environment for hidden influence, are analyzed. Characteristic strategies are identified – framing, appeal to collective values, the use of Anglicisms or traditional concepts. It is shown that the highly contextual nature of Japanese communication enhances the pragmatic potential of implicit messages and “truthfully misleading” speech. The author emphasizes the increase in manipulative practices in the digital age, the growth of interdisciplinary interest in the topic and the need to develop critical media literacy. The conclusion emphasizes the importance of critical perception of information and the need for an interdisciplinary approach to the study of linguistic manipulation in the context of the information society, formulates criteria for distinguishing between legitimate persuasion and illegitimate manipulation, and outlines prospects for further research into the language of power in an intercultural perspective.

Keywords: manipulative discourse, linguistics, Japanese language, manipulation, discourse, language manipulation, Japanese media discourse

For citation: Seredenko V.M., Vyunov A.S. Approaches to defining the concept of manipulative discourse in modern linguistics. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 161 – 166.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Манипуляция представляет собой кумулятивное явление, которое пронизывает различные сферы жизни – от межличностного общения

до глобальных политических процессов и массовой культуры. С одной стороны, она может выступать в качестве относительно безобидного инструмента влияния, когда люди стремятся помочь понять окружающим свою точку зрения и достичь компромисса. С другой стороны, манипулятивные практики могут принимать опасные формы, когда собеседник вопреки своим интересам вынужден встать на сторону убеждающего, за счет распространения последним искажённых фактов, что в свою очередь может привести к негативным социальным последствиям. Благодаря способности незаметно воздействовать на сознание, манипуляция нередко становится мощным инструментом, позволяющим управлять поведением как отдельных индивидов, так и целых групп.

Интерес к феномену манипуляции активно возрастает в различных научных областях – психологии, социологии, политологии, маркетинге, педагогике, медиаисследованиях и других дисциплинах. Учёные стремятся раскрыть механизмы формирования манипулятивных стратегий, причины их эффективности, а также способы противостояния им. Исследователи указывают, что манипуляция может базироваться как на рациональных, так и на эмоциональных аргументах, может опираться на предрассудки

и стереотипы, использовать страхи и ожидания. При этом границы между легитимным убеждением и нелегитимной манипуляцией зачастую бывают крайне размытыми, что делает изучение этого феномена ещё более сложным.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и основано на сочетании методов когнитивной лингвистики и прагматической лингвистики. Теоретической основой послужили труды Т. ван Дейка, Р. Водак, А.А. Даниловой и Е.Л. Доценко, что позволило рассматривать манипулятивный дискурс в трех взаимосвязанных аспектах – социальном, когнитивном и языковом. Особое внимание уделено лексическим номинациям понятий «манипуляция» в японском языке (操作, マニピュレーション, 改ざん) и феномену «以心伝心», а также синтаксическим и прагматическим средствам, способствующим имплицитной передаче информации. Такой методологический подход позволил выявить особенности функционирования манипулятивного дискурса в японской культуре и проследить специфику языковых механизмов влияния, обусловленных высокой контекстуальностью японской коммуникации.

Результаты и обсуждения

Широкая распространённость манипуляции во многом связана с развитием цифровых технологий и увеличением объёмов информации. Различные онлайн-площадки и социальные сети создают условия для

стремительного распространения слухов, непроверенных данных и дезинформации, значительно усложняя возможность отделять объективные факты от искажённых интерпретаций. В то же время, понимание принципов манипуляции позволяет не только защититься от неблагоприятного психологического воздействия, но и сформировать критический взгляд на информацию, открывающий путь к более осознанному участию в общественных процессах.

Феномен манипулятивного дискурса является одним из ключевых лингвистических инструментов, который используется в современном мире для осуществления власти посредством убеждающих и суггестивных механизмов. «Манипулятивный дискурс» семантически происходит от понятий «дискурс» и «манипуляция», а также тесно связан с понятием «языкового манипулирования». Рассмотрим эти понятия подробнее.

Слово «манипуляция», по данным этимологического словаря Семенова, происходит от латинских слов «manus» – «рука» и «pleo» – «наполняю» [1].

В Большом психологическом словаре утверждается, что «манипуляция» происходит от латинских «manipulus» (горсть) и «manus» (рука) и даются некоторые определения, которые, на наш взгляд, представлены в иерархическом порядке «от простого к сложному», отражая процесс усложнения явления манипуляции с течением времени, начиная от момента происхождения этого слова [2]:

1) «Манипуляция – это ручная операция, ручное действие, в частности демонстрация фокуса, основанная на ловкости рук».

2) «Махинация, обман, жульничество, мошенничество».

3) «Коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, аттитюдов, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия; при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодным для объекта воздействия».

В Социологическом энциклопедическом словаре [3] помимо нейтрального толкования понятия «манипуляция» как сложного приема в ручной работе, требующего большой точности, она рассматривается как «способ социального воздействия на людей, при помощи различных средств (экономических, политических, социальных, массовой информации) с целью навязывания им определенных идей, ценностей, форм поведения и т.д.», кроме того, как «жульническая проделка, ухищрение, подтасовка фактов, махинация, фокус».

Анализ трактовок понятия «манипуляция» в нескольких словарях позволяет предположить, что семантическая эволюция манипуляции отражает переход от буквального значения (действие руками, требующее ловкости и точности) к более абстрактным и сложным – обману, жульничеству и, наконец к форме социально-психологического воздействия. Если в ранних определениях шла речь о фокусах или работе руками, то в последующих значениях на первый план выходят скрытые мотивы и способы влияния на поведение других людей. В научном и повседневном обороте слово «манипуляция» приобрело ярко выраженную негативную коннотацию, связанную с обманом, жульничеством и манипулированием мнениями. Однако более детальное рассмотрение понятия «манипуляция» указывает на то, что само манипулятивное воздействие не во всех случаях вредит адресату воздействия. Для того, чтобы действие считалось манипулятивным достаточно стремления адресанта вызвать определенное поведение у адресата. Расширение сферы употребления термина связано с усложнением общественных процессов и развитием средств массовой информации. Современное понимание манипуляции включает в себя не только личные или межличностные аспекты (обман, мошенничество), но и более масштабное социальное, политическое или экономическое влияние, часто реализуемое с использованием медийных и иных инструментов (например, рекламы, пропаганды). При этом исторические корни слова напоминают о том, что манипуляция общественным мнением в коммуникативном пространстве осуществима в первую очередь за счет большой ловкости и выучки того, кто ее осуществляет. Развитые технологии и сложность коммуникативных процессов в современном мире обуславливают усложнение процессов манипуляции и самого понятия «манипуляция».

Т. ван Дейк под манипуляцией подразумевает «коммуникативную практику, в которой адресант осуществляет контроль над адресатом, как правило, против его воли и интересов, но в интересах доминирующей группы» [4]. Он отмечает, что манипуляция может быть легитимной и нелегитимной. Легитимная манипуляция представляет собой акт коммуникации, когда адресат свободен в выборе оценок и дальнейших действий. Нелегитимная же манипуляция не оставляет выбора адресату, ввиду неспособности им понять намерений адресанта, распознать попытку осуществления воздействия. Это происходит ввиду нехватки знаний у адресата, при помощи которых он был бы способен сопротивляться манипуляции. Кроме

того, в качестве нелегитимной манипуляции рассматриваются все коммуникативные и социальные практики, которые направлены на достижение цели одной стороны против интересов другой. Решающим когнитивным условием манипуляции Т. ван Дейк считает необходимость введения в заблуждение адресата относительно реальных целей коммуникативного акта. По его мнению, адресат должен быть уверен, что некоторые действия предпринимаются в его интересах, в то время как на самом деле они будут являться средством достижения целей адресанта. Исследуя критический дискурс-анализ, Т. ван Дейк разработал модель анализа манипуляции, связывающую три явления – дискурс, познание и общество. По его мнению, манипуляцию стоит рассматривать сразу в трех измерениях: как социальное явление (неравенство власти и злоупотребление ею), как когнитивное явление (контроль над знаниями адресата и как следствие над его сознанием) и как собственно дискурсивное явление (языковые приемы и тексты) [4]. Подход Т. ван Дейка лег в основу множества последующих исследований, включая анализ политической риторики и медиатекстов.

Рут Водак, представитель дискурсивно-исторического подхода, исследуя язык политики и пропаганды, указывает, что эффективность манипуляции во многом зависит от фоновых знаний реципиента: люди, обладающие меньшим запасом фоновых знаний, легче подвергаются внушению и принимают внушаемые им идеи [4].

А.А. Данилова рассматривает манипуляцию как воздействие, при котором «в сознание объекта внедряются конкретные образы, ассоциации или стереотипы, способные незаметно изменить его отношение к предмету, явлению или изменить картину мира» [5]. В этом определении подчеркивается скрытый характер влияния, его тесная связь с понятием картины мира и концепта, а также результат манипуляции – трансформация восприятия реальности адресатом.

Е.Л. Доценко в одной из своих работ дает следующее определение понятию «манипуляция»: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, осуществление которого приводит к скрытому возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с его существующими желаниями» [6]. Среди ключевых свойств, присущих манипуляции, он выделяет следующие: незаметность воздействия для адресата, наличие умысла достижения собственных целей у адресанта, мультимодальность воздействия и использование уязвимостей адресата для повышения эффективности манипуляции.

В Японии исследованием феномена языковой манипуляции занимаются как лингвисты, так и специалисты по медиа. Одна из современных исследователей языковой манипуляции в японском языке Юкико Сюкури (宿利由希子) из Университета Тохоку ведет проект по анализу особенностей японского языка, которые могут повысить внушаемость аудитории. Она исследует слова в японском языке, используемые для описания поведения отрицательных персонажей, которые позволяют создавать образ «злодея» и сравнивает их с аналогами в английском, китайском и русском языках. Предварительные выводы ее исследования указывают на то, что лексика японского языка, используемая для описания поведения, имеет более узкую привязанность к типу субъекта, чем такая же лексика английского языка, что говорит о том, что японская лексика может использоваться для более тонкого внушения образа преступника через выбор слов [7].

Томоми Эндо (遠藤知巳), представитель дискурсивных исследований из Японского женского университета, особое внимание уделяет тому, как через язык конструируется образ событий и социальных явлений. Он подчеркивает, что понятие «言説» (гэнсэцу – дискурс) имеет реальную силу в процессах изменения общества и отмечает важность умения распознавать скрытые смыслы в публичных высказываниях экспертов и политического руководства [8]. Японские филологи рассматривают взаимодействие вежливости и манипуляции в японском языке. Известно, что японская речь богата формулами вежливости, и, хотя их основная функция – выражать категорию уважения, некоторые ученые указывают на возможность манипулятивного использования вежливых форм. Чрезмерная вежливость или формальность в политической речи может служить отвлекающим маневром и смягчать восприятие некоторых непопулярных заявлений.

В японском языке существуют различные способы номинации понятия «манипуляция»:

«操作» – sousa – «1) управление машинами, оборудованием, выполнение работ; 2) внесение каких-либо изменений куда-либо с целью получения выгодных для себя результатов. Пр. «манипулирование бухгалтерскими книгами с целью сокрытия прибыли»» [9]; «マニピュレーション» – manipulation – «1) умелое управление, умелое обращение; 2) манипулирование рынком акций» [9]; «改ざん» – kaizan – это «преднамеренная подделка или изменение фактов, данных или документов. Данный термин часто используется в областях, где крайне важна точность, например, в юридических документах и научных исследованиях» [10]. «Переписывание формулировок документа. Термин зачастую используется в негативном контексте» [9].

В японском языке особое внимание уделяется косвенным речевым актам и имплицитным смыслам. Японская культура традиционно высококонтекстуальна, многие вещи понимаются между строк, что обуславливает существование такого явления, как «以心伝心 (ishin denshin – «передача сердца через сердце»)). «以心伝心» – это глубоко укорененное в японской культуре и языке понятие, означающее умение понимать чувства, мысли или намерения другого человека без явного их выражения со стороны последнего. Это создает благодатную почву для манипуляций через подтекст. Толковый словарь Daijirin даёт следующие определения данному феномену: «以心伝心» – «1) в дзен-буддизме этот феномен означает молчаливую передачу ученикам сути буддизма, которую невозможно выразить словами. 2) умение понимать мысли друг друга без использования слов» [9]. 以心伝心 находит своё выражение в том числе в грамматических конструкциях, например, конструкция «のです (んです) – no desu (n desu)» – в конце предложения может выражать обширный спектр эмоций (оправдание, уточнение, интерес, удивление, жалоба, забота) говорящего в зависимости от контекста. Или, например, конструкция «ちょっと。。。 – choutto) в конце предложения, способная выражать не прямой отказ, неудобство, намекать на неловкую ситуацию, или использующаяся для того, чтобы не отказывать прямо ввиду того, что в японской культуре прямой отказ зачастую может быть воспринят за грубость. Благодаря присутствию феномена «以心伝心» в японской культуре и японском языке, на первый взгляд формально нейтральное заявление политика может содержать скрытый смысл, понятный японской аудитории, но в тоже время непонятный иностранной.

Выводы

Таким образом, основные черты понятия «манипуляция» в лингвистике – это скрытость и контроль над восприятием адресата. Применительно к японскому языку все перечисленные характеристики актуальны, хотя реализуются с учётом специфики японской коммуникативной культуры (например, высокого значения вежливости и контекстуальности речи). Языковая манипуляция может проявляться как на лексическом уровне (выбор слов с нужной коннотацией, эвфемизмы, эмоционально окрашенные выражения), так и на уровне синтаксиса и прагматики (особые речевые конструкции, имплицитные смыслы, игра с правилами вежливости). Например, в манипулятивном высказывании говорящий может сообщать формально правдивую информацию, но умышленно неполно, позволяя адресату самому достраивать ложный вывод. Такой приём назван исследователями феноменом «правдиво вводящей в заблуждение» речи: говоря полуправду или умалчивая часть фактов, коммуникатор заставляет адресата сделать выгодные ему выводы, сохраняя возможность заявить, что «буквально-то он не лгал».

Современные исследования феномена манипуляции в японских медиа демонстрируют, что, хотя общетеоретические подходы (прагматический, когнитивный и критический анализ) во многом универсальны, конкретные способы языкового воздействия всегда культурно обусловлены. Японский дискурс отличается сочетанием внешней вежливости и внутренней имплицитности, что порождает свои формы скрытого влияния – от тонких намёков в политических речах до глубоко продуманных эвфемизмов в новостях. За последние пять лет учёные как в Японии, так и за её пределами проявляют особый интерес к исследованию японского медиадискурса, что позволило выявить характерные лексико-грамматические приёмы манипуляции в японском политическом и медийном дискурсе, назвать основные стратегии (фреймирование, апелляция к коллективным ценностям, использование англицизмов или, напротив, традиционных концептов в нужном свете). Актуальной тенденцией стало стремление соединить теорию с практикой: многие работы не только анализируют языковые тактики манипуляторов, но и призваны помочь рядовым читателям и слушателям их распознавать. Таким образом, изучение языковой манипуляции на материале японского языка сегодня – это динамично развивающаяся область, совмещающая лингвистический анализ и культурологическое понимание контекста. Благодаря трудам ключевых исследователей и накопленным данным, мы можем лучше понять, как слова управляют нашим мышлением, и научиться этому противостоять – вне зависимости от того, звучат эти слова на японском или на любом другом языке.

Список источников

1. Манипуляция. Этимологический словарь Семенова. URL: <https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-m.htm> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2002. 632 с.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. С. 166.
4. Dijk van T.A. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. Vol. 17 (3). P. 360 – 361.

5. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011. С. 3.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 2001. С. 59.
7. Danger of Information Manipulation due to Depiction of Action // KAKEN. URL: <https://kaken.nii.ac.jp/grant/KAKENHI-PROJECT-20K13056/> (дата обращения: 23.03.2025).
8. Дискурс управляет обществом. Сила высказываний экспертов // Best Selection. URL: <https://www.best-selection.co.jp/interview-endo-tomomi> (дата обращения: 23.03.2025).
9. Daijirin. Tokyo: Monokakido Co. Ltd., 2008.
10. Англо-японский японо-английский толковый словарь // Weblio. URL: <https://ejje.weblio.jp/content/改ざん> (дата обращения: 11.03.2025).

References

1. Manipulation. Etymological Dictionary of Semenov. URL: <https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-m.htm> (date of access: 11.03.2025).
2. Large Psychological Dictionary. Edited by B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. Moscow, 2002. 632 p.
3. Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Edited by G.V. Osipov. Moscow: Publishing Group INFRA M – NORMA, 1998. 166 p.
4. Dijk van T.A. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. Vol. 17 (3). P. 360 – 361.
5. Danilova A.A. Manipulation of words in the media. Moscow: Dobrosvet, KDU Publishing House, 2011. 3 p.
6. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Moscow: CheRo, 2001. 59 p.
7. Danger of Information Manipulation due to Depiction of Action. KAKEN. URL: <https://kaken.nii.ac.jp/grant/KAKENHI-PROJECT-20K13056/> (date of access: 23.03.2025).
8. Discourse governs society. The power of expert statements. Best Selection. URL: <https://www.best-selection.co.jp/interview-endo-tomomi> (date of access: 23.03.2025).
9. Daijirin. Tokyo: Monokakido Co. Ltd., 2008.
10. English-Japanese Japanese-English Explanatory Dictionary. Weblio. URL: <https://ejje.weblio.jp/content/改ざん> (date of access: 11.03.2025).

Информация об авторах

Середенко В.М., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Военный университет имени князя А. Невского МО РФ, ichi210@mail.ru

Вьюнов А.С., преподаватель, Военный университет имени князя А. Невского МО РФ, viunart@yandex.ru

© Середенко В.М., Вьюнов А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)

УДК 81'44

¹ Карелова О.В.

¹ Северо-Западный университет

О поэтическом дискурсе произведений «северных поэтов» в период становления многостороннего мироустройства (на материале произведений русскоязычных и англоязычных поэтов-северян XX-XXI вв.)

Аннотация: целью исследования является изучить поэтического дискурса в произведениях «северных поэтов» XX-XXI вв. и выявить их лингвостилистические особенности.

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование проводилось в русле современных когнитивных разработок на стыке следующих наук: лингвистики текста, лингво-культурологии, стилистики, когнитивной лингвистики и литературоведения.

Новизна исследования состоит в том, что в данной работе проводится изучение художественных текстов современных писателей, которые ранее не были фундаментально исследованы в лингво-поэтическом аспекте.

В теоретической части работы рассмотрены понятия: «художественная картина мира писателя», «поэтическая коммуникация» и «поэтический дискурс», которые невозможно представить в отрыве от культурно-социального контекста, особенно, в настоящее время – период становления «многополярного миропорядка», а также изучены особенности поэтической речи. В практической части приведены примеры лингво-поэтического анализа стихотворений русскоязычных и англоязычных поэтов-северян. В результатах исследования представлены основные особенности поэтического дискурса, выявленные в произведениях данных писателей.

Теоретическая значимость заключается в разработке методологической основы для лингвостилистического и литературоведческого анализа стихотворений поэтов-северян. Кроме того, проводимое исследование имеет теоретическое значение в плане более полного и глубокого осмысления творчества данных писателей, а также вносит вклад в разработку общей проблемы интерпретации поэтического текста и открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования.

Практическая значимость состоит в том, что результаты и материалы исследования могут быть использованы при подготовке разнообразных курсов по таким дисциплинам, как: стилистика, лексикология, интерпретация текста, при разработке специализированных курсов по современной англоязычной и русской поэзии, лингво-культурологии, а также при обучении студентов анализу художественного текста и написании курсовых и дипломных работ. Кроме того, данные материалы также могут быть использованы при подготовке занятий по нравственно-духовному и патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: многополярный мир, поэтический дискурс, художественная картина мира писателя

Для цитирования: Карелова О.В. О поэтическом дискурсе произведений «северных поэтов» в период становления многостороннего мироустройства (на материале произведений русскоязычных и англоязычных поэтов-северян XX-XXI вв.) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 167 – 174.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Karel'ova O.V.

¹ Northwestern University

On the poetic discourse of the “northern poets” during the formation of the multilateral world order (based on the works of Russian-speaking and English-speaking northern poets of the XX-XXI centuries)

Abstract: *the purpose of the research is to study the poetic discourse in the works of the “northern poets” of the XX-XXI centuries and to identify their linguistic and stylistic features.*

The relevance of the work is due to the fact that the research was conducted in line with modern cognitive developments at the intersection of the following sciences: textual linguistics, linguo-cultural studies, stylistics, cognitive linguistics and literary studies.

The novelty of the research lies in the fact that this work examines the literary texts of modern writers, which had not previously been fundamentally studied in the linguistic and poetic aspect.

In the theoretical part of the work, the concepts of “writer’s artistic worldview”, “poetic communication” and “poetic discourse” are considered, which cannot be imagined in isolation from the cultural and social context, especially at the present time – the period of formation of the “multipolar world order”, and the main features of poetic speech are also studied. The practical part provides examples of linguistic and poetic analysis of poems by Russian-speaking and English-speaking Northern poets. The results of the study present the main features of poetic discourse identified in the works of these writers.

The theoretical significance lies in the development of a methodological basis for linguistic and literary analysis of the poems of Northern poets. In addition, the conducted research has theoretical significance in complete and in-depth understanding of the work of these writers, as well as contributes to the development of general problems of interpretation of the poetic text and opens up broad prospects for further research.

The practical significance lies in the fact that the results and materials of the research can be used in the preparation of various courses in stylistics, lexicology, text interpretation, in the development of specialized courses in modern American and Russian poetry, linguistic and cultural studies, as well as in teaching students of making the analysis of literary text and writing project-papers and theses. In addition, these materials can also be used in the preparation of classes on moral, spiritual and patriotic education of young people.

Keywords: *multipolar world, poetic discourse, writer’s artistic worldview*

For citation: Karel'ova O.V. On the poetic discourse of the “northern poets” during the formation of the multilateral world order (based on the works of Russian-speaking and English-speaking northern poets of the XX-XXI centuries). *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (8). P. 167 – 174.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

В настоящее время наша страна, как и мир в целом, переживает период становления многостороннего мироустройства. Это связано, в первую очередь, с переосмыслением основ миропорядка, вопросами национальной безопасности, перспективами развития морально-нравственных устоев общества и научно-технологическим прогрессом. По словам Президента России Владимира Путина на встрече с руководством МИД, «именно на основе новой политической экономической реальности сегодня формируются контуры многополярного и многостороннего мироустройства, и это объективный процесс...» [1]. В связи с этим возникает большой интерес к изучению различных территорий в когнитивном ракурсе. Особое внимание привлекает исследование северных стран, а эпицентром притяжения интересов ученых становится Арктика. «Художественный диалог писателей северных регионов и арктических зон приобретает новые смыслы. В основе художественного освоения действительности актуализируются такие составляющие «северной идентичности» как этнокультурный и языковой ландшафт Арктики и находят свое воплощение в художественной литературе русского севера» [2]. Таким образом, изучение вопроса поэтического дискурса произведений поэтов-северян тесно связано с рассмотрением лингво-культурологического контекста Арктики и лингво-поэтического своеобразия художественных произведений северных поэтов XX-XXI вв.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили поэтические тексты (стихотворения) русскоязычных и англоязычных современных авторов таких, как: Владимир Мусиков (1914-1960), Николай Журавлев (1935-1991), Федор Ширшов (1924-1992), Владимир Жилкин (1896-1972), Александр Яшин (1913-1968), Василий Ледков (1933-2002), Алексей Пичков (1934-2006), Инэль Яшина (1940-2011), Ольга Фокина (1937-2023) а также: Роберт Лоуэлл (1917-1977), Роберт Фрост (1874-1963), Саймон Армитидж (1963-по наст. время) и другие. Это обусловлено тем, что именно поэзия является вербализованным воплощением художественной картины мира писателя и отражает особенности национальной идентичности народа в целом.

По словам ученого Малыгина, «периоды социокультурных трансформаций в России сопровождаются спонтанным всплеском поэтического творчества, повышением внимания к социальной роли и усилением общественной значимости поэтов. Особое положение поэзии среди других видов искусства и высокая гражданская роль поэта в обществе обусловлены спецификой культурных задач поэзии и особенностями русской культуры в целом» [3]. Таким образом, в настоящее время изучение поэзии как русских, так и зарубежных авторов привлекает большое внимание литературоведов и лингвистов.

Методологической базой данной работы послужили труды таких известных ученых, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, О.Е. Филимонова и многие другие.

Основным методом исследования является метод лингво-поэтического анализа. Лингво-поэтический подход, применяемый к изучению художественных текстов, имеет большое значение, так как подразумевает не только внимательное рассмотрение разноуровневых языковых средств, но и их эстетическое воздействие на читателя.

С.М. Колесникова пишет, что «Лингвопоэтика как интегративный раздел науки о языке и стиле художественного текста изучает совокупность использованных в нем (тексте) разноуровневых средств, при помощи которых повествователь (создатель текста) оказывает эстетическое воздействие на читателя». «Художественную картину мира» автор определяет, как «индивидуальную систему знаний, представлений и суждений человека о реальности или нереальности, некое устройство мироздания, авторское миромоделирование разноуровневыми (языковыми и неязыковыми) средствами» [4].

Результаты и обсуждения

Основные этапы проводимого исследования и полученные результаты были представлены к обсуждению в рамках VI Международной научно-практической конференции «Российское государство как цивилизация и его противодействие внешним вызовам», проводимой на базе Северо-Западного университета 16 мая 2025 года, Санкт-Петербург. Результаты исследования были оформлены в качестве наглядного дидактического материала и применялись на практическом занятии по дисциплине «иностранному языку», посвященному празднованию Дня Великой Победы – 9 Мая. Материалы доклада также были представлены к участию во «Всероссийском конкурсе педагогических работников «Духовно-нравственное образование и воспитание обучающихся», в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», организатор конкурса – Образовательный фонд «Эверест», г. Москва. Работа заняла 1 место [5].

Результаты исследования планируется интегрировать в лекционные и практические занятия по учебным дисциплинам: «Русская литература», «Зарубежная литература» и дополнительные занятия по «Иностранному языку» на базе Северо-Западного университета.

К основным результатам исследования можно отнести теоретическую часть, связанную с определением терминов и понятий, основных концепций и подходов к изучению особенностей поэтического дискурса.

Художественное своеобразие произведений автора во многом определяется его индивидуальным стилем, который характеризуется выбором лингвостилистических средств, системой образов и жанровой спецификой. О.Е. Филимонова определяет «индивидуальный стиль» автора как «особенности индивидуальной манеры авторского использования языка для достижения желаемого эффекта» [6]. По мнению многих лингвистов, для стиля писателя особенно характерен индивидуальный синтез форм словесного выражения и плана содержания. «Художественное творчество является репрезентацией картины мира писателя, которое фиксируется в художественных текстах» [7].

В трактовке Ю.М. Лотмана в сознании автора произведения существует некая наглядно-пространственная схема – «модель мира», в зависимости от характера которой находятся очертания мира, воплощенного в пространственных формах в произведении искусства. Запечатленные в словесной форме в виде текста эти очертания мира и понимаются Ю.М. Лотманом как «картина мира литературного произведения». Таким образом, в интерпретации Ю.М. Лотмана, картину мира можно определить как «видение

мира писателем, воплощенное в словесной ткани конкретного произведения и закодированное при помощи языка искусства как некое сообщение» [8].

Исследованием феномена художественной картины мира также занимался Д.С. Лихачев. Он использовал термин: «внутренний мир литературного произведения», основанный на понимании художественного произведения как «особого мира» [9]. Рассматривая структуру внутреннего мира произведения искусства, Д.С. Лихачев выделяет в качестве базовых его элементов прежде всего «время, пространство, социальную и материальную среду», а также «законы психологии и движения идей» и «общие принципы, на основе которых все эти отдельные элементы связываются в единое художественное целое».

Интерес представляет интерпретация термина «художественная картина мира» С.Б. Верховской. Она определяет художественную картину мира как «уникальное по своей природе преломление идей и представлений о мире своего времени со всеми его особенностями в индивидуальном сознании» [10].

Художественная картина мира писателя воплощается в поэтической коммуникации. Диалог автора и читателя реализуется посредством произведения. М.М. Бахтин отмечает, «полнота восприятия литературного произведения зависит не только от художественной ценности и мастерства писателя, но и от подготовленности читателя» [11]. Таким образом, понимание социально-культурного контекста конкретного произведения оказывает значительное влияние на его интерпретацию читателем. Отсюда следует, что художественный диалог между автором и читателем в процессе поэтической коммуникации приобретает новые смыслы. Возникает необходимость рассмотреть понятие «поэтический дискурс».

Поэтический дискурс – материальная фиксация процесса поэтической коммуникации, в нём отношение автор – читатель опосредовано эстетикой поэтического произведения. «Поэтический дискурс» трактуется в современной науке как «сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство лингвистических и экстралингвистических свойств» [12].

Л.С. Макарова выделяет следующие особенности поэтической речи:

1. Эмоциональная окрашенность с максимально выраженным субъективно-эмоциональным отношением субъекта речи к явлениям, фактам, событиям, чувствам, идеям.
2. Однородная ритмическая основа стиха, образованная повторяющимися интонационными сегментами; превалирующая роль мелодики, «жесткая» композиционная структура.
3. Семантико-стилистическая организация речи. Подчиненность семантико-стилистической организации речи передаче доминирующего поэтического образа и поэтическому жанру (элегия, баллада и т.д.).
4. Эмоционально-оценочная лексика. Эмоционально-оценочный характер лексики, используемой в стихотворной речи; зависимость эмоционально-смыслового потенциала слова от его места в ритмическом ряду.
5. Замедленный темп, замедленность (монотонность), строгая система паузирования [13].

Н.В. Тляшев относит к особенностям поэтического дискурса следующее: 1) стихотворная форма, которая характеризуется существованием организующих приемов стиховой речи: метр, ритм, рифма, строфика, графика; 2) композиция; 3) выразительно-изобразительные средства; 4) поэтическое слово [14].

Рассмотрев, имеющиеся концепции и подходы к изучению поэтической речи, можно сделать вывод о том, что основными особенностями поэтического дискурса являются:

1. Эмоциональность.
2. Стихотворная форма.
3. Композиционная структура.
4. Выразительно-изобразительные средства.
5. Поэтическое слово.
6. Интонационная оформленность речи.

Для понимания социально-культурного контекста поэтического дискурса северных писателей необходимо учитывать историю исследований Арктики. Истоки лингвистических исследований и создание литературных произведений о Севере уходят к периоду освоения северных территорий – северных экспедиций. Как известно, первыми путешественниками-северянами были поморы (XII-XV вв.). Большое значение в том числе для литературы имели географические открытия: Семен Дежнев, Витус Беринг, Семен Челюскин, Харитон Лаптев, Руаль Амундсен, Отто Шмидт, Иван Папанин, Артур Чилингаров [15]. Записи из их дневников были использованы многими писателями для создания сюжетов произведений и описания колорита северных регионов.

Практическая часть исследования включает изучение творчества писателей Севера и анализ их поэтических произведений. К современным поэтам-северянам России, которых принято называть «северные поэты», или «арктические поэты» можно отнести Александра Яшина, Николая Журавлева, Леонида Лед-

кова и многих других – целая плеяда, поэтов-патриотов, участвовавших в Великой Отечественной войне, живших и трудившихся на Севере и посвятивших много произведений любви к родной земле, родному краю, защите Отечества. В качестве иллюстрации возьмем отрывок из стихотворения Владимира Мусикова «Отчий край»:

Жадно слушаю я
Тихий говор берёз,
Протянувших ко мне
Свои тонкие руки.
Отчий край,
Ты по-прежнему ласков и прост,
Несказанно родной
После долгой разлуки.
Как знаком ты мне
Строгой осанкой сосны,
Что с лапастою елью
Стоит по соседству!
Вот в такую же пору
Хрустальной весны
Здесь звенело моё
Беспокойное детство... [16].

В данном стихотворении представлена красота природы северного края, тема – любовь к Родине, к родному краю. Автор как будто разговаривает с отчим краем, обращается к нему как к родному человеку («отчий край», «ты»). Представлены разные виды стилистических средств: эпитет («жадно слушаю», «беспокойное детство»), метафора: сходство по звуку («тихий говор берёз», «хрустальной весны», «звенело детство»), сходство по действию («протянувших ко мне руки»), сходство по внешности («тонкие руки», «осанкой сосны»), сходство производимого впечатления («ты по-прежнему ласков и прост», «строгой осанкой»), по месторасположению («стоит по соседству»), сходство по функции («несказанно родной»). «Лапастая ель» – неологизм, по аналогии с «глазастый, зубастый», со значением «очень большой». Поэт вспоминает свое детство, которое прошло без забот, радостно, весело. Метафора «хрустальная весна» вызывает ассоциации с чем-то хрупким, тонким, звонким, прозрачным. Таким образом, мы видим, что автор апеллирует ко всем органам чувств читателя, создает богатую систему образов и чувственного восприятия. Создается впечатление, что писатель олицетворяет родной край то с родной женщиной (жена, мать, сестра) – «протянувших ко мне свои тонкие руки», то с родным человеком (отец, брат) – «отчий край», «несказанно родной после долгой разлуки», то с другом, соседом – «как знаком ты мне строгой осанкой сосны, что с лапастою елью стоит по соседству». Восклицательное предложение усиливает эмоциональную окраску произведения, вызывает у читателя чувство любви к Родине и восхищения красотой родного края.

В качестве другого примера рассмотрим стихотворение английского поэта, Саймона Армитиджа (Simon Armitage) «When I met the glacier face to face» / «Когда я встретился с ледником лицом к лицу»:

When I met the glacier face to face
There was no close encounter
Of ancient snow and body heat,
Just weepy clouds and a washy sky
Hanging upside down
In a zinc-coloured lake, and the eyes
Staring out of the water were mine [17].

Перевод (подстрочный):

Когда я встретился с ледником лицом к лицу,
Не было ощущения близости
Древнего снега и тепла тела,
Только плаксивые облака и размытое небо,
Висящее вверх ногами
Над озером цинкового цвета, и глаза,
Смотрящие из воды, были моими.

В данном стихотворении поэт тоже использует олицетворение – “when I met the glacier face to face” / «когда я встретился с ледником лицом к лицу»; “weepy clouds and washy sky” / «плаксивые облака и размы-

тое небо»; “hanging upside down” / «висящие вверх ногами». Он представляет встречу с ледником как с человеком, при этом подчеркивает, что картина сильно изменилась, как будто все перевернулось «вверх ногами» – “upside down”. Вместо «древнего ледника» остались только «плаксивые облака» и «размытое небо». Озеро от загрязнения стало «цинкового цвета», а в воде не видно ничего, только отражение своих глаз. Рушится представление читателя о богатстве и красоте севера: уже нет прежних ледников, нет северного сияния, красоты северного неба, нет запаса чистой воды и богатства северных птиц, морских животных и рыбы.

Поэт выступил с этим стихотворением на саммите после возвращения из экспедиции на арктическую станцию (Великобритания). В своем стихотворении он обращает внимание на проблему глобального потепления и экологического загрязнения, и истощения природных ресурсов северных территорий.

Выводы

В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

1. В процессе становления многополярного мира особое положение поэзии среди других видов искусства и высокая гражданская роль поэта в обществе обусловлены спецификой культурных задач поэзии и особенностями русской культуры в целом.

2. Художественный диалог писателей северных регионов и арктических зон приобретает новые смыслы. В основе художественного освоения действительности актуализируются такие составляющие «северной идентичности» как этнокультурный и языковой ландшафт Арктики и находят свое воплощение в художественной литературе русского севера.

3. Поэтический дискурс – это фиксация поэтической коммуникации средствами языка, в результате которой выстраивается система: автор – текст – читатель.

Поэтическая коммуникация является репрезентацией художественной картины мира писателя, с одной стороны, и ее семантико-эмоциональной интерпретацией читателя, с другой.

4. К отличительным чертам поэтического дискурса «северных поэтов» относится: эмоциональность; стихотворная форма; композиционная структура; выразительно-изобразительные средства; поэтическое слово; интонационная оформленность речи.

В заключение необходимо отметить то, что в настоящее время – в период становления многополярного мира, идет переосмысление ценностей и порождение новых смыслов. Художественный диалог поэтов-северян позволяет обратить внимание на актуальные проблемы северных территорий в нашей стране и мире. Автор в процессе поэтической коммуникации выстраивает модель мира так, что у читателя появляется возможность множественной интерпретации художественного произведения с учетом лингвокультурологического контекста. Отличительной особенностью поэтического дискурса является повышенная эмоциональность с одной стороны и эгоцентризм, с другой. Благодаря этому достаточно полно раскрывается внутренний мир и чувственное, душевное состояние лирического героя. Слово приобретает яркую эмоциональную окрашенность. Эмотивность текста повышается из-за большого количества выразительно-изобразительных средств. Другой характерной чертой поэтического дискурса является лаконичность и ритмичность, что увеличивает образность экспрессивность и передает мировоззренческую направленность произведения.

Список источников

1. Путин рассказал о формировании основ многополярного мира // РИА Новости. Медиагруппа «Россия сегодня». Москва, 2024. URL: <https://ria.ru/20240614/putin-1952838696.html> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Карелова О.В. «Северная идентичность»: когнитивные аспекты изучения: материалы XXXIII Всероссийской научно-практической конференции «Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков». СПб.: ВИ(ИТ) ВА МТО, 2023. С. 98 – 102.
3. Малыгин В.Т. О возможностях дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 78 – 87. URL: http://tverlingua.ru/archive/050/3_50.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
4. Колесникова С.М. Лингвопоэтика и художественный текст: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 223 с.
5. URL: <https://everest-edu.ru/ap-5243/> (дата обращения: 03.07.2025).
6. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. СПб., 2001. С. 57.
7. Карелова О.В. Художественное освоение действительности как репрезентация картины мира писателя: сборник материалов XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура». СПб.: Издательство ЛГУ, 2024. С. 67.

8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С. 285. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Лотман%20Ю.%20М_Структура%20худ.%20текста.pdf (дата обращения: 10.06.2025).
9. Лихачев Д.С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 86 – 87.
10. Верховская С.Б. Интерпретации категории «картина мира» в естественнонаучном и гуманитарном знании. С. 7. URL: <file:///C:/Users/71609363/Downloads/interpretatsii-kategorii-kartina-mira-v-estestvennonauchnom-i-gumanitarnom-znanii.pdf>.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
12. Ковалев П.А. Поэтический дискурс русского постмодернизма: дис. ... док. филол. наук: 5.9.6. Орел, 2010. С. 45.
13. Макарова Л.С. Поэтический дискурс и перевод // Филологические науки. Электронный научный журнал. 2005. С. 117. URL.: http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova2005_2.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
14. Тляшев Н.В. Специфика поэтического дискурса в англоязычной и русскоязычной лингвокультурных традициях // Доклады Башкирского университета. 2020. Т. 5. № 4. URL: Microsoft Word – 10_Tlyashev_v1_291-299.docx (дата обращения: 25.06.2025).
15. 10 главных покорителей Арктики. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1503124> (дата обращения: 11.06.2025).
16. Мусиков В.П. Отчий край: Стихи. Архангельск: Арханг. Издательство, 1984. 112 с.
17. 'Washy clouds and a weepy sky floating upside down': Simon Armitage's Arctic expedition. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/oct/07/washy-clouds-and-a-weepy-sky-floating-upside-down-simon-armitages-arctic-expedition> (дата обращения: 11.06.2025).

References

1. Putin spoke about the formation of the foundations of a multipolar world. RIA Novosti. Media group "Russia Today". Moscow, 2024. URL: <https://ria.ru/20240614/putin-1952838696.html> (date of access: 10.05.2025).
2. Karelova O.V. "Northern Identity": cognitive aspects of the study: materials of the XXXIII All-Russian scientific and practical conference "New in Linguistics and Methods of Teaching Foreign and Russian Languages". St. Petersburg: VI (IT) VA MTO, 2023. P. 98 – 102.
3. Malygin V.T. On the Possibilities of Discourse. The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal. 2017. No. 4. P. 78 – 87. URL: http://tverlingua.ru/archive/050/3_50.pdf (date of access: 15.06.2025).
4. Kolesnikova S.M. Lingvopoetics and fiction text: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 223 p.
5. URL: <https://everest-edu.ru/ap-5243/> (date of access: 03.07.2025).
6. Filimonova O.E. The language of emotions in the English text. St. Petersburg, 2001. 57 p.
7. Karelova O. V. Artistic development of reality as a representation of the writer's picture of the world: a collection of materials from the XIV All-Russian (with international participation) scientific and practical conference "Translation. Language. Culture". SPb.: Leningrad State University Publishing House, 2024. 67 p.
8. Lotman Yu.M. The Structure of the Fiction Text. Lotman Yu.M. About Art. SPb.: "Art – SPB", 1998. 285 p. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Лотман%20Ю.%20М_Структур%20худ.%20текста.pdf (date of access: 10.06.2025).
9. Likhachev D.S. The Inner World of a Literary Work. Questions of Literature. 1968. No. 8. P. 86 – 87.
10. Verkhovskaya S.B. Interpretations of the Category "Picture of the World" in Natural Science and the Humanities. 7 p. URL: <file:///C:/Users/71609363/Downloads/interpretatsii-kategorii-kartina-mira-v-estestvennonauchnom-i-gumanitarnom-znanii.pdf>.
11. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Esthetics. Research of Different Years. Moscow: Art. Literature, 1975. 504 p.
12. Kovalev P.A. Poetic Discourse of Russian Postmodernism: Diss. ... Doc. of Philological Sciences: 5.9.6. Orel, 2010. 45 p.
13. Makarova L.S. Poetic Discourse and Translation. Philological Sciences. Electronic Scientific Journal. 2005. 117 p. URL.: http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova2005_2.pdf (date of access: 20.05.2025).

14. Tlyashev N.V. Specificity of poetic discourse in the English-language and Russian-language linguocultural traditions. Reports of the Bashkir University. 2020. Vol. 5. No. 4. URL: Microsoft Word – 10_Tlyashev_v1_291-299.docx (date of access: 25.06.2025).

15. 10 main conquerors of the Arctic. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1503124> (date of access: 11.06.2025).

16. Musikov V.P. Otchiy krai: Stihi. Arkhangelsk: Arkhangelsk. Publishing House, 1984. 112 p.

17. 'Washy clouds and a weepy sky floating upside down': Simon Armitage's Arctic expedition. URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/oct/07/washy-clouds-and-a-weepy-sky-floating-upside-down-simon-armitage-arctic-expedition> (date of access: 11.06.2025).

Информация об авторах

Карелова О.В., кандидат филологических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Северо-Западный университет, г. Санкт-Петербург, karelova@yandex.ru

© Карелова О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82-31

¹ Куликова О.Ф.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Портретные описания в романе «Симон» Наринэ Абгарян

Аннотация: в данной статье рассматриваются портретные описания, представленные в романе «Симон» Наринэ Абгарян.

Цель исследования – выявление типов портретных описаний и анализ стилистических приемов их реализации в романе «Симон» Наринэ Абгарян.

Задачи работы включают в себя отбор и анализ типов портретных описаний в романе «Симон» Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

В исследовании использовались методы литературоведческого анализа, метод сплошной выборки, методы анализа и обобщения научной литературы.

Материалом для исследования послужил роман «Симон» Наринэ Абгарян.

Ключевые слова: портретные описания, портрет, художественно-стилистические приемы, Наринэ Абгарян

Для цитирования: Куликова О.Ф. Портретные описания в романе «Симон» Наринэ Абгарян // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 175 – 179.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Kulikova O.F.

¹ Pacific National University

Portrait descriptions in the novel "Simon" by Narine Abgaryan

Abstract: this article examines the portrait descriptions presented in the novel "Simon" by Narine Abgaryan.

The purpose of the study is to identify the types of portrait descriptions and analyze the stylistic techniques of their implementation in the novel "Simon" by Narine Abgaryan.

The objectives of the work include the selection and analysis of the types of portrait descriptions in the novel "Simon" by Narine Abgaryan, as well as the analysis of the artistic and stylistic techniques of their representation.

The study used the methods of literary analysis, the method of continuous sampling, methods of analysis and generalization of scientific literature.

The material for the study was the novel "Simon" by Narine Abgaryan.

Keywords: portrait descriptions, portrait, artistic and stylistic techniques, Narine Abgaryan

For citation: Kulikova O.F. Portrait descriptions in the novel "Simon" by Narine Abgaryan. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 175 – 179.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Портретное описание наряду с пейзажным описанием, культурно-бытовой деталью является составляющей понятия литературный образ. Понятие «портрет» в литературоведении имеет разные трактовки. Так, в словаре литературоведческих терминов дается следующее определение: «Портрет – это изображение в художественном произведении внешности человека, его лица, его одежды и т.п.»; отдельно дается трактовка понятия «внутренний портрет персонажа», который подразумевает совокупность черт характера человека и мир его душевных переживаний. Хализеев В.Е. объединяет эти понятия и понимает под портретом не только внешность персонажа (его физические и возрастные особенности), но и описание его характера и поведения, обусловленного индивидуальными реакциями, воспитанием, культурными традициями, социальным окружением [8].

В настоящее время в литературоведении нет единой классификации типов портретных описаний. Исследователи определяют такие типы портретных описаний: статичный портрет – подразумевает подробное описание внешности персонажа (фигура, рост, лицо), чаще при первом появлении героя; динамический портрет – не предлагает подробного описания внешности персонажа, а раскрывает его характер посредством описания его походки, мимики, жестикულიции, речи, поведения; портрет-описание – включает в себя не только описание внешности человека, но и отношение автора (авторскую оценку); портрет-впечатление – отражает впечатление, которое произвела внешность того или иного героя произведения на другого персонажа повествования. В данном типе зачастую отсутствует подробное описание внешности, внимание и впечатление концентрируется на какой-то определенной детали (взгляд, голос, волосы и т.д.). Портрет-сравнение – основан на использовании приема сравнения, который позволяет более ярко представить образ описываемого героя; характеристический портрет – основан на раскрытии черт характера и индивидуальных особенностей персонажа. Кроме вышеперечисленных типов, необходимо отметить типы портретных описаний, предложенных Е.В. Михайловой: минимизированный портрет – предполагает наличие одного портретного признака и упоминание имени; развернутый портрет – предполагает наличие нескольких деталей, характеризующих персонажа; гипертрофированный портрет – предполагает значительное количество портретных характеристик. В данном случае дифференциация основывается на количестве передаваемой информации [5].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были определены типы портретных описаний и проанализированы художественные приемы их репрезентации в романе «Симон» Наринэ Абгарян.

Соответственно, задачи работы включают в себя отбор и анализ портретных описаний в романе «Симон» Наринэ Абгарян, а также анализ художественно-стилистических приемов их репрезентации.

Материалом для данной работы послужил текст романа «Симон» Наринэ Абгарян.

Результаты и обсуждения

Заглавную роль в исследуемом романе играет каменщик Симон, известный в своем городке многочисленными любовными похождениями. Интересно, что портретное описание главного персонажа начинается с его похорон. Впервые читатель «видит» Симона в гробу: тщательно побритый и идеально причесанный, в шерстяном костюме и в белой рубашке. Комичности этой трагичной ситуации придает одна деталь в портретном описании персонажа: «...багровые, в синюшный перелив, уши, портящие представительный вид», (так иногда бывает, если человек умирает от инсульта). Еще более комично представлены попытки родственников и друзей придать покойному приличный вид (замазать уши тональным кремом, повязать козынку, приложить к ушам листья подорожника, нарисовать йодную сетку, облепить перебродившим тестом, смазать утиным жиром). Читатель узнает, что Симону было 79 лет, он всю жизнь был душой компании, жил широко и безудержно, был женат, но при этом «в интрижках себе не отказывал. Любил женщин самозабвенно и на износ» [1, с. 4]. Таким образом для первого «предъявления» главного персонажа автор использует особенности портрета-впечатления, концентрируя внимание на вызывающе-синих ушах.

Далее представлены портретные описания жены Симона – Меланьи и его бывших пассий: Софьи, Элизы, Сусанны и Сильвии. Для знакомства с главными героинями романа автор тоже выбирает особенности портрета-впечатления. Первое нелицеприятное и, даже, жалкое впечатление передается посредством некоторых штрихов и деталей внешности. У Софьи – фальшивый жемчуг на дряблой шее; у Элизы – заграничная одежда и нестерпимо сладкие духи; у Сусанны – взбесившая всех литературная речь, которую она, впрочем, скоро сменила на местный диалект, вздернутые выщипанные брови и морщинистые узкие губы; у Сильвии – полушубок из чернобурки и фетровая бирюзовая шляпа, под которой оказалась почти лысая голова.

Портретные характеристики этих четырех женщин представлены в первой главе словно бы через горькое, предвзятое восприятие жены Симона – Меланьи. Сама же Меланья описана вполне достойно: «чтобы

не сидеть среди этих куриц неухоженной выдрой», она «переделалась в маркизетовую блузку и длинную, выгодно подчеркивающую ее худощавую фигуру юбку, заколола волосы бабушкиным черепаховым гребнем...напудрилась и подкрасила губы» [1, с. 8].

Следующая глава посвящена Сильвии. Портретное описание героини начинается с пятидесяти двух лет, когда она уже поседевшая и растратившая свою красоту, прочно записала себя в старухи. Далее прорисовка портрета Сильвии представляется в обратной хронологии. Читатель узнает горькую судьбу Сильвии (муж сдал ее в клинику душевнобольных и отобрал ребенка) и «собирает пазл» образа героини. Глаза – ореховые, в пепельный перелив; небольшой рост, гордая посадка головы; в молодости – стройное тонкокостное телосложение, но в выдающимися женскими формами; удивительно тоненькая, в один обхват мужских ладоней, талия. В 36 лет, когда судьба ее свела с Симоном, она заметно растолстела, но выглядела очень привлекательно. Здесь внешние характеристики переплетаются с внутренней болью и переживаниями, которые выпали на долю Сильвии. Автор, прорисовывая портретные штрихи, использует метафору, эпитеты, антитезу и сравнения: «плюсы» легкой дородности (гладкое лицо, нежно-золотистый оттенок кожи) противопоставляются «минусам» худобы (грубые бесцветные черты); мина горечи (метафора), которую скрывает легкая дородность, сравнивается с клеймом; полнота, которая наполняет и поддерживает в «идеальной форме» оболочку, скрывая горькое содержание, сравнивается с каркасом. Таким образом, портретные характеристики внешности Сильвии напрямую связаны с душевной драмой, которую ей пришлось пережить. Дополняют образ героини следующие характеристики: ценила в людях чувство юмора, совестливость и преданность; не терпела скаредности, расточительности, слухи и завистливых людей; окончила школу с золотой медалью; училась на математическом факультете университета; «о любви она знала больше, чем кто-либо еще в этом мире».

Героиня третьей главы – Элиза. Главную позицию в ее портрете-впечатлении занимает голос. Именно ее голос – «неожиданно густой и красивый», «проникновенный и как будто осязаемый» обратил на себя внимание Симона. Описывая голос Элизы, автор прибегает к метафоре, сравнивая голос с рождением бабочки: «Голос ее... будто бы высвободившись из тесного кокона, расправил крылья и полетел...» [1, с. 116]. Для описания внешности героини, автор использует прием антитезы. Проводя аналогию с портретом-сравнением, можно назвать этот прием портретом-противопоставлением. Внешность Элизы противопоставляется внешности Шушан (Шушан – это любовница жениха Элизы Тиграна). Элиза явно проигрывает в этом сравнении: «невысокая, худенькая и угловатая, с затянутыми в тяжелый узел каштановыми волосами и робкой улыбкой, открывающей неровный ряд растущих внахлест верхних зубов» [1, с. 125]. При описании Шушан автор не скупится на образные средства языка, используя эпитеты (огненно-рыжие кудри), метафору (бездонные провалы глаз), сравнения (неестественно длинные, словно вылепленные из воска пальцы; она, словно лилия – роскошная, солнечная, женственная). Кроме этого, автор использует одорическую лексику: Шушан пахнет дорогими цветочными духами, а Элиза – сладковатым душистым дешевым одеколоном, который «не в силах перебить спертый запах деревенского быта с его навязчиво-кисловатым ароматом хлебной закваски и поджаренных на пахучем подсолнечном масле овощей с чесноком» [1, с. 125]. Портрет-впечатление с акцентом на обонятельное восприятие находит дальнейшее развитие в романе Муж не мог терпеть ее «сладковато-домашний, бесхитростный, простоватый» запах и говорил Элизе, что от нее несет коровником, что она пропахла коровником. А для Симона и для сына она, оказывается, пахнет цветочным медом.

Героиней следующей главы является Софья. Описание Софьи автор, используя особенности характеристического портрета, начинает не с внешности героини, а с описания ее характера: залюбленная и избалованная; эгоистичная, но инфантильная и беспомощная; взбалмошная, но обаятельная и незлобивая. Внешнее описание Софьи автор передает через призму восприятия ее будущего мужа Бениамина, который залюбовался ею, впервые увидев: «...красивые плечи, узкая талия, изящные щиколотки. Профиль у нее был породистой античной лепки – невыпуклый лоб, тонкий, чуть длинноватый нос, пухлые губы, трогательная линия круглого, почти детского подбородка» [1, с. 199]. Здесь вновь отдельным пунктом портрета выступает голос героини: «неожиданно спелый и медовый для ее возраста». Примечательно, что все портретные «недостатки» Софьи передаются через призму восприятия ее свекрови: каланча – «виданное ли дело, когда росту в девушке два с половиной аршина, а размер ноги 39!», хозяйка никудышная.

Героиня пятой главы – Сусанна. Сусанна, как и Софья, была настоящей красавицей. Мужчины проявляли к ней повышенный интерес. При этом сама Сусанна не понимала, что в ней такого примечательного. Описание внешности героини показано через восприятие себя самой Сусанной, ничего в ее внешности не вызывало у нее удовлетворения: «ни миндалевидные, желто-медового оттенка глаза, ни тонкий овал лица, ни высокие скулы или ямочка на подбородке... И даже густые, слегка выющиеся, редчайшего золотистого оттенка волосы не казались ей чем-то невиданным» [1, с. 294]. При описании Сусанны автор использует цветопись, напри-

мер, «золотистый оттенок волос» или окказиональное цветообозначение «желто-медовый». Кроме этого, автор делает акцент на улыбке героини, которая очень ей шла «она подчеркивала каждую морщинку, каждую складочку ее лица. Но не добавляла возраста, а удивительным образом убавляла» [1, с. 318].

Используя прием антитезы, автор противопоставляет внешность Сусанны и внешность ее подруги, а потом и соперницы – Меланьи.

Меланья была абсолютной противоположностью Сусанны: «крохотная, миниатюрная, черноглазая» [1]. Описывая характер Меланьи, автор использует прием сравнения «шустрая и деятельная, словно головастики, заполучивший в личное пространство чистую дождевую воду». В данном случае автор использует особенности портрета-описания в совокупности с портретом-сравнением.

Примечательно, что в романе нет подробного описания внешности главного персонажа – Симона. Характеристический портрет Симона складывается в единый образ по крупницам, через призму восприятия его женщин.

Сильвии он удивительным образом напомнил своей наружностью и жестами его дядю. Также в истории с Сильвией автор делает акцент на руки Симона: «руки у него были неумейной, великаньей силы» [1, с. 95].

В истории с Элизой опять упоминаются руки Симона. Элиза любила подолгу «рассматривать его руки, отмечая форму ногтей и изгибы пальцев» [1, с. 180].

Из истории с Софьей читатель узнает, что Симон обладал сдержанной мужественной красотой, легким нравом и хорошим чувством юмора.

Главная психологическая характеристика Симона приводится в истории с Сусанной. Именно эта характеристика объясняет притягательность Симона и оправдывает его любвеобильность: «Он обладал редким утешительным качеством, свойственным только детям и старцам: в его присутствии странным образом отступали призраки прошлого, и порой достаточно было одного его прикосновения, чтобы успокоилось сердце и развеялась тревога» [1, с. 325].

Выводы

Таким образом, исследование показало, что в галерее портретных описаний романа «Симон» Наринэ Абгарян использует разные типы портретов: портрет-описание, портрет-впечатление, портрет-сравнение, характеристический портрет. Особое место в романе занимает портрет, основанный на противопоставлении внешности персонажей, так как к этому портретному описанию автор прибегает несколько раз.

Создавая портретные описания персонажей романа, автор использует разнообразные художественные средства и приемы: юмор, метафору, сравнение, эпитеты, одорическую лексику, цветопись, антитезу.

Список источников

1. Абгарян Н.Ю. Симон. М.: Издательство АСТ, 2021. 349 с.
2. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энцикл. слов.-справ. М.: Флинта: Наука, 2020. 480 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: Издательство АСТ, 2006. Т. 1. 1168 с.
4. Крупчанов Л.М. Теория литературы: учебник. М., 2012. 360 с.
5. Михайлова Е.В. Дидактическая модель совершенствования речевых умений учащихся на материале словесного портрета как жанра // Ученые записки Института непрерывного педагогического образования. Новгород, 2000. № 2. С. 177 – 180.
6. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М., 2023. 624 с.
7. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
8. Хализеев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.

References

1. Abgaryan N.Yu. Simon. Moscow: AST Publishing House, 2021. 349 p.
2. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings: encyclopedia of words.-reference. Moscow: Flinta: Nauka, 2020. 480 p.
3. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 vol. Moscow: AST Publishing House, 2006. Vol. 1. 1168 p.
4. Krupchanov L.M. Theory of literature: textbook. Moscow, 2012. 360 p.
5. Mikhailova E.V. Didactic model for improving students' speech skills using the material of a verbal portrait as a genre. Scientific notes of the Institute of Continuous Pedagogical Education. Novgorod, 2000. No. 2. P. 177 – 180.

6. Rosenthal D.E. Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. Moscow, 2023. 624 p.
7. Timofeev L.I., Turaev S.V. Dictionary of literary terms. Moscow: Education, 1974. 509 p.
8. Khalizeev V.E. Theory of literature. Moscow: Higher School, 1999. 398 p.

Информация об авторах

Куликова О.Ф., старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, 16080211@mail.ru

© Куликова О.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 8 / 2025, Vol. 5, Iss. 8 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 338.48

¹ Колмогорцева А.А.

¹ Московский государственный институт
международных отношений

Территориальный брендинг как фактор развития туризма в России: опыт продвижения регионов Алтая и Северного Кавказа

Аннотация: в статье рассматривается роль территориального брендинга в формировании туристической привлекательности российских регионов на примере Республики Алтай и Северного Кавказа. Анализируются теоретические основы территориального брендинга, его взаимосвязь с имиджем территории и развитием туризма. Особое внимание уделено практическим кейсам продвижения региональных брендов, выявлены ключевые факторы успеха и основные вызовы, с которыми сталкиваются субъекты Российской Федерации. В работе обобщён опыт реализации национальных и региональных стратегий, направленных на повышение туристической конкурентоспособности, укрепление идентичности и формирование устойчивого положительного имиджа регионов.

Ключевые слова: территориальный брендинг, имидж территории, туристическая привлекательность, Республика Алтай, Северный Кавказ, продвижение регионов, внутренний туризм, региональный маркетинг

Для цитирования: Колмогорцева А.А. Территориальный брендинг как фактор развития туризма в России: опыт продвижения регионов Алтая и Северного Кавказа // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 8. С. 180 – 186.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2025 г.; Принята к публикации: 21 июля 2025 г.

¹ Kolmogortseva A.A.

¹ Moscow State Institute of International Relations

Territorial branding as a factor in tourism development in Russia: the experience of promoting the Altai and North Caucasus regions

Abstract: this article examines the role of territorial branding in shaping the tourist appeal of Russian regions, using the Republic of Altai and the North Caucasus as case studies. Theoretical foundations of territorial branding, its relationship with territorial image, and tourism development are analyzed. Special attention is given to practical cases of regional brand promotion, key success factors, and major challenges faced by Russian regions. The article summarizes the experience of implementing national and regional strategies aimed at increasing tourist competitiveness, strengthening identity, and forming a sustainable positive image of the regions.

Keywords: territorial branding, territorial image, tourist attractiveness, Republic of Altai, North Caucasus, regional promotion, domestic tourism, regional marketing

For citation: Kolmogortseva A.A. Territorial branding as a factor in tourism development in Russia: the experience of promoting the Altai and North Caucasus regions. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (8). P. 180 – 186.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: July 21, 2025.

Введение

Актуальность темы территориального брендинга в современных условиях обусловлена усиливающейся конкуренцией между странами и регионами в контексте глобализации, что требует от России эффективных стратегий продвижения своих уникальных территорий. Обладая богатым природным, культурным и историческим наследием, страна видит в формировании устойчивых региональных брендов ключевой инструмент стратегического развития, способствующий экономическому росту, привлечению инвестиций и развитию туризма – одной из наиболее динамичных отраслей экономики. В современных геополитических реалиях особое значение приобретает не только продвижение регионов на внешних рынках, но и стимулирование внутреннего туристического потока, что становится важным фактором устойчивого развития. При этом цифровые технологии играют всё более значимую роль, расширяя возможности коммуникации и взаимодействия с целевыми аудиториями, что повышает эффективность брендинга территорий. Кроме того, создание и продвижение территориальных брендов способствует укреплению региональной идентичности и сохранению самобытных культурных традиций, что особенно важно для многонационального и многокультурного пространства России. Практика последних лет подтверждает, что наиболее динамично развиваются те регионы, которые системно и последовательно инвестируют в развитие и продвижение собственного территориального бренда, интегрируя современные маркетинговые подходы и учитывая специфику локальных ресурсов и менталитета.

Цель исследования: комплексный анализ особенностей территориального брендинга в Российской Федерации и оценка его влияния на развитие туризма, с акцентом на продвижении регионов Алтая и Северного Кавказа.

Задачи:

- Изучить теоретические основы территориального брендинга и его роль в формировании туристической привлекательности;
- Определить взаимосвязь между имиджем территории и развитием туризма;
- Проанализировать особенности территориального брендинга в России;
- Рассмотреть успешные кейсы продвижения регионов Алтая и Северного Кавказа как туристических направлений;
- Выявить основные проблемы и перспективы развития территориального брендинга в российских регионах;
- Разработать практические рекомендации по совершенствованию инструментов продвижения региональных брендов.

Материалы и методы исследований

- Анализ научной литературы и нормативных документов по брендингу территорий и развитию туризма.
- Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта формирования региональных брендов.
- Статистический анализ данных о туристических потоках и результатах реализации региональных стратегий.
- Кейс-стади продвижения территориальных брендов (на примере Алтая и Северного Кавказа).

Результаты и обсуждения

Территориальный брендинг представляет собой «целенаправленную и осознанную деятельность, позволяющую в систематизированном виде с помощью основных маркетинговых технологий, инструментов и стратегий разработать комплекс мероприятий, сконцентрированных на наиболее эффективном и выгодном для территории использовании имеющихся ресурсов с целью повышения ее конкурентоспособности и улучшения имиджа» [1]. В отличие от традиционного брендинга товаров и услуг, территориальный брендинг учитывает специфику физического пространства, включая природные, культурные, исторические и социально-экономические особенности региона.

Основными элементами территориального бренда являются [2]:

- Визуальная идентичность – символика, логотипы, фирменный стиль и мультимедийные материалы, формирующие узнаваемость региона;
- Смысловое наполнение – ценности, уникальные характеристики и идеологическая основа, отражающие сущность территории;
- Восприятие целевых аудиторий – эмоциональные и рациональные ассоциации у туристов, инвесторов и местных жителей, определяющие имидж региона.

Эффективный территориальный брендинг базируется на интегрированном подходе, который объединяет экономический потенциал, культурное наследие, природные ресурсы и социальные факторы. Ключевыми принципами [3] являются достоверность и прозрачность коммуникаций, инновационность, вовлечение всех заинтересованных сторон, а также ориентация на долгосрочное и устойчивое развитие.

Российская специфика территориального брендинга обусловлена комплексным сочетанием природных, культурных, исторических и социально-экономических факторов, а также особенностями управления и национального менталитета. Как отмечают современные исследователи, многообразие природных ландшафтов, богатое культурное наследие и уникальные исторические традиции создают богатую основу для формирования уникальных региональных брендов. В то же время значительные различия в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации – от высокоразвитых мегаполисов до отдалённых сельских территорий – накладывают отпечаток на возможности и подходы к брендингу.

Особенностью российского территориального брендинга является преобладание административной модели управления, при которой инициативы по созданию и продвижению брендов исходят преимущественно от органов государственной власти, а контроль и координация осуществляются на федеральном и региональном уровнях [4].

Не менее важным фактором является влияние национального менталитета, который характеризуется патриотизмом, коллективизмом, эмоциональной открытостью и ориентацией на ценности, что существенно влияет на восприятие и формирование территориальных брендов [5]. Эти ментальные особенности требуют особого подхода к коммуникациям и разработке брендов, учитывающего эмоциональную составляющую и культурно-исторический контекст.

Анализ исторических предпосылок развития территориального брендинга в России показывает, что первые системные шаги в этой области были сделаны в 1990-х годах, когда в 1994 году в Кемеровской области была опубликована первая книга по региональному маркетингу – «Региональный маркетинг» А.М. Лаврова [6]. С тех пор развитие геобрендинга сопровождалось постепенным формированием институциональной базы и расширением практик вовлечения местного населения и бизнеса.

Кроме того, было установлено, что для успешного создания туристического бренда критически важно, чтобы транслируемый имидж соответствовал реальным характеристикам региона, учитывал его культурные и исторические особенности, а также настроения и вовлечённость местного населения. Важным аспектом является также необходимость брендингования не только региона в целом, но и входящих в его состав городов и предприятий, что позволяет формировать более комплексный и аутентичный образ территории и исторические предпосылки развития геобрендинга в российских условиях.

Говоря про влияние имиджа на развитие туризма, стоит начать с определения. Н.А. Вязинская-Лысова говорит об английском происхождении термина «имидж» [7]. Большой энциклопедический словарь определяет имидж следующим образом: «имидж – (англ. image – от лат. Imago – образ, вид), целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» [8]. Имидж территории выступает как центральный компонент бренда, формируясь на основе восприятия и опыта различных аудиторий. Позитивный имидж способствует укреплению доверия, повышению лояльности и стимулирует активное взаимодействие с регионом – будь то туристическая активность, инвестиции или поддержка локального бизнеса.

Положительный имидж региона играет ключевую роль в формировании его конкурентных преимуществ на туристическом рынке, значительно стимулируя рост туристических потоков [9]. Укрепление привлекательного образа территории способствует не только увеличению числа посетителей, но и активному развитию туристической инфраструктуры – строительству гостиниц, объектов питания, транспортных и рекреационных комплексов. Это, в свою очередь, ведёт к созданию новых рабочих мест в сфере туризма и смежных отраслях, что положительно сказывается на социально-экономическом развитии региона и повышении уровня жизни местного населения.

Важным аспектом является также повышение инвестиционной привлекательности территории [10]. Устойчивый и узнаваемый бренд региона привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных инвесторов, заинтересованных в развитии туристических и сервисных проектов. Это способствует диверсификации экономики и снижению зависимости от традиционных отраслей, что особенно актуально для многих российских регионов с богатым природным и культурным потенциалом.

В России наблюдается устойчивая тенденция роста внутреннего туризма, которая подкрепляется целенаправленной государственной поддержкой. Реализация национальных и региональных программ развития туризма, таких как национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [11], способствует модернизации туристической инфраструктуры, улучшению качества сервисов и расширению спектра туристических

продуктов. Одним из эффективных инструментов продвижения регионов становится событийный маркетинг – организация фестивалей, культурных и спортивных мероприятий, которые привлекают широкую аудиторию и формируют позитивный эмоциональный фон вокруг территории.

Кроме того, цифровые технологии и социальные сети играют всё более значимую роль в формировании и распространении позитивного имиджа регионов, позволяя оперативно информировать потенциальных туристов, создавать интерактивные платформы для планирования путешествий и вовлекать пользователей в коммуникацию с брендом территории.

Республика Алтай в последние годы демонстрирует успешный пример комплексного продвижения регионального туристического бренда, что способствует значительному росту туристического потока и развитию всей отрасли. В 2024 году регион посетило более 2,7 миллиона туристов, из которых около 80% составляют автопутешественники, что подчеркивает популярность Алтая как доступного и привлекательного направления для внутреннего туризма [12].

Центральным элементом стратегии продвижения стал новый туристический бренд «Алтай», официально представленный в 2025 году [13]. Этот бренд не просто логотип или слоган, а полноценный знак качества, который маркирует проверенные и сертифицированные туристические объекты, сервисы, а также местные товары и сувениры. На сегодняшний день под этим брендом работают 391 средство размещения, 45 туроператоров и 247 аттестованных гидов, что обеспечивает высокий уровень доверия и гарантирует качество туристических услуг.

Визуальный стиль бренда вдохновлен природными и культурными символами региона: рекой Катунь, горными вершинами, цветением маральника и традиционной архитектурой айолов. Такой дизайн отражает гармонию человека и природы, а также динамичный и живой характер региона. Новый бренд призван повысить узнаваемость Республики Алтай не только внутри России, но и на международной арене, транслируя уникальное этнокультурное и природное наследие региона.

Важной особенностью брендинга Республики Алтай является акцент на бережном отношении к природным и культурным ресурсам региона. В 2025 году был разработан и внедрён специальный Кодекс туриста [14], включающий семь основных правил посещения территории. Этот документ способствует формированию ответственного и экологически осознанного подхода к туризму, а также улучшает взаимоотношения между местным населением и гостями, что положительно отражается на общем имидже региона.

Разнообразие туристических продуктов является одним из ключевых факторов успешного развития Алтая. В регионе активно развиваются различные направления туризма – семейный отдых, событийные мероприятия и фестивали, горнолыжный спорт, лечебно-оздоровительный и сельский туризм. Такой мультиформатный подход позволяет привлекать широкий спектр целевых аудиторий и значительно продлевает туристический сезон, обеспечивая стабильный и равномерный приток посетителей в течение всего года.

Для повышения удобства путешественников создан единый туристический портал [15], который предоставляет актуальную информацию о сервисах, маршрутах и мероприятиях, а также упрощает процесс планирования поездок. Этот цифровой ресурс способствует улучшению качества туристического опыта и повышению лояльности посетителей, укрепляя тем самым позиции Республики Алтай как привлекательного и ответственного туристического направления.

Другим примером успешного продвижения региона является Северный Кавказ, демонстрирующий за последние два года впечатляющий рост туристической активности – количество турпоездок увеличилось более чем на 40% [16]. Такой динамичный рост обусловлен комплексным развитием туристической инфраструктуры, включая строительство современных гостиниц и горнолыжных курортов мирового уровня, таких как «Архыз», «Эльбрус» и «Ведучи». Эти объекты не только расширяют возможности для отдыха и спорта, но и способствуют формированию устойчивого туристического потока в регион.

Для повышения узнаваемости и консолидации усилий по продвижению регионов Северного Кавказа был создан зонтичный бренд «Курорты Северного Кавказа» [17], объединяющий несколько субъектов Федерации под едиными стандартами качества и маркетинговыми стратегиями. Это способствует формированию целостного и конкурентоспособного образа региона на внутреннем и международном туристическом рынках. Важным инструментом продвижения является использование современных коммуникационных каналов – СМИ, социальных сетей и блогосферы, что обеспечивает эффективное привлечение целевой аудитории и оперативное информирование о новых туристических продуктах и мероприятиях.

Регион развивается как всепогодное туристско-рекреационное направление с разнообразными видами туризма: событийным, спортивным, культурно-познавательным. Организация фестивалей, спортивных и культурных мероприятий способствует устойчивому увеличению туристического потока. Особое значение прида-

ется вовлечению местного населения и поддержке инициатив малого бизнеса и молодежных проектов, что создает условия для сохранения культурного наследия и устойчивого социально-экономического развития региона.

Реализация государственных программ направлена на повышение инвестиционной привлекательности и укрепление конкурентоспособности Северного Кавказа. Комплексный подход, включающий развитие инфраструктуры, совершенствование инструментов маркетинга и активное социальное вовлечение, обеспечивает стабильный рост туризма и экономическое развитие региона.

К числу ключевых проблем территориального брендинга в России относятся ограниченное финансирование и значительные бюрократические препятствия, которые существенно осложняют эффективную реализацию инициатив по продвижению регионов и снижению их конкурентоспособности на туристическом и инвестиционном рынках. Отсутствие единой федеральной стратегии развития брендов территорий приводит к фрагментарности и несогласованности действий на различных уровнях управления. Кроме того, наблюдается неравномерность развития инфраструктуры и сервисов между регионами, что снижает общую конкурентоспособность отдельных территорий. Слабая интеграция региональных брендов в общенациональную маркетинговую стратегию ограничивает возможности для формирования целостного и узнаваемого образа страны на внутреннем и международном туристическом рынке.

Вместе с тем, перспективы развития территориального брендинга выглядят весьма многообещающими. Значительно возрастает роль цифровых коммуникаций и интернет-маркетинга, которые открывают новые возможности для продвижения регионов и взаимодействия с целевыми аудиториями. Растущий интерес туристов к аутентичным и локальным продуктам стимулирует развитие уникальных региональных предложений. Интеграция региональных брендов в национальные и международные туристические маршруты способствует расширению их охвата и повышению привлекательности. Особое значение приобретает усиление событийного туризма и внедрение новых форматов взаимодействия с посетителями, что позволяет создавать эмоционально насыщенный и запоминающийся опыт, способствующий устойчивому развитию туристической отрасли.

Выводы

В заключение следует подчеркнуть, что территориальный брендинг является стратегически важным инструментом комплексного развития российских регионов, способствуя не только росту туристической привлекательности, но и укреплению экономического потенциала, социальной сплочённости и культурной идентичности территорий. На примере Республики Алтай и Северного Кавказа видно, что успешное продвижение регионов достигается за счёт интеграции уникальных природных, культурных и этнических ресурсов с современными маркетинговыми технологиями и активным вовлечением местного сообщества.

Несмотря на существующие вызовы – такие как ограниченное финансирование, бюрократические преграды, неравномерное развитие инфраструктуры и отсутствие единой федеральной стратегии – потенциал территориального брендинга остаётся высоким. Рост цифровых коммуникаций, развитие событийного туризма и возросший интерес к аутентичным, локальным туристическим продуктам открывают новые возможности для формирования устойчивых и узнаваемых региональных брендов. Важным направлением является также интеграция региональных брендов в национальные и международные туристические маршруты, что способствует расширению охвата аудитории и повышению конкурентоспособности на глобальном рынке.

Для дальнейшего успешного развития территориального брендинга необходимы системные меры по координации усилий федеральных и региональных органов власти, активное вовлечение бизнеса и местных сообществ, а также совершенствование механизмов финансирования и поддержки инновационных проектов. Только при комплексном и долгосрочном подходе можно обеспечить устойчивость и эффективность брендов, что позволит регионам России не только привлекать туристов и инвестиции, но и формировать позитивный имидж страны в целом.

Таким образом, территориальный брендинг становится неотъемлемой частью современной политики пространственного развития, способствуя созданию конкурентных преимуществ, сохранению культурного наследия и повышению качества жизни населения, что в конечном итоге способствует устойчивому и гармоничному развитию российских регионов в условиях глобальных вызовов и трансформаций.

Список источников

1. Национальный проект "Туризм и индустрия гостеприимства" // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://tourism.gov.ru/deyatelnost/o-natsproekte/> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Вязинская-Лысова Н.А. Маркетинг территорий: учебник. М.: Проспект, 2021. 210 с.

3. Грошев И.В., Волобуев А.А., Краснослободцев Н.А. Маркетинг территорий: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2024. 384 с.
4. Королева О.В., Милинчук Е.С. Брендинг туристских территорий: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 273 с.
5. Шубаева В.Г., Сердобольская И.О. Маркетинговые технологии в туризме: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Издательство Юрайт, 2025. 120 с.
6. Simon Anholt. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions: 1 ed. // Palgrave Macmillan. 2006. 36 p.
7. Важенина И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49 – 58.
8. Лавров А.М. Региональный маркетинг: вопр. теории, методол. и практики: дис. ... док. эконом. наук: 08.00.04. Кемерово, 1994. 262 с.
9. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://slovari.299.ru/enc.php> (дата обращения: 07.03.2025).
10. Горный Алтай. Туристический портал Республики Алтай. URL: <https://tourism04.ru> (дата обращения: 06.05.2025).
11. Зонтичный бренд "Курорты Северного Кавказа" // КАВКАЗ.РФ. URL: <https://кавказ.рф/activities/prodvizhenie-brenda/> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Места силы. Тренды развития туризма в Алтайском крае и Республике Алтай. URL: <https://sber.pro/publication/mesta-sili-trendi-razvitiya-turizma-v-altaiskii-krae-i-respublike-altai/> (дата обращения: 06.05.2025).
13. Правила посещения Республики Алтай. URL: <https://tourism04.ru/pravila/> (дата обращения: 10.05.2025).
14. Республика Алтай представила новый туристический бренд на форуме "Путешествуй!" // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24189699> (дата обращения: 15.05.2025).
15. Турпоток в Республике Алтай в 2024 году составил 2,7 млн человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23001245> (дата обращения: 10.06.2025).
16. Число турпоездов на Северном Кавказе выросло более чем на 40%. URL: https://economy.gov.ru/material/news/chislo_turpoezdok_na_severnom_kavkaze_vyroslo_boleem_chem_na_40.html (дата обращения: 10.05.2025).
17. Уникальные бренды Северного Кавказа станут туристическими магнитами всероссийского масштаба. URL: <https://sk-news.ru/news/tourism/78151/> (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. National project "Tourism and Hospitality Industry". Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <https://tourism.gov.ru/deyatelnost/o-natsproekte/> (date of access: 10.06.2025).
2. Vyazinskaya-Lysova N.A. Marketing of territories: textbook. Moscow: Prospect, 2021. 210 p.
3. Groshev I.V., Volobuev A.A., Krasnoslobodtsev N.A. Marketing of territories: textbook for universities. St. Petersburg: Piter, 2024. 384 p.
4. Koroleva O.V., Milinchuk E.S. Branding of tourist territories: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 273 p.
5. Shubaeva V.G., Serdobolskaya I.O. Marketing technologies in tourism: a textbook and workshop for secondary vocational education. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 120 p.
6. Simon Anholt. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions: 1 ed. Palgrave Macmillan. 2006. 36 p.
7. Vazhenina I.S. Image and brand of a region: the essence and features of formation. Economy of the region. 2008. No. 1. P. 49 – 58.
8. Lavrov A.M. Regional marketing: issues of theory, methodol. and practice: dis. ... doc. economics: 08.00.04. Kemerovo, 1994. 262 p.
9. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <http://slovari.299.ru/enc.php> (date of access: 07.03.2025).
10. Mountain Altai. Tourism portal of the Altai Republic. URL: <https://tourism04.ru> (date of access: 06.05.2025).
11. Umbrella brand "Resorts of the North Caucasus". KAVKAZ.RF. URL: <https://казкав.рф/activities/prodvizhenie-brenda/> (date of access: 10.05.2025).
12. Places of power. Trends in tourism development in Altai Krai and the Altai Republic. URL: <https://sber.pro/publication/mesta-sili-trendi-razvitiya-turizma-v-altaiskii-krae-i-respublike-altai/> (date of access: 06.05.2025).

13. Rules for visiting the Altai Republic. URL: <https://tourism04.ru/pravila/> (date of access: 10.05.2025).
14. The Altai Republic presented a new tourism brand at the Travel! Forum. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24189699> (date of access: 15.05.2025).
15. Tourist flow in the Altai Republic in 2024 amounted to 2.7 million people. TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23001245> (date of access: 10.06.2025).
16. The number of tourist trips in the North Caucasus has increased by more than 40%. URL: https://economy.gov.ru/material/news/chislo_turpoezdok_na_severnom_kavkaze_vyroslo_bole_chem_na_40.html (date of access: 10.05.2025).
17. Unique brands of the North Caucasus will become tourist magnets of the all-Russian scale. URL: <https://sk-news.ru/news/tourism/78151/> (date of access: 10.05.2025).

Информация об авторах

Колмогорцева А.А., Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, angel-20.lina-04@mail.ru

© Колмогорцева А.А., 2025